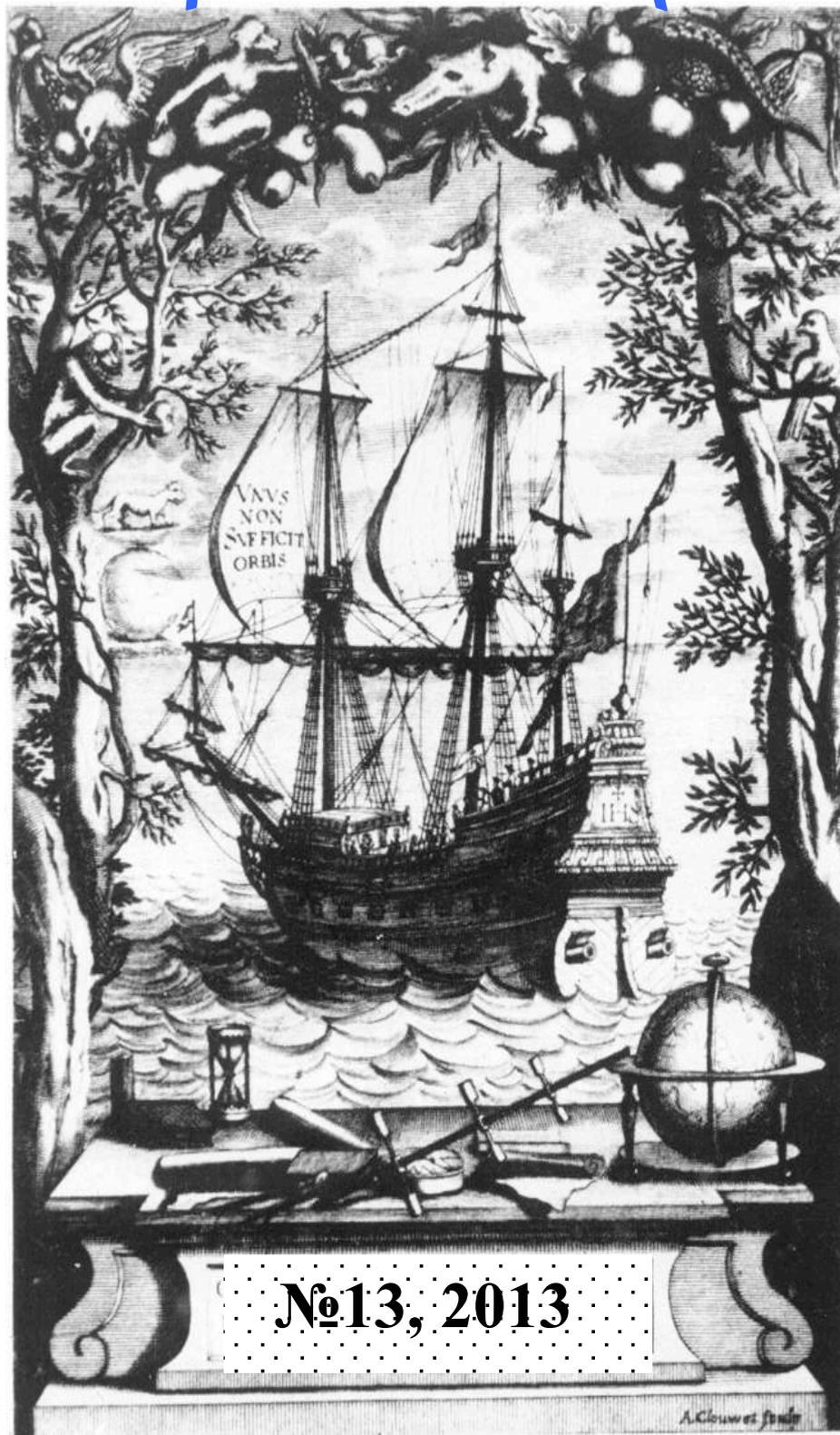

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№13, 2013

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

**№ 13
2013 г.**

А.А.Щелчков
(ответственный редактор)

Редакционный совет
Е.А.Ларин
Н.С.Иванов
А.С. Шишков
О.В. Ульянова (Чили)
Р. Ортис Перальта (Мексика)
Е. Бридыхина (Боливия)

**Москва
2013**

**ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA
INSTITUTO DE HISTORIA UNIVERSAL
CENTRO DE INVESTIGACIONES LATINOAMERICANAS**

**ALMANAQUE
HISTORICO
LATINOAMERICANO**

№ 13

2013

A.A.Schelchkov
(redactor principal)

CONSEJO DE REDACCION

E.A.Larin

N.S.Ivanov

A.S. Shichkov

Olga Ulianova (Chile)

Rina Ortiz Peralta (México)

Eugenia Bridikhina (Bolivia)

MOSCU

2013

ББК 63.3
Л 272

Л 272 Латиноамериканский исторический альманах,
№13. – М., ИВИ РАН, 2013. – 304 с.
Электронная версия: <http://latinoamericano.ucoz.ru>

ISSN 2305 -8773

© Институт всеобщей истории РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013

Научное издание

**Латиноамериканский
исторический альманах**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 24.07.2013
Гарнитура Таймс. Объем – 20 п.л.
Тираж 150 экз.
Заказ №

ИВИ РАН. Ленинский пр., д.32а

СОДЕРЖАНИЕ

Латинская Америка в эпоху завоевания независимости

- Ивкина Л.А.** Х.М. Бланко Уайт, «Эль Эспаньоль» и Испанская Америка (1810 – 1814) 7
- Посконина О.И.** Симон Боливар. Краткая история жизни «самого большого идеалиста» Латинской Америки. 32
- Селиванова И.В.** Консерваторы и либералы в Мексике: поиски путей развития страны. 60

Общественная мысль стран Латинской Америки в XIX в.

- Вассерман Ф.** Практика без программы и институты без субьекта: Документальные коллекции и Исторические институты Рио-де-Ла-Платы (1830 – 1860). 77
- Казаков В.П.** Аграрный вопрос в общественной мысли Аргентины (1850 – 1870) 95
- Адамовски Э.** Культурные, этнографические и классовые аспекты становления аргентинской государственности. 122
- Галлу И.** Бенуа Мюр: наука и утопия в Бразилии в XIX в. 145

Латинская Америка в XX веке

- Ларин Е.А.** Истоки латиноамериканского модернизма 163
- Щелчков А.А.** В поисках альтернативной государственной модели: «военные социалисты» в Боливии в 30-е годы XX века. 182
- Иванов Н.С.** Уго Чавес: штрихи идейно-политического портрета 212

Боливийская историческая наука (материалы коллоквиума)

- Щелчков А.А.** Основные этапы развития боливийской исторической науки в XX в. 231
- Ируроски М.** Народ и представительство в историографическом дискурсе и политике в Боливии, 1825 – 1922 гг. 242
- Воротникова Т.А.** Боливия: историографическая палитра 264
- Казаков В.П.** Идеологи промышленной модернизации Боливии в XIX в. 270
- Селиванова И.В.** Размышляя о прочитанном: Серхио Серульников о боливийском XVIII в. 278
- Ивкина Л.А.** Марта Ируроски Викторiano и современная историография Боливии. 285
- Шишков С.А.** Революция 1952 г., рабочий класс и особенности истории Боливии в творчестве Рене Савалеты Меркадо 297

CONTENIDO

América Latina en la época de la independencia

Ivkina L.A.	José María Blanco White, “El Español” y Hispanoamérica, 1810 – 1814.	7
Poskonina O.I.	Simón Bolívar: breve historia del “idealista mas grande” de América Latina	32
Selivanova I.V.	Conservadores y liberales en México en el siglo XIX	60

El pensamiento social latinoamericano en el siglo XIX

Wasserman F.	Práctica sin discurso e instituciones sin sujeto: Colecciones documentales e Institutos Históricos en el Río de la Plata (1830 - 1860)	77
Kazakov V.P.	La cuestión agraria en el pensamiento social argentino (1850 - 1870)	95
Adamovsky E	La reducción de la multitud a "pueblo" en la formación del Estado argentino: dimensiones étnica, cultural y de clase en la construcción de la ciudadanía	122
Gallo I.	Benoit Mure: utopía y ciencia en Brasil en el siglo XIX	145

América Latina en el siglo XX

Larin E.A.	Fuentes del modernismo latinoamericano	163
Schelchov A.A.	Los militares socialistas en Bolivia en busca del modelo estatal alternativo.	182
Ivanov N.S.	Hugo Chávez: unas notas de su retrato político-ideológico	212
<i>Historiografía boliviana</i>		
Schelchov A.A.	Historiografía boliviana en el siglo XX	231
Irurozqui M.	Pueblo y representación en el discurso historiográfico boliviano	242
Vorotnikova T.A.	La palestra historiográfica boliviana	264
Kazakov V.P.	Los ideólogos de la industrialización en Bolivia en el siglo XIX	270
Selivanova I.V.	El siglo XVIII en Sergio Serulnikov	278
Ivkina L.A.	Marta Irurozqui Victoriano y la historiografía boliviana	285
Shishkov A.S.	La revolución del 1952, la clase obrera y las peculiaridades de la historia de Bolivia en Rene Zavaleta Mercado.	297

Л.А. Ивкина¹
L.A. Ivkina

Хосе Мария Бланко Уайт, «Эль Эспаньоль» и Испанская Америка (1810-1814).

**Jose Maria Blanco y Crespo (Blanco White),
El Español and Spanish America (1810-1814).**

Аннотация: В статье исследуются взгляды известного испанского либерала, теолога, литератора Хосе Марии Бланко-и-Креспо (Бланко Уайт, 1775-1841) на политику Испании в отношении ее американских колоний в годы Войны за независимость Испании (1808 - 1814). Основное внимание уделяется его деятельности в качестве издателя, редактора и автора газеты «Эль Эспаньоль» (El Español), издававшейся в Англии в 1810-1814 гг.

Ключевые слова: Хосе Мария Бланко Уайт-и-Креспо (Бланко Уайт), Англия, «Эль Эспаньоль», война за независимость Испанской Америки (1810-1826), война за независимость Испании (1808-1814), политика Испании.

Abstract: The article examines the views of famous Spanish Liberal, theologian, writer Jose Maria Blanco y Crespo (Blanco White, 1775-1841) on the Spanish policy in regard to her American colonies during the War of Independence against the French occupation (1808-1814). Main attention of the work is focused on his activities as an author and Editor of the newspaper El Español, published in England in 1810-1814.

Keywords: J. M. Blanco White, England, El Español, the War of Independence of Spain (1808-1814), the revolution in Spanish America (1810-1826), the policy of Spain.

Хосе Мария Бланко-и-Креспо, более известный, как Бланко Уайт (Blanco White) был современником сложной эпохи глубоких перемен и потрясений, крушения устоев старого мира и рождения нового. Эпохи Просвещения и французских энциклопедистов, Ве-

¹ Людмила Андреевна Ивкина, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Liudmila A. Ivkina, researcher of the Institute of Global History. lais07@mail.ru

ликой французской революции и наполеоновских войн, войны за независимость в Северной Америке и образования США, войн за независимость Испании (1808-1814) и испанских колоний в Новом Свете (1810-1826). Это было время обостренного, кровопролитного противостояния между традицией и модернизацией, между религией и разумом. Личность самого Бланко, его метания, стремление постичь новые социально-политические веяния, поиски истины и разума можно понять только лишь в этом историческом контексте. Живя в период глобальных исторических перемен, находясь там, где рождалась новая история, он не был только сторонним наблюдателем этого процесса, но и сам участвовал в нем.

В испанской историографии имя Х. М. Бланко Уайта долгое время было предано забвению. Его имя числилось в списках инакомыслящих, врагов испанской нации, антипатриотов, англофилов. Его деятельность в качестве издателя и автора известной газеты «Эль Эспаньоль» (*El Español*), издававшейся в Англии в 1810-1814 гг., вызывала гнев и ненависть не только испанских консерваторов (сервилес), но и либеральных деятелей того времени, в том числе и его бывших друзей.

Принято считать, что известный испанский клерикальный деятель и литературовед Марселино Менендес-и-Пелайо сыграл исключительную роль в том, что имя Бланко Уайта было вычеркнуто из списков великих испанских мыслителей XIX века, а сам он возведен в ранг врагов испанской нации. Тем не менее, именно он в своей известной работе «История испанских инакомыслящих» дал не только обличительную оценку деятельности Х.М. Бланко Уайта, но и первую, хотя и неполную, информацию об английском периоде его жизни².

Попытка реабилитировать имя Бланко перед соотечественниками была предпринята испанским философом, правоведом, литератором, политиком Марио Мендесом Бехарано (1857-1931), создавшим первую в испанской историографии детальную биографию Бланко и опубликовавшим ряд его литературных трудов. Книга «Жизнь и труды Хосе Марии Бланко–и–Креспо (Бланко Уайт)», написанная в 1904 г., вышла в свет только в 1920 г. и была удостоена премии Испанской академии³.

² Menéndez y Pelayo M. *Historia de los Heterodoxos Españoles*.—Buenos Aires: Librería Perla, 1946. —Т.IV.— P. 209 - 240.

³ Bejarano Méndez M. *Vida y obras de Don José María Blanco y Crespo (Blanco-White)*.—Madrid: Tip. de la “Revista de Archivos, Bibliotecas y Mu-

И только начиная с 1954 г. после выхода в свет работы Висенте Льоренса «Либералы и романтики», претерпевшей несколько изданий, началась подлинная реабилитация имени и творчества Х.М. Бланко, в частности, его журналистской деятельности в период жизни в Англии⁴. В 1971 году Висенте Льоренс издал антологию работ Х.М. Бланко Уайта с интересным предисловием⁵. В 1972 г. реабилитацию его литературного творчества продолжил Х. Гойтисоло, переведя на испанский язык «Английские труды» Бланко Уайта с вступительной статьей, в которой была подвергнута анализу его литературная и творческая деятельность в Англии⁶. В этом же году вышли изданные профессором и преподавателем филологии и литературы университета Севильи Антонио Гарникой переведенные на испанский язык его «Письма из Испании» (впервые опубликованы на английском языке в 1822 г.)⁷.

В настоящее время его имя занесено в списки видных испанских либеральных деятелей эпохи первого испанского либерализма 1808-1814 гг. В последние три десятилетия XX века и первое десятилетие нынешнего века переиздаются многие его работы, в частности, Автобиография, «Письма из Испании», «Собрание сочинений»⁸. В эти же годы вышли в свет многочисленные работы как испанских, так и зарубежных историков, посвященные анализу его литературного творчества, трудов по теологии и истории религии, его критических и полемических работ, затрагивавших самые актуальные и важнейшие политические проблемы современной ему эпохи. Биографические работы о его жизни и творчестве, публикации трудов (на испанском и английском языках), дающих представление о широком творческом диапазоне этой личности, являются наглядным свидетельством растущего интереса со сто-

seos”, 1920.

⁴ Llorens Vicente. *Liberales y románticos. Una emigración española en Inglaterra (1823-1834)*. – 3-a ed. – Valencia: Castalia, 1979.

⁵ José María Blanco White. *Antología de Obras en español*. (Ed., sellec., prol. y notas de V. Llorens). – Barcelona: Editorial Labor, 1971.

⁶ Goytisolo J. *Obra inglesa de D. José María Blanco White*. – Barcelona: Editorial Seix Barral, 1972.

⁷ José María Blanco White: *Cartas de España*. /Introd. de Vicente Llorens. (Trad. y notas de A. Garnica). – Madrid: Alianza Editorial, 1972.

⁸ Blanco White. *Autobiografía*. – Sevilla: Ed. Univ. de Sevilla. – 1975; *Cartas de España*. Sevilla: Fundación José Manuel Lara, 2004; *White Joseph Blanco. Obras Completas* (editor general A. Garnica). Granada: Almed, 2005-2008. Vol. I-VIII.

роны историков к творчеству этого видного интеллектуала и мыслителя Испании последней трети XVIII - начала XIX века⁹.

В отечественной историографии имя Бланко Уайта упоминается лишь эпизодически в работах, посвященных истории Испании периода войны за независимость 1808-1814 гг. и войны за независимость Латинской Америки (1810-1826)¹⁰.

Труды Х.М. Бланко Уайта немногочисленны, но представляют огромный научный интерес, так как позволяют объективно оценить события и эпоху, в которой он жил и свидетелем многих важнейших событий являлся. Среди работ, прежде всего, необходимо отметить его деятельность в качестве издателя, редактора и автора полемических статей газеты «Эль Эспаньоль», его автобиографию, опубликованную посмертно на английском языке в 1845 г., «Письма из Испании», ряд работ теологического характера, поэмы, новеллу и статьи в таких изданиях, как *Semanario Patriótico* севильянского периода, *Variedades o Mensajero de Londres* (1822 -1825) и др.

⁹ *Conversaciones americanas y otros escritos sobre España y sus Indias* (José María Blanco White). – Madrid: Ed. de Cultura Hispánica, 1993; Moreno Alonso M. *Blanco White: la obsesión de España.* – Sevilla: Ed. Alfar, 1998; Durán López F. *José María Blanco White o la conciencia errante.* – Sevilla: Fundación José Manuel Lara, 2005; Pons A. *Blanco White y España.* – Oviedo: Instituto Feijoo de Estudios del siglo XVIII, 2002; Pons A. *Blanco White y América.* – Oviedo: Instituto Feijoo de Estudios del siglo XVIII, 2006; Rios Santos A.R. *Vida de Blanco White (1775-1841).* Sevilla: s.ed., 2006; Goytisolo J. *Blanco White: El Español y la Independencia de América.* – Madrid: Ed. Taurus, 2010; Murphy M. *Blanco-White: Self-Banished Spaniard.* New Haven and London: Yale Univ. Press, 1989; Murphy M. *El ensueño de la razón. La vida de Blanco White.* – Sevilla: Centro de estudios Andaluces, Renacimiento, 2011; Arismendi Posada I. *El Español de Blanco White y la causa Americana (1810-1814).* – Medellín: Universidad Pontificia Bolivariana, 2011.

¹⁰ Трачевский А. *Испания девятнадцатого века. Часть первая.* Москва: Типография Грачева и К^о, 1872; Додолев. М.А. *Россия и Испания, 1808-1823.* Москва: Наука, 1984; *Война за независимость Латинской Америки.* Москва: Наука, 2011; Новикова Н.К. *Латинская Америка в английской культуре конца XVIII - начала XIX в.* // *Латинская Америка.* – 2012. – N4. – С. 72-87; В частности, А. Трачевский упоминает имя Бланко среди либеральных испанских деятелей периода войны за независимость Испании вместе с Х. М. Кинтаной, И. Антильоном, А. Аргуэльесом, Флоресом Эстрадой и др. /Трачевский А. *Испания девятнадцатого века.* – С.161.

Деятельность Бланко Уайта разворачивалась в трех главных сферах: религии, политике и литературе. В работе не представляется возможным осветить все творческое наследие Бланко, диапазон которого был довольно широк. Оно, на наш взгляд, нуждается еще в серьезном осмыслении. В данной работе впервые в отечественной историографии сделана попытка осветить издательскую и журналистскую деятельность Бланко Уайта в качестве редактора политического издания - газеты «Эль Эспаньоль», выходившей в Англии в 1810-1814 гг., исследовать его взгляды на события, развернувшиеся на латиноамериканском континенте, наиболее ярко и подробно изложенные в его работах, опубликованных в газете, проследить эволюцию его взглядов на войну за независимость американских колоний Испании, на будущее Испанской Америки. На наш взгляд, «Эль Эспаньоль» - одно из самых важных наследий его творчества, которое требует особого внимания.

Х.М. Бланко Уайт. Становление личности (1775-1810).

Хосе Мария Бланко-и-Креспо родился 11 июля 1775 г. в Севилье в аристократической семье ирландского происхождения. Его предки переехали из Ирландии в Испанию по религиозным мотивам в начале XVIII в. Отец Бланко, Гильермо Уайт, был коммерсантом и английским вице-консулом.

Воспоминания о детских и юношеских годах, о семье, о метаниях в поисках своего предназначения мы находим в Автобиографии Бланко. Чрезмерная религиозность родителей очень долго служила препятствием для реального восприятия существующей действительности. С ранних лет ему приходилось вместе с отцом, глубоко набожным человеком, каждые выходные по несколько раз в день посещать церковь, молиться и исповедоваться. Когда ему было восемь лет, отец, желая, чтобы первенец пошел по его стопам, определил его в свою контору, где ребенок вел учетные записи в торговой книге. Там мальчик научился считать и писать, а также изъясняться на английском языке. В 8 лет он научился играть на скрипке, и это стало самым теплым и приятным вознаграждением за монотонный труд в отцовской конторе¹¹.

Одна из первых книг, которую ему в детстве удалось прочитать, была книга французского писателя-утописта Фр. Фенелона

¹¹ Blanco White J.M. Autobiografía. Sevilla: Ed. Universidad de Sevilla, 1975. - P.7.

(1651-1715) «Приключения Телемаха» (1690), переведенная на испанский язык и которую он знал наизусть. Она оказала на него неизгладимое впечатление, и, как он сам написал в своей Автобиографии, зародила «первые сомнения относительно христианства»¹².

Мальчик возненавидел конторскую работу и предпочел посвятить себя церковной службе, что для того времени и для ситуации в Испании в целом, не являлось чем-то неординарным. К тому же этого очень хотела его матушка, также религиозная натура. Однако вскоре этот выбор стал тяготить его. С 14 лет (вплоть до 27 лет) по настоянию своего духовника и матери он вынужден был ежедневно посещать богослужение и медитации, что превратилось для него в обременительную нагрузку. Позже, уже будучи в зрелом возрасте, он писал, что с тех пор абсурдные атрибуты католицизма и само слово религия стали для него ненавистны; оно «означало всякого рода неблагоприятные искусственные действия, которые только отупляли и вели к деградации людей»¹³.

С 12 лет стал изучать латынь, а с 14 лет логику сначала в колледже доминиканцев Санто-Томас, а затем в университете Севильи. Сильное впечатление на пятнадцатилетнего юношу произвели работы испанского монаха-бенедиктинца Бенито Фейхоо (1676-1765), которые оказались в небольшой библиотеке его тетушки, и которые он проглотил с присущей ему жаждой к познанию. Труды Фейхоо, осмелившегося выступить против мертвой схоластики в защиту экспериментальной философии английского материалиста Бэкона (1561-1626), были подобно «весеннему ливню, пролившемуся на засушливую почву». Они «научили его изучать, размышлять, спорить, сомневаться»¹⁴. С того момента в его душе поселились сомнения относительно правильности избранного им пути, которые уже никогда не покидали его. Эти сомнения возросли после первого посещения Кадиса в 1790 году, оставившего яркие впечатления в его не столь уж счастливым детстве и отрочестве. После Севильи Кадис показался ему вратами в новый, неизведанный мир. Эти сомнения впоследствии приведут его к неизбежному кризису религиозного мышления, переосмыслению

¹² Blanco White J. M. Autobiografía. – P.12.

¹³ Blanco White J.M. Autobiografía. – P.18

¹⁴ José María Blanco White: Cartas de España. – P.100-101; Blanco White J. M. Autobiografía.–P.10.

своих взглядов¹⁵.

В 15 лет Бланко поступил на философский факультет университета Севильи, где по настоянию отца изучал теологию. В это время судьба свела его с интереснейшими людьми, ставшими гордостью Испании: студентом факультета теологии, будущим ректором университета Севильи М. Марией де Мармолем (1769-1840), Мануэлем Марией де Архоной (1771-1820), Альберто Листой (1775–1848), Феликсом Хосе Рейносо (1772-1841). Бланко владел к этому моменту многими языками: английским, французским, итальянским, греческим, латынью. Архона, его будущий духовный наставник, дал прочитать ему трагедии Расина на языке оригинала, поэзию Муратори на итальянском. Долгие и интересные беседы с Архоной о литературе стали самыми важными моментами в жизни Бланко и его друзей. Вскоре им пришла идея создать частную Академию литературы и красноречия, которая просуществовала несколько лет (1793-1801) и превратилась в важный просветительский и культурный центр Севильи.

В 1791 г. Бланко получил степень бакалавра философских наук, в 1793 г. – лиценциата философии, в 1796 г.- бакалавра теологии. В 1796 г. был возведен в сан субдиакона.

После второго посещения Кадиса в 1795 г. еще более усилились его сомнения по поводу своей будущей профессии. В 1801 г. был назначен главным капелланом Королевской часовни кафедрального собора Севильи и в течение двух лет исправно служил церкви. Однако уже в 1802- 1803 г. начался кризис его религиозного мировоззрения. Фанатизм и предрассудки, мракобесие - главные черты католической церкви, которые не смог принять Бланко. Судьба двух его младших сестер, которые стали монахинями и умерли довольно в раннем возрасте, также усугубляли его внутренние страдания. «Духовная агония» Бланко заставила его позднее покинуть Севилью и уехать в Мадрид в поисках «призрачных теней свободы»¹⁶.

Очутившись в конце 1805 года в Мадриде, он сразу вошел в состав литературной комиссии королевского военного института Песталоцци. В столице он свел дружбу со многими испанскими прогрессивными деятелями той эпохи, став постоянным гостем домашних литературных салонов испанского либерала Хосе Марии Кинтаны. Здесь он познакомился с А. Аргуэльесом, Флоресом

¹⁵ Blanco White J.M. Autobiografia. – P.21,28.

¹⁶ Blanco White J.M. Autobiografia. – P. 30.

Эстрадой, Никазио Гальего, И. Антильоном, Лордом Холландом¹⁷. В этот период разочарование, одолевшее его, было настолько велико, что он даже подумывал уехать в США¹⁸.

Стремление Бланко познать окружающий его мир, расширить круг своих знаний, учитывая его рефлексивный характер и способность к размышлению и самоанализу, позволили усвоить главные постулаты просвещения (веру в разум, прогресс, свободу), осознать необходимость политических и социальных реформ¹⁹.

Оккупация Испании французской армией, отречение короля Карла IV, а затем и его сына Фердинанда VII от испанского престола, начавшееся 2 мая народное восстание против французского нашествия, воцарение в Испании новой династии Жозефа Бонапарта - все эти события разворачивались на его глазах. Он был хорошо осведомлен о моральном и духовном состоянии и господствующих нравах испанского общества. Под влиянием происшедших событий он пишет в Автобиографии полные горечи слова: «Испания как политическая общность, угнетаемая и подавленная своим правительством и церковью, перестала быть предметом моего восхищения еще с юных лет. Я никогда не испытывал гордость быть испанцем, потому что именно как испанец, подвергнулся духовной деградации и унижению со стороны церкви». «Много лет я думал, что приговор о моем изгнании с родины стал бы для меня не наказанием, а скорее благом. Но в то же время я чувствовал, что мог бы пожертвовать своей жизнью во имя народа, где я родился и где стал человеком, если бы нашлась сила, которая смогла бы освободить меня от тяжелой тоги священнослужителя. Но у меня все же хватило ума не примкнуть к сторонникам новой власти в Испании, к так называемой партии «офранцузенных»²⁰. Он ни на минуту не усомнился в справедливости начавшейся в стране борьбы, не приветствовал ту форму, в какой Наполеон пытался посадить на испанский престол новую королевскую династию.

15 июня 1808 г. Бланко бежал из Мадрида и в начале июля 1808 г вернулся в Севилью, превратившуюся в этот момент во времен-

¹⁷ Лорд Холланд (1773-1840) - знаток Испании и ее истории, несколько раз побывал в Испании, в последний свой приезд (1808-1809) свел знакомство с Х.М. Бланко Уайтом.

¹⁸ Blanco White J.M. Autobiografía. – P.64.

¹⁹ Martínez de Pisón Cervero J.M. Los inicios del pensamiento liberal español: José María Blanco White //Redur.–2005,N3.– P.9.

²⁰ Blanco White J.M. Autobiografía. – P.73,74.

ную столицу оккупированной Испании. Сюда же перебралась и Центральная хунта, созданная 25 сентября 1808 г. и взявшая на себя руководство страной в отсутствие короля, а также все либеральные деятели Испании, не примкнувшие к сторонникам новой власти. Здесь вместе с Х. М. Кинтаной и Исидором Антильоном он принял участие в издании газеты «Патриотический еженедельник» (*El Semanario Patriótico*), являвшейся правительственным печатным органом. Газета издавалась в Севилье четыре месяца, с мая по август 1809 г. Бланко вел в ней политическую рубрику. Здесь впервые проявились его либеральные взгляды на происходившие события²¹. Выступая с патриотических позиций, Бланко в то же время осмелился критиковать недальновидную политику Центральной хунты, осуждая ее некомпетентность и нерешительность в деле защиты родины. Реакция временных властей Испании на публикации Бланко была однозначной. Газета вскоре была запрещена. Тяжелое состояние Испании, стремительное наступление французской армии на Андалузию, бегство Центральной хунты из Севильи (была захвачена французами 1 февраля 1810 года) в Кадис вызвали всеобщую панику среди населения страны. 29 января Бланко бежал из Севильи в Кадис, а оттуда в Англию, куда прибыл 3 марта 1810 г. Так началась его английская жизнь, жизнь в добровольном изгнании²².

Жизнь в добровольном изгнании. Лондон. Газета «Эль Эспаньоль» (1810-1814)

Очутившись в Англии и имея на руках сто фунтов стерлингов, Бланко должен был неизбежно столкнуться с проблемой существования в неизвестной стране. Первой его мыслью было найти работу в каком-нибудь театральном оркестре. Однако его английские друзья Лорд Холланд, Рикардо Уэлсли, сын министра иностранных дел Великобритании Ричарда Уэлсли, знакомые по Мадриду по литературному салону Х. М. Кинтаны, предложили издавать на испанском языке газету, в которой бы освещались события, происходившие в Испании, американском континенте и в странах мира. С этой целью его познакомили с аббатом Жуинье, владель-

²¹ Llorens V. *Literatura, Historia, Política (Ensayos)*.—Madrid: Ed. de la Revista de Occidente, 1967.— P. 89, 90.

²² Menéndez y Pelayo M. *Historia de los Heterodoxos Españoles*.—Т.IV.— P.218.

цем небольшой типографии. Бланко подписал с ним контракт, снял скромное помещение на Дьюк Стрит и начал свою издательскую деятельность.

Основные задачи, которые ставило издание, были изложены автором в Проспекте к первому номеру газеты, вышедшему 30 апреля 1810 г. В нем он отметил, что считает за честь выступать в роли защитника испанской независимости, что всегда, и в период работы в Патриотическом еженедельнике севильянского периода, и в настоящее время преследовал одну цель: бороться против режима Бонапарта. Здесь же он упоминает и о другой Испании, Испанской Америке и американских испанцах, нуждающихся «в наших советах»²³.

В Проспекте автор отметил, что намерен создать три основных раздела: в первом предполагалось освещать наиболее важные политические вопросы, связанные с борьбой Испании против французских оккупантов, а также публиковать хронику событий международного характера и комментарии на животрепещущие события современности; во втором разделе он намеревался публиковать важные дипломатические документы, как национальные (испанские), так и международные (декреты, переписку, указы, постановления); третий должен был освещать литературные новинки Испании и Англии²⁴.

Газета «Эль Эспаньоль» выходила в течение четырех лет с апреля 1810 года по июнь 1814 г. Всего за этот период вышло 47 номеров. Газета выходила ежемесячно; каждый номер насчитывал около 90 страниц и больше походил на журнал. Главная цель этого издания состояла в распространении среди испанских и испано-американских читателей новостей о событиях, происходивших в Испании и испанских колониях Нового Света и во всем мире. Экземпляры газеты распространялись в Кадисе, Лиссабоне, Гибралтаре, Буэнос-Айресе, Картахене, Новой Гранаде, Вера-Круссе, Новой Испании, Гаване. Возможность излагать свою точку зрения на внутреннюю и внешнюю политику испанского правительства, комментировать деятельность кортесов и испанскую конституцию превратило газету в важный документальный источник.

В своей Автобиографии Бланко рассказывает, как трудно было на первых порах говорить и писать на английском языке, работать в совершенно неизведанной области. Ему пришлось серьезно

²³ El Español, 1810.—Т. I V, N1.—P. 1, 2.

²⁴ El Español, 1810.—Т. I V, N1.—P. 3.

взяться за изучение греческого и английского языков. Он сам подбирал материалы и документы для публикаций, составлял содержание номеров газеты, редактировал и правил тексты, готовил статьи и комментарии к ним. В этом ему была предоставлена полная свобода действий, поэтому мы с полной уверенностью можем сказать, что «Эль Эспаньоль» была его детищем, главным и большим творческим успехом. Там он публиковал работы известных мыслителей того времени: Г.М. Ховельяноса, А. Гумбольдта, английских мыслителей и философов Э. Берка (1729-1797), У. Палея (1743-1805), И. Бентама (1748-1832) и др.

Безусловно, политическая тематика занимала центральное место в газете. Говорить о политике в годы войны за независимость было довольно рискованным занятием, учитывая непредвзятость, честность, принципиальность автора издания, его стремление объективно разобраться в происходивших событиях, а так же неподготовленность испанского общества к свободе слова. Во всех своих статьях автор пытался выразить свою любовь к стране, в которой он родился. В предисловии к «Письмам из Испании» Бланко замечает, что «Испания “со всеми ее дефектами” всегда была и будет предметом его любви»²⁵.

Основное внимание уделялось событиям, происходившим в Испании. Выступая в защиту независимости своей родины, автор, тем не менее, стремился объективно анализировать деятельность испанских органов власти. Как отметил Мануэль Морено Алонсо, газета по существу стала первой оппозиционной газетой, выступавшей с открытой критикой временного испанского правительства в период отсутствия законной королевской власти. Кроме того, она превратилась в блестящий информационный источник о самых главных событиях в Испании, Испанской Америке, политике Англии в данный период, несравнимый с любым другим изданием, выходившим тогда в Кадисе. Помимо всего, она оказывала огромное культурно-просветительское влияние, знакомя испаноязычный мир с другими политическими идеями²⁶.

Пребывание и жизнь в Англии позволила самоутвердиться самому Бланко, повысить свой интеллектуальный уровень, ознакомиться с существующими идеологическими направлениями в истории, философии, политике, достижениями в науке, культуре, ми-

²⁵ Blanco White J.M. Cartas de España. – P. 34.

²⁶ Moreno Alonso M. Blanco White. La obsesión de España. Sevilla, 1998. – P.159,160.

ровой литературе, объективно осмыслить время, в котором он сам жил, и события, происходившие в нем.

Нельзя отрицать и тот факт, что он был поклонником всего английского: культуры и литературы, государственного политического устройства, духа. Он считал важным союз Испании с этой самой передовой страной мира. Он думал, что только с помощью Англии, ставшей по его образному определению, «мастерской свободы, открытой всему миру», Испания смогла бы вырваться из пут обскурантизма, избавиться от всемогущества католической церкви, обрести новый, современный облик. Он также считал, что испанцы многое могли почерпнуть из исторического опыта Англии, чья политическая система была предметом для подражания и тщательного изучения²⁷.

Главным центром, где с особым вниманием следили за событиями в Испании и в Испанской Америке, были литературные салоны в доме Лорда Холланда, знатока Испании, ее культуры традиций, считавшего ее своей второй родиной. Дружеские отношения с лордом Холландом и контакты с Министерством иностранных дел Великобритании позволили своевременно получать важную информацию о ситуации в Испании.

В Лондоне ему выпала честь познакомиться с выдающимися деятелями освободительного движения Испанской Америки: Ф. де Мирандой, С. Боливаром, Луисом Лопесом Мендесом, Андресом Бельо и др. С Симоном Боливаром он встречался в Лондоне дважды - в июле и в сентябре 1810 г., от которого и узнал суть произошедших в апреле 1810 г. в Венесуэле событий²⁸.

В первом номере газеты от 30 апреля 1810 г. была опубликована статья Бланко «Размышления об испанской революции», в которой автор критически отозвался о деятельности провинциальных и Центральной хунт за их неспособность проводить решительную политику в защиту Испании. На следующий день, посол Испании в Лондоне Руис де Аподака направил членам Регентского совета в Кадис сообщение о необходимости запретить распространение этой «подрывной» газеты в Испании». 15 ноября 1810 г. в *Gazeta de México* был опубликован указ испанского правительства от 15 августа, запрещающий распространение «Эль Эспаньоль» в Испа-

²⁷ El Español, 1810. – Vol. II, N VII. – P. 86.

²⁸ Pons A. Bolivar y Blanco White // Anuario de Estudios Americanos. Sevilla. – 1998, Vol. LV, N 2. – P. 508, 509.

нии и ее американских провинциях²⁹.

Война за независимость в Испанской Америке и взгляды Бланко на эти события. Начальный этап.

В конце января 1810 г. в результате внутренних разногласий Центральная хунта была вынуждена самораспуститься, предварительно издав два важных декрета (от 22 декабря 1809 г. и 29 января 1810 г.) о проведении выборов в кортесы временно исполняющих обязанности американских депутатов (суплентес) из числа находившихся в этот период в Кадисе американских жителей. Пришедший в конце января к власти Регентский совет издал 14 февраля декрет, вновь подтвердивший равенство прав испанских колоний и метрополии и объявивший о проведении там новых выборов депутатов в кортесы³⁰.

Наступление французской армии на Андалузию, последующий захват Севильи (1 февраля 1810 г.) вызвали тревогу в Испанской Америке. Все эти печальные новости связывали с передачей власти Регентскому совету, неспособному проводить решительную политику по защите испанской территории. Эта новость быстро облетела территории Испанской Америки и взбудоражила все население. 19 апреля 1810 г. в Каракасе в результате народного восстания была создана Верховная хунта, выразившая свою приверженность законному королю Испании Фердинанду VII. 20 апреля новое правительство опубликовало манифест, в котором, комментируя последние новости из Андалузии, обрисовало ситуацию в Испании как крайне тревожную. Первым актом нового правительства были отмена алькабалы и индейского налога, провозглашение свободы торговли³¹. Пытаясь заручиться поддержкой со стороны других

²⁹ El Español, 1810.—Vol. II, NXI.—P. 341, 342; López de Lerma Galán J. de El pensamiento político de Blanco-White. Sus conflictos con las Cortes de Cádiz por la publicación del Número 13 del Periódico El Español // Ámbitos. Revista Andaluza de Comunicación. Universidad de Sevilla.—2008, N17.—.293.

³⁰ Еще 22 января 1809 г. Центральная хунта издала декрет, провозгласивший все заморские владения Испании в Америке составной и неотъемлемой частью Испании (они стали теперь называться провинциями) с равными правами, а также правом посылать своих депутатов в кортесы - Torreno Conde de. Historia del Levantamiento, Guerra y Revolución de España. — Madrid: Librería y casa editorial Hernando, 1926. — P. 175.

³¹ Посконина О.И. Война за независимость в Венесуэле и Колумбии / Война за независимость Латинской Америки.— Москва: Наука, 2011. —

государств, в США и Англию были направлены дипломатические делегации. Миссия в Лондон была возложена на Симона Боливара, Андреса Бельо и Луиса Лопеса Мендеса.

Новость о начавшемся восстании в Испанской Америке Бланко встретил с радостью и воодушевлением: «Я прекрасно знал, что испанские колонии жестоко эксплуатировались своей родиной-матерью [Испанией – Л.И.], и хотел видеть их свободными и управляемыми своими правительствами»³².

С этого момента главная цель издания, защита Испании в ее борьбе против Наполеона, поддержка патриотов, помощь со стороны Англии и борьба против влияния католической церкви, приобрела более широкое направление. События в Испанской Америке и политика Испании в отношении колоний стали одной из ведущих тематик, снискавших автору огромную популярность у испаноамериканских патриотов и ненависть у своих соотечественников.

Первые статьи о событиях в Испанской Америке появились в 4-ом номере газеты от 30 июля 1810 г. В одной из них, озаглавленной «Политические размышления», Бланко писал: «Кажется, настало время великих политических событий, которые так долго ждали: знамя независимости вознесено над Америкой; и по тому, что происходит в Каракасе, мы можем утверждать, что это не случайное или преходящее движение, это решение, принятое со зрелостью, с самыми лучшими намерениями, умеренностью и благопристойностью... Если бы мы увидели, что революция началась с требований неосуществимых лозунгов свободы и теоретического равенства, проповедуемых французской революцией, мы бы усомнились в правильности намерений ее организаторов»³³.

Бланко отметил умеренный характер революции в Каракасе, стремление американцев сделать то, что все народы Испании осуществили на практике, то есть, сформировать свои временные правительства во время отсутствия монарха (речь идет о создании провинциальных революционных хунт в Испании). Он подчеркнул, что американцы никогда не забывали, что Испания ведет борьбу против иностранных угнетателей. «Все декреты Венесуэлы,- продолжал он,- проникнуты любовью к испанцам: это нельзя

P.24-105.

³² Blanco White J.M. Autobiografía. –P.95.

³³ El Español,1810.–T.I, N IV.–P.315,316.

искоренить у американцев»³⁴. «Американцы никогда бы не думали о том, чтобы отделиться от Испании, если на этот шаг их не вынудили бы какие-то чрезвычайные обстоятельства, - писал он. - Они только не хотят, чтобы ими управляло правительство из страны, расположенной столь далеко и почти оккупированной врагами, и власти которой, находящиеся под постоянной угрозой, не смогут ничего сделать для отдаленных стран Нового Света, а лишь просят помощь и посылают своих представителей»³⁵.

Бланко подверг критике политику Регентского совета в отношении Испанской Америки, аннулировавшего 29 июня 1810 г. декрет о свободной торговле (принятый им же 17 мая 1810 г.) и издавшего декрет о блокаде портов Венесуэлы (31 августа 1810 г.). Кажется, напоминает Бланко, власти забыли декреты Центральной хунты от 22 января и 22 мая 1809 г., один из которых провозгласил бывшие колонии Америки испанскими провинциями, а другой предоставлял американцам право избирать своих депутатов в кортесы. Автор призывал власти Испании не вызывать у американцев чувства ненависти по отношению к метрополии, а устранить барьеры, препятствующие торговым связям Америки с другими странами, позволить им организовать их национальные правительства³⁶.

В подтверждение своих взглядов на апрельские события в Каракасе Бланко в статье «Политические итоги» приводит точку зрения дипломатических представителей Венесуэлы, направленных в Лондон, Симона Боливара и Луиса Лопеса Мендосы. В ней ясно прослеживается та же оценка событий: революция в Каракасе была спровоцирована печальными известиями из Испании и неприятием новых властей [Регентского совета-Л.И.]; Венесуэла выразила свою преданность законному королю и приверженность метрополии³⁷. «Тотальная революция в Америке весьма вероятна,- отмечал Бланко,- и мы только надеемся, что ее народы будут выступать с такими же умеренными требованиями, что и народ Каракаса: признание законного короля Фердинанда VII; единство и дружба, помощь метрополии. Эти принципы сделают революцию славной, в сложившихся обстоятельствах это станет смертельным ударом для Бонапарта».... «Поступки этих народов «ни в коей мере нельзя

³⁴ El Español, 1810.- T.I, N IV.-P.316.

³⁵ El Español, 1810.-T.I, N IV.-P.317.

³⁶ El Español, 1810.-T.I, N IV. -P.319.

³⁷ El Español, 1810.-T.I, N IV.- P.324.

рассматривать как акт неповиновения их законному суверену, это лишь решение внутреннего правительства, которое сохраняет все эти владения за законным королем Фердинандом VII»³⁸.

Вскоре революционные хунты возникли на Рио-де-Ла-Плате - 22 мая, в Кито - 25 мая, в Новой Гранаде - 20 июля, Новой Испании - 16 сентября, Чили - 18 сентября 1810 года. Все новости, приходившие из Испанской Америки, Бланко публиковал в своей газете и комментировал их.

Часто употребляемые в документах, приходящих из Испанской Америки, слова «революция», «независимость» вызывали раздражение со стороны испанского правительства. В работе «Целостность испанской монархии», опубликованной в пятом номере газеты, Бланко вновь обращается к событиям в Испанской Америке. Пытаясь обосновать свою точку зрения, он отметил, что с самого начала освободительной войны против французских оккупантов, испанские колонии в Америке выступили в поддержку родины-матери, оказывая ей моральную и материальную помощь³⁹. Объясняя слово «независимость», которое так часто употребляют американские испанцы, Бланко поясняет, что оно должно пониматься в контексте тех событий, которые происходят на самом деле. «Независимость, понимаемая как признание законного короля, не противоречит интересам самой метрополии,- утверждает он.- Независимость, признающая легитимность испанского короля, не означает отделение этих территорий от Испании. Слово «независимость» в данном случае означает лишь создание внутреннего правительства, которое было создано во всех провинциях Испании, и это не может считаться преступлением оттого, что подобные шаги предприняли американские испанцы»⁴⁰.

Бланко пытается оправдать действия американских патриотов по созданию временных революционных хунт наподобие тех, которые были созданы по всей Испании. Он опасается не только того, что враг (французы и Наполеон) могут провозгласить полную независимость Испанской Америки, но и революционного выступления небелого, цветного населения, которому нечего терять, что также может привести к неизбежной революции. «От последствий подобного рода революции,- отмечает автор, - их ограждают осторожные меры, принятые в Каракасе и Буэнос-Айресе. С точки зре-

³⁸ El Español, 1810.-Т. I, N IV.- P.325.

³⁹ El Español, 1810.-Т. I, N V - P.369

⁴⁰ El Español, 1810. -Т. I, N V.- P.374.

ния тех, кто предпринял эти *реформы* (курсив мой- Л.И.) (предпочитал бы слышать это слово вместо ненавистного «революция») и мудрости тех, кто управляет сейчас в Испании, зависит счастье и процветание великой нации, расположенной на двух континентах»⁴¹.

Слово «реформа» более применимо, удобно для него, поскольку не разрушало исторические связи; «реформа» должна осуществляться осторожно и со знанием дела, писал он, подобно тому, как архитектор возводит остов нового здания; и если по его неосторожности или некомпетентности «обрушатся несущие столбы, здание может полностью развалиться и похоронить под своими руинами всех реставраторов»⁴².

Опасаясь возникновения анархии и беспорядков в столь сложный момент, Бланко предлагает свое видение того, как должны вести себя испанские власти. Он говорит, что испанские европейцы должны понимать, что использование силы никогда не приводит к положительным результатам, а скорее всего, может спровоцировать возмущение народных масс. Он предлагал европейским испанцам признать равенство прав американских испанцев: «Вместо враждебных актов правительство Испании должно побудить все колонии, которые еще не присоединились к Каракасу и Буэнос-Айресу, к осуществлению умеренных реформ. Вся Америка пылает, не лучше ли будет руководить тушением огня, чем ждать момента, когда он распространится по всей территории? Разве не стоит проявить какие-то знаки уважения и благодарности к американцам, а не смотреть на них, как на соперников, готовых превратиться в заклятых врагов?»⁴³. Настоящий кризис, продолжал он, «дает благоприятную возможность для того, чтобы утвердить навсегда существование и процветание испанской империи в условиях ее оккупации Наполеоном». Те, кто признал Фердинанда VII в качестве своего законного короля, должны принять участие в кортесах на равных правах с европейскими испанцами. «Неравное представительство,- отмечал он,- лишь разрушит и без того хрупкий союз и дух родины. Испанские провинции в Америке должны иметь право посылать своих депутатов в соответствии с численностью населения точно так, как это делает Испания. А до тех пор испанские кортесы должны принять мудрое и единственно пра-

⁴¹ El Español, 1810.- T.I, NV.- P.375.

⁴² El Español, 1810.- T.I, N V.- P.375.

⁴³ El Español, 1810.- T.I, N V.- P.376.

вильное решение: *отказаться от всех притязаний на превосходство по отношению к своим американским провинциям и разрешить им создать свои внутренние экономические правительства*» (курсив мой- Л.И).⁴⁴.

Точка зрения Бланко на первоначальные события в Испанской Америке, поддержка революционных хунт, необходимость со стороны правительства выполнять ими же изданные законы, критика в адрес испанских властей (сначала Центральной хунты, а за тем Регентского совета) не были восприняты большинством испанских политиков, посчитавших такую точку зрения верхом антипатриотизма. Известный испанский литературовед, консерватор и католик Марселино Менендес-и-Пелайо, в своей работе «История испанских ортодоксов» назвал Бланко «плохим испанцем», «ренегадом», «антипатриотом и еретиком», «англофилом» «аморальным священнослужителем» и «яростным врагом христианства»⁴⁵. А газету «Эль Эспаньоль» Менендес-и-Пелайо охарактеризовал как «самое отвратительное и непатриотичное издание», издававшееся в «разгар войны за независимость»⁴⁶.

Жесткой критике подверглась деятельность Бланко и на специальном заседании кортесов, состоявшемся 24 мая 1811 г. Поводом к этому послужил ответ Бланко на письмо, якобы написанное от имени председателя американской делегации А.Х. Пересом, в котором тот благодарил издателя газеты за поддержку и защиту Испанской Америки⁴⁷. Редактора газеты называли «врагом родины, худшим даже, чем Наполеон», которого необходимо было лишить испанского гражданства. Звучали требования запретить распространение издания в Испании и Америке, поскольку «антииспанские» взгляды Бланко «провоцировали конфликт между Испанией и Америкой и таким образом способствовали отделению этих про-

⁴⁴ El Español, 1810.—Т. I, N V.—Р. 376, 377.

⁴⁵ Menéndez y Pelayo M. Historia de los Heterodoxos Españoles. —Т. IV.— Р. 220, 235.

⁴⁶ Menéndez y Pelayo M. Historia de los Heterodoxos Españoles.—Т. 4 —Р. 219.

⁴⁷ Письмо от 22 февраля 1811 г., опубликованное в 13-ом номере газеты, оказалось фальшивкой, от которого Перес поспешил откреститься // El Español, 1811.—Т. III, N XIII.—Р. 69-72; Антонио Хоакин Перес (1763-1829) Мексика, священник, преподаватель философии теологии и священного писания, депутат от Новой Испании, трижды был президентом кортесов. Вначале выступал за отмену инквизиции, свободу печати, впоследствии перешел в лагерь абсолютистов. В 1815 г. вернулся в Мексику. Был избран епископом Пуэблы.

винций от родины-матери». Его обвиняли также в том, что он работает на английское правительство⁴⁸.

Яростная атака на Бланко в испанской проправительственной прессе, прямые угрозы в его адрес со стороны кадисских купцов, членов Регентского совета вынуждали Бланко защищаться и неоднократно прояснять свои «антипатриотические» взгляды. В заключении к первому тому издания Бланко отметил, что считал события в Испанской Америке крайне важными для Испании, и когда первые отклики о них появились в июле 1810 г., эта проблема стала ведущей тематикой газеты. Учитывая негативный резонанс, который вызвала у его соотечественников и даже друзей-либералов его оценка событий в Испанской Америке он счел необходимым разъяснить свои позиции по этому вопросу. Он заявил, что «никогда не советовал американским народам отделяться от короны Испании», а лишь протестовал против осуществляемой Испанией политики репрессий и угнетения; что никогда не стремился обесславить испанские власти, а выражал лишь свою точку зрения на происходившие события, считая, что в условиях свободы слова имеет право их высказывать; что никогда не был ни «автором», действующим по советам английского правительства, ни выразителем его идей и интересов⁴⁹.

Отвергая обвинения в апологии американской борьбы Бланко заявлял, что, прежде всего, он хотел доказать, что американцы не обязаны присягать на верность внутреннему правительству испанцев, потому что не давали на это своего согласия. «Я стремился всегда примирить две стороны. Не я ли защищал легитимность Регентского совета? Разве я не объяснил слова «независимость Америки», подразумевая под этим понятием создание внутреннего экономического правительства? Не я ли рекомендовал американцам умеренные реформы, и даже отказался от слова революция, отвергнув его? Не я ли предложил внести проект закона, основанный на этих предложениях, на рассмотрение будущих кортесов? Не я ли предлагал ввести фиксированный налог для американцев в пользу Испании?»⁵⁰.

Он призывал испанские власти строго выполнять свои обещания: «Они провозгласили равные права и предоставили американцам право избирать всего 24 депутата, которые должны защищать

⁴⁸ El Español, 1811.–Т. III, NXVI.– P.268-270.

⁴⁹ Español, 1810.–Т. II, N VI.–P. 490.

⁵⁰ El Español, 1810.–Т. II, N VII.–P.60, 61.

их интересы в кортесах, против 300 испанских депутатов. Их провозгласили неотъемлемой частью испанской монархии и одновременно угрожают наказанием, если они не признают внутреннее правительство, которое сформировала лишь незначительная часть. То же самое произошло в отношении декрета о свободе торговли, который то был принят, то вдруг сразу же отменен и запрещен. Та же Гавана получила право свободно торговать с другими портами и городами мира, почему же другие американские порты лишены этого права?»⁵¹

Бланко подчеркнул, что «никаким народам Испанской Америки нельзя объявлять войну, так как они присягнули законному королю Испании Фердинанду VII и провозгласили создание своих внутренних правительств, подобно созданным в Испании революционным хунтам. Поскольку американские испанцы были уравнены в правах с европейскими испанцами, им должно быть предоставлено равное количество мест (депутатов) в кортесах. «Это моя точка зрения, это мне подсказывает мой разум,- подчеркивал Бланко,- мое стремление найти справедливое решение, которое должно консолидировать испанский народ, ради счастья которого я готов отдать свою жизнь, если это понадобится. И если Испания будет следовать этому пути, она ничего не потеряет, но отвернувшись от него и начав осуществлять насильственную политику, рискует потерять рано или поздно Америку, предварительно потопив ее в крови своих же собратьев»⁵².

Опасаясь развязывания гражданской войны, явные следы которой уже начинали вызревать на американском континенте, и ее последствий, Бланко писал: «Неужели вы хотели, чтобы я выступал за гражданскую войну, чтобы пролилась кровь американских испанцев в их противостоянии с европейскими испанцами?» Он считал, что «революция, которая могла бы спровоцировать на выступление негров, индейцев и мулатов не в интересах тех, кто начал преобразования в Америке, в их интересах поддерживать порядок и держать в подчинение эти расы»⁵³.

Особые надежды Бланко возлагал на Кадисские кортесы, открывшиеся 24 сентября 1810 г. В октябре 1810 г. в разделе «Размышления», рассматривая американские проблемы, Бланко писал, что поскольку почти все провинции Испанской Америки, создав

⁵¹ El Español, 1810.—Т. II, N VII.—P. 62, 63.

⁵² El Español, 1810.—Т. II, N VII,— P.65.

⁵³ El Español, 1810.—Т. II, N VII— P.61,62.

свои местные органы власти, не стремятся отделиться от Испании и признали легитимность законного испанского короля, то теперь кортесы должны правильно использовать эту ситуацию. **«Равенство, абсолютное равенство** - это единственный способ сохранить связи между двумя народами, а также между всеми народами Америки». Он был убежден, что «жестокие военные методы, которые применяет Испания и ее правительство, а также распоряжения некоторых военных испанских руководителей, могут спровоцировать гражданскую войну, которую будет довольно трудно погасить. Если кортесы примут правильное решение, они покроют себя вечной славой»⁵⁴.

Декрет от 15 октября 1810 г., принятый кортесами, вызвал новую волну критики со стороны редактора газеты. С одной стороны, декрет декларировал равенство прав Испании и ее американских провинций, но в то же время оставлял на неопределенное будущее конкретное решение этого вопроса⁵⁵. Он назвал этот декрет «недостаточно либеральным»⁵⁶. «Слова, одни слова», - так комментировал Бланко деятельность кортесов в отношении Испанской Америки. «Они не хотят ни говорить, ни слышать ничего». Между тем, писал автор, «в Америке разрастается пожар войны... Кортесы могли бы «предотвратить гражданскую войну; кортесы могли выслушать мнение американцев; кортесы могли воспользоваться помощью этого народа и богатством его недр. Им не хватает твердо-

⁵⁴ El Español, 1810.-Т. II, NVII.-P.85.

⁵⁵ Декрет, принятый 15 октября и опубликованный 16-го, подтверждал национальную принадлежность американцев: «Все испанские владения в обоих полушариях представляют единую монархию, единую нацию и одну семью; в связи с этим все лица, рожденные на этих территориях, как на европейских, так и американских, имеют равные права». В то же время декрет откладывал на неопределенное будущее («когда кортесы сочтут это своевременным и необходимым для процветания жителей заокеанских территорий») конкретное решение вопроса о том, как и каким образом должны быть представлены заокеанские территории. Одновременно декрет обещал предоставить амнистию тем провинциям Испанской Америки, которые прекратят сепаратистские движения и признают законное правительство матери-родины. (Diario de Sesiones Generales y Extraordinarias. Sesión de 16 de octubre de 1810. Cadiz, 1812.-Т. I.-P.45.) (По этой проблеме см.: Ивкина Л.А. Рамон Пауэр-и-Хиральт и Кадисские кортесы (1810-1813) //Латиноамериканский исторический альманах. Москва: ИВИ РАН, 2011, N11.- P.76-80).

⁵⁶ El Español, 1811.-Т. III, N XVII. - P.422, 423.

сти для принятия столь важного решения: они приняли декрет неясный, расплывчатый, сомнительный»⁵⁷.

В декабре 1810 г. автор отметил, что «тяжелейшие ошибки, которые допустило правительство Испании в отношении Америки, могут в ближайшее время привести к печальным последствиям для обоих народов». Он считал, что едва ли найдутся люди в Кадисе, которые осмелились бы говорить о настоящем положении вещей в Америке: в Каракасе действует кучка интриганов, в Буэнос-Айресе – ошибка, в Санта-Фе – интриги, в Кито – наказание бунтовщиков, нарушивших покой общества. Так оцениваются революционные события на американском континенте. Публикуемые им в газете документы, по мнению автора, свидетельствуют о том, что американские провинции Испании не хотят отделяться от метрополии, стремятся направить своих депутатов в кортесы на основе равного представительства. На все это «один ответ со стороны Испании – ненависть, проклятия, тайные инструкции, или враждебные декларации против Каракаса; вооружают одних против других, и разгорается гражданская война со всеми ее ужасными последствиями»⁵⁸. События в Буэнос-Айресе и нежелание Монтевидео и Парагвая признавать его власть над своей территорией, казнь бывшего вице-короля Линье, блокада Венесуэлы и роялистские заговоры в Каракасе, нарастание внутренних разногласий в Санта-Фе свидетельствовали о том, что обстановка в Испанской Америке все более обострялась.

Бланко отметил, что никогда еще Испания не находилась на краю пропасти, как сейчас. Виной всему была недальновидная политика Регентского совета и торговых кругов Кадиса, защищавших свои корыстные коммерческие интересы. Он опасался, что в один момент Испания может оказаться без материальной помощи, столь необходимой в условиях войны. Он полагал, что кортесы могут устранить эти беды, если они поймут истинное положение дел в Испанской Америке. Еще год назад, писал он, можно было предотвратить потрясения в Америке, осуществляя действенную политику в сфере торговли и промышленности; «когда началась революция в Каракасе и в Буэнос-Айресе, можно было погасить ее, разрешив создание народных хунт, зависимых в политическом плане от Испании, но выполняющих функции экономических органов местной власти». Взамен этого можно было просить у американцев

⁵⁷ El Español, 1811.–Т. II, N X.– P.335.

⁵⁸ El Español, 1810.– Т. II, N IX.– P.249, 250.

материальную помощь, которую они бы с большим удовольствием оказали. Кроме того, «можно было бы предоставить привилегии в сфере торговли посредством договора между Испанией, Америкой и Англией к всеобщему благу для всех»⁵⁹.

«Война в Америке, - писал он декабре 1810 г., - самое страшное из бед, которые только может случиться в судьбе Испании. Огромные территории, в которых пылает пожар революции, нельзя подавить с помощью оружия. Лишь разобщенность американцев может обеспечить превосходство и победу испанцев». «Единственно правильный, верный, необходимый шаг, который должны предпринять кортесы,- писал Бланко, – это приостановить гражданскую войну, результаты которой в любом случае будут против Испании. Вполне возможно, что американцы будут превосходить по силам испанцев, и тогда после кровопролитных сражений имя испанца станет для внуков конкистадоров Нового Света столь же ненавистным, как ненавистно имя их прадедов для коренных жителей. Последствия ее – полное отделение Америки от Испании»⁶⁰.

Он настаивал на прекращении военных действий и отправки новых военных пополнений против Америки, «С какой целью ведется война, почему интересы Испании в Америке защищаются ценой оружия? Для чего погибают люди и тратится золото, которое так необходимо в борьбе против французских оккупантов?»⁶¹. Он опасался, что уже поздно восстановить мир в Америке, однако считал, что долг кортесов все-таки представить доказательство того, что они хотели хотя бы по доброй воле погасить ее. «Прекратить враждебные действия: выслушайте американцев, дайте им возможность ознакомиться с тем, что им хотят предложить кортесы. Испания потеряет меньше, если выслушает их, и потеряет больше, если будет вести против них военные действия», - призывал Бланко со страниц своего издания⁶². Он считал «верхом безрассудства» осуществлять в Америке военные операции с привлечением креолов⁶³.

Ответ Бланко (11 июля 1811 г.) на письмо министра иностранных дел Каракаса Х.Г. Россио от 28 января 1811 г., опубликованное в июле 1811 г., представляет важный документ, позволяющий

⁵⁹ El Español, 1810.–Т. II, N X.–P. 338, 339.

⁶⁰ El Español, 1810.–Т. II, N IX.– P. 251.

⁶¹ El Español, 1810.–Т. II, N IX.–P. 251

⁶² El Español, 1810.–Т. II, N IX.– P. 252.

⁶³ El Español, 1811.–Т. II, N X.– P. 337.

понять взгляды Бланко на американскую проблему. Он вновь отметил, что оценивал события апреля 1810 г. в Каракасе, как бескровную революцию, как естественное и неизбежное событие, вызванное новостями из метрополии, он пытался примирить Испанию и Испанскую Америку, «способствовать счастью Испанской Америки, соединить и сплотить две стороны»⁶⁴. Однако его попытки примирить две испанские стороны не увенчались успехом. Не оправдались и его надежды на то, что кортесы смогут исправить досадные ошибки, допущенные Регентским советом. Они также проявили враждебное отношение к происходившим в Америке событиям. Он полагал, что все, что он писал по этому поводу, он делал «во благо Испании, страдающей от невежественных правителей»⁶⁵. «Никогда, - продолжал он далее, - я не считал, что Испанская Америка может отделиться от Испании в сложившейся ситуации. Испания ведет героическую борьбу и могла бы лишиться существенной помощи, или может даже погибнуть». Однако удивительно, что испанское правительство, пытаясь их подавить, «требует эту помощь с оружием в руках, создавая, таким образом, прецедент для разногласий между креолами и европейцами»⁶⁶. Самая большая опасность сейчас состоит в том, отмечал он, что «нарастает ненависть и враждебность между креолами и европейцами и они могут превратиться в две разные нации»⁶⁷.

В январе 1811 г., касаясь событий в Америке, Бланко писал, что нет ничего нового в противостоянии между американскими и европейскими испанцами. И снова вносит свои предложения по урегулированию конфликта между Испанией и ее американскими провинциями: признать легитимными созданные там революционные хунты, которые сформировали народы Америки; разрешить всем провинциям, которые еще не создали их, сформировать подобные местные органы власти; наделить их полномочиями, которые ранее находились в руках вице-королей и губернаторов; предоставить американцам право избирать своих депутатов в кортесы по тем же правилам и нормам, которые приняты в Испании. Он предлагал испанским политикам «освободить Америку от трехсотлетнего рабства, пойти навстречу пожеланиям американского народа, прекратить воевать с ней с помощью сформированных из

⁶⁴ El Español, 1811. – Т. III, N XVI. – P. 297.

⁶⁵ El Español, 1811. – Т. III, NXVI. – P. 299.

⁶⁶ El Español, 1811. – Т. III, NXVI. – P. 300.

⁶⁷ El Español, 1811. – Т. III, N XVI. – P. P. 301.

креолов отрядов, считая это верхом безумия»⁶⁸.

Значительное место, отводимое в газете событиям, происходившим в Испанской Америке, особенно в первых номерах издания, свидетельствовало о том, что Бланко прекрасно понимал, насколько важны были для будущего Испании, его родины, последствия этих революционных событий. Он защищал требования Испанской Америки на этом этапе, потому что это могло сохранить и даже упрочить положение Испании. Вся его критика в адрес сначала Центральной хунты и Регентского совета, а затем и кортесов, преследовала одну цель – сохранить целостность испанской монархии, придав ей более современный облик. Проблемы Америки, писал он, стали «важными не только для испанской нации, но они являются и моей личной проблемой, потому что именно за мои взгляды на эту проблему меня унижают, оскорбляют, преследуют»⁶⁹. Бланко понимал, что непоследовательная, неадекватная политика испанских властей может привести к непредсказуемым последствиям. Последующие события в Испанской Америке лишь подтвердили предвидение Бланко. (Продолжение следует)

⁶⁸ El Español, 1810.–Т. II, NX.–P. 335- 337.

⁶⁹ El Español, 1811.–Т. III, N XVI.– P. 308.

О. И. Посконина¹
O.I. Poskonina

**Симон Боливар. Краткая история жизни «самого
большого идеалиста» Латинской Америки**

**Simon Bolivar. A short life story of «the biggest
Latin American idealist»**

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся революционеру, освободителю Латинской Америки С. Боливару. На основе воспоминаний его адъютанта и документов эпохи Войны за независимость прослеживаются наиболее яркие и значимые события жизни Боливара, включая детство и юность, этапы развития его военной и политической карьеры. В статье нашли отражение черты характера Освободителя, некоторые его идеи, политические меры и их влияние на ситуацию в значительной части Южной Америки, вошедшей в состав Великой Колумбии.

Ключевые слова: Симон Боливар, «война насмерть», революционная диктатура, Великая Колумбия.

Abstract: The paper is devoted to the life of an outstanding revolutionist and the emancipator of Latin America Simon Bolivar. The brightest moments of his life are analyzed based on the memories of his aide-de-camp and the documents of the War for Independence. These moments include his childhood and youth and the stages of his military and political career. Simon's traits of character, ideas, political measures and their influence on the situation in most part of Latin America that was included in Great Columbia are shown in this article.

Keywords: Simon Bolivar, «war to death», revolutionary dictatorship, Great Columbia.

Война за независимость испанских колоний в Америке явила миру немало выдающихся личностей – полководцев, политиков, дипломатов, среди которых неоспоримое лидерство принадлежит

¹ Ольга Ивановна Посконина, кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова Olga I. Poskonina. Docente of the Lomonosov Moscow University, olgaposk@yandex.ru

Симону Боливару, отпрыску знатного и богатого рода Боливар-и-Понте, чьи предки обосновались в Новом Свете еще в период конкисты². Со временем это семейство заняло высокое положение в обществе, в его владении находились обширные поместья, плантации какао и хлопка, скотоводческие хозяйства, сахарные заводы, несколько домов в Каракасе (столице генерал-капитанства Венесуэла) и многочисленные рабы³.

В советской историографии о принадлежности Боливара и многих его соратников к креольской аристократии упоминалось нечасто, хотя «генералы революции», боровшиеся с королевской тиранией, в большинстве своем действительно представляли семейные кланы латифундистов, крупных торговцев, владельцев мануфактур и рудников. После падения власти метрополии они оказались хозяевами положения и прочно удерживали в своих руках бразды правления в независимых республиках. Это обстоятельство во многом объясняет, почему Боливар, кумир всех последующих поколений латиноамериканцев, получивший высокое звание «Освободитель» и сумевший выйти за рамки классовых интересов, в конечном итоге стал свидетелем краха большей части своих реформаторских начинаний, да и его собственная политика, особенно в конце жизни, не отличалась последовательностью. Не случайно после смерти Боливара его идейное наследие использовалось демократами и диктаторами, консерваторами и либералами для обоснования взаимоисключающих тезисов, причем в наибольшей степени это было свойственно соотечественникам Освободителя. Как отмечал известный историк Х. Каррера Дамас, венесуэльские правящие круги, умело манипулируя историческим прошлым, способствовали распространению «боливарианского культа» и постоянно внушали венесуэльцам, что Освободитель дал им свободу, равенство, республиканский строй, то есть все уже завоевано, причин для социальной революции нет, следует лишь достойно распорядиться наследием Боливара⁴. Культ Освободителя поддерживался не только усилиями правящей элиты, но и благодаря апологетическим трудам патриотически настроенных историков и писате-

² Полное имя Боливара – Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар де ла Концепсьон-и-Понте Паласиос-и-Бланко.

³ Линч Дж. Революции в Испанской Америке. 1808-1826. - М.: Прогресс, 1979. - С. 212.

⁴ Подробнее см.: Carrera Damas J. Una nación llamada Venezuela. - Caracas: Monte Avila, 1984. - P. 84-86.

лей. Пристально изучая его жизненный путь, они рисовали образ пламенного революционера, мудрого политического деятеля, успешного военачальника и в редких случаях – человека с присущими ему слабостями и особенностями характера.

Вскоре после Войны младший современник Боливара, талантливый венесуэльский публицист, историк и политический деятель Х.В. Гонсалес создал серию портретов героев революции, справедливо полагая, что изучение жизни выдающихся людей позволяет лучше понять характер событий, в которых они участвовали, а также степень их влияния на эти события. Иными словами, биография человека может исполнить роль гида, помогающего адекватно интерпретировать историю. Жизнеописание Боливара, идеального, по мнению Гонсалеса, политического деятеля, «бесстрашного перед лицом опасности, терпеливого в работе, постоянного во вражде, неутомимого и полного сил», давала исследователю возможность связать воедино и оживить события революции⁵. Хотя Боливар превратился в революционера континентального масштаба, национальная принадлежность все-таки обусловила географию его участия в Войне – это Андский регион, прежде всего Венесуэла и соседнее вице-королевство Новая Гранада (Колумбия), а также Боливия, Кито (Эквадор) и Перу.

Земной путь этого великого венесуэльца был недолог, однако подробное описание всех перипетий его жизни составит не один увесистый том. Из сорока семи лет, прожитых Освободителем, около двадцати пришлось на революционный период, а 472 битвы и различных вооруженных конфликтов – впечатляющий послужной список воина, а он был еще и неординарным политиком⁶. Попробуем и мы вспомнить хотя бы некоторые его дела и мысли, не упуская из виду яркие человеческие качества «латиноамериканского Дон Кихота», боровшегося за прекрасные, но недостижимые идеалы.

Жизнь до Войны

Родился будущий Освободитель 24 июня 1783 г. в Каракасе,

⁵ González J. V. Páginas de la Historia de Colombia y Venezuela o Vida de sus Hombres Ilustres // Antología fundamental del ensayo venezolano. – Caracas: Monte Avila, 1983. - P. 190-191.

⁶ Ларин Е. А. Плеяда освободителей Латинской Америки. - М.:ИВИ РАН, 2010. - С. 65.

однако принадлежность к знатной и состоятельной семье не избавила маленького Симона от тяжелых утрат. На протяжении первых десяти лет своей жизни он потерял отца, мать, затем заменившего родителей деда и остался сиротой, хотя и в окружении не бросивших его на произвол судьбы родственников. Заметим, что в ранней молодости Боливару также пришлось пережить ужасную личную трагедию. Симон очень рано женился – в 1802 г. в Мадриде он сочетался браком с девушкой чуть старше него, красавицей Марией Тересой де Торо, которую страстно любил. Ее жизнь, оборвавшуюся через год после замужества, унесла желтая лихорадка⁷. Боливар стал вдовцом впоследствии уже не женился.

По свидетельству одного из биографов Освободителя, его адъютанта генерала Д. Ф. О'Лири, в детские годы Симон отличался понятливостью и хорошей памятью, легко усваивал все то, чему его учили, но, будучи настойчивым и упорным во всех своих начинаниях, в большей степени демонстрировал приверженность к играм и гимнастическим упражнениям, чем к учебе. Характер у мальчика был ласковый и открытый, но в то же время раздражительный и беспокойный. Примирить эти качества удавалось лишь благодаря терпению его близких и учителей⁸. Таким образом, О'Лири отмечал, что еще в детстве Боливару были свойственны противоречивость натуры и неуравновешенность характера – не удивительно для ребенка, рано лишившегося родительской ласки.

Учителя Симона были людьми не только просвещенными, но и весьма известными. Одним из наставников Боливара стал С. Родригес, оставивший потомкам ряд философских и педагогических трудов. Он обучал своего подопечного испанскому и латинскому языкам, арифметике и истории, однако успехи Симона в постижении этих наук не соответствовали ни ожиданиям членов семьи, ни дарованию Родригеса, ни природным способностям мальчика к учебе. Тем не менее Родригес сохранял высокое мнение о талантливом ребенке, чье воображение было живым, даже поэтическим, и который удивлял окружающих оригинальностью своих сужде-

⁷ Там же. С. 62.

⁸ O'Leary D. F. *Memorias del General O'Leary*. V. 27. - Caracas: Ministerio de la Defensa, 1981. - P. 5. Даниэль Флоренсио О'Лири – адъютант Боливара и один из самых известных его биографов, чьи сведения считаются достоверными. Свой труд, основанный на личных воспоминаниях, рассказах очевидцев событий и многочисленных документах, он завершил в 1840 г., доведя повествование до 1826 г.

ний. К 14-ти годам Боливар был передан под попечительство А. Бельо, в будущем видного представителя латиноамериканского Просвещения. Смена учителя не способствовала позитивным изменениям в отношении подростка к учебе, напротив, по мере взросления он начал проявлять склонность к деревенской жизни, проводя большую часть времени в одном из родовых поместий, где занимался сельскохозяйственным трудом и открыл для себя потрясающую красоту окружающего мира⁹.

Оказавшись в 1802 г. в Европе, Боливар осознал, что уровень его образования далек от совершенства. В Париже он нашел хороших учителей и посвятил себя изучению математики, языков, а также произведений древних и современных писателей, проводя дни и ночи за чтением книг. Учеба принесла плоды – Боливар прекрасно говорил и писал на французском языке, довольно прилично – на итальянском, понимал английский, неплохо знал греческую и латинскую классическую литературу, которую читал в переводах на французский¹⁰. Однако его любимыми авторами стали Ш. де Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, хотя Боливару были хорошо знакомы и труды других европейских просветителей.

Формирование политических взглядов Боливара также началось в Европе. Его первое посещение Франции совпало с периодом Консульства. Триумф свободы, новые политические учреждения, расцвет философской мысли и искусств – все это потрясло молодого человека, выросшего на окраине колониальной империи. Главным объектом его восхищения стал Наполеон Бонапарт, возглавлявший Французскую республику в качестве первого консула, и с тех пор в душе Боливара окрепли республиканские убеждения. Во время следующего посещения Парижа он увидел иную картину – монархию Наполеона I. «Он сделал себя императором, и с этого дня я стал видеть в нем лицемерного тирана, душителя свободы и препятствие на пути прогресса цивилизации», – цитировал О'Лири слова Боливара¹¹.

Когда в конце 1806 г. Боливар вернулся в Каракас, его душа была переполнена «решительной и смертельной ненавистью ко всему испанскому. Молодой Ганнибал, питая вечную вражду к Риму, испытывал меньшую ненависть к недругам своей родины,

⁹ Ibid. P. 5-7.

¹⁰ Ibid. P. 489.

¹¹ Ibid. P. 15.

чем Боливар к угнетателям своей», – писал О'Лири¹². Накануне освободительных революций мятежные настроения все более проникали в зажиточную креольскую среду. В этот период Боливар не был заметной фигурой в политической жизни Венесуэлы, а лишь вращался среди фрондирующей «золотой молодежи».

Конечно, у патриотов, как называли сторонников независимости, были основания не испытывать пламенной любви к Испании, ее политическому строю и монархам. Горячий поклонник Боливар Х. В. Гонсалес полагал, что нация метрополии, поработившей землю, на которой родился Освободитель, оставалась самой невежественной и суеверной на европейском континенте, а ее колонии, где процветали рабские обычаи, три века находились в состоянии деградации; Южная Америка не знала, что существуют политические права, привыкла к послушанию и с ужасом взирала на тех, кто говорил о свободе¹³. Однако в начале XX в. в венесуэльской историографии появился иной взгляд на предпосылки антииспанских восстаний в колониях. Так, венесуэльский историк А.С. Рибас справедливо заметил, что освободительная революция была логическим завершением процесса развития испано-американских колоний и стала возможна только благодаря «родине-матери», создавшей необходимую материальную базу, иначе все усилия освободителей оказались бы тщетными; сами революционеры также были многим обязаны Испании, «вскормившей этот легион образованных людей – капитанов, политиков, дипломатов, землевладельцев, должностных лиц и писателей, которые посредством разрыва и войны создали и упрочили новое государство»¹⁴.

Итак, повзрослевший аристократ вновь оказался в родном Каракасе. Его последнее пребывание в Париже едва не обернулось большой бедой. Боливар вдруг увлекся азартными играми, поставив под угрозу собственное состояние, проиграл много денег, но ухитрился их вернуть и дал зарок больше не играть. Во-вторых, теперь он «покинул Париж с подорванным здоровьем, что стало результатом того образа жизни, который он вел на протяжении последних десяти месяцев»¹⁵. О том, каким порокам, помимо карточ-

¹² Ibid. P. 24.

¹³ См.: González J. V. Selección histórica. - Caracas: Monte Avila, 1979. - P. 132-136.

¹⁴ Цит. по: Liscano J. Ciento cincuenta años de cultura venezolana // Venezuela independiente. 1810 – 1960. – Caracas: Mendoza, 1962. - P. 463-464.

¹⁵ O'Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. 19-20.

ной игры, предавался молодой вдовец, можно только догадываться, так как О'Лири, правдиво излагая известные ему события, зачастую умалчивал о тех обстоятельствах, которые могли скомпрометировать его героя.

В столице Боливар быстро примкнул к креольским заговорщикам. Однажды они собрались в принадлежавшем Боливарам летнем доме, расположенном в уединенном месте, где юный Симон часто проводил каникулы. Это было идеальное место для ночных встреч и бесед. Именно здесь революционеры в июльскую ночь 1808 г. приняли решение свергнуть генерал-капитана Х. де Касаса, а затем создать новое правительство – Хунту и провозгласить отделение своей родины от Испании, но замысел не удался¹⁶. Заговорщики сумели избежать ареста, а вскоре в Венесуэлу прибыл новый генерал-капитан В. Эмпаран – последний испанец, управлявший этой колонией от имени короны.

От «бескровной драмы» к «войне насмерть»

Удивительно, но Боливар не принял участия в революционных событиях 19 апреля 1810 г., когда в Каракасе мирным путем была свергнута власть В. Эмпарана. Он удалился в свое поместье, откуда с большим интересом следил за тем, что происходило в столице. После успешно завершившегося восстания власть перешла в руки сформированной патриотами Хунты, и тогда Боливар предложил свое содействие революционному правительству. Мотивы его столь странного поведения неясны. Согласно утверждению О'Лири, Эмпаран был другом Боливара и последний из этических соображений не хотел выступать против генерал-капитана. По этой причине многие патриоты ему не доверяли¹⁷. По другим сведениям, Эмпаран, обладавший добродушным характером, узнав, что Боливар принадлежит к числу заговорщиков, выслал его из столицы¹⁸.

Не имевшим политического опыта революционерам приходилось действовать в непростых условиях, преодолевая внутренние

¹⁶ Documentos para la Historia de Venezuela existentes en el Archivo Nacional de Cuba. – La Habana: Publicaciones del Archivj Nacional dt Cuba, 1960. – P. XXIV-XXV.

¹⁷ Ibid. P. 24-25.

¹⁸ Uslar Pietri J. Historia política de Venezuela. – Caracas: Edime, 1975. - P. 86.

разногласия, подвергаясь нападкам со стороны приверженцев испанской монархии – роялистов и ощущая нехватку материальных средств. Хотя в самом Каракасе смена власти напоминала «бескровную драму», по мере нарастания революции выяснилось, что позиция столичных креолов не отражала настроения всей креольской элиты и большинства простого населения¹⁹. Сами революционеры также делились на консерваторов и «радикалов-автономистов»: первые намерены были добиваться самоуправления под властью испанской короны, вторые, к которым принадлежал и Боливар, требовали полного разрыва с Испанией²⁰.

Правительственная Хунта пыталась добиться не только внутреннего, но международного признания, и, заручившись поддержкой иностранных правительств, закупить у них оружие и необходимое снаряжение. В Вашингтон направилась делегация во главе с Хуаном Висенте Боливаром, а миссия в Лондоне была поручена его младшему брату Симону. Хуан Висенте сумел раздобыть большую партию оружия, но не добился политической поддержки венесуэльских революционеров со стороны правительства США. Вскоре в жизни Боливара произошла еще одна трагедия – его брат погиб при кораблекрушении, возвращаясь в Венесуэлу²¹. Усилия Симона установить отношения с Великобританией также успехом не увенчались, да и оружия англичане патриотам не предоставили, зато во время миссии произошло знакомство Боливара с его соотечественником, ветераном Французской революции и предтечей креольского освободительного движения в колониях Ф. Мирандой.

В декабре 1810 г. Миранда прибыл к родным берегам. Войдя в контакт с патриотами, он вступил в политический клуб, созданный в Каракасе еще в августе того же года и получивший название Патриотическое общество. Оно состояло в основном из молодых аристократов-креолов, подражавших французским революционерам-якобинцам, имело отделения в других городах и пропагандировало идею независимости Венесуэлы, хотя формально было об-

¹⁹ По мнению О'Лири, накануне войны в Испанской Америке преобладали роялистские настроения. Каждый раз, когда «искорка разрушения» создавала угрозу миру в колониях, народные массы и верхи стихийно вставали на защиту королевской власти, поэтому нет никаких оснований полагать, утверждал О'Лири, что желание отделиться от метрополии было всеобщим или имело глубокие корни. См.: O'Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. L.

²⁰ Линч Дж. Указ. соч. С. 208.

²¹ Лаврецкий И. Боливар. - М.: Молодая гвардия, 1966. - С. 33.

разовано для содействия развитию сельского хозяйства и промышленности. Общение Миранды и Боливара, также являвшегося членом клуба, было очень тесным²². Во время собраний Патриотического общества окрестные жители часто не могли уснуть из-за восторженных криков простого люда, аплодировавшего зажигательным речам ораторов, среди которых находился и Боливар²³.

В начале марта 1811 г. в Каракасе открылся Национальный конгресс, куда попали в основном выходцы из семей богатых землевладельцев, которые принадлежали к лагерю консерваторов, но находились под влиянием, во всяком случае на словах, либеральных идей. Благодаря настойчивым требованиям и агитации со стороны Миранды, Боливара и других «экстремистов» 5 июля депутаты, представлявшие Каракас и несколько признавших Хунту восточных провинций, провозгласили независимость Венесуэлы. В декабре того же года была принята конституция нового государства – первый Основной закон, появившийся в Южной Америке и утвердивший в Венесуэле республиканскую форму правления на основе разделения властей. В конституции, испытавшей влияние североамериканской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина, провозглашались демократические свободы, упразднялись сословные привилегии, запрещались работорговля и расовая дискриминация, но не подразумевалось проведение социальных преобразований в интересах «цветного» населения – пардо (мулатов), индейцев и метисов, положение которых осталось столь же бедственным, как в колониальные времена. Темнокожие рабы остались рабами, а право голоса предоставлялось только владельцам собственности²⁴.

Так родилась Первая Венесуэльская республика, которой еще предстояло себя защищать в условиях постоянных роялистских восстаний в провинциях и экономического коллапса, наступившего, когда мятежная колония оказалась отрезана от жизненно важ-

²² Uslar Pietri J. Op. cit. P. 68-69; Salmoral M. L. La Independencia // Historia de Iberoamérica. V. 3. – Madrid: Cátedra, 1988. - P. 82.

²³ Подробнее см.: Uslar Pietri J. Op. cit. P. 69-71.

²⁴ См.: Линч Дж. Указ. соч. С. 209-210. К концу колониального периода приблизительно 45% населения Венесуэлы приходилось на пардо, 4% – на свободных негров, 9,7% – на негров-рабов, 2,6% – на рабов, находившихся в бегах. Таким образом, в социально-расовой структуре Венесуэлы преобладали африканцы и их потомки. Белые, то есть испанцы и креолы, составляли меньшинство, индейцев также было мало. Там же. С. 202-203.

ных для нее внешних рынков. Выпущенные революционным правительством для покрытия расходов бумажные деньги вызвали безудержную инфляцию. Быстро подорожали товары и продукты питания, тем более что производство продовольствия упало по причине мобилизации части сельского населения в республиканскую армию. Венесуэльцы роптали и проклинали новые власти. Падение Первой республики было предreshено.

В марте 1812 г. к Каракасу двинулись войска роялистов под командованием Д. Монтеверде. Военную опасность усугубило разрушительное землетрясение, случившееся 26 марта. Погибло более 20 тыс. человек, столица лежала в руинах, города в восточных провинциях также подверглись разрушению. Это страшное бедствие вызвало величайшее смятение среди жителей пострадавших районов, а священнослужители окончательно запугали невежественные народные массы. Они отождествляли религию с монархией и доказывали, что отвергать короля – значит отвергать Бога. В мемуарах О'Лири описано, как в тот трагический момент Боливар, рискуя жизнью, вышел на городскую площадь, где его сограждане внимали яростной проповеди монаха – Божественное Провидение обрушило кару на мятежников! Фанатичная толпа готова была растерзать Боливара, но он сумел заставить монаха замолчать, а затем с помощью шпаги и нескольких солдат разогнал недовольный народ²⁵. В его жизни религия не играла большой роли, более того, Боливар был «законченным атеистом»²⁶.

В начале апреля, когда положение патриотов стало критическим, исполнительная власть в нарушение конституции была передана Миранде. Национальный конгресс назначил его главнокомандующим вооруженными силами республики, облеченным чрезвычайными полномочиями. Опытный в военном деле, но нерешительный генерал был намного старше Боливара и, по некоторым признакам, между ними сложились довольно прохладные отношения. В разгар наступления испанцев Миранда отстранил Боливара от участия в военной кампании, назначив комендантом крепости Пуэрто-Кабельо, то есть на должность, меньше всего соответствующую его беспокойному характеру. К этому времени Боливар, которому не исполнилось и тридцати лет, дослужился до чина полковника. В первых числах июля вверенная ему крепость, главный склад военного снаряжения патриотов, была захвачена непри-

²⁵ O'Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. 49-50.

²⁶ См.: Линч Дж. Указ. соч. С. 213.

ятелем.

Деморализованное республиканское правительство в панике искало выход из создавшегося положения, пока Миранда не принял решение прекратить сопротивление. 24 июля его представитель, «чтобы избежать кровопролития и других связанных с войной бедствий», подписал в Сан-Матео акт о капитуляции²⁷. Через пять дней торжествующие роялисты вступили в Каракас, и день 30 июля ознаменовался падением Первой Венесуэльской республики. Победившая «армия» Монтеверде насчитывала менее 300 человек²⁸. Миранда попытался покинуть венесуэльский берег на английском корабле, но был задержан группой молодых офицеров. Среди них находился и Боливар, считавший Миранду трусливым изменником.

Боливара часто обвиняли в том, что он предал своего несчастного соратника, так как активно способствовал аресту Миранды, в результате чего тот попал в руки врагов и закончил свою жизнь в испанской тюрьме. Однако О'Лири утверждал, что Боливар поступил подобным образом не из мести или неприязни к генералу, а по принципиальным соображениям. По его версии, Боливар лишь хотел задержать Миранду в Венесуэле, чтобы бывший главнокомандующий потребовал от Монтеверде точного исполнения условий договора о капитуляции. В подтверждение этой версии О'Лири привел отрывки из писем современников событий, в частности, другого адъютанта Боливара, полковника Вильсона, который так излагал соображения их общего патрона: «Если Миранда верил, что испанцы будут соблюдать договор, он должен был остаться, чтобы заставить их его выполнять; если же не верил, то он являлся предателем, пожертвовавшим своей армией». Далее Боливар якобы заявил, что лично он расстрелял бы генерала Миранду как изменника²⁹. Иными словами, О'Лири доказывал, что в действительности причиной пленения и гибели Миранды стало не предательство со стороны Боливара, а высокая принципиальность и чувство долга, присущие будущему Освободителю.

Несмотря на обещанную амнистию, повстанцы вскоре оказались в быстро переполнившихся тюрьмах или, опасаясь репрессий, покинули родину. В этот тяжелый момент Боливару удалось от-

²⁷ *Capitulación de San Mateo // Antología Documental de Venezuela*. 1492-1900. – Caracas: s. e., 1960. - P. 193-194.

²⁸ Линч Дж. Указ. соч. С. 211.

²⁹ Salmoral M. L. *Op. cit.* P. 73-76.

плыть на остров Кюрасао, принадлежавший Голландии, откуда он перебрался в Новую Гранаду. Пока Монтеверде хозяйничал в Венесуэле, Боливар создавал предпосылки для нового выступления патриотов против Испании и составил известный политический документ, где впервые содержались развернутое изложение его взглядов и анализ причин поражения революции – Манифест от 15 декабря 1812 г.

В Манифесте Боливар упрекал правительство поверженной республики в слабости и нерешительности, в либерализме по отношению к враждебным провинциям, ставшим оплотом роялистов. Вместо необходимой в таких условиях регулярной армии формировались многочисленные отряды милиции, что привело к разбазариванию средств и вызвало ненависть со стороны населения, поскольку в злоупотреблениях вооруженных блюстителей порядка оно обвиняло прежде всего революционную власть. Боливар признал ошибочными и другие меры, в частности, выпуск бумажных денег, вызвавший у народа открытое недовольство. Он подверг резкой критике первую конституцию Венесуэлы, с глубокой убежденностью обрушившись на несвоевременный в сложившихся условиях принцип федеративного устройства республики. «Федеративная система, более совершенная и способная принести счастье членам общества, полностью противоречит, однако, интересам наших молодых государств», – писал Боливар³⁰. Ему казалась неприемлемой в тот момент и система всеобщих выборов, так как невежественное население, с его точки зрения, было неспособно самостоятельно воспользоваться своими правами и легко становилось объектом всевозможных манипуляций. Землетрясение и его последствия, подрывные действия священнослужителей, внутренние разногласия в правительстве республики – все это стало основанием для серьезных выводов. Важнейшей задачей ближайшего будущего Боливар считал усмирение мятежных провинций и возобновление вооруженной борьбы с Испанией³¹. Таким образом, он признал, что Венесуэльская республика не пользовалась широкой поддержкой «снизу», а ее лидеры не сделали все возможное для спасения завоеваний революции.

Рождение Боливара-военачальника, как и политического лидера, также началось после падения Первой республики. В Новой Гранаде, где еще продолжалась борьба с роялистами, Боливар по-

³⁰ Manifiesto de Cartagena // Antología documental de Venezuela. P. 197.

³¹ Полный текст Манифеста см.: Ibid. P. 194-201.

лучил скромную должность командира небольшого отряда, расположившегося на левом берегу р. Магдалены, и категорический приказ ни в коем случае не покидать занятых позиций. Однако он в очередной раз совершил поступок, который можно оценивать по-разному. Нарушив воинскую дисциплину, Боливар предпринял рейд по близлежащим районам, освободив от неприятеля ряд населенных пунктов. Конечно, неисполнение приказа являлось серьезным воинским преступлением, но, как известно, «победителей не судят»: ведь «это не для возвышенных душ – спокойно переносить пренебрежение, и не для гения – с легкостью подчиняться суровой военной дисциплине», – писал об этом инциденте О'Лири³².

Боливару удалось убедить новогранадских революционеров в необходимости совместных действий, и он получил разрешение сформировать отряд из венесуэльских эмигрантов и местных добровольцев. В мае 1813 г. небольшая армия патриотов под командованием Боливара, насчитывавшая около 700 человек, преодолела трудный путь через Анды и освободила часть венесуэльской территории, открыв дорогу на Каракас³³. В ходе этой так называемой «славной кампании», стремясь активизировать освободительную борьбу, 15 июня 1813 г. Боливар издал знаменитый декрет, объявивший о начале «войны насмерть» против роялистов. Это влекло за собой беспощадную расправу со всяким, кто «не борется самым энергичным и действенным образом за правое дело». Всем перешедшим в ряды патриотов, в том числе испанцам, было обещано помилование, а если последние окажут существенную помощь республике, то будут считаться американцами³⁴.

Боливар осознавал, что в Южной Америке разразилась гражданская война, в которой с обеих сторон преобладали колонисты. Большая часть испанских войск, как утверждал О'Лири, состояла из венесуэльцев, и это вызывало у Боливара чувство горечи. Что касается его декрета, то Монтеверде первым применил «право завоевателя», терроризируя население Венесуэлы и разрешая своим подчиненным убивать не только участников военных действий, но и простых обывателей³⁵. Наступило суровое время, отмеченное ужесточением Войны, принесшей с собой страдания и смерть, ра-

³² O'Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. 98.

³³ Линч Дж. Указ. соч. С. 215.

³⁴ Proclama de la Guerra a Muerte // Antología Documental de Venezuela. P. 205-206.

³⁵ См.: Линч Дж. Указ. соч. С. 215-216.

зорение и террор, ненависть и героизм, когда «дни были равны годам, а каждый час написан кровью»³⁶. Боливар искренне полагал, что законы военного времени требуют принятия суровых мер против неприятеля. «Война – это зло, – говорил Боливар, – но еще большим злом являются угнетение и средства, которые его поддерживают»; «лучше война и кровь, чем повинование и мир с угнетателями»³⁷.

Очередной стремительный марш-бросок Боливара через Анды оказался для испанцев полной неожиданностью, и 6 августа 1813 г. небольшая революционная армия вступила в Каракас. Так как высшее столичное общество еще не забыло, насколько решительно был настроен «экстремист» Боливар, оно с трепетом ожидало принятия им самых ужасных мер – предоставления свободы рабам, установления равенства, искоренения аристократии и всех привилегий. Однако ничего подобного не произошло. По свидетельству современника событий, принадлежавшего к лагерю роялистов, когда начались переговоры о капитуляции Каракаса, один из давних друзей Боливара открыто выразил опасения креольской верхушки по поводу его дальнейшей политики относительно «каст», то есть «низов». Проявив склонность к демагогии, Боливар, махнув рукой, якобы ответил: «Не беспокойтесь по поводу каст; я им вынужден льстить, потому что в них нуждаюсь: демократия на словах и аристократия в сердце»³⁸.

Овладение Каракасом еще не означало победы патриотов – в руках противника оставались многие важные населенные пункты в провинциях. Тем не менее после освобождения столицы была провозглашена Вторая Венесуэльская республика во главе с Боливаром. Вновь созванный Национальный конгресс наделил его чрезвычайными полномочиями для борьбы с врагами республики. Затянувшаяся «война насмерть» требовала немалых средств, и патриотам приходилось изыскивать их всеми возможными способами. Для тех, кто отказывался платить налоги в республиканскую казну, были установлены суровые наказания, вплоть до смертной казни. С людей состоятельных собирали большие «добровольные пожертвования», в их дома ставили на постой солдат революционной армии. Все это вызывало протест со стороны многих венесуэльцев,

³⁶ González J. V. José Félix Ribas (Biografía). – Caracas: Villegas, 1956. - P. 223.

³⁷ O’Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. 238; v. 28. P. 244.

³⁸ Цит. по: Uslar Pietri J. Op. cit. P. 87.

принадлежавших к различным слоям населения. Боливару, как всякому смертному, было свойственно ошибаться – не столько в плане военной стратегии, сколько в оценке внутренней ситуации на родине. Явно отдавая предпочтение Каракасу, он преувеличивал патриотизм жителей столицы и количество ресурсов, которые город мог предоставить тому, кто сумеет его захватить. Чтобы овладеть Каракасом, Боливар не раз откладывал более важные в стратегическом отношении военные операции, что, по мнению О'Лири, стало причиной ряда просчетов на протяжении его карьеры³⁹.

Многие представители «цветного» населения Венесуэлы из ненависти к креолам уходили в отряды Х.Т. Бовеса, испанца по происхождению, человека с темным прошлым и склонного к авантюрам. Призвав к «священной войне против белых», Бовес быстро приобрел массовую поддержку и собрал под свои знамена сначала льянеро⁴⁰, которые составили костяк его армии, а затем индейцев и негров-рабов. Всем были обещаны земля, скот и другое имущество, принадлежавшее белым, а рабы объявлялись свободными людьми. По сути во времена Второй республики, в 1814 г. в Венесуэле произошло народное восстание, жестокое и разрушительное, причем оно было поднято не Бовесом, который лишь использовал недовольство угнетенного и нищего населения, а инициировано снизу. Неудержимая конница льянеро обладала способностью точно, быстро и с большим напором атаковать удаленную цель, а затем столь же стремительно отступить обратно в льяносы, куда не могла вторгнуться республиканская армия без риска бесследно исчезнуть. Существует точка зрения, что Боливар многому научился у Бовеса и в дальнейшем успешно использовал его военную тактику⁴¹.

Поход семитысячной армии льянеро на Каракас решил судьбу

³⁹ O'Leary D. F. *Op. cit.*, v. 27. P. 370.

⁴⁰ Так в Венесуэле называли «вольных людей», обитавших в льяносах – на равнинах, где они отлавливали одичавший скот или работали в качестве пастухов в скотоводческих поместьях, принадлежавших креолам. В период революции льяносы были наводнены многочисленными бандами, занимавшимися грабежом. Там можно было встретить авантюристов-испанцев и креолов, изгнанных из общин индейцев, беглых рабов, непокорных мулатов и метисов, то есть представителей всех рас и этнических групп, населявших Испанскую Америку.

⁴¹ Salmoral M. L. *Op. cit.* P. 96-97. О Бовесе подробнее см.: *Documentos para la Historia de Venezuela*. P. XLVI-XLVIII.

репрессированных патриотами врагов, включая пленных, захваченных в ходе военной кампании против Монтеверде. По приказу Боливару было казнено 4 тыс. роялистов, многие «только потому, что они родились испанцами»⁴². В городе началась поголовная мобилизация мужчин, способных носить оружие. Организованный отпор врагу не изменил положения патриотов, которые были вынуждены оставить столицу, отступив на восток. Вскоре Бовес ворвался в опустевший Каракас, откуда в страхе бежало и мирное население. В сентябре Боливар покинул родину и вновь нашел убежище в Новой Гранаде, хотя некоторые его соратники продолжали сопротивление. В декабре 1814 г. короткая история Второй Венесуэльской республики завершилась ее падением. В ходе этой военной кампании погиб и Бовес, сраженный ударом копья, а армию льянеро возглавил новый вождь, отличавшийся не меньшей жестокостью, чем его предшественник.

В мае 1815 г. Боливар отбыл из Южной Америки и на английском фрегате отправился в добровольную ссылку на о. Ямайка. Вслед за Мирандой он потерпел тяжелое поражение. «Война насмерть» и казнь пленных вызвали негодование в стане роялистов. С тех пор образ Боливару рисовался ими в самых мрачных тонах – его представляли кровавым, жестоким и неумолимым человеком⁴³. Вынужденный считаться с интересами старой колониальной элиты, Боливар не решился отменить рабство, облегчить жизнь пардо, метисов и индейцев и таким образом привлечь народ на свою сторону, как это сделал Бовес. В результате «низы» выступили не на стороне освободительного движения, а против него и тем самым способствовали сохранению власти метрополии.

Победа

Тем временем из Кадиса на 42 судах отплыли войска под командованием маршала П. Морильо – 10 тыс. солдат и около 300 офицеров. За три века колониальной истории это была самая крупная экспедиция, посланная метрополией в Америку. Лишь в открытом море был вскрыт запечатанный пакет с указанием места назначения – Венесуэла, откуда было удобнее всего предпринять наступление на Новую Гранаду и послать подкрепления в Перу⁴⁴.

⁴² O’Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. 166.

⁴³ Ibid. P. 192.

⁴⁴ Salmoral M. L. Op. cit. P. 96-98.

Обосновавшись в Каракасе, который он занял без боя в мае 1815 г., Морильо принял репрессивные меры с целью восстановлению порядка и занялся конфискацией имущества «мятежников», к числу которых были причислены лидеры патриотов, их пассивные сторонники и эмигранты, причем Боливар лишился семи поместий⁴⁵. Затем колониальный режим был восстановлен в Новой Гранаде, где, как и в Венесуэле, начались массовые аресты и казни революционеров.

Находясь вдали от родины, Боливар упорно вынашивал планы продолжения борьбы с Испанией. Падение двух Венесуэльских республик и разгром повстанцев Новой Гранады заставили его осознать истинную причину поражения революции. Оказалось, что свободолюбивые, исполненные самых лучших намерений креолы, воспитанные на идеях Французской революции, даже не подозревали об остроте социальных проблем у себя на родине и, владея огромной собственностью и рабами, оставались в глазах народа ненавистными угнетателями, причем худшими, чем испанцы из далекой метрополии. Эту неблагоприятную ситуацию необходимо было переломить в пользу патриотов.

Сам Боливар вел на Ямайке уединенный и крайне экономный образ жизни. Скромные средства, предоставленные ему одним из английских друзей, он разделил со своими товарищами по изгнанию. Все это глубоко поражало О'Лири, который знал, что его кумир был рожден в роскоши и имел аристократические привычки, пока революция не подвергла испытаниям его характер⁴⁶. Самым важным документом, написанным Боливаром в тот период, стал «Ответ южноамериканца одному джентльмену этого острова», более известный как «Письмо с Ямайки» (6 сентября 1815 г.). В «Письме» Боливар дал оценку освободительному движению в Испанской Америке, а также призвал к объединению всех колоний для борьбы с метрополией⁴⁷.

Вместе с тем это был уже не тот Боливар, который на собраниях Патриотического общества критиковал консервативно настроенный Национальный конгресс. Возможно, потоки крови, пролитой на начальном этапе Войны, варварское поведение льянеро, негров и пардо, а также «народных вождей» вроде Бовеса, измени-

⁴⁵ Ibid. P. 98; Линч Дж. Указ. соч. С. 220.

⁴⁶ O'Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. 309-311.

⁴⁷ Contestación de un Americano meridional a un Caballero de esta Isla // Antología Documental de Venezuela. P. 231-246.

ли тот либеральный и демократический настрой, с которым он пришел в революцию. «Письмо» содержало не только реверансы в сторону идей свободы, но и консервативные по духу рекомендации относительно будущего устройства независимых республик. События в Венесуэле, писал Боливар, «доказывают, что представительные институты не соответствуют нашему характеру, обычаям и нынешнему положению дел», и далее следовал вывод: «Поскольку Венесуэла стала американской республикой, которая больше других продвинулась по пути создания политических институтов, она явилась также и наиболее ярким примером неэффективности демократического и федеративного устройства наших молодых государств». Более того, «американские государства нуждаются в заботе патерналистских правительств, которые залечат язвы и раны, нанесенные деспотизмом и войной»⁴⁸, – утверждал автор «Письма», вскоре покинувший место своего добровольного изгнания.

В конце декабря 1815 г. Боливар прибыл на о. Гаити. Президент Республики Гаити мулат А. Петсион согласился помочь патриотам Южной Америки при условии отмены в Венесуэле рабства, уже уничтоженного на его острове. Через три месяца экспедиция была готова к отплытию. В ее состав входило около 250 патриотов, среди них находились уже успевшие прославиться военачальники, соперничавшие между собой, потому избрание Боливара руководителем экспедиции не было единодушным⁴⁹. Отряд располагал 3500 ружьями, необходимым снаряжением, типографским станком и семью небольшими судами⁵⁰. В марте 1816 г. флотилия покинула гаитянский берег. В июне-августе Боливар не раз высаживался на венесуэльском побережье, но патриотам нигде не удалось закрепиться на длительное время. Наконец он обратился к проблеме рабства, заявив в своем «Обращении к жителям провинции Каракас»: «Сама природа, справедливость и наш политический курс требуют освобождения рабов; отныне и навеки в Венесуэле будет лишь один класс людей, и все они станут гражданами своей родины»⁵¹. Слова креола-землевладельца не вызвали доверия со сторо-

⁴⁸ Ibid. P. 240-241.

⁴⁹ См: Documentos para la Historia de Venezuela. P. LXXII-LXXIII.

⁵⁰ Лаврецкий И. Указ соч. С. 79.

⁵¹ Цит. по: Шульговский А. Ф. Боливар – идеолог и руководитель борьбы за независимость в Латинской Америке // Подвиг Симона Боливара. - М.: ИЛА РАН, 1982. - С. 33.

ны порабощенного населения, но они не пропали даром – негры-рабы перестали в массовом порядке присоединяться к роялистам. Дальнейшая история Войны уже не знала такого кровавого «эксперимента», который проделал Бовес, поставивший под ружье в том числе и африканских невольников, да и социальная база патриотов постепенно расширялась. Боливар предложил неплохие условия рабам и пардо, если они присоединятся к его армии, и тем привлек их в лагерь борцов за независимость.

В апреле 1817 г. Боливар обосновался в небольшом городке Ангостура (ныне Сьюдад-Боливар), расположенном на правом берегу р. Ориноко. Здесь он познакомился с генералом-пардо М. Пиаром, отмеченным военным талантом и обладавшим обостренным расовым самосознанием. Пиар предоставил в его распоряжение свое «цветное» войско, однако вскоре произошел прискорбный инцидент: амбициозный мулат, недовольный жестким руководством со стороны Освободителя, объявил его тираном, узурпатором и, нарушив воинскую дисциплину, вышел из повиновения, призвав товарищей по оружию последовать его примеру. Боливар, узнав об интригах Пиара, попытался вернуть его на правильный путь, написав ему несколько писем примирительного характера. Не достигнув цели, он отдал приказ арестовать взбунтовавшегося генерала. В итоге Пиар был задержан и предан военному суду, который признал его виновным в дезертирстве, мятеже и предательстве и приговорил к смертной казни, приведенной затем в исполнение. Разрешение этого кризиса было крайне важным для патриотов делом, поскольку, как заявил сам Боливар, Пиар призывал не только к гражданской войне, но и к анархии⁵².

Освободитель был способен как на решительные действия, так и на разумные компромиссы. В 1817 г. появились декреты о конфискации имущества испанской короны и роялистов и наделении землей солдат освободительной армии. Однако из благородных побуждений Боливар оставил часть собственности в руках жен и малолетних детей своих противников, не желая полностью лишать их средств к существованию, что было расценено О'Лири как проявление присущего Освободителю благородства⁵³.

Помимо пардо, другим важным компонентом социальной базы патриотов стали льянеро, среди которых быстро выдвинулся Х. А. Паэс. Боливар имел слабое представление о жизни льяносов и

⁵² См.: O'Leary D. F. Op. cit., v. 27. P. 397, 422, 428.

⁵³ Ibid. P. 420.

обычаях «вольных людей» и сумел привлечь их на свою сторону только с помощью «рыжего Паэса», как любовно называли его приятели. Конница льянеро, стремительно атаковавшая неприятеля, вызывала у роялистов ужас, личная храбрость и отважные действия Паэса приносили победы во многих сражениях. Передав под его командование войска патриотов, Боливар предпочел сосредоточиться на решении неотложной политической задачи – созыве нового Национального конгресса.

Ангостурский конгресс, на котором присутствовало всего 27 депутатов от Венесуэлы и 2 от Новой Гранады, приступил к работе 15 февраля 1819 г. В день его открытия Боливар произнес пространную речь, в которой выдающиеся ораторские способности Освободителя проявились в полной мере. Как и в «Письме с Ямайки», он вновь обратился к вопросу о демократии. «Только демократия, согласно моим убеждениям, совместима с абсолютной свободой», – заявил Освободитель, однако отметил, что все великие, процветающие и долговечные государства были или остаются аристократическими и монархическими⁵⁴. «Ни одна из форм правления не является столь слабой, как демократия»⁵⁵, – таков был недвусмысленный вывод Боливару. В этом же выступлении прозвучала его известная мысль, которую впоследствии взяли на вооружение многие латиноамериканские диктаторы: «Лучшей формой правления является та, которая обеспечивает наибольшее счастье, наибольшую общественную безопасность и наибольшую политическую стабильность»⁵⁶, то есть не так важно, установится ли в государстве демократический строй или диктатура, главное, чтобы правительство действовало во благо всего общества.

Проект конституции Третьей Венесуэльской республики, представленный Освободителем на рассмотрение конгресса, испытал явное воздействие конституционного права Англии. В проекте предусматривалось разделение властей, создание двухпалатного парламента, причем его верхняя палата должна была состоять из наследственных сенаторов. «Если сенат, вместо того, чтобы избираться, будет наследственным, то он станет, по моему мнению, ос-

⁵⁴ Discurso pronunciado por el Libertador ante el Congreso de Angostura el 15 de febrero de 1819, día de su instalación // Antología Documental de Venezuela. P. 253.

⁵⁵ Ibid. P. 262.

⁵⁶ Ibid. P. 256.

новой, связующим началом и душой нашей республики»⁵⁷, – убеждал депутатов Боливар. Как отмечал Дж. Линч, это была попытка «найти равновесие между крайностями тирании и анархии»⁵⁸. В результате обсуждения депутаты отвергли идею наследственного сената, но превратили должность сенатора в пожизненную, а палату представителей предполагалось избирать всенародным голосованием. Пожелание Освободителя о пожизненном характере исполнительной власти также не встретило понимания, напротив, было установлено, что президент, ответственный перед законодателями, мог находиться на своем посту лишь 4 года⁵⁹. Ангостурский конгресс вновь провозгласил независимость Венесуэлы, избрал Боливар президентом республики и назначил его главнокомандующим вооруженными силами, а в середине августа 1819 г. принял новую конституцию. В это время большая часть генерал-капитанства, включая Каракас, оставалась под властью испанцев, а сам Боливар пытался вновь освободить Новую Гранаду.

Новый поход Освободителя на соседнюю территорию начался в мае, самом неблагоприятном месяце года, когда шли проливные дожди и начинались сильнейшие наводнения. Под его командованием, по разным сведениям, находилось от 2 до 2,5 тыс. человек, в основном льянеро⁶⁰. «Армия его страдала от ураганов, свирепствовавших в джунглях, и ледяных ветров, налетавших порывами на высокогорных перевалах. Свыше 100 человек замерзли в пути, другие дезертировали, многих сразили болезни. Тяжелую поклажу пришлось бросить, большая часть лошадей погибла. Когда в начале июля 1819 г. Боливар достиг подножия Анд уже на стороне Новой Гранады, его бойцы находились на грани полного истощения. Испанцы в Боготе не верили своим ушам, слушая рассказы о переходе, так как еще никогда и никому не удавалось пересечь Анды в этих высоких и труднопроходимых местах», – так английский историк А. Б. Томас описывал тяготы, выпавшие на долю войска Боливар⁶¹. Даже британские офицеры, хорошо приспособленные к холодному климату, признавали, что этот поход не имел аналогов

⁵⁷ Ibid. P. 259.

⁵⁸ Линч Дж. Указ. соч. С. 227.

⁵⁹ Uslar Pietri J. Op. cit. P. 106-107.

⁶⁰ Ильина Н. Г. Боливар и национально-освободительное движение в Колумбии // Подвиг Симона Боливар. С. 120.

⁶¹ Томас А. Б. История Латинской Америки. - М.: Иностранная литература, 1962. - С. 210-211.

в мировой военной истории⁶².

7 августа войска Боливар разгромили превосходящие силы роялистов в сражении при р. Боякá. Эта победа означала перелом в ходе борьбы за освобождение не только Новой Гранады, но и лежащих к югу от нее территорий – Кито, Перу и Верхнего Перу (Боливии). Через три дня республиканская армия вступила в Санта-Фе-де-Богота. Вскоре Боливар вернулся в Венесуэлу, где вновь активизировались испанцы, и предстал перед Ангостурским конгрессом. В короткой речи, адресованной депутатам, он с большим воодушевлением говорил об освободительной кампании и героизме ее участников⁶³. Согласно проекту Боливар, теперь предстояло создать единую Республику Колумбию в составе Венесуэлы, Новой Гранады и Кито, о которой он упоминал еще в «Письме с Ямайки». В декабре конгресс принял его предложение. Боливар был избран временным президентом нового государства, а 30 августа 1820 г. конституция Колумбии провозгласила полную независимость ее от Испании. Она напоминала венесуэльскую конституцию 1819 г. и потому не отвечала представлениям Боливар о наилучшем государственном устройстве, однако федеративный принцип, против которого решительно возражал Освободитель, был отвергнут. Боливар рассматривал централизованную Великую Колумбию, как принято называть ее в историографии, в качестве центра объединения всех бывших испано-американских колоний.

В ходе возобновившейся военной кампании Боливар провел несколько успешных операций, завершившихся 24 июня 1821 г. сражением в долине р. Карабобо, где войска роялистов были полностью разбиты. В конце месяца революционная армия торжественно вошла в Каракас под приветственные возгласы ликующего населения. Когда Освободитель прибыл в столицу, «энтузиазм жителей Каракаса граничил с безумием», и, хотя он въехал в город ночью, огромное количество людей, желающих встретиться с Боливаром, наводнило дом, где он остановился⁶⁴.

После победы при Карабобо появилась реальная возможность создать Великую Колумбию, которая прежде существовала только на бумаге. В июне 1822 г., пройдя с большими потерями через тя-

⁶² Palacios M., Safford F. Colombia: país fragmentada, sociedad dividida, su historia. – Bogotá: 2002. - P. 220.

⁶³ См.: Santos Molano E. Documentos para entender la historia de Colombia. – Bogotá: 2000. - P. 158-160.

⁶⁴ O'Leary D. F. Op. cit., v. 28. P. 93.

желейшие бои с отчаянно сопротивлявшимся противником, патриоты в основном завершили освобождение Новой Гранады. Однако мятежи роялистов продолжались. В конце октября 1822 г. в Пасто, «колумбийской Вандее», разгорелось восстание под лозунгом «Да здравствует король!». Оно было жестоко подавлено, причем Боливар писал одному из своих соратников: «Пастуанцы должны быть уничтожены, их жены и дети перевезены в другие районы, провинция превращена в военную колонию. С другой стороны, Колумбия договорится с пастуанцами, когда они станут меньше бунтовать и не будут помехой, хотя бы для этого понадобилось сто лет»⁶⁵.

Война в Венесуэле и Кито также близилась к завершению. В ноябре 1823 г. остатки испанской армии спешно покинули венесуэльский берег. Вооруженная борьба на подконтрольных Боливару территориях закончилась полной победой патриотов. Затем было завершено освобождение Перу, последнего бастиона испанцев в Южной Америке.

Триумф и трагедия Освободителя

В период противоборства с роялистами военный талант Боливара проявился в полной мере. Совершая стремительные переходы из одной провинции в другую, он неоднократно пересекал горный хребет Анд, а этот путь в любое время года оставался трудным и опасным. Освободитель выходил победителем из многих битв с роялистами, но в случае поражения быстро восполнял потери и снова побеждал. Он всегда очень тщательно готовился к военным кампаниям, лично проверяя состояние дел. Его приказы были предельно ясными и четкими. В перерывах между сражениями он вникал во все тонкости армейской жизни, заботился о том, чтобы были обеспечены потребности солдат, внимательно изучал счета за поставки военного снаряжения⁶⁶.

Пройдя через испытание войной, Боливар взял на себя задачу консолидировать народы континента и объединить их в едином государстве, где восторжествуют принципы свободы и равенства, которые проповедовал почитаемый им Руссо, но этого не могло случиться в ближайшем будущем. Освободитель полагал, что недостаточно завоевать независимость, необходимо сохранить обре-

⁶⁵ Цит. по: Palacios M., Safford F. Op. cit. P. 223.

⁶⁶ O'Leary D. F. Op. cit., v. 28. P. 98, 196.

тенную свободу на вечные времена, но как этого добиться, он представлял по-своему, опираясь на негативный опыт военного времени. «Я не останусь президентом, если мне не разрешат пользоваться чрезвычайными полномочиями, предоставленными конгрессом. Я твердо уверен в том, что поддерживать порядок в Колумбии и достигнуть ее процветания можно только с помощью неограниченной власти... . Колумбии нужна оккупационная армия, чтобы сохранить ее свободу»⁶⁷, – писал Боливар в декабре 1822 г.

После Войны еще более обострились проблемы, вызванные экономическим кризисом и нежеланием политически господствовавшей элиты проводить преобразования в пользу большинства населения. Нарастали противоречия и внутри самой элиты, связанные с борьбой за власть, что также осложняло положение в Колумбии. Боливару, стороннику социальных реформ, приходилось преодолевать упорное сопротивление со стороны оппонентов. Так, несмотря на заявления Боливара об освобождении рабов и его обращение к Ангостурскому конгрессу с просьбой предоставить им полную свободу, отмена рабства не состоялась, поскольку эта мера вызвала повсеместный саботаж со стороны рабовладельцев. Кроме того, они требовали компенсацию за потерю «имущества», что влекло за собой усиление налогового бремени и рост недовольства населения, которому и так уже нечем было платить налоги. Все это свело на нет попытку Боливара уравнять колумбийцев в правах. Процесс освобождения рабов шел настолько медленно, что ежегодно свободу обретали даже не сотни, а лишь десятки невольников, часть которых переходила на положение зависимых пеонов, не имевших возможности покинуть поместье своего хозяина⁶⁸. Сам Боливар, отпуская на волю собственных рабов, пытался подать пример другим рабовладельцам. В 1814 г. он дал свободу 15 рабам при условии поступления их на военную службу, а после сражения при Карабобо освободил более 100 рабов уже без всяких условий⁶⁹. Не удалось добиться и существенного изменения положения пардо и индейцев, изданные Освободителем декреты, облегчавшие жизнь «цветного» населения, также саботировались олигархическими кланами Великой Колумбии, Перу и Боливии. Однако Боливар не отказался от идеи разработки нового законодательства, хотя

⁶⁷ Цит. по: Линч Дж. Указ. соч. С. 260.

⁶⁸ В Новой Гранаде рабство было отменено лишь в 1850 г., в Венесуэле – в 1854 г.

⁶⁹ Линч Дж. Указ. соч. С. 235.

осознавал, что многому не суждено сбыться.

Таким образом, после окончания военных действий в бывших колониях сохранялась сложная социально-экономическая обстановка. Этим поспешили воспользоваться региональные элиты, заинтересованные в освобождении от диктата Боготы, как стали именовать столицу колумбийского союза, и закреплении самостоятельности «своих» территорий, причем они могли без труда найти поддержку со стороны недовольного населения, используя его для осуществления сепаратистских планов. Осознавая пагубность сепаратизма, Освободитель принял меры. В 1826 г. была обнародована конституция Боливии, узаконившая там пожизненное президентство Боливара и его право назначать преемника. Он полагал, что только таким способом можно избежать общественных потрясений, связанных с регулярным проведением выборов. Опасность разгула анархии, по его мнению, исходила не столько от народа, сколько от элиты, которая в силу своего эгоизма и узости интересов превратилась в постоянную угрозу революционным завоеваниям. Переломить ситуацию могла лишь сильная исполнительная власть, не связанная необходимостью отвлекаться на предвыборные кампании и не зависящая от интриг политических противников. Боливар считал необходимым распространить действие боливийской конституции на все «андские республики», что и предложил в феврале 1826 г.⁷⁰

Диктаторские устремления Освободителя ужаснули либералов, вызвавших бурный протест против законодательства, маскирующего монархию и отвергающего главный принцип республиканского правления – сменяемость власти⁷¹. «Политический класс» раскололся на два лагеря. Боливарианцы полагали, что только Освободитель может спасти страну, и готовы были выполнить любой его приказ. Представители оппозиции составили группировку «конституционалистов». Великая Колумбия, чье существование лишь на основе уважения к былым заслугам Боливара оказалось невозможным, «затрещала по швам». Наблюдая крушение своих планов, Освободитель окончательно отошел от тех принципов, ко-

⁷⁰ Palacios M., Safford F. Op. cit. P. 252-253.

⁷¹ Любопытно, что известный аргентинский либерал и борец против диктатуры Х. Б. Альберди в середине XIX в. восторгался высказыванием С. Боливара: «Новые государства Америки, прежде испанской, нуждаются в королях под именем президентов». См.: Казаков В. П. Радикалы в истории Аргентины. – М.: НАУКА, 2008. – С. 76.

торые проповедовал в начале своей политической и военной карьеры. Сравнение Боливара с Наполеоном, часто встречающееся в историографии⁷², имеет основания – оба сначала боролись за свободу, а затем стали претендовать на установление диктатуры, ссылаясь на сложную внутреннюю и внешнеполитическую обстановку.

Следует отметить, что, судя по образу жизни Боливара и той социальной политике, которую он пытался проводить вопреки сопротивлению креольской верхушки, Освободитель не преследовал корыстных целей. Среди его выдающихся качеств О’Лири отмечал бескорыстие, постоянную готовность пожертвовать личными интересами, карьерой и состоянием ради своих сограждан. Устав от нападков со стороны недругов, он подумывал отказаться от руководства Колумбией и в одном из писем даже называл имена людей, которые, с его точки зрения, могли бы возглавить республику. На протяжении всей жизни, утверждал О’Лири, Боливар всегда ставил интересы родины выше собственных⁷³. Сам нуждаясь в средствах, он никогда не отказывался вносить пожертвования в пользу армии или населения и неоднократно покрывал расходы, связанные с государственной службой, из своего кармана⁷⁴. Однако далеко не все испытывали благодарность по отношению к Боливару. В республике развернулась кампания по дискредитации президента. «В то время, – вспоминал О’Лири, – создавались сообщества, называемые кружками, главной целью которых было подорвать репутацию Освободителя и посеять недовольство среди представителей различных групп населения Колумбии. Оппозиционная пресса с каждым днем все более воспламенялась, вменяя Освободителю в вину всякого рода ошибки и даже преступления»⁷⁵.

Почему же президент Великой Колумбии, забыв об увлечениях молодости, разошелся с либералами? Как писал А. Бельо, «никто не любил так преданно и искренне свободу, как генерал Боливар... Однако логика развития событий увлекла его за собой. Для завоевания свободы необходима была независимость, и борец за осво-

⁷² Это сравнение в основном имело негативный смысл, но иногда могло быть и в пользу Боливара. Примером является упоминавшаяся работа Х. В. Гонсалеса. См.: González J. V. Selección histórica. P. 145-151.

⁷³ O’Leary D. F. Op. cit., v. 28. P. 96.

⁷⁴ Ibid., v. 27. P. 82.

⁷⁵ Цит. по: Navarro N. E. Prólogo del Monseñor Nicolás E. Navarro // O’Leary D. F. Op. cit., v. 1. P. 139.

бождение стал и должен был стать диктатором»⁷⁶. Так и произошло – перед угрозой восстаний в Венесуэле, Новой Гранаде, Перу и Эквадоре Освободитель пришел к окончательному выводу, что колумбийская конституция не соответствует реальному положению дел в республике, не учитывает ее социальную структуру и предоставляет законодательному органу слишком большие полномочия, тогда как Великая Колумбия нуждается в сильной власти. И Боливар начал бороться с политическими противниками с помощью суровых репрессий, как в военное время. Воспитанный в духе идей Просвещения атеист даже попытался заручиться поддержкой церкви и отменил часть законов, принятых в начале 1820-х гг. и ущемлявших интересы священнослужителей, и попросил совета у архиепископа Боготы относительно своей политики. Затем, несмотря на возмущенные протесты либералов, Боливар установил «революционную диктатуру» и 27 августа 1828 г. обратился к колумбийцам, объявив о принятии им чрезвычайных диктаторских полномочий.

Оппозиция ответила заговорами против Освободителя, один из которых едва не стоил ему жизни. Боливару было известно, к каким кругам принадлежала большая часть заговорщиков, и он решил изменить содержание университетского образования, чтобы ликвидировать основу для мятежей в будущем. Так, Боливар запретил преподавание учения английского философа-утилитариста И. Бентама, в марте 1826 г. его книги были изъяты из учебных программ, а в октябре 1828 г. Освободитель запретил даже упоминание подобных теорий⁷⁷. Из списка изучавшихся студентами наук были исключены основы законодательства, общественное и конституционное право, дисциплины, связанные с вопросами государственного управления, зато вводились обязательные курсы по изучению основ католической религии⁷⁸.

Таким образом, можно заметить существенное различие между Боливаром-революционером и Боливаром-политиком, то есть несоответствие идейных воззрений Освободителя его действиям на посту президента Великой Колумбии, где он продемонстрировал причудливое сочетание свойственной либералам любви к свободе с деспотизмом, пытаясь соединить несовместимые вещи: привер-

⁷⁶ Цит. по: Шульговский А. Ф. Указ. соч. С. 19.

⁷⁷ Щелчков А. А. Либеральная революция и «Плебейская республика» в Колумбии, 1849-1854 гг. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 48.

⁷⁸ Palacios M., Safford F. Op. cit. P. 265.

женность демократическим и республиканским принципам и идею «сильной власти». Боливар не сумел преодолеть центробежные тенденции, нараставшие внутри созданной им республики. Сепаратистские выступления привели к свержению власти Освободителя в Перу и Боливии, выходу из состава Великой Колумбии Эквадора и Венесуэлы. Начиная с 1830 г. под названием «Колумбия» подразумевалась лишь Новая Гранада. Разочарованный, больной, потрясенный неблагодарностью соотечественников Боливар сложил с себя президентские полномочия. После завершения политической карьеры самым заветным его желанием было покинуть Америку и переселиться во Францию, где он провел несколько счастливых лет своей молодости, однако Боливар добрался только до северного побережья Колумбии, где его окончательно сразила болезнь. Чувствуя неотвратимое приближение смерти, он сделал необходимые распоряжения, касавшиеся наследства, и завещал захоронить его останки в Каракасе⁷⁹. 17 декабря 1830 г. «самый бесстрашный и самый большой идеалист среди креолов»⁸⁰ умер неподалеку от провинциального центра Санта-Марта.

⁷⁹ См.: Testamento del Libertador // Antología Documental de Venezuela. P. 318-320.

⁸⁰ Линч Дж. Указ. соч. С. 222.

И.В. Селиванова¹
I.V.Selivanova

Консерваторы и либералы в Мексике: поиски путей развития страны.

Conservatives and the Liberals in Mexico: the search for ways to develop the country.

Аннотация: Статья посвящена одному из самых интересных периодов новой истории Мексики: времени формирования независимого государства, принятия конституций, проведения либеральных буржуазных реформ, формирования основных политических партий и институтов. В центре внимания автора оказываются вопросы взаимодействия и соперничества консервативной и либеральной партий в процессе осуществления реформ и принятия конституции 1857 г.

Ключевые слова: независимость, либеральные реформы, конституция, пурос, модерадос, Б. Хуарес, «закон Лердо».

Abstract: The article is devoted to one of the most interesting periods of modern history of Mexico: the time of formation of an independent state, the appearance of the constitution, the liberal bourgeois reforms, the formation of the main political parties and institutions. The author focuses on the interaction and competition of conservative and liberal parties.

Keywords: independence, the liberal reforms, constitution, pueros, moderados, B. Juarez, "Lerdo law."

После провозглашения независимости Мексики в 1821 г. стране начались политические процессы, в значительной степени предопределившие будущее молодого независимого государства. Одной из наиболее ярких страниц мексиканской истории было противостояние двух сформировавшихся в стране в это время политических партий либералов и консерваторов, в результате чего на свет появилась конституция 1857 г., одна из прогрессивных конституций XIX века, и были приняты «законы о реформе», позволившие либеральному. За время формирования независимого государства

¹ Ирина Валентиновна Селиванова, научный сотрудник ИВИ РАН, Irina V. Selivanova, researcher of the Institute of Global History cgnk@rambler.ru

Мексика пережила многочисленные военные перевороты, буржуазную революцию и гражданскую войну.

Политический кризис, вызванный поражением в американо-мексиканской войне 1846-1848 гг., тяжелой экономической ситуацией, в которой оказалась страна в середине XIX века, привел Мексику к необходимости осуществления новых прогрессивных радикальных преобразований, которые в свою очередь способствовали формированию мексиканской нации и складыванию национального самосознания. После завоевания независимости в Мексике на политическую арену вышли консервативная и либеральная партия. Внутри либеральной партии сложилось два направления пурос (радикальные либералы) и модерадос (умеренные). Идеологическими лидерами радикального крыла либералов вначале были врач Валентин Гомес Фариас (1781-1858), а также видный публицист и историк Хосе Мария Луис Мора.

В середине XIX века среди радикальных либералов выделялись такие прогрессивные деятели как Мельчор Окампо, Сантос Дегольядо, Гильермо Прието, Бенито Хуарес, Игнасио Сарагоса, Педро Огасон, Франсиско Сарко, Висенте Рива Паласио, Порфирио Диас. Многие из них воспитывались под влиянием Великой французской буржуазной революцией, впитали в себя идеи просветительства, стали убежденными противниками католической церкви, феодальных привилегий и сторонниками прогрессивных буржуазных преобразований. После завоевания Мексикой независимости и формирования собственного независимого государства, представители пурос выступали за проведение радикальной церковной реформы, национализацию имущества церкви, отмену фуэрос церкви и военных, введение всеобщего избирательного права. Их взгляды отражали интересы мелкой и средней буржуазии, которая требовала отмены феодальных сословных привилегий, получения новых земель за счет изъятия церковной собственности.

В противовес пурос выступали модерадос, которые высказывались за умеренные реформы, проведение которых не требовало бы участия народа и отвечало интересам, прежде всего, крупной буржуазии. Во главе этого крыла либералов стояли генералы Гомес Педраса и Мариано Ариста, Мариано Отера и Игнасио Комонфорт.

Противниками реформ, сторонниками сохранения феодальных привилегий церкви и армии, укрепления власти помещиков, ликвидации республики и восстановления монархии с представителями европейской монархической династии были представители консервативной партии. Среди лидеров этой партии выделялись

Лукас Аламан, генерал М. Паредес-и-Аррильяга, крупный землевладелец Гутьеррес Эстрада, генерал Мигель Мирамон.

Правительство, возглавляемое представителями модерадос, находилось у власти с 1847 до 1853 гг; президенты поочередно сменяли друг друга: Мануэль де ла Пенья-и-Пенья (1847-1848), Хосе Хоакин Эррера (1848-1851), Мариано Ариста (1851-1853). Но политика, проводимая модерадос, не удовлетворяла народным требованиям. В ответ на эту политику в стране все чаще вспыхивали волнения; наиболее крупными из них были восстание индейцев на Юкатане, вспыхнувшее в 1847 г. и подавленное только через двадцать лет, а также крестьянские восстания на Сьерра-Горде, в штатах Пуэбла и Оахака. Восстания против правительства Аристы организовывали и консерваторы. 5 января 1853 года Ариста ушел в отставку, и к власти в очередной и последний раз при поддержке консерваторов пришел генерал Санта-Анна (1853-1855). Антонио Лопес де Санта-Анна (1795-1877) происходил из богатой креольской семьи землевладельца. Санта-Анна находился на президентском посту с 1833 до 1855 гг. одиннадцать раз. Добиваясь власти, ему приходилось опираться на поддержку и либералов, и консерваторов. В 1853 г. консервативная партия возлагала на Санта-Анну надежду на осуществление своих требований. Прежде всего, консервативная партия стремилась сохранить католическую религию и поддержку церкви, выступала против федеративного устройства республики, против демократических выборов и вообще деятельности Конгресса, предлагая возложить на президента и его немногочисленных советников все управление страной². Правительство было сформировано из консерваторов. Б. Хуарес и М. Окампо были вынуждены покинуть страну. Санта-Анна, политические убеждения которого постепенно трансформировались от умеренно либеральных до откровенно консервативных, проводил политику в интересах укрепления частной собственности, сохранения неприкосновенности имущества церкви. 25 апреля 1853 года Т. Ларесом, министром юстиции в правительстве Санта-Анны, был издан декрет, ограничивший свободу печати. Декретом от 19 сентября 1853 года были восстановлены иезуитские ордена в Мексике³. В конце 1853 года Санта-Анна установил в стране личную диктатуру, провозгласив себя «светлейшим высочеством», в неко-

² Historia documental de México. Por. Ernesto de la Torre Villar – T.I-II. – México: UNAM, 1984. – Т. II. – P.243-245.

³ Historia documental de México. – Т. II. – P.246-247.

торых штатах его называли уже «императором», сам он, однако, этот титул принять не решился⁴. После того, как 30 декабря 1853 г. Санта-Анна подписал так называемый «договор Гадседена», по условиям которого США были уступлены огромные территории страны в 120 тыс. кв. км. между реками Колорадо, Хила и Рио-Гранде в обмен на 10 млн. долларов, политическая обстановка в стране стала невыносимой и не устраивала уже ни консерваторов, ни модерадос, ни пурос. Против режима Санта-Анны все чаще стали вспыхивать восстания. Одним из самых ненадежных регионов был штат Герреро, губернатор которого Хуан Альварес поддержал 1 марта 1854 г. восстание группы офицеров под руководством полковника Флоренсино Вильяреала с целью свержения правительства Санта-Анны. Восставшими был провозглашен «план Аютлы», ставший основой для учреждения либеральных основ государства⁵. Позднее одним из участников восстания модерадос Игнасио Комонфортом «план Аютлы» был изменен с целью привлечения на свою сторону модерадос и получил название «план Акапулько». Целью революционных преобразований в нем называлась защита не республиканских, как прежде, а либеральных институтов. После победы восстания план предполагал, что главнокомандующим будут созданы представители от всех штатов и земель для избрания временного президента. Через 15 дней после избрания временного президента должен был начать действовать Чрезвычайный конгресс для дальнейшего реформирования страны. Для руководства осуществлением плана были приглашены видные либералы Николас Браво (он не принял участия), Хуан Альварес, Томас Морено⁶.

Во главе восстания оказался сам Хуан Альварес (1790-1867) – индеец по происхождению он в молодом возрасте вступил в армию Х. Морелоса во время войны за независимость. После гибели Морелоса сражался в армии В. Герреро, после завоевания независимости стал губернатором штата Герреро. Движение повстанцев, возглавляемое Мануэлем Добладо, Бенито Хуаресом, Мельчором Окампо, Хосе Марией Мата, Понсияно Аррьягой, быстро охватило всю страну, распространившись из штата Герреро в Мичоакан, по-

⁴ Leyes fundamentales de México 1808-1957. – México: Editorial Porrúa, 1957. – P. 467.

⁵ Matute A.. México en el siglo XIX. Antología de Fuentes e interpretaciones históricas. – México: Universidad Nacional Autónoma de México, Instituto de Investigaciones Históricas, 1972. – P.287-295.

⁶ Historia documental de México. – Т. II. – P. 263-264.

том в Тамаулипас, в дальнейшем борьбой были охвачены штаты Веракрус, Нуэво-Леон, Сонора⁷. Отряды под командованием Альвареса на юге, на западе под командованием Комонфорта, на севере под руководством Сантьяго Видаурри постепенно сомкнулись кольцом вокруг Мехико

Санта-Анна пытался объявить о создании 16 марта 1855 г. триумvirата в составе председателя Высшего Совета Игнасио Павона, генералов Мариано Саласа и Мартина Каррера, который должен был временно управлять страной и созвать конституционный конгресс⁸. Однако многочисленные волнения, вспыхнувшие в стране, вынудили Санта-Анну в августе уйти в отставку. С отставкой Санта-Анна политические страсти не улеглись, так как не только консерваторы, но и модерадос не хотели подчиниться Х.Альваресу. В августе 1855 г. была созвана хунта, которая состояла в основном из модерадос, хотя консерваторы также были в ней представлены. Делегатами хунты временным президентом был избран представитель модерадос Мартин Каррера. Однако уже в сентябре 1855 г. ему пришлось уйти в отставку, поскольку его избрания не поддерживали ни Альварес, ни Комонфорт. Оба руководителя революции пытались договориться между собой, понимая, что Мексика фактически находится в состоянии анархии, так как в стране действовала специальная комиссия в составе таких либералов как Хосе Марии Лафрагуа, Хосе Марии дель Кастильо Веласко, Мигеля Буэнростро, Гильейрмо Прието. Соперничество между двумя группировками либералов: модерадос и пурос затрудняло выработку планов преобразований и их реализацию. Обе группировки либералов выступали за проведение реформ, но расходились в методах их проведения. Пурос выступали за немедленные и радикальные преобразования, модерадос отстаивали постепенные преобразования. Генерал Альварес объявил о созыве в Куэрनावаке хунты для избрания временного президента. 4 октября 1855 г. хунта начала свою деятельность. Модерадос, представленные в хунте, поддерживали избрание в качестве президента страны И.Комонфорта, пурос выступали за избрание Х.Альвареса. Временным президентом страны хунтой был избран Х. Альварес, получив 16 голосов избирателей против трех, поданных за Альваре-

⁷ Scholes W.V. Política mexicana durante el régimen de Juárez 1855-1872. – México: Fondo de Cultura Económica, 1972. – P. 23-24.

⁸ Juárez J.R. La lucha por a la caída de Santa Anna. // Historia Mexicana. México. 1960. – № 1. – P. 73.

са. Хуан Альварес незамедлительно сформировал правительство, в которое вошли министром иностранных и внутренних дел М. Окампо, министром финансов Г. Прието, министром юстиции Б. Хуарес, военных дел И. Комонфорт, С. Дегольядо министром развития. Таким образом, почти все правительство (за исключением Комонфорта) состояло из представителей пурос. Правительство приступило к проведению прогрессивных преобразований. Реформированию подверглась мексиканская армия, из которой были уволены наиболее реакционно настроенные офицеры.

Одним из самых радикальных преобразований нового правительство стало издание декрета, автором которого был министр юстиции Б. Хуарес, в честь которого это декрет так и стал называться «закон Хуареса». Он был опубликован 23 ноября 1855 г., суть его заключалась в отмене привилегий (фуэрос) духовенства и армии. Лица духовного звания обязаны были платить налоги и подлежали светскому, а не духовному суду. По этому же закону духовенство лишалось избирательного права. Также упразднились и специальные военные суды⁹.

Этого было достаточно, чтобы напугать умеренных либералов модерадос. В активную борьбу с правительством вступила церковь. Архиепископ де ла Гарса-и-Бальестерос угрожал отлучение от церкви каждого, кто подчинится «закону Хуареса». 6 декабря восставшие против правительства под руководством губернатора штата Гуанахуато Мануэля Добладо, потребовали отставки президента Альвареса. Правительство уступило, и 10 декабря Альварес объявил о своей отставке и передаче власти в руки Комонфорта, представителя модерадос. В правительство вошли представители партии модерадос: Луис де ла Роса, Эсеквиль Монтез, Хосе М. Яньес, Мануэль Силисео, Хосе Мария Лафрагуа, Мануэль Паяно¹⁰. Сам Альварес с поддерживающей его армией ушел в своей родной штат Герреро.

Приход к власти 10 декабря 1855 г. правительства модерадос под руководством Комонфорта (1856-1858), означал остановку в развитии революционных действий. Правительство Комонфорта приостановило наиболее радикальные преобразования, осуществляя буржуазно-либеральную программу. Были провозглашены свобода печати, отменялась жесткая регламентация промышленности, упразднялись цехи и внутренние таможи, вводилась метри-

⁹ Historia documental de México. – Т. II. – P. 266.

¹⁰ Scholes W.V. Política mexicana durante el régimen de Juárez. – P. 7.

ческая система мер и весов. 28 декабря 1855 г. министром правительства Хосе Марией Лафрагуа был разработан новый закон, предоставлявший свободу печати. 15 мая 1856 правительством Комонфорта был принят Органический временный статут, в котором нашли отражение основные буржуазно-демократические свободы, отменялось рабство¹¹. Однако документ был направлен на усиление центральной власти и несколько ограничивал права штатов. Статут не был поддержан пурос, которые боялись ущемления прав штатов.

Одной из важных задач либерального правительства была борьба с привилегиями католической церкви и стремление изъять из ее владения огромную собственность, которой она на тот момент обладала. Еще к концу колониального периода, по мнению известного немецкого ученого и путешественника А. Гумбольдта, мексиканская церковь владела 4/5 всей территории Мексики. Многочисленные владения «мертвой руки», которые принадлежали церкви не облагались налогами, были изъяты из оборота, что наносило ущерб экономическому развитию страны. В стране насчитывалось 1500 церквей, 1609 приходов, свыше двухсот мужских и женских монастырей¹². Огромные богатства церкви вызывали недовольство не только простого народа, который серьезно страдал от поборов десятины, приходских налогов и дорогих церковных треб. Либеральная буржуазия была также заинтересована в ослаблении церкви и изъятии у нее имущества. Дезамортизация (переход церковного имущества в частную собственность) и освобождение от ипотеки своих земельных владений, которые были заложены церкви, стали требованиями, которые поддерживали даже умеренные либералы.

На основе сформировавшихся в обществе требований в правительстве Комонфорта созрел закон, затрагивающий церковную собственность. 25 июня 1856 г. был издан закон о дезамортизации недвижимой сельской и городской собственности гражданских и религиозных корпораций, подготовленный министром финансов Мигелем Лердо де Техада. Согласно первой статье закона все земельные поместья и городская недвижимость, которая находится во владении и управлении гражданских и церковных корпораций, присуждается в собственность тем, кто ее арендует. Арендаторы,

¹¹ Historia documental de México. – Т. II. – P. 279-281.

¹² Беленький А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. – М.: Издательство АН СССР. 1967. С.18.

которые хотели стать собственниками земельных участков и домов, которые они арендовали, должны были внести в казну 5% (алькабала) от стоимости этой недвижимости. В случае если арендатор заявлял в трехмесячный срок о желании приобрести арендуемую недвижимость и платил алькабалу, недвижимость переходила к нему при условии ежегодной уплаты 6% стоимости этой недвижимости в государственную казну, до полной выплаты всей стоимости. Более того, арендатор должен был оплатить и расходы, которые сопровождали процесс передачи и оформления недвижимости (например, замер земли). Если арендатор не заявлял в течение трех месяцев желания приобрести арендуемую недвижимость, то любой мог донести за плату 1/8 от стоимости недвижимости, после чего она выставлялась на продажу.

Статья 3 определяла корпорациями религиозные общины, религиозные братства, приходы, органы общинного самоуправления. Закон распространялся не только на собственность церкви, но и на собственность всех корпораций, в том числе индейских общин. Статья 8 делала исключения из продажи для зданий и земель общинного самоуправления (эхидо), если они используются для общественных целей. Не подлежали продаже здания, которые непосредственно использовались корпорациями: школы, госпитали, приюты, рынки. Но общинные земли, распределяющиеся между индейскими семьями, для индивидуальной обработки, подлежали продаже¹³. Позже «Закон Лердо» был включен в конституцию 1857 г. в качестве статьи 27, в тот момент из него была изъята статья 8, делающая исключения для корпораций. Закон о деамортизации способствовал введению в оборот значительной недвижимости, что должно было способствовать капиталистическому развитию страны. Но при этом имущество церкви не конфисковалось, за ней сохранялись ее капиталы, долговые обязательства, а за продажу имущества церковь получала существенные суммы. Закон был основан на вере либералов в неприкосновенность частной собственности. Закон должен был обеспечить переход собственности из религиозных и гражданских корпораций в руки мелких собственников. «Закон Лердо» обсуждался на действующем с 14 февраля 1856 г. по 5 февраля 1857 г. в Мехико конституционном конгрессе. Радикально настроенные либералы, такие как Игнасио Рамирес критиковали предложенный закон за мягкость и нерешительность,

¹³ Historia documental de México. – Т. II. – P. 267-269.

требуя не дезамортизации, а национализации собственности корпораций. Депутаты пурос Пансиано Арриага и Исидоро Ольвера и Хосе Мария Кастильо Веласко предлагали ограничить (15 кв. лигами – 1 лига – 3105,5 га) максимально возможную концентрацию земель в одних руках, чтобы не создавались вновь обширные земельные владения. Земельные участки большего размера разрешалось бы сохранять в случае их полной обработки. Но предложения депутатов не были поддержаны модератос в конгрессе.

Проведение в жизнь «закона Лердо» способствовало переходу церковного и общинного имущества в руки крупной национальной и иностранной буржуазии. После опубликования «закона Лердо» иностранцы, ранее не имевшие права приобретать недвижимость в Мексике, получили возможность скупать земли церкви и общины. Неблагоприятным образом реализация закона сказалась на индейских общинах, в которых индейцы пользовались землей на основе обычного права. Оплатить стоимость оформления земли и выкупить ее арендаторам-индейцам было не под силу. В результате под действие закона о демортизации попадали не только церковные земли, но и общинное землевладение. За первый шесть месяцев проведения закона было продано собственности на 23019281 песо, в стране появилось более 9 тыс. новых владельцев недвижимости¹⁴. Осуществление «закона Лердо» вызвало возмущение не только церкви, но и индейцев. Епископ Мичоакана Мунгия выступал с протестами против закона о демортизации, призывая под страхом отлучения от церкви не признавать действия этого закона. Индейские восстания вспыхивали в штатах Мичоакане, Керетаро, Пуэбла, Халиско. Правительству модератос пришлось, учитывая настроения общинников, принять новый декрет 9 октября 1856 г., согласно которому земельные участки, стоимость которых не превышала 200 песо, могли переходить без сложного оформления и оплаты алькабалы в руки арендаторов¹⁵.

Еще одним серьезным вопросом, который обсуждался на конгрессе, был вопрос о веротерпимости. Депутаты пурос предлагали включить статью о веротерпимости в новую конституцию. Выступая в конгрессе депутат Хосе Антонио Гамбоа, будучи католиком,

¹⁴ Иванов Г.И. Аграрный вопрос в Мексике в период «Реформы» 50-60-х гг. XIX в. // Ученые записки Ивановского педагогического института. – Иваново: Ивановский педагогический институт, 1952. – Т. 3. – С. 163.

¹⁵ Иванов Г.И. Аграрный вопрос в Мексике в период «Реформы» 50-60-х гг. XIX в. – С. 165.

настаивал на религиозной толерантности, поскольку это позволило бы привлечь в страну иммиграцию, прежде всего, протестантскую, необходимую для быстрого экономического развития и обеспечения безопасности страны, так как немногочисленное население Мексики не позволит ей сохранять независимость перед лицом территориальных претензий США. Отмечал, что веротерпимость является обязательным условием либерального развития страны, обеспечивает населению свободу и прогресс. Консервативно настроенный депутат Марселино Кастаньеда, напротив, настаивал на сохранении за католической религией статуса государственной. Он пояснял, что сейчас не время принимать свободу вероисповедания, а для приезда рабочих рук в страну необходимы гарантии мира и безопасности, что вряд ли удастся обеспечить в случае протестантской иммиграции из Европы. Во время бурного обсуждения вопроса в зале консерваторы и клерикалы использовали лозунги «Да здравствует религия!», «Смерть еретикам, смерть и трусам!». В результате споров конгресс голосованием 65 голосов против 44 отправил статью о веротерпимости на доработку в конституционную комиссию. Позже 26 января 1857 г. при голосовании 57 голосов против 22 конгресс вообще убрал эту статью¹⁶.

Главным результатом деятельности конгресса было принятие новой конституции 5 февраля 1857 г. Конституция развивала либеральные положения прежней конституции 1824 г.¹⁷ На обсуждение в конгрессе были представлены несколько проектов конституции. Свои проекты внесли депутаты модерадос Д.Марселино Кастаньеда, Д.Мариано Арискоррета, и депутаты пурос Д. Сантоса Деголлодо и Гарсиа Гранадос¹⁸. Принятая в результате обсуждения конституция была передовой буржуазной конституцией того времени. Многие положения конституции носили прогрессивный, но при этом декларативный характер. Первые 29 статей конституции

¹⁶ Scholes W.V. *Política mexicana durante el régimen de Juárez*. – P. 12-14.

¹⁷ Первая попытка принять конституцию была предпринята в 1814 г., когда Чильпансингский конгресс утвердил Апацинганскую конституцию еще за завоевания страной независимости. См.: Селиванова И.В. Начало освободительного процесса в Мексике. Чильпансингский конгресс и Апацинганская конституция // *Латиноамериканский исторический альманах*. – 2012. – № 12 – С. 27-57.

¹⁸ *Leyes fundamentales de México 1808-1997*. México: Editorial Porrúa, 1997. – P. 2-3.

касались личных прав граждан. Ст. 1 объявляла, что «права человека признаются основой общественных учреждений». Ст. 2 провозглашала всех граждан Мексики свободными, декларировала, что рабы, вступившие на территорию государства, становились свободными и имели право быть защищенными законами. Ст. 3 объявляла образование свободным, т.е. светским, вопросы, связанные с религиозным культом регулировались светскими властями. Ст. 5 конституции отменяла педонаж и любой принудительный труд. Она провозглашала, что никто не может принуждаться к труду без согласия и без вознаграждения.

Конституция гарантировала гражданам демократические свободы: слова, печати, общественных организаций, неприкосновенность личности. Ст. 7 предоставляла свободу печати и не допускала цензуры. Ст. 9 гарантировала право на объединения и участие в политической жизни страны. Ст. 10 предоставляла право на владение и ношение оружия для обеспечения личной безопасности. Ст. 12 конституции отменяла наследственные титулы и привилегии. Ст. 13 отменяла фуэрос и фактически включала в себя «закон Хуареса». Ст. 27 повторяла «закон Лердо» о запрете для религиозных и гражданских корпораций владеть недвижимым имуществом. Провозглашалась неприкосновенность частной собственности.

Ст. 40 определяла форму государственного устройства Мексики. Мексиканское государство являлось представительной, демократической, федеративной республикой, состоящей из штатов, свободных и суверенных в своем внутреннем устройстве. Согласно ст. 50 власть в государстве разделена на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, никому не позволено объединять власти. Законодательная власть была представлена однопалатным конгрессом, который состоял из депутатов, избирающихся на два года. Духовные лица не могли быть избраны в конгресс. Два раза в год конгресс должен был собираться на сессии: первая начиналась 16 сентября и заканчивалась 15 декабря, вторая – с 1 апреля по 31 мая. В промежутках между сессиями конгресса действовала специальная депутатская комиссия, в которую входили по одному депутату от штата (ст. 73). Исполнительная власть принадлежала президенту, который избирался на четыре года. Кандидатом в президенты может быть гражданин Мексики, проживающий на ее территории, не моложе 35 лет и не имеющий духовного звания. Новая конституция отменяла алькабалу, монополии,

упраздняла внутренние таможи и пошлины, что способствовало капиталистическому развитию страны¹⁹.

11 марта 1857 г. конституция была издана и через неделю правительство объявило, что все чиновники и военные должны ей присягнуть. Архиепископ Мехико издал циркуляр, который запрещал духовенству, а также всем католикам под угрозой отлучения от церкви приносить присягу конституции, Те, кто уже присягнули конституции, должны были публично отречься от нее. Антиправительственные восстания под руководством консерваторов генералов Мехиа, Кобос, Викарио, полковника Мирамона вспыхнули в штатах Герреро, Керетаро.

После принятия новой конституции И. Комонфорт вновь был избран новым конституционным президентом. 20 октября Комонфорт объявил состав своего правительства, в которое вошли либералы Фуэнтес, Мануэль Руис, Гарсия Конде, Пайно, Бенито Хуарес. Реакцией консерваторов на принятие либеральной конституции стал очередной мятеж. Генерал Феликс Сулоага, командовавший бригадой в Такубае недалеко от Мехико провозгласил план 17 декабря «план Такубая». В этом плане он отменял конституцию 1857 г., выступал за созыв в течение трех месяцев учредительного конгресса для выработки новой конституции, президенту временно предоставлялись чрезвычайные полномочия²⁰.

Президент Комонфорт, испугавшись радикальных преобразований, признал «план Такубайя». Войска консерваторов под командованием Сулоаги вошли в Мехико, где были арестованы и заключены в тюрьму Б. Хуарес и другие радикальные либералы. Однако вскоре между консерваторами и Комонфортом возникли разногласия. Консерваторы требовали отмены «закона Лердо» и возвращения церкви купленной у нее недвижимости, на что Комонфорт, опиравшийся на буржуазию, активно скупавшую церковную собственность, пойти не мог. В результате конфликта 11 января 1858 г. Сулоага сместил Комонфорта с поста президента и сам был провозглашен президентом. Смещение с президентского поста способствовало возвращению Комонфорта в либеральный лагерь. Перед тем как сбежать в США, Комонфорт выпустил из тюрьмы Хуареса и других либералов. Бенито Пабло Хуарес (1806–1872 гг.), являясь председателем Верховного суда, стал временным президентом Мексики. Политические взгляды Б. Хуареса можно охарак-

¹⁹ Historia documental de México. – Т. II. – P. 287-291.

²⁰ Historia documental de México. – Т. II. – P. 293-294.

теризовать как умеренно радикальные. Он выступал за последовательное проведение либеральных реформ, но менее радикальными мерами, чем предлагали Прието и Окампо. По мере развития мексиканского буржуазного государства, Хуарес перешел с федералистских позиций на централистские, так как по его убеждению, только сильная централистская власть и широкие полномочия президента в чрезвычайных условиях способны были обеспечить безопасность страны.

Современник Б. Хуареса известный историк Хусто Сьерра посвятил ему работу «Хуарес, его дело и время», в которой отмечал, что Хуарес принадлежал к тому поколению освободителей Мексики, которые не просто принесли стране политическое освобождение, но и обеспечили ей независимость, проведя решительные реформы²¹. В городе Керетаро было сформировано либеральное правительство, верное конституции 1857 г. В стране появилось два правительства и действовало два президента, начался новый этап борьбы между консервативными и либеральными силами. В конституционное правительство входили в основном представители пурос: Гильермо Прието, Мануэль Руис, Мельчор Окампо, Леон Гусман. Согласие войти в правительство модерадо Мануэля Добладо повысило авторитет администрации Б. Хуареса.

Консервативное правительство Сулоаги держало под своим контролем центральные области страны и Мехико, в то время как конституционалисты контролировали штаты Халиско, Гуанахуато, Мичоакан, Сакатекаса, Агуаскльентес, Керетаро, Герреро, а также порт Веракрус. Консервативное правительство опиралось на поддержку церкви, которая щедро финансировала военную компанию в обмен на обещание отмены конституции и «закона Лердо» и восстановление ее фуэрос, а также на регулярную армию и крупных помещиков. Вскоре после начала гражданской войны консервативное правительство было признано Англией, Францией, Испанией, США, Ватиканом и др. странами. Социальную опору либерального правительства составляли мексиканская буржуазия, ремесленники, горожане, а также часть помещиков, которые успели скупить церковные и общинные земли после проведения «закона Лердо». Поскольку либеральное правительство опиралось на только формируемую национальную гвардию и уступало консервато-

²¹ Sierra J. Juárez: Su obra y su tiempo. – México: Editorial Porrúa. 1971. P. 31.

ром в организации и военном снаряжении, в начале войны либералы проигрывали консерваторам и терпели поражения.

Вскоре в лагере консерваторов, недовольных затянувшейся войной, произошел заговор против президента Сулоаге во главе с генералом Мигелем Эчеагараем. В Мехико генерал Мануэль Роблес Песуэла сместил Сулоагу, стал президентом. Некоторые консерваторы начали склоняться к переговорам с Хуаресом, но последний категорично потребовал сложить оружие, подчиниться законному правительству и признать конституцию 1857 г.. 31 января 1859 г. новым президентом стал М. Мирамон²². Став президентом, Мирамон стал готовить поход на центр либералов, город Веракрус. Воспользовавшись тем, что армия консерваторов покинула центр страны, либералы смогли овладеть Гуанахуато, Агуаскальентес, Лагосом. К апрелю 1859 г. армия Дегольядо подошла к Мехико. Испугавшись потерять Мехико, Мирамон отступил от Веракруса и вернулся к столице, где 10 апреля армия Дегольядо была разбита консерваторами.

Очередная попытка переговоров в ноябре 1859 г. в Керетаро между Дегольядо и Мирамоном не завершилась перемирием. В ноябре 1859 г. либералы вновь потерпели поражение при Эстансия-де-Вакас, где армия Мирамона разбила либералов под командованием Дегольядо и заняла плодородный район Бахио. К началу 1860 г. у консерваторов все еще сохранялось военное преимущество. Пытаясь найти поддержку и признания законности своего правительства у Соединенных Штатов, Хуарес направил своего посланника Хосе Марию Мата для переговоров в Вашингтон. В ответ из США прибыл посланник У.М. Черчвелл, который по итогам своей поездки рекомендовал государственному секретарю США признать правительство Хуареса в обмен на новые уступки. Итогом длительных переговоров стал договор Маклейна-Окампо, подписанный 14 декабря 1859 г., по которому США предоставлялось на вечные времена право беспошлинного транзита через Теуантепекский перешеек и северо-западные районы Мексики, а также право ввода войск на мексиканскую территорию для обеспечения безопасности и защиты прав американцев²³. Подписание такого несправедливого договора, было тактической уступкой правительства Хуареса, получившего финансовую поддержку от США и

²² Scholes W.V. *Política mexicana durante el régimen de Juárez*. – P. 29.

²³ Scholes W.V. *Política mexicana durante el régimen de Juárez*. – P. 34.

возможность приобретения там необходимого вооружения. Впоследствии договор не был ратифицирован.

В феврале 1860 г. армия консерваторов под командованием Мирамона снова отправилась к Веракрусу. В сентябре 1860 г. Дегольядо вступил в переговоры с Джорджем У. Матью, английским посланником в Мексике, с предложением плана окончания гражданской войны. Дегольядо предлагал создать хунту из дипломатических представителей США, Великобритании и других правительств для созыва нового конгресса и выборов временного президента страны, чтобы остановить кровопролитную гражданскую войну. Узнав об этом, Хуарес сместил Дегольядо и назначил командующим Х. Гонсалеса Ортегу²⁴. Под командованием Ортеги либеральная армия сумела захватить столицы штатов Сан-Луис-Потоси, Сакатекас, Агуаскальентес, и сосредоточиться в центре страны около Мехико и Пуэблы. На севере успешно действовала армия под командованием Гонсалеса Ортеги и Игнасио Сарагосы, на юге – армия Порфирио Диаса, на юго-западе отряды Хуана Альвареса. В августе 1860 г. войска Мирамона были разбиты либеральной армией в районе Силао. 22 декабря армия Гонсалеса Ортеги разгромила армию консерваторов в бою при Сан-Мигель-Калпулалпаме, Мирамон бежал из Мехико, куда 25 декабря 1860 г. вошла либеральная армия, положив конец трехлетней войне за реформу.

В самый разгар гражданской войны правительство Хуареса выступило с целой программой реформ. Наиболее важные законы либерального правительства, принятые в 1859 г., получили название «законы о реформе». 7 июля 1859 г. правительство Хуареса в Веракрусе издало Манифест, в котором были изложены основные цели и программа. Правительство гарантировало гражданам равные права, выступало за отделение церкви от государства, ликвидацию монастырей, запрещение организации религиозных братств, национализацию церковного имущества, провозглашение религиозной веротерпимости, развитие образования, организацию новых школ, улучшения связей внутри страны, отмену внутренних пошлин, отмену ряда торговых пошлин, развитие коммуникаций и строительства дорог²⁵.

²⁴ Historia documental de México. – Т. II. – P. 42.

²⁵ Iturriaga J. E. Pensamiento político y administrativo del Presidente Juárez. – México: Instituto Nacional de la Juventud Mexicana, 1957. P. – 41-55.

12 июля 1859 г. был опубликован манифест «о социальной реформе в Мексике». Ст. 1 документа провозглашала полную национализацию всего имущества, находящегося в управлении церкви, в том числе капиталов, закладных, произведений искусства. Книги, антиквариат и произведения искусства передавались в общественные библиотеки и музеи. Ст. 2 отделяла церковь от государства и гарантировала государственную защиту для отправления любого богослужения. Запрещались принудительные сборы в пользу церкви. Ст. 5 распускала все мужские монастыри и религиозные ордена, имущество которых переходило государству. Ст. 6 запрещала создание новых монастырей. Женским монастырям разрешалась дальнейшая деятельность, но поощрялся уход монахинь. Правительство обвинило церковь в причиненном государству гражданской войной материальном ущербе²⁶. Декрет об организации инвентаризации национализированной собственности прописывал правила приобретения земель. При осуществлении распределения национализированной церковной собственности, правительство стремилось предоставить льготы мелким арендаторам. Покупатели земель освобождались от уплаты алькабалы, две трети стоимости приобретаемой земли можно было оплачивать бонами государственного долга и только одну треть наличными деньгами с рассрочкой платежа от пяти до девяти лет. 23 июля 1859 г. был принят закон о введении гражданского брака. 28 июля 1859 г. декрет о передаче регистрации актов гражданского состояния государственным органам. 31 июля закон, передающий управление кладбищами в руки государственных органов²⁷.

Среди пурос возникли споры о времени введения в действие «законов о реформе». М. Окампо предлагал отложить осуществление законов до момента приезда правительства Хуареса в Мехико, поскольку считал, что проведение реформ во время нахождения правительства в Веракрусе приведет к злоупотреблениям со стороны губернаторов. М. Лердо настаивал на немедленном осуществлении законов, так как надеялся получить денежные займы у США под будущие продажи национализированных земель. Окампо оказался прав, быстрая распродажа по минимальной цене в условиях продолжающейся гражданской войны церковного имущества привела к образованию новых крупных земельных владений спекулянтов, а полученных правительством денег не хватало даже на

²⁶ Historia documental de México. – Т. II. – P. 295-296.

²⁷ Historia documental de México. – Т. II. – P. 53.

погашение государственного долга. Однако удар, который был нанесен по экономическому могуществу церкви, способствовал перелому в гражданской войне и победе либерального правительства.

Высокую оценку либеральным преобразованиям дал Х. Сьерра, отметив, что «Закон Лердо», конституция 1857 г., и «законы о реформе» создали основу либерального мировоззрения в Мексике, а также обеспечили существенные изменения в сознании мексиканцев. Это были, по сути, революционные законы. По мнению историка, борьба с иностранной интервенцией окончательно подтвердила стремление мексиканского народа к свободе и независимости²⁸.

²⁸ Sierra J. Juárez: su obra y su tiempo. México. P. 74.

Фабио Вассерман¹
Fabio Wasserman

Практика без программы и институты без субъекта: Документальные коллекции и Исторические институты Рио-де-Ла-Платы (1830-1860).

Practice without discourses and institutions without subjects. Collections of documents and Historical Institutes in the Rio de la Plata (1830-1860)

Аннотация: В статье рассматриваются ряд главных черт, который историзм имел в середине XIX в. в культуре Рио-де-Ла-Платы. Её целью является описание и анализ направлений размышлений, практических действий, представлений и институтов, которые показывают как распространение новых концепций истории, так и их изучение и те направления, которые эти концепции получили в обществе с высоким уровнем конфликтности в общественной жизни. Мы сосредоточили внимание на трех аспектах: неудавшихся попытках создать институты изучения истории; на публикациях документальных коллекций; на существующем консенсусе о необходимости написания исторических изложения исследований, при параллельном признании невозможности сделать это в настоящее время, что привело к созданию собраний документов, которые могли быть использованы «будущими историками».

Ключевые слова: национальное сознание, историография, историцизм, Аргентина

Abstract: This article examines some of the main features that *historicism* had in the mid 19th century Rioplatense culture. Its aim is to describe and analyze a set of discourses, practices, representations and institutions that show both the diffusion of new concepts over history and how to know it, and the ways these conceptions took in a society with a highly conflictive public life. We will focus on three aspects: the failed tries to erect history institutes; the publications of documental collections without clear edition patterns; the existing consensus in the need of producing historic narratives, parallel to the recognition of the current impossibility of doing so, that led to the attempts of accumulating materials that could be used by the "future historian".

¹ Институт Равигнани. Университет Буэнос-Айреса – КОНИСЕТ

Keywords: national consciousness, historiography, historicism, Argentina.

В первой половине XIX в., в Европе сложилась совокупность доктринальных, научных и эстетических течений, связанных с методологическим пониманием истории. Хотя их цели, намерение и подходы могли быть очень различными, они сходились в утверждении, что события, феномены, структуры и общественные процессы могли приобрести прочность и быть понятными лишь путем их исторической реконструкции. В этих рамках знание прошлого превращалось в первостепенную необходимость для всех, кто старался понять, узаконить, критиковать или изменить общество или некоторые его стороны. Это понимание стимулировало размышления, практические действия и создание институтов для сохранения и распространения этих знаний, которые кроме того стали конституироваться в одну дисциплину, которая начала выделяться в мире образования и науки.

Это движение оказало сильное, хотя и неодинаковое, воздействие в западном мире и в зоне его влияния. В районе Рио-де-Ла-Плата романтический историзм начал успешно распространяться с 1830 г., за короткое время превратившись в одно из главных интеллектуальных течений, вдохновлявших местную общественную жизнь². Этот процесс усилился в 1850 г., когда исторические исследования переживают период расцвета. В это время Бартоломе Митре публикует первый вариант «Истории Бельграно» (1858-1859), которую принято считать первой национальной аргентинской историей, хотя некоторые авторы полагают, что таковой её можно считать лишь с третьего издания в 1876 - 1877³.

Это толкование, хотя и каноническое, порождает ряд вопросов. С одной стороны, почему в эти годы в Аргентине, в отличие от со-

² Некоторые авторы утверждают, что начиная с 1830г. произошла переоценка истории. История стала присутствовать почти во всех областях культуры, в литературе, искусстве, лингвистике, философии, праве и политике. Она также начала ломать традиционные классификации и разрушать общепринятые границы дисциплин и категорий. - Weinberg F. Los comienzos de la historiografía romántica rioplatense//Boletín de la Academia Nacional de Historia – vol. LXI – 1988 – P. 144.

³ О различиях в двух вариантах текста Митре см. Palti E. La Historia de Belgrano de Mitre y la problemática concepción de un pasado nacional// Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana “Dr. Emilio Ravignani” – № 21 – 1er. Semestre del 2000.

седних Чили и Бразилии, не были написаны национальные истории, являющиеся наиболее законченным выражением романтического историзма. Но даже оставив этот вопрос в стороне, должны были получить развитие практические действия, размышления и институты в соответствии с этими постулатами. Тем не менее то, что показывает изучение историографии этого периода, так это её слабость или, еще хуже её отсутствие.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы изучить ряд историографических явлений, которые получили развитие на Рио-де-Ла-Плате в 1830 - 1860 гг., стараясь объяснить их отличительные черты, которые являлись результатом его особого культурного и политического развития⁴. Для этого, после краткого описания панорамы политической жизни того времени, я остановлюсь на анализе следующих явлений: практике составления и издания документальных коллекций, создании институтов распространения исторического знания и признания неприемлемости литературного подхода к истории, которая соединяла прошлое и настоящее в одном сюжете, апеллируя при этом к будущему.

Альтернативы в поисках нового политического порядка (1810-1860)

В последние годы политическая история Рио-де-Ла-Платы в XIX в. стала объектом глубокой ревизии. Так, в отличие от оценки Майской революции 1810 г. как национальной или национальной буржуазной, направленная против колониального режима, в настоящее время утверждается, что революция была следствием кризиса испанской монархии, усиленного английским вторжением в 1806 – 1807 гг. Этот кризис положил начало сложному процессу, в котором переплетались проекты, интересы и идеи, так как борьба шла за власть, вокруг проблемы определения её источника, её основы и территориальной юрисдикции⁵.

⁴ См. Wasserman F. Entre Clío y la Polis. Conocimiento histórico y representaciones del pasado en el Río de la Plata (1830-1860) – Buenos Aires: Teseo, 2007.

⁵ Chiaramonte J.C. Ciudades, provincias, Estados: Orígenes de la Nación Argentina (1800-1846) – Buenos Aires, Ariel, 1997; Halperín Donghi T. Revolución y Guerra: Formación de una élite dirigente en la Argentina criolla – México: Siglo XXI, 1979. Оба автора исходят из различных перспектив политической жизни этого периода. В то время как Хальперин подчеркивает

В 1810 – 1820 гг. в условиях внутреннего конфликта сменился ряд временных правительств, целями которых было руководство войной за независимость и консолидация государства, способного управлять территорией бывшего вице-королевства. Последняя цель была ограничена претензиями городов, представленных кабильдо, находившихся в конфликтных отношениях между собой и противостоящих центральной власти Буэнос-Айреса вплоть до ее падения в 1820 г. Отсюда больше, с целью институционализировать новые отношения, созданные революцией и войной, города расширяли свое политическое влияние на сельскую округу, формируя провинциальный суверенитет, который стремился конституироваться в самостоятельные государства, в которых установились республиканские режимы. Хотя это не означало, что полностью отрицалась идея создания единого национального государства, но не было согласия, какими должны быть его основы, территориальный состав и форма правления. Эти местные проекты признавали суверенитет провинций и необходимость согласия между ними, что нашло отражение в Основном Законе, принятом Национальным Конгрессом в 1825. Поэтому, когда на следующий год была принята Конституция, которая противоречила этому закону, и была создана общенациональная исполнительная власть, обострился конфликт между группами известными как унитарии и федералисты, что привело к падению общенационального правительства. Таким образом, суверенные провинции должны были создать структуру, способную поддерживать баланс провинций, принимая во внимание слабость большинства из них, нестабильность и изолированность, вызванные постоянными военно-политическими конфликтами.

В 1831 – 1852 г. образовалась Аргентинская Конфедерация, в которой установилась гегемония росистской фракции после поражения выступавших против неё унитариев и федералистов. Поэтому признание провинциальных суверенитетов Федеральным пактом 1831 г. вошло в противоречие с ростом власти губернатора Бу-

слабость институтов, которые позволили бы преодолеть личностные, семейные и партийные связи. Къарамонте считает, что процесс развивался во всех сферах одновременно, в особенности в провинциях. Синтез этих точек зрения см *Revolución, República y Confederación (1806-1852)*// Colección Nueva Historia Argentina/ N. Goldman (dir.) – tomo III – Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1999; Ternavasio M. *Historia de la Argentina, 1806-1852* – Buenos Aires: Siglo XXI, 2009.

энос-Айреса, который попытался покончить с нестабильностью путем установления своего доминирования на всей территории страны. В 1852 г. Росас был свергнут при поддержке Бразилии и Уругвая союзом прибрежных провинций, руководимого губернатором Энтре-Риос Хусто Хосе де Уркисой. Под его руководством была создано общенациональное правительство, принята Конституция 1853 г., которая оформила федеральное государство со столицей в Паране. Этого оказалось недостаточным для прекращения конфликтов между провинциями, кроме того вызвало их многочисленные трения с новым государством, так как они хотели сохранить автономию. Тем не менее эти напряженные отношения были смягчены противостоянием с Буэнос-Айресом, чьи ресурсы позволяли ему выделиться в автономное государство в 1854 г. Это отделение длилось до 1861 г., когда произошла военная и политическая победа Буэнос-Айреса, облегченная слабостью его противников из-за внутренних разногласий и экономических трудностей.

Этот схематичный обзор позволяет оценить сложность и неопределенность в организации территории, унаследованной от вице-королевства Рио-де-Ла-Плата. В этом отношении революция оставила в наследство хрупкую систему регионального равновесия, частью которой была также независимая с 1830 г. республика Уругвай. Эта неясность в отношении форм организации и высокая конфликтность политической жизни влияли также на культурную жизнь и, разумеется, на написание истории.

Практика без программы

Одной из сфер деятельности, вызвавшей интерес историографии XIX в., было издание исторических документов. На Рио-де-Ла-Плате, хотя и существовали некоторые предпосылки для этого, сама практика изданий началась в 1830-е гг. и получила расцвет в последней трети XIX в. В большей части этой продукции обосновывались территориальные права нового государства на бывшие пределы вице-королевства.

Итак, кроме их случайной публикации в прессе или в виде брошюр, документы стали собирать в коллекции, среди которых выделялась самая первая, под руководством неаполитанца Педро де Анхелиса, который приехал в Буэнос-Айрес в конце 1820х гг.⁶

⁶ Colección de documentos relativos a la Historia Antigua y Moderna de las Provincias del Río de la Plata /P. de Angelis (dir.) – VI vols – Buenos Aires:

Важность этой коллекции и интерес, который она вызвала даже среди тех, кто критиковал его за то, что он был идеологом росизма, объяснялось как самой публикацией многочисленных и важных текстов, мало или почти неизвестных, так и их качеством, результатом эрудиции и таланта составителя. И если с точки зрения эвристики его можно было критиковать за допущенную вольность, так как он не только написал примечание и введение для ориентации читателя, но также модернизировал язык некоторых текстов, чтобы сделать их более понятными, нельзя не признать влияние этого издания на культуру страны. Один из аспектов, наиболее бросающийся в глаза в этой и других коллекциях, это отсутствие ясных критериев в отношении выбора текстов и их размещения или в хронологической или тематической сериях. Например, третий том начинается с географического и статистического описания провинции Санта-Крус-де-ла-Сьерра, а продолжается документами, относящимися к основанию Буэнос-Айреса, за которыми следуют акты кабильдо мая 1810 г. и доклад о навигации по Рио-Терсеро.

Чтобы понять разнородность этих коллекций и трудность для понимания собранных в них текстов как дискурсивного единства, нужно учитывать условия их издания и распространения. Прежде всего потому, что документы не всегда выходили вместе в одной книге, как планировали их издатели. Это стало возможно, так как чаще всего они издавались в форме брошюр или приложениями к газетам, а подписчики или случайные покупатели уже сами переплетали их. С другой стороны, были тексты как в «Коллекции» де Анхелиса, которые несмотря на то, что составляли часть одного тома, имели собственную нумерацию, титульный лист и оглавление.

Imprenta del Estado, 1835 - 1839. Об этой публикации см Sabor J. Pedro de Angelis y los orígenes de la bibliografía argentina – Buenos Aires: Solar, 1995; La Biblioteca del Comercio del Plata (Montevideo, 1845 – 1851) была издана как приложение к газете, руководимой Флоренсио Варелой и после его убийства в 1848 г; Валентином Альсиной, в ней было опубликовано большое количество текстов: Colección de memorias y documentos para la historia y la jeografía de los pueblos del Río de la Plata /comp. y ed. por Andrés Lamas – t. I, Biblioteca del Comercio del Plata – t. 7 – Montevideo, 1849; Compilación de documentos relativos á los sucesos del Río de la Plata desde 1806/ ed. por Vicente F. López y V. Alsina, Biblioteca del Comercio del Plata – t. 9 – Montevideo, 1851; Tratados de los Estados del Río de la Plata, y Constituciones de las Repúblicas Sud-Americanas/ comp. por F. Varela, Biblioteca del Comercio del Plata – t. 4 – Montevideo, 1848.

ние, что позволяло делать их отдельное издание. Получалось, что издатель побуждал подписчиков следовать его указаниям, включая также такие, как можно переплести текст. Заканчивая труд, он также публиковал общее оглавление, в котором нумеровал документы, указывая порядок их появления в каждом из томов. Эти указания не имели успеха, если принять во внимание существующие различия в коллекциях, которые находились в разных хранилищах: нет двух, совпадающих между собой. То же самое случилось с «Библиотекой дель Комерсио дель Плата», что кажется еще более труднообъяснимым, имея в виду появление её в газете, из которой известно, когда публиковались те или иные материалы, хотя собранные здесь тексты также выходили отдельными тиражами и некоторые имели собственную нумерацию и титульный лист внутри одного и того же тома. Наконец, такое могло происходить по разным причинам: будь то из-за непредусмотрительности составителей, как Андрес Ламас, который переоценил материалы, которыми располагал; или из-за экономических причин, как в случае коллекции изданной Анхелисом, так как французская блокада порта Буэнос-Айрес оставила его без бумаги и без возможности закончить седьмой том, или из-за политических причин, как случилось с «Комерсио дель Плата», чья «Библиотека» должна была отдавать предпочтение сочинениям антиросистской направленности.

Итак, что предлагали издатели этих коллекций и какие ожидания были у их подписчиков и случайных покупателей? Если обратить внимание на их содержание, то значительная часть текстов относится к исследованиям и сообщениям о мало известных районах, в частности пограничных, а также договорам, с ними связанными. Их публикация, таким образом, отвечает двум потребностям: узнать о районах, считавшихся потенциально богатыми, но мало исследованными и придать законность возможным территориальным претензиям. Отсюда обилие документов, относящихся к северо-востоку Рио-де-Ла-Платы и Патагонии. С другой стороны, публиковались тексты о событиях, считавшихся очень важными в развитии общества Рио-де-Ла-Платы, такие как: основание Буэнос-Айреса, английские вторжения или Майская революция. Этот интерес к прошлому региона можно видеть в публикациях де Анхелиса, в той восторженной форме, в которой он комментирует хронику завоевания и колонизации Буэнос-Айреса, чтобы таким образом поставить это событие вровень с более известными Мексикой и Перу.

Это позволяет объяснить интерес к этим текстам, но не их издание как части столь разнородных коллекций. Остается открытым вопрос о значении и ценности этих публикаций. Наиболее обоснованный ответ заключается в том, что эти коллекции задумывались как объекты, ценность которых выходила за рамки удовлетворения экономических, политических, гражданских потребностей или территориальных претензий. Причина заключалась в том, что сами эти коллекции представляли собой значительное событие в культурном развитии региона, ставившего его вровень с наиболее развитыми и престижными странами.

Эта претензия хорошо просматривается в статье, опубликованной Сармьенто в 1851 г., посвященная причинам созыва конгресса провинций Ла-Платы после разрыва Уркисы с Росасом. С этой целью он тщательно исследует культурные достижения, подчёркивая особое значение успехов в области истории и географии: «В этой сфере мы достигли прогресса, которому можно только завидовать... Коллекция Анхелиса, которая есть не что иное, как публикация рукописей библиотеки Буэнос-Айреса, является наиболее значительным национальным памятником, который делает честь нашему государству и её автору - Анхелису, который осуществил её, и которому республика обязана настолько, что может простить ему его слабости... Скажете, что это случайность, что человек, достойный похвалы такой, как Анхелис, попал в цель, обосновавшись в Аргентинской республике и одарив нас этим сокровищем? Ошибка! Анхелис удовлетворил общественные потребности, ответил чаяниям народа, его желанию с честью исполнить высокое предназначение, к которому призвало его Провидение»⁷. Далее Сармьенто выражает удовлетворение публикациями в этой области, приводя в качестве примера оглавления коллекций документов. Сармьенто доказывал в своей статье, что сама значимость этих томов, их последовательный характер свидетельствуют как о существовании славного прошлого, заслуживающего воспоминаний, так и успехов в настоящем для его лучшего понимания. «Коллекции» позволяли соединить прошлое и настоящее общества.

Помимо этого, эти труды облегчали установление связей с выдающимися учеными и с европейскими и американскими научными обществами, что вело к усилению обмена опытом и знаниями, фактически вело к признанию местных литераторов и ученых в

⁷ Liga Litoral. Adhesión al pacto federal de 4 de enero de 1831// Sud América, – tomo II, –Santiago de Chile, 09.06.1851.

условиях отсутствия институтов, способных осуществлять эти функции. Поэтому, например, открывая в 1837 г. «Литературный салон», его предводитель Маркос Састре отметил работу, которую издал Анхелис. Однако при этом он счел необходимым упомянуть, что «она уже получила одобрение в ряде европейских научных обществ»⁸.

Рассмотрение этих томов как объектов, которые сами по себе имеют культурную, политическую и экономическую ценность, позволяет объяснить, почему в издательских планах преобладали количественные критерии над качественными: казалось, что уделялось большее внимание необходимости завершить издание определенного количества томов, нежели настоящему интересу, которое могло представлять их содержание или их объединение в единое целое. Если к этому добавить необходимость заполнить страницы такой газеты как «Комерсио дель Плата», то становится понятной постоянный призыв ко всем тем, кто владел документами, опубликовать их.

Обычно заявлялось, что, принимая во внимание отсутствие исторической перспективы, способной придать смысл прошлому и настоящему, необходимо ограничиться сбором документов, чтобы облегчить работу будущих историков. Поэтому, когда в начале 1860-х гг. публицист Висенте Кесада решил осуществить программу исторических исследований в «Ревиста де Буэнос-Айрес», он попросил своих читателей предоставить документы, обратив внимание, что «мы не претендуем написать историю, мы хотим лишь сделать хронику событий и опубликовать документы, которые послужат будущим исследователям»⁹.

Такая оценка условий издания исторических материалов объясняет отсутствие ясных критериев для отбора документов и объединение их в серии для публикации. То, чего не было, так это изложения, который интегрировал бы эти тексты в написанную историю, способную придать смысл событиям там упоминавшимся. Более того, многократно использовались те же самые тексты, что-

⁸ Sastre M. Ojeada filosófica sobre el estado presente y la suerte futura de la Nación Argentina//, El Salón Literario/ Weinberg F. (comp.), – Buenos Aires., Hachette, 1958, – P. 119

⁹ Quesada V. Estudios Históricos. Nuestros propósitos// La Revista de Buenos Aires. Historia Americana, Literatura y Derecho, Periódico destinado a la República Argentina, la Oriental del Uruguay y del Paraguay, – t. II, – 1863, – P. 49.

бы рассказать о событиях прошлого без всякого анализа. Как если бы документы действительно разговаривали сами по себе. Поэтому всякий текст, относящийся к историческому событию, будь то официальный документ, свидетельство или исследование, не только мог иметь ту же ценность, но также не считалось необходимым их различать, хотя надо отметить, что это было вызвано также крайне неустойчивой системой цитат и примечаний, затруднявших во многих случаях восприятие авторства и статус того, что представлялось. Было не ясно, источник это или размышления автора.

В целом, до 1860-х гг., за редким исключением, эти коллекции не могли служить основой для построения нарративной истории. Не было исторических текстов, таких, которые писал Митре, которые позволили бы организовать весь публикуемый материал в стройной системе изложения. Но не потому, что полагали это не нужным, а потому, что это казалось трудным или невозможным осуществить в тогдашних условиях. Из чего можно было заключить, что речь шла об интеллектуальной практике, где отсутствовали исторические размышления, и которая была пока неспособна придать смысл прошлому. То есть, это была практика без дискурса.

То же самое можно видеть в работах, посвященных биографиям общественных деятелей, как, например, «Галерея аргентинских знаменитостей», опубликованная отдельными выпусками в 1857 – 1859 г.¹⁰ Как в случае с документальными коллекциями, бросалась в глаза небрежность с какой была выполнена работа: на титульном листе фигурировали авторы, ничего не опубликовавшие; проспект заявлял о биографиях, которые затем были написаны другими авторами; обещались биографии, которые никогда не увидели свет; появились другие, не планировавшиеся ране. В общем, работа началась без выбора авторов и тех, чьи биографии напишут, но, что еще хуже, при отсутствии критериев отбора. Также как и в случае с документальными коллекциями то, что в действительности имело значение, так эта сама работа, а именно, ее общий объем, значение биографий персонажей и самих авторов текстов, - создавало впечатление о богатой общественной жизни страны, сравнимой с самыми развитыми государствами. При этом не имело большого значения несравнимость этих публикаций в том, что ка-

¹⁰ Galería de celebridades Argentinas. Biografías de los personajes mas notables del Rio de la Plata, – Buenos Aires: Ledoux y Vignal editores, Imprenta Americana, 1857 - 1858.

салось их качества, содержания и объема. Напротив, единственное, что остается неизменным, так это литографии, которые предшествуют каждой биографии. Более того, выбранный формат более благоприятствует визуальной части, чем текстуальной, поэтому она заслуживает название галереи портретов в буквальном смысле и может считаться разновидностью передвижного музея, в котором можно видеть главные черты некоторых выдающихся революционных деятелей таких как Мануэль Бельграно и Хосе де Сан Мартин. Как отмечал Митре во введении к изданию, речь шла больше о памятнике, чем об изложении истории¹¹.

Что касается содержания, и оставляя в стороне сомнительные критерии отбора, «Галерея» может рассматриваться как работа, целью которой было почтить память послереволюционной элиты. С этой целью рассказывалось о жизни некоторых деятелей, о которых мало или ничего не публиковалось, или эти сведения были труднодоступными, но циркулировали многочисленные устные рассказы, которые, как утверждал Митре во Введении, требовалось рационализировать и систематизировать. Он заключал, что общий объем труда свидетельствует о богатой общественной жизни Аргентины, сравнимой с наиболее развитыми и культурными обществами. Он писал: «Слава этих людей является ценным наследием аргентинского народа, и спасти от забвения их свершения значит использовать это наследие к общей выгоде и чести. В этих жизнеописаниях нынешнее поколение найдет образцы, заслуживающие подражания. В тех памятных событиях будущий историк найдет достойные темы для размышлений»¹².

Так утверждалось, что данная работа не преследует цель дать ясное понимание истории Рио-де-Ла-Платы, а лишь представить образцы гражданского поведения и ограничится сбором материала, который впоследствии мог быть использован будущими историками. Таким образом, вновь ставилась задача наделить тогдашнее общество традицией, что сопровождалось признанием трудностей для написания какого-либо нарратива, который придал бы ей фор-

¹¹ «Этот труд – это не история, ни даже биография, а монумент, возведенный в честь наших просвещенных предков...», который наши будущие поколения будут рассматривать как образцы для подражания. Mitre B. *Introducción a Galería de Celebridades Argentinas. Biografías de los personajes mas notables del Río de la Plata*// Mitre B. *Obras Completas*, – vol. XI, – Bs.As., 1942, – P. 22.

¹² *Ibid.*, P. 19 - 20.

му. Также, как и в случае с документальными коллекциями, можно утверждать, что публикация биографических серий являлась практикой без дискурса. Или, чтобы быть более точным, без рассуждений, способных собрать воедино и придать смысл этим биографиям как части того же исторического сюжета, героями которого были описанные здесь деятели. Этот дискурс отсутствовал в тогдашней культуре Рио-де-Ла-Платы. Но ведь и не было того профессионала то есть историка, который должен был сформулировать этот дискурс.

О «будущем историке», хаотичном настоящем и неясном прошлом.

Во введении к «Галерее знаменитостей» Митре хвалил множество деятелей аргентинской истории, биографии некоторых из них были возвращены из забвения или устной традиции, чтобы служить образцом для современников. Эти цели могут казаться скучными, если принять во внимание, что их ставил Митре, человек с проницательным историческим чутьем, который оставил «будущему историку» задачу придать подлинный смысл явлениям, воплощенных в этих фигурах. Речь шла не об экстравагантности Митре. Апелляция к будущему историку не только была обычным явлением, но ее можно найти у историков самой различной политической, идейной ориентации, которые настаивали на целесообразности ограничиться сбором материалов, чтобы впоследствии они могли быть правильно объяснены. Эти аргументы оправдывали некоторых авторов за то, что они лишь собирали материал или ограничивались поверхностями заметками и описанием хроники событий¹³.

Это признание отсутствия условий для создания нарратива, в котором получило бы полное осмысление прошлое, нельзя приписать отсутствию личных способностей, ограниченному образованию, незнанию источников, близостью по времени к событиям, что препятствовало объективности подхода, отсутствию времени или какой-то другой причине (даже если современники сами называли эти причины). Наибольшая трудность в написании масштабного исторического нарратива заключалась в отсутствии перспективы, которая опиралась бы на настоящее и проецировалась на будущее,

¹³ Revista de la Junta de Estudios Históricos de Mendoza, – t. X, – 1938, – P. 47 - 48 [Mendoza, 1852].

что могло придать смысл событиям прошлого, создать историю нации или какой-нибудь иной общественной группы. При этом полностью игнорировалось доиспанское прошлое, отвергались столетия колониального господства, а Революция оставила сомнительное наследство, а настоящее воспринималось как хаос, в котором сосуществовали несовместимые или такие необъяснимые явления, как росизм, что затрудняло задачу предсказать будущее или, по крайней мере, определить путь развития. В этих условиях было трудно найти точку зрения, которая позволила бы соединить различные исторические социальные формы в историческом изложении с ясной политической ориентацией, в которой в полной мере раскрывался бы смысл деятельности героев прошлого. Существовало убеждение в необходимости ограничиться сбором любого вида изложения, будь то биография, документы, устные рассказы, хроники или предметы, как-то карты или медали, в то время как будущим историкам завещалось их правильное понимание, которое могло быть достигнуто только тогда, когда эти элементы могли быть обработаны и введены в исследовательский оборот.

Апелляция к такой виртуальной фигуре как будущий историк, не мешала существованию в настоящем писателей и публицистов, хотя задачи, возлагавшиеся на них, не были масштабными. Тем не менее это обращение не было только риторикой, но отражало отсутствие профессиональных условий для историка на Рио-де-Ла-Плате. В своем введении к «Галереи», Митре отмечал, что среди знаменитостей, заслуживающих памяти потомков, были «законодатели, поэты, историки, публицисты, государственные деятели, юрисконсульты, генералы, дипломаты, мудрые и справедливые мужи». То есть все за исключением историков, хотя упоминает «Фунеса, историка, публициста и оратора». Думаю, что Митре специально умолчал об историках, будь они знаменитыми или нет. Поэтому большее значение его заявление, сделанное им за два года до того, когда он предлагает создать Институт истории: «Ученый, литератор, юрисконсульт, государственный деятель, геометр, художник, архитектор, филолог, натуралист, путешественник, агроном, публицист, - все найдут место на этом банкете, и все смогут эффективно сотрудничать в общей работе, не изменяя ни своим наклонностям, ни отказываясь от своих специальных исследований, будучи лишь обязанными искать практическую формулу для выражения своих идей. Все науки, все искусства и даже сами идеи могут толковаться и выражаться лишь в своей исторической форме, также как исторические события являются ничем иным как от-

ражением развития человеческого духа в восходящем движении народов к свету прогресса, какими бы не были внешние формы этого процесса, в которых они предстают перед нашими глазами или в нашем уме. Всякая человеческая деятельность имеет историческую форму»¹⁴.

Митре принимал концепцию истории как инстанцию, где создаются, развиваются и приобретают смысл социальные явления. Отсюда следует, что историческое представляет собой исключительное знание для понимания социального, будь то из-за его способности объяснять явления и события, или как условие развития любой формы знания. Но эта способность не сопровождается условием, кто должен быть исключительным толкователем текста: историками. Вместо историка он обращается к обширному списку профессий, который, по правде говоря, мог бы включать любого грамотного человека. Это позволяет лучше понять смысл обращения к будущему историку, так как, по меньшей мере до 1860-х гг., не было общественного признания этой профессии; во всяком случае историками называли тех, кто повествовал о том или ином эпизоде, персонаже или процессе – «историк жизни его отца», «историк нашей революции» - ясно, что речь шла не о профессиональном историке, а о публицисте, который вдруг написал исторический текст.

Допустимо предположить, что создание Института преследовало, среди прочих целей, должно было положить конец этому недостатку, создав условия формирования и легитимации субъектов, производителей этих знаний. Это позволяет объяснить разнородный состав тех, кого собрали для его организации. Среди них находился Педро де Анхелис, нелюбимый в Буэнос-Айресе, в городе, который стремился излечиться от груза прошлого, диктатуры Росаса. Но помимо своих личных предубеждений Митре признавал в нем одного из немногих способных писать историю. Во всяком случае ни включение де Анхелиса в состав Института, ни кого бы то ни было другого не могло решить проблем, которые стояли перед ним, поскольку они проистекали не из-за отсутствия образованных людей с определенными знаниями, способностями или специализацией, а от институциональной слабости, вызванной беспокойной политической жизни на Рио-де-Ла-Плате.

¹⁴ Mitre B. Preliminar de las Bases Orgánicas del Instituto Histórico y Geográfico del Río de la Plata // Levene R. Mitre y los estudios históricos en la Argentina. – Buenos Aires, 1944. P. 293 – 294.

Институты без субъекта

Одним из наиболее значительных проявлений новой роли истории на Рио-де-Ла-Плате была ее прогрессирующая институционализация. На Рио-де-Ла-Плате, следуя примеру Бразильского исторического и географического института, созданного в 1838 г., был осуществлен ряд инициатив, исходящих от государства или при его поддержке. Во главе одной из них стояли Педро Виладербо и Андрес Ламас, которые в 1843 г. создали в Монтевидео Национальный исторический и географический институт. Во главе другой стоял Митре, который в 1854 г. создает в Буэнос-Айресе исторический и географический институт Рио-де-Ла-Платы. В 1861 г. по инициативе Хуана Пухоля в Паране открывается Исторический и географический институт конфедерации¹⁵.

Эти «литературные» или «литературно-научные общества» стремились удовлетворить самые различные потребности. Они занимались изучением и распространением работ по истории и географии, но также по статистике, что позволяло иметь представление о наличных ресурсах в регионе. Помимо этого, также как в случае с документальными коллекциями и биографиями, наибольший интерес был проявлен к созданию самого института, поскольку это должно было свидетельствовать об уровне цивилизации, достигнутого регионом и, в особенности, об активной роли государства в этом процессе. Существовал большой интерес в установлении отношений с аналогичными обществами в Европе и Америке для обмена знаниями, а также как средство легитимации этих обществ и, понятно, их членов, которые хотели быть признаны в качестве членов-корреспондентов и собеседников столь престижных центров. Перед назначением всех учредителей институт в Монтевидео решил установить связи с аналогичными обществами Европы и Америки и назначить членов-корреспондентов.

Имелась также другая причина, позволяющая понять цель существования самого института. Она заключалась в создании атмосферы общения, исключавшей фракционную политику, личные и идеологические различия. Поэтому, закладывая основу историче-

¹⁵ Pivel Devoto J. El Instituto Histórico y Geográfico Nacional (1843-1845)// Revista del Instituto Histórico y Geográfico del Uruguay – t. XI – 1934 - 1935; Mitre y los estudios históricos en la Argentina – Buenos Aires: Academia Nacional de Historia, 1944.

ского и географического института Рио-де-Ла-Платы, Митре указывал, что он будет «нейтральным полем», на котором могут сосредоточиться интеллектуальные ресурсы. Помимо этого, он предлагал уточнить роль и характер деятельности института, чтобы работа приобрела глубину, а задействованные силы не были вновь разобщены. Поэтому он утверждал, что, «было необходимо определить русло для потока идей, чтобы они не разливались по поверхности, что необходимо дисциплинировать мысль, дав ей отправную точку, чёткие планы»¹⁶.

Итак, почему дисциплинирование мысли должно ориентироваться на развитие истории, географии и статистики, области знания, которые, согласно Митре, могли быть наиболее эффективно использованы этими обществами. С одной стороны, эти знания рассматривались как первоочередные, а также их наличие было показателем развития общества. С другой стороны, существовало согласие, что эти знания были важной целью, так как история региона оставалась еще не известной европейцам, которые могли бы иметь интересы в этом регионе, так и самими жителями Рио-де-Ла-Платы. Но было нечто большее, связанное с этими последними, так как согласно Митре, они были единственными темами, в которых американцы могли отличиться, внося оригинальный вклад, «распространяя наши идеи за границу, чтобы получить в обмен нужные нам знания». Согласно такому разделению интеллектуального труда, американцы должны были развивать эмпирические знания, руководствуясь выработанной в Европе теорией. Ясно, что в отличие от того, как это будет воспринято позже, эта задача не считалась менее значимой, поскольку знания и цивилизация рассматривались едиными для всех, хотя их проявления и уровни развития могли быть различными. Это, по крайней мере, не представляло проблемы, ни для Митре, ни для образованной элиты того времени. Если что и являлось настоящей проблемой, так это существовавшие трудности для получения этих оригинальных и необходимых знаний. Поэтому не должно удивлять, что Митре радовался созданию благоприятных условий, чтобы потомки могли воспользоваться результатами этого труда: «Возможно, в обширной программе наших работ мы не сможем изучить все материалы на основе надежных критерий, и мы должны удовлетвориться лишь наведением порядка в хаосе документов, которые являются

¹⁶ Mitre B. Preliminar de las Bases Orgánicas. – P. 293

нашим историческим наследием»¹⁷.

Такое отсутствие надежного критерия позволяет понять, почему речь шла о культуре, в которой проявления учености, такие как документальные коллекции или исторические институты, не сопровождались действиями субъектов и размышлениями соответствующими этим начинаниям. Почему же эти общества не стали средой, в которой была бы выработана общая и устраивающая всех концепция, которая позволяла бы привести в порядок доставшееся в наследство документы, и почему они не могли сформировать субъекты, создателей исторических знаний. Ответ заключается в том, что помимо желаний инициаторов этих обществ они не смогли избежать партийных пристрастий, политических и личных разногласий. Созданный в 1843 г. Ламасом институт прекратил свое существование в 1845 г. в обстановке раздоров среди его членов. Институт, созданный Митре с 1854 г., только в 1858 г. он конституировался с регламентом, внутренним распорядком и собраниями в Публичной библиотеке. Его роспуск, видимо, произошел в 1858 – 1859 гг., не выполнив ни одну из своих задач. Проектировавшийся Пуходем институт в Паране также не смог преодолеть внутренние разногласия, а также немалые экономические и политические трудности, которые положили конец существованию самой Конфедерации в 1861 г.

На протяжении анализируемых десятилетий была общим местом необходимость изучать и распространять аргентинскую историю не только из-за интереса, который она могла вызвать у исследователей, но и потому, что ее знание было необходимо для решения различных задач, среди которых не последнее значение имело создание легитимного социального и политического порядка после нескольких десятилетий нестабильности. Это позволяет понять, почему за исключением большого количества отсылок к прошлому, практиковавшихся в эти годы, была предпринята серия начинаний, свидетельствующих о более ясном понимании истории. Между осознанием необходимости исторического знания и его достижением существовал разрыв, который редко мог быть преодолен. Отсюда следует, что практике издания документальных коллекций не доставало исторических исследований, способных придать им смысл, что институты, предназначенные для стимулирования исторических знаний и их распространения, не были частью

¹⁷ Mitre B. Preliminar de las Bases Orgánicas. – P. 296.

единой политики, не смогли создать субъекта исследования, который был бы способен осуществить поставленные перед институтом задачи. Современники довольствовались сбором источников, документов и материалов, оставляя будущим историкам их интерпретацию.

Это положение изменится спустя десятилетия с возникновением национальных историографий, чье развитие и влияние на аргентинскую и уругвайскую политико-культурную жизнь XX в. составляет часть истории, которая лучше известна, чем та, о которой здесь говорилось.

Казаков В.П.¹
Kazakov V. P.

Аграрный вопрос в общественной мысли Аргентины (1850-1870-е гг.)

The Agrarian problem in the social thought of Argentina (1850-1870)

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды сторонников и противников аграрной реформы в Аргентине, в частности взгляды Х. Б. Альберди, Д. Ф. Сармьенто, Б. Митре, Н. Авельянеды, их проекты модернизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: иммиграция, колонизация, эстансия, сельскохозяйственное общество, сельское хозяйство, Альберди, Сармьенто, Митре, Авельянеда.

Abstract: This article examines the thinking of the partisans and enemies of agrarian reform in Argentina, particularly the thinking of J. B. Alberdi, D.F. Sarmiento, B. Mitre, N. Avellaneda, their projects of agricultural modernization in Argentina.

Keywords: immigration, colonization, estancia, Rural society, agriculture, Alberdi, Sarmiento, Mitre, Avellaneda

Свержение диктатуры Росаса и принятие в 1853г., конституции Аргентинской нации ускорили становление агроэкспортной модели – экспорт аргентинских сельскохозяйственных товаров в обмен на импорт промышленных товаров из стран Западной Европы. От успешного развития сельского хозяйства зависело экономическое благополучие Аргентины и не случайно аграрная проблема, вопросы землевладения, землепользования, организации хозяйств, оказалась в центре общественно-политических дискуссий.

Представители «поколения 37 года» Х. Б. Альберди, Б. Митре, Д. Ф. Сармьенто усматривали корень аргентинских бед – бедность, деспотизм – в социально-экономической и культурной отсталости, которая проистекала из-за малочисленности креольского населения и его неспособности обеспечить прогресс и развитие страны.

¹ Владимир Петрович Казаков – ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, Vladimir P. Kazakov researcher of the Institute of Global History. nik3334@yandex.ru

Будущее Аргентины они связывали с созданием новой нации на основе массовой европейской иммиграции.

Конституция 1853г. задумывалась её составителями, и прежде всего автором проекта Альберди, как программа заселения Аргентины европейскими иммигрантами и развития её производительных сил на основе привлечения в страну иностранного капитала. «В соответствии с этим, - писал Альберди, – заселение Аргентинской республики, в настоящее время пустынной, должно стать великой и первоочередной целью её конституции... Таким образом, в Америке управлять значить заселять»².

Заселение страны должно сопровождаться развитием земледелия: пустынные земли должны возделываться, и необходимо покончить с производством только одного продукта. Под этим Альберди понимал систему традиционного скотоводства, когда скот оставался продуктом природы и требовал минимальных затрат для своего содержания. Вслед за А. Смитом Альберди утверждал, что источником богатства является человеческий труд, а не земля. Даже если страна располагает плодородными землями и благоприятным климатом, но населена праздным народом, она будет бедной.

Но как привлечь в страну европейского иммигранта? Путём предоставления ему гражданских прав и свобод, а не посредством организации его приезда. Альберди решительный противник искусственной, организованной правительством иммиграции. Не приемлет он и такого стимула для привлечения иммигрантов как предоставление им правительством земли. «Настоящей, подлинной является спонтанная иммиграция. Наши власти должны вызвать её, но не становиться её подрядчиками ни путём предоставления земли, где обитают лишь медведи; ни путём поселения горстки людей на основе соглашения, выгодного лишь влиятельному спекулянту; а путём великой, щедрой и бескорыстной системы, которая в четыре года породила Калифорнию», что не являлось «результатом декрета, изданного правительством в Вашингтоне», а «следствием свободы, заставившей иммигранта забыть свою прежнюю родину и принять новую»³.

В качестве дополнительного средства Альберди предлагал в уплату долга отдать европейским кредиторам государственные земли, которые они вынуждены будут заселить, чтобы возместить

² Alberdi J. B. Bases y puntos de partida para la organización política de la República de la Argentina – В. А., 1991- P.82, 163

³ Alberdi J. B. Bases y puntos. – P. 82, 16.

свои деньги, которые они иначе не вернут⁴.

Признавая сельское хозяйство основной и главной отраслью аргентинской экономики, Альберди не придавал первостепенного значения изменению отношений земельной собственности. Он не призывал к ограничению, тем более к разделу латифундий. Его позиция не выходила за рамки классического либерализма: позволить действовать, не мешать частной инициативе. «Организовать сельское хозяйство в соответствии с современной конституцией значит организовать её свободу»⁵. Задача правительственной политики заключалась в устранении препятствий для свободного приложения капитала к земле, под чем Альберди понимал отмену ещё действовавших испанских законов⁶.

В отличие от Альберди, Сармьенто придавал аграрному вопросу первостепенное значение⁷, связывая его решение с успешной модернизацией Аргентины. При этом он исходил из своей концепции «варварство-цивилизация», где варварство олицетворял архаичный аграрный строй.

Уже в начале своей общественно-политической деятельности Сармьенто негативно оценивал социальную роль монополии крупной земельной собственности, рассматривая её как главную причину пауперизма в Европе. Касаясь дискуссий, которые велись в Англии о свободном импорте зерна накануне отмены «хлебных законов», Сармьенто отмечал, что эти законы выгодны аристократии. Её монополия на землю исключает конкуренцию, позволяя собственникам устанавливать цены, приносящие огромную ренту, обрекая в то же время на голод миллионы людей. «Если допустить его ввоз, то жизнь пролетариата станет легче, но знать потеряет две трети своего состояния, упадет её общественный престиж и она лишится большей части своего политического влияния. Если же импорт не будет разрешён, знать сохранит свою монополию, а с ней свои миллионы и влияние, но многие миллионы пролетариев будут страдать от голода, так как их ограниченные ресурсы недо-

⁴ Alberdi J. B. Estudios Económicos – В-А, 1916 – P. 341.

⁵ Alberdi J. B. Sistema económico y rentístico de la Confederación Argentina. – В-А., 1921. – P. 35.

⁶ Alberdi J. B. Sistema económico y rentístico. – P. 35, 110, 112.

⁷ Подробнее о взглядах Альберди и Сармьенто см: Казаков В. П. Альберди Х. Б. и Сармьенто Д. Ф. Два проекта модернизации Аргентины. // Латинско-американский исторический альманах. – 2012. – №12 – P. 58 – 86.

статочны для удовлетворения элементарных потребностей»⁸.

Аналогичных взглядов Сармьенто придерживался в отношении латифундий в Испанской Америке. В его представлении они являлись прямым результатом испанской колонизации и во всех своих сочинениях он рассматривал их как главную причину отсталости испаноамериканских стран. Сравнивая английскую и испанскую колонизацию Америк, Сармьенто резко критиковал вторую, подчеркивая, что Испания, отнимая землю у индейцев, раздавала её конкистадорам. Так родилась латифундия. Испанские власти на Рио-де-ла Плате предоставляли землю в огромных размерах для выращивания скота на открытых пастбищах. Этим самым была уничтожена всякая возможность для развития земледелия. «Земля в Испанской Америке была злостью... Эстансия являлась первоначальной основой испанской колонизации. Она есть в Мексике, Центральной Америке, Чили и в Аргентинской Республике. И спустя три века она остается нетронутой»⁹. Подытоживая свои размышления по этому вопросу, Сармьенто писал: «Половина несчастий наших республик подготовлена испанской колонизацией. Она была миной, которая должна была взорваться»¹⁰.

Сармьенто положительно оценивал деятельность первого президента Аргентины Б. Ривадавии, в том числе его попытку ввести систему эмфитеусиса: аренду земли сроком на 20 лет. Но, имея в виду результаты раздела земли в эмфитеусис, он не поддерживал эту систему, которая привела к росту в стране латифундизма. Таким образом и в независимой Аргентине продолжали действовать «колониальные принципы» распределения земли.

Сармьенто предупреждал о губительных для страны последствиях продолжения прежней аграрной политики. «Если занятие земли будет и дальше продолжаться столь же беспорядочно, если будут вновь нарушаться непреложные законы, руководящие организацией человеческого общества, производством и трудом, если сообщество семей и жителей вновь распадется, варварство снова станет активным элементом и уничтожит проделанную работу»¹¹.

Своей критикой он преследовал цель покончить с этой практикой и обеспечить будущим поколениям те же права на приобрете-

⁸ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. I - LII – 2-a ed. – B. A., 1948 – 1956. – Vol. IX – P. 67.

⁹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVI – P. 28 – 29.

¹⁰ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. V – P. 40.

¹¹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVI – P. 76.

ние земли, что существовали и для нынешнего, «потому что если позволить оставить нынешним жителям право получить столько земли, сколько они хотят, то те, кто захочет её получить через 50 лет, вынуждены будут покупать по высоким ценам и из рук монополистов»¹².

Трудность решения проблемы латифундизма заключалась в том, что эстансия не делилась, то есть её нельзя было разделить на меньшие участки, так как такой тип хозяйства требовал большой земельной площади для выпаса скота. Латифундизм был неразрывно связан с экстенсивным скотоводством, которое обезлюдило деревню и препятствовало развитию земледелия. Выход виделся в ликвидации латифундий и разделе земельной собственности. Однако столь глубокое вторжение в отношения собственности могло привести к непредвиденным социальным последствиям. «Современная система распределения земли является непреодолимым барьером всякому увеличению богатства и населения, но едва земледелие получит определенное развитие, как превращение пастбищ в обрабатываемые земли произведет общественный беспорядок необычной формы, так как нет примера того, что при владении 60 лиг обрабатываемой земли не было принцев и графов, с одной стороны, и жителей-вассалов, крепостных или инкилинос, с другой стороны»^{13 12)}.

Решение аграрной проблемы облегчалось наличием в стране огромного фонда общественной земли. Вопрос заключался в том, как наиболее эффективно распорядиться ей. Сармьенто считал, что её необходимо заселить колонистами -собственниками земли. По его мнению такой тип колонизации являлся одной из основ национального процветания. «Необходимо владеть землей, эксплуатировать её, проживать на ней, заселить её, чтобы на ней рождались и развивались ремесла и искусства»¹⁴. Таким образом, развитие земледелия неразрывно связано с процессом колонизации, которая позволила бы дать землю непосредственному производителю.

Сармьенто решительный противник аренды, поскольку при ней «земледелие не дает тех результатов, которые по праву ожидают от него, но не его вина в этом»¹⁵. Аренда приводит к пагубным социально-экономическим последствиям, так как арендатор не заинте-

¹² Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVI – P. 77.

¹³ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIII – P. 2.

¹⁴ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVI – P. 28 – 29.

¹⁵ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. X – P. 197.

ресован в правильном ведении хозяйства, да и не имеет возможности для этого. «Арендатор, если он случайный, разрушает землю и сохраняет, насколько может, пустыню. Если арендатор постоянный, он превращается в крепостного и передает по наследству своим детям неволю вместе с долгам»¹⁶.

При распределении земли Сармьенто предлагал взять за образец США, где «аграрные законы дают каждой семье законное место на земле и ещё сохраняют её для будущих поколений». Землю необходимо распределять небольшими участками. В то же время Сармьенто выступал против бесплатного наделения землей иммигранта. Он должен заплатить за неё из урожая, придав ей ценность работой на ней. Одновременно ипотека облегчит покупку земли, обогатит государство, которое таким образом сможет возместить расходы по размещению колонистов. Если у государства нет средств, оно должно заключить займы в Европе для финансирования колонизации. Колонисты погасят долг из произведенной продукции. Таким образом государство становится предпринимателем, исключив из дела частные компании, преследующие сугубо материальные интересы. В обоснование своего плана Сармьенто писал: «Государство имеет огромный фонд земли. И чтобы управлять этой собственностью не нужны ни посредники, ни спекулянты, ни колебания цен, что закрывает доступ к земле мелким собственникам. Государство должно назначить цену: Земля стоит 10 реалов за акр. Эта цена является исходной для будущего собственника».¹⁷

«Земля является основанием и опорой собственности... Культура земли ясно и определенно требует документа на право собственности. Земледельцы Чивилькоя, ждут, чтобы узнать кому принадлежит земля, которую они обрабатывают, и этот вопрос должен быть решен без промедления»¹⁸. Усилия Сармьенто увенчались успехом: колонисты смогли приобрести землю у трех крупных эфитеутов и превратились из инкилинос в землевладельцев.

В Чивилькое Сармьенто видел наступление новой эпохи. Вместе с тем он прекрасно понимал, что сама по себе собственность на землю была недостаточным условием для успешного ведения хозяйства. Если земледелие является источником безграничного богатства, то для его реализации нужны рынки и соответствующие

¹⁶ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIV – P. 147.

¹⁷ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. V – P. 370.

¹⁸ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIV – P. 148.

пути сообщения. Без них землевладелец, чтобы не продавать за бесценок выращенный урожай, обречен был выращивать скот, «потому что земля давала траву и воспроизводство скота было спонтанным»¹⁹. Это означало возвращение в прежнее состояние, которое Сармьенто характеризовал как дикость. «Самое большое, предоставленный самому себе, он [колонист – В.К.] мог сделаться дикарем, что в действительности происходило и происходит в Аргентинской республике»²⁰.

Поэтому наряду с Компанией по передаче земли в собственность жителям Чивылкоя Сармьенто добивался прокладки пути Западной железной дороги в Чивылкой. Он приветствовал покупку жителями Чивылкоя железнодорожных акций. «Земледелие и железные дороги быстро покончат с масоркой, индейцами, бродячими торговцами грязью и пустыней»²¹.

В представлении Сармьенто развитие земледелия и строительство железных дорог неразрывно связаны. Они не только условие преодоления прошлого, но и залог для успешного развития в будущем. Без железных дорог невозможен рост земледелия, а последнее невозможно без развития фермерских хозяйств. «Всякий раз, когда население требует невозделанную землю, скот должен удалиться. Без этой меры, которую мы советуем с полным знанием дела, земледельцы вынуждены будут снова бросать в огонь плоды своей усердной работы и железная дорога не найдет достаточного количества продуктов для перевозки»²².

Сармьенто задается вопросом: «Что нам не хватает, чтобы превратить пампу в нацию?» И отвечает: «Закон о земле и железные дороги, чтобы сделать её эффективной, произведут на наш взгляд наибольшие чудеса из тех, что мы видим там, где этот закон и эти железные дороги существуют»²³. Железные дороги составляют прогресс, а прогресс – это механизация: машины для пахоты, для молотбы, для косыбы и жатвы. Перед глазами Сармьенто стоял пример США, где он видел как цивилизация идет на запад и в несколько лет возникают города и деревни, создаваемые трудом уроженцев страны и иммигрантами. Все они объединены стремлением получить землю, чтобы её обрабатывать и создавать своё бо-

¹⁹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIII – P. 320 – 321.

²⁰ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVI – P. 33.

²¹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXVI – P. 161.

²² Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXVI – P. 149.

²³ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXV – P. 151.

гатство. В Чивилькое он видел прообраз такого «чуда».

Наиболее серьезным препятствием на пути строительства железных дорог Сармьенто считал латифундии. Ведь строящиеся пути должны пересечь эстансии, «которые являются разновидностью майоратов, и которые нельзя разделить без того, чтобы они не перестали быть эстансиями». Таким образом, «не будет путей сообщения, потому что есть эстансии и эстансии не исчезнут, пока не будет путей для перевозки продуктов человеческого труда»²⁴.

Что делать? Как выйти из этого замкнутого круга? Только путём раздела земельной собственности эстансьеро. Будучи министром в правительстве провинции Буэнос-Айрес, Сармьенто разработал законопроект, который правительство представило легислатуре. Он содержал статьи о приобретении провинцией акций строящейся железной дороги по номинальной цене, об экспроприации земли для продолжения линии и продажи излишков земли для создания «ферм и обработки земли». В сопроводительном послании говорилось, что беспрецедентная малонаселенность мест, по которым пройдет железная дорога, является следствием распределения земли для эстансий, измеряемой лигами, «когда их владельцы безразличны, а порой враждебны количеству людей, которые их населяют». «При таких условиях следует опасаться того, что или настоящее и даже следующее поколение откажутся от расширения железных дорог в масштабах, требуемых прогрессом и потребностями страны, или казна возьмет на себя ответственность за гарантированные проценты, с точной выплатой их в течение многих лет»²⁵. Для устранения этих препятствий предлагалось разделить земельную собственность, экспроприировав её на пути следования железной дороги. Подчеркивалось, что этой системе следуют в США²⁶.

Экспроприруемая земля должна быть разделена на участки в 200, 100 и 50 куадрас и продаваться по себестоимости для устройства ферм. Владельцы эстансий сохраняли половину земли «в чередующихся участках по той или иной стороне дороги или по обеим вместе»²⁷. Законопроект лишал эстансьеро земли лишь в той мере, в какой было необходимо, по мнению Сармьенто, содействовать организации фермерских хозяйств. С другой стороны, вводя

²⁴ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVIII – P. 4.

²⁵ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXVI – P. 210.

²⁶ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXVI – P. 211.

²⁷ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXVI – P. 214 – 215.

систему чередующихся участков между крупными собственниками и фермерами, Сармьенто преследовал цель таким образом стимулировать первых для проведения важных улучшений в своих владениях. Оставляя им половину земли и часть стоимости, которую они могли получить в результате этих улучшений, законопроект не позволял им устанавливать цену продаваемой земли, во первых, потому что большая стоимость, которую они бы получили, не являлась результатом их труда, а определялась близостью их земли к железной дороге, и во вторых, потому что «частный интерес своими чрезмерными требованиями задерживает или делает разорительным быстрое заселение и обработку земли как помощника железной дороги»²⁸.

Защищая законопроект, Сармьенто говорил в легислатуре: «Лига земли, по которой проходит железная дорога, дает такое количество денег, что становится необходимым собрать на ней население и богатство, которое можно перевезти. Правительство предлагает разделить землю, по которой пройдет железная дорога, на небольшие участки с целью аккумулировать население и произведенную продукцию ... Это будет благом для самой железной дороги и залогом успеха»²⁹. Сармьенто обращал внимание на социально-экономический аспект, связанный с собственностью на землю: если земледелец не может приобрести землю, он становится инкилино, а система инкилинато не создает ни земледелие, ни улучшает скотоводство.

Вместе с тем преобразования должны носить постепенный характер. «Решение этой проблемы правительство хочет подготовить, не ущемляя интересы, деля собственность лишь по сторонам дороги, ожидая, что время просветит людей и по результатам будет видно, что не ущемляется никакая деятельность, никакая отрасль хозяйства». Под последней Сармьенто имел в виду скотоводство. И, обращаясь к эстансьеро, он указывал, что предлагаемые изменения в конечном итоге выгодны им самим. «Потому что я говорю, не лига земли сама по себе имеет значение, а её стоимость. Тот, кто сегодня владеет 10 лигами земли, которая стоит 10 млн., согласится иметь 5 и даже 2 лиги, если узнает, что эти две лиги будут стоить 20 млн. Не размер земли, а её стоимость, вот что важно»³⁰. Однако предлагаемый законопроект не был принят из-за

²⁸ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXVI – P. 212 – 213.

²⁹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXVI – P. 155 – 157.

³⁰ Sarmiento D. F. Obras completas. Vol. XXI – P. 158-159

сопротивления крупных землевладельцев.

Проблема раздела земли поставила перед Сармьенто вопрос: каким должен быть размер хозяйства для наиболее интенсивного использования земли. Рассматривая этот вопрос, он решительно выступил против минифундий, которые в не меньшей степени являлись тормозом для развития страны, чем латифундии. Сторонников последней он называл людьми с пустым карманом, а первых скупцами. По мнению Сармьенто, фермы площадью в 16 куадрос обрекают их владельцев на бедность на всю жизнь, «потому что с 16 куадрос нельзя быть богатым. С этой ошибкой надо бороться и нельзя позволить исполнительной власти определять участки, на которые будет разделена земля, как только устанавливая, что продаваемый участок не может быть меньше 50 куадрос или совсем никакой. С 50 куадрос Пеон может сделаться богатым, с 16 никогда. Он всегда будет бедным и создаст семью нищих»³¹.

В вопросе распределения и продажи общественной земли его интересовало также определение её цены. Сармьенто был как противником бесплатного наделения колонистов землей, так и выступал против её высокой цены, которая была не по карману земледельцу со скромными средствами. Он утверждал, что «земля не должна иметь иной стоимости, как только такой, которая соответствует результатам её возделывания». Государство обязано иметь в своих руках общественную землю, чтобы ежегодно выбрасывать её на рынок по сниженным ценам, препятствуя таким образом её подорожанию и способствуя развитию земледелия.

«Мудрой и благоразумной мерой является сделать так, чтобы государство могло очень дешево продавать землю... Государство не является торговцем земли, наоборот, оно должно сдерживать, умерять цену земли»³². Сармьенто не радовали огромные расходы государства по привлечению иммигрантов. С его точки зрения, более эффективным были бы меры самих эстансьеро по модернизации асьенд. Он размышлял, можно сказать мечтал, следующим образом. «Если бы асендадо предложили иммигрантам обрабатывать землю, забирая для себя продукты урожая ... Если бы каждая лига пастбищ получила только одну семью, чтобы разделить скот и ухаживать за ним, деревня преобразилась бы в четыре года. Разделение труда основа всякой деятельности и скотоводство в десять раз более продуктивно, когда им занимаются люди, а не природа.

³¹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVIII – P. 11.

³² Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVIII – P. 150.

Эстансии являются препятствием для заселения страны... Заселим эстансию, разделим её, сделаем послушным скот, поставим его в непосредственную зависимость от человека. И с двойной выгодой будет заселена страна, общественное богатство увеличено и существующие в настоящем опасности устранены. Без этого у иммиграции не будет сильного стимула, и она не получит и половину своих выгод»³³.

Несмотря на суровую критику Сармьенто эстансий, экстенсивного скотоводства, он вовсе не отвергал скотоводство как таковое. Он ратовал лишь за переход к современным методам разведения скота. В статье, опубликованной в «El Nacional» в 1857 г., он ставил вопрос об эстансии-модели, где эксплуатация скота осуществлялась бы путём генетических изменений, то есть метизации и на огороженных пастбищах. Его комплексное видение сельского хозяйства, где земледелие и скотоводство неразрывно соединены, изложено в одном из докладов Сельскохозяйственному обществу. Основываясь на американском опыте и отвечая защитникам скотоводства, он писал: «Я вовсе не хочу внушить идею, чтобы оставили занятие, которое столько обогатило... То, чего я хотел бы, это чтобы его изменили, сделав более продуктивным на меньшей площади и соединили бы с земледелием, которое увеличивает население, давая большую ценность земле»³⁴.

Резюмируя свою позицию в отношении роли государства в привлечении в страну иммигрантов, Сармьенто писал: «Мы всегда выказывали себя противниками прямой защиты, которые многие хотят дать иммиграции с участием правительства в её поощрении или в перевозке и размещении иммигрантов. Эта система разрушительна и нанесет вред стране. Но мы всегда будем настаивать на необходимости предоставить в их распоряжение по твердым и льготным ценам землю, с тем, чтобы они могли её приобрести путём купли-продажи, единственного средства получить её с выгодой»³⁵.

Сармьенто беспокоили условия, на которых иммигранты селились в стране. Если в США они быстро получали гражданство, то в Аргентине они продолжали оставаться иностранцами. «Их не обязывают к воинской службе, их не беспокоит защита собственной

³³ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIII – P. 369 - 370.

³⁴ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIX – P. 159 - 160.

³⁵ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIII – P. 372.

собственности»³⁶. Сармьенто считал необходимым укоренить иммигранта в стране и облегчить получение им гражданства, которое позволит ему участвовать не только в экономической, но и политической жизни, способствуя консолидации аргентинской нации. Привилегии иностранцев должны исчезнуть, а они сами должны стать аргентинскими гражданами. Вот мнение Сармьенто по этому вопросу: «Наш долг противиться вторжению в наше общество и объединить элементы, которые его составляют. Если мы хотим создать нацию, то из того, что он иностранец, мы не дарим ему привилегию. Иммигрант является аргентинским гражданином через собственность, которой он владеет, через дела, которыми занимается, через законы, которые его защищают. Если он не является активным гражданином, то только потому, что находит выгодным для себя эти обязанности не исполнять. Всемирная защита иммигранта, чтобы он обосновался и укоренился в стране. Такова практика США. Отсюда следует, что иммигрант не сохраняет статус иностранца, так как это не оказывает ему ни чести, ни выгоды. Если мы не будем действовать подобным образом, то наступит день, когда мы сами себя убьем, исчезнет местное население, чтобы уступить место другому, которое не будет признавать иных законов как только Англии, Франции, Сардинии, Испании и т.д.»³⁷. Отсюда и неприятие Сармьенто создания иммигрантами общин, где они продолжали говорить на родном языке и сохранять свои обычаи.

Став в 1868 г. президентом страны, Сармьенто попытался осуществить свою аграрную программу. В посланиях конгрессу он постоянно говорил о необходимости принятия закона о земле. Так в послании 1871 г. он отмечал: «США поняли, что распределение земли в установленных размерах есть единственное эффективное средство для привлечения и размещения населения в условиях, которые обеспечили бы настоящее и будущее процветание страны. Мы не имеем закона о земле, который обеспечил бы постоянное поселение иммигрантов»³⁸. В послании 1872 г. он вновь обращается к этой теме: «Я вновь должен обратить ваше внимание на капитальной значимости факт. Мы ни привлечем иммиграцию в больших размерах, ни она не станет элементом быстрого прогресса, порядка и благополучия в нашей экономике, если мы не предло-

³⁶ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XXIII – P. 372.

³⁷ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. XVIII – P. 2.

³⁸ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. LI – P. 145.

жим и не дадим иммигранту землю участками, пригодных для обработки и в точно установленных, гарантированных размерах»³⁹.

Президента Сармьенто беспокоил продолжавшийся рост латифундизма. Его причину он видел в непродуманной и несвоевременной системе колонизации, в результате которой в плохо заселенной стране большая часть земли уже находится в частной собственности. Закон об общественной земле должен был положить конец её отчуждению в размерах «достаточных в Европе для размещения королевства».

В 1872 г. правительство создает Центральную комиссию по иммиграции, которая разработала принципы распределения общественной земли: колонизация вдоль железнодорожных и водных путей; предварительный обмер и классификация земли с установлением максимального размера приобретаемого участка по низкой цене и в рассрочку. «Таким образом, - подчеркивалось в докладе комиссии, - откроется широкая дорога для иммиграции, которая будет размещена в стране путём покупки земли, создав огромное количество свободных собственников»⁴⁰.

Эти принципы легли в основу законопроекта о колонизации, представленного президентом конгрессу в 1873 г. Он предусматривал колонизацию земли как частными компаниями, так и непосредственно государством. Во избежание злоупотреблений и спекуляции со стороны компаний на них налагались следующие требования: обязательное утверждение контрактов правительством при условии снабжения иммигрантов всем необходимым компаниями. Они не имели права спекулировать участками, проданными или предоставленными им правительством. Если участок не обрабатывался в течение двух лет, компания обязана была его вернуть. За государством сохранялись участки земли в форме чередования (за участком компании следует государственный участок), что позволяло избежать сосредоточения земли в одних руках и возникновения латифундий. В то же время предоставляемые участки не должны быть минифундиями и по своим размерам достаточными для ведения рентабельного хозяйства.

Одновременно государство получало право предоставлять колонистам землю без посредников: первым семьям бесплатно, остальным за плату – 1 песо за 1 га в рассрочку на длительный

³⁹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. LI – P. 216.

⁴⁰ Boletín Oficial – 1872.– T. I – P. 897.

срок⁴¹. Этот законопроект даже не рассматривался законодателями и был отправлен в архив.

С Сармьенто не был согласен Митре. Их оценки уровня развития и путей дальнейшей эволюции страны с течением времени, особенно в период президентства Сармьенто (1868 - 1874) разошлись. Если Сармьенто связывал варварство, отсталость Аргентины с архаичным аграрным строем, видя в нём корень всех бед, то в представлении Митре скотоводческая экономика являлась цивилизацией. Он называл её «пастушеской, рудиментарной, которая, какой бы ни была неполной и неудобной, дала наибольшие и лучшие результаты, в которых мы живём»⁴².

Ведя спор с теми, кто рисовал Аргентину «как рай на земле, где отовсюду текут молоко и мёд», Митре обращал внимание своих оппонентов на бедность страны сырьем. «Тем не менее, несмотря на все огромные преимущества, которыми мы несомненно обладаем, Аргентинская республика является одной из наиболее бедных стран мира в том, что представляет настоящее богатство нации. У нас нет железа, этого орудия труда и войны XIX века. У нас нет каменного угля, этого сырья для промышленности. У нас нет камня или он находится в труднодоступных районах Анд. У нас нет древесины для строительства. Внутри страны у нас нет судоходных рек»⁴³.

Но может быть земледелие является той отраслью, которая обеспечит прогресс и богатство страны? Митре не согласен с этим. Его аргументация сводилась к следующему: именно скотоводство в отсутствие населения и современных путей сообщения сыграло главную роль в освоении «этой пустыни», «увеличивая производство и потребление». И далее, прямо полемизируя с Сармьенто, Митре указывал: «Такой результат кажется хотел бы иметь один из наших докторов, который называет варварством эту рудиментарную цивилизацию». Но осуществление «прекрасных идей тех, кто ругает скотоводство и перевозносит земледелие» привело бы к сокращению заселенной территории и увеличению пустыни, уменьшению богатства и как следствие – производительных сил, солдат и потребителей»⁴⁴.

⁴¹ Sarmiento D. F. Obras completas. – Vol. LI – P. 315 – 317.

⁴² Proyecto y Construcción de una Nación (Argentina 1848-1880) – Caracas, 1980 – P. 419.

⁴³ Proyecto y Construcción de una Nación. – P. 416.

⁴⁴ Proyecto y Construcción de una Nación – P. 419.

Митре призывал бороться с такими взглядами, разъясняя народу, что их осуществление повлечет за собой «наш крах, разорение и нищету». Напротив, «развитию скотоводства мы обязаны тому, что провинция Буэнос-Айрес с населением в 400 тыс. человек производит и потребляет почти столько же, как и республика Чили с 1,6 млн. жителей, несмотря на то, что Чили является исключительно земледельческой страной и имеет богатые рудники»⁴⁵. Митре не беспокоила слабая заселенность страны, наоборот, он видел в этом главное конкурентное преимущество Аргентины. «Эта обширная территория, заселенная незначительным количеством людей, с дешевыми и значительными средствами производства, это то, что делает нас одним из наиболее производящих и потребляющих народов в мире»⁴⁶.

Рассматривая скотоводство как основу богатства страны, Митре вовсе не отвергал земледелие, но видел его развитие в неразрывном единстве со скотоводством и приводил в качестве примера Англию, Францию и США. В последних «создание нового американского мира на дальнем западе обязано породнению земледелия со скотоводством. Мы, - подчеркивал Митре, - без производства шерсти и коней были бы наиболее жалкой страной в мире, хотя бы имели возделанную земледелием площадь в 14 раз больше, чем сейчас»⁴⁷.

Как и Сармьенто, Митре высоко оценивал Ривадавию, считая его великим государственным деятелем, но в отличие от Сармьенто, саму идею эмфитеусиса, а не только его результаты, оценивал как ошибочную. Говоря о сторонниках эмфитеусиса, он сравнивал их с коммунистами, «к идеям которых, не подозревая того, не читая сочинений коммунистов, они идут. Один из главных вопросов коммунизма, это вопрос о собственности на землю. Коммунисты говорят, что собственность есть кража, великое зло современного общества ... Правительство не должно давать землю в собственность, говорят они, а сохранять её для общества и общего пользования граждан»⁴⁸.

Если Сармьенто усматривал причину существования латифундий в экстенсивном скотоводстве, то Митре – в эмфитеусисе. «Эмфитеуты сами никогда не использовали землю, а сдавали её в

⁴⁵ Proyecto y Construcción de una Nación – P. 420.

⁴⁶ Proyecto y Construcción de una Nación – P. 420

⁴⁷ Proyecto y Construcción de una Nación – P. 420

⁴⁸ Mitre B. Obras Completas. – Vol. XVI – P. 141.

аренду и получали 12 тыс. песо за одну квадратную лигу»⁴⁹.

По мнению Митре, эмфитеусис как система колонизации наиболее ошибочна. Он решительный сторонник частной собственности на землю. «Система собственности обязывает человека ограничиться той земельной площадью, о которой он может заботиться, а система эмфитеусиса побуждает увеличивать её размеры и разбрасывать население... В то время как собственник создает одно поселение, где концентрируется население, единственное, способное оказать сопротивление ударам индейцев в пустыне и вдохновляет на её приобретение с уверенностью, что не оставит её; всего этого нет при системе эмфитеусиса»⁵⁰.

Митре расходился с Сармьенто и в вопросе о пригодности для страны той или иной системы колонизации. Он выступал против искусственной иммиграции, «которая противоречит естественному закону, потребностям страны» и ратовал за спонтанную. «Какие результаты дала нам искусственная иммиграция? Вот уже 50 лет как мы начали применять эту систему и от неё остались лишь грустные воспоминания»⁵¹. Возражая её сторонникам, он не жалел уничижительных слов для её дискредитации. «Какими жадными и низменными приманками и стимулами вы стремитесь вызвать искусственную иммиграцию». По мнению Митре, природные условия страны и её социально-политическая система свидетельствовали в пользу спонтанной иммиграции. Это «умеренный климат и плодородные земли, спонтанное производство», под которым он имел в виду разведение скота на естественных пастбищах, а «также собственность, которую легко приобрести, свободу совести, личное достоинство, освобождение от воинской службы». Все это могло «в короткое время обеспечить состояние трудолюбивому и хозяйственному человеку, который не располагает никаким капиталом, кроме пары крепких рук»⁵².

Именно спонтанная иммиграция обеспечила массовый приток иммигрантов. «Мы получаем больше иммигрантов в год, чем все южноамериканские республики в два года, поэтому нет нужды давать премии в 500 песо за каждого иммигранта, чтобы привлечь

⁴⁹ Argentina. Congreso Nacional. Diario de Sesiones de la Cámara de Senadores. 1870. – B-A ., 1930 – P. 693.

⁵⁰ Diario de Sesiones de La Cámara de Senadores. 1870. – P. 693.

⁵¹ Diario de Sesiones de La Cámara de Senadores. 1870 – P. 693.

⁵² Diario de Sesiones de La Cámara de Senadores. 1870 – P. 701.

его»⁵³.

Вместе с тем Митре вовсе не против развития земледельческих колоний, но без нарушения интересов скотоводства. «В этом, как и во всем необходимо действовать разумно и беспристрастно, приспособляя средства к цели и всегда предпочитая такие комбинации, при которых выгоды распределяются среди наибольшего числа людей, без нарушения экономических законов свободного труда, всегда стараясь не сломать могущественную пружину стихийности»⁵⁴.

Позиция Митре в аграрном вопросе сближала его с Альберди и разводила с Сармьенто. Необходимость модернизации сельского хозяйства стали понимать многие землевладельцы, которые в 1866 г. организовали Сельскохозяйственное общество. На страницах его органа «Анналы» обсуждались пути дальнейшего развития страны. Прежде всего признавался глубокий кризис, в котором оказалось традиционное скотоводство. Предлагались различные способы его преодоления, иногда диаметрально противоположные: от сохранения скотоводства, до его ликвидации как самостоятельной отрасли.

Уже в первом номере «Анналов» видный общественный деятель А. Эстрада провозгласил необходимость «изменения законов, которые управляют феодальной собственностью наших земель» с целью «превращения наших сегодняшних пролетариев в завтрашних собственников»⁵⁵. Он связывал эти изменения с развитием земледелия. По мнению другого автора, Дюмеля, земледелие не сможет успешно развиваться пока в деревне господствует торговоростовщический капитал. Он предлагал создать Аграрный банк, который «устранит раковую опухоль, пожирающую арендаторов и мелких собственников». «Я говорю о кредитах на 1-2 месяца, выдаваемых во время урожая лавочниками, у которых монополия на ростовщичество. Это несправедливо и ужасно для земледельца». Возражая сторонникам неограниченной свободы торговли, он отмечал, что свобода должна существовать и для продавцов. И, суммируя свои предложения, Дюмель заключал: «Если хотят, чтобы земледелие серьезно развивалось, необходимо открыть для него два источника: сельскохозяйственный кредит и мобилизовать собственность»⁵⁶.

⁵³ Diario de Sesiones de La Cámara de Senadores. 1870 – P. 701.

⁵⁴ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. I – No. 1 – P. 8.

⁵⁵ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. I – No. 1 – P. 217.

⁵⁶ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. I – No. 1 – P. 219.

Свой проект аграрных преобразований в русле концепции Сармьенто предложил Х. Ф. Лопес. Выступая в Сельскохозяйственном обществе, он призвал эстансьеро устраивать на своих землях колонии, что «послужит примером для правительства делать то же самое на общественных землях». Развитие земледелия покончит с варварской деревней и таким образом исчезнет антагонизм между двумя частями страны, который порождал прежде анархию и гражданские войны. Как и Сармьенто, Лопес видел главную причину отсталости страны в монополии крупной земельной собственности и выражал надежду, что правительство Сармьенто и Сельскохозяйственное общество откроют новую эпоху в развитии страны⁵⁷.

Более осторожен в своих прогнозах был Ф. Сенильоса. В большой статье под названием «О некоторых причинах, которые задерживают наш прогресс и о средствах, которые их устранили бы» он постарался, по собственным словам, обобщить идеи, «которые носят в воздухе». Как и Сармьенто, он видел корень зла в монополии крупной земельной собственности. Она породила аристократию, чьи интересы противоречат интересам народа. Крупным земельным собственникам принадлежит власть в стране: они избирают и свергают правительства, заставляют служить своим интересам конгресс. И задается вопросам: «Если сегодня столь могущественны эти люди ... что будет завтра, когда стоимость земли возрастет в 100 раз?» Сенильоса не строит иллюзий и ответ его пессимистичен: «Мы ни в коей мере не можем вырвать зло с корнем. Оно дает и будет давать свои горькие плоды в будущем»⁵⁸.

Вместе с тем он не взваливал всю вину за отсталость страны на скотоводство. Он отмечал: «Некоторые из внутренних провинций являются земледельческими или в них, по крайней мере, мало скота и тем не менее отсталость, в которой они находятся, вызывает жалость»⁵⁹. По мнению Сенильосы, главная причина всех бед – ошибка в распределении земли, которая «не только отдалила иммиграцию, создав варварский и аморальный элемент, но и поглотила землю без её заселения»⁶⁰.

Сенильоса не согласен с авторами законопроектов, в частности с К. Ороньо, которые выступая за фермерскую колонизацию по

⁵⁷ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. III – No. 1 – P. 30-46.

⁵⁸ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. III – No. 8 – P. 278.

⁵⁹ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. III – No. 8 – P. 278.

⁶⁰ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. III – No. 8 – P. 278.

побережью и берегам судоходных рек, вместе с тем оставляют значительные участки под новые эстансии. По убеждению Сенильоса, такая система колонизации могла привести лишь к новому росту латифундизма. «При изобилии и дешевизне скота и выгодных условиях приобретения общественной земли ясно, что она очень быстро перейдет в руки нынешних асендадо. У кого не будет 500 коров или 2 тыс. овец, чтобы получить в собственность более 1 лиги земли?»⁶¹ Новые земли очень быстро будут заселены скотом, и все останется по прежнему. Чтобы избежать этого, Сенильоса предлагал исключить раздел общественных земель под эстансии и оставить землю под фермы, где будет возможно комбинировать земледелие с выращиванием скота... Таким образом будет достигнуто формирование населения земледельческого, трудолюбивого, активного и хорошо размещенного⁶². Но это дело будущего. Сенильоса не ожидал быстрого успеха на этом пути. К прогрессу вела длинная дорога со множеством препятствий, «которые мы должны преодолеть». Прежде всего, оставался нерешенным вопрос: что делать с традиционным скотоводством.

Сенильоса не согласен с теми, кто желал быстрого и полного краха скотоводства, «в надежде, что только таким способом плуг сможет бороздить нашу землю». Отвечая сторонникам этой точки зрения, он утверждал, что земледелие не сможет заменить скотоводство, потому что для этого в стране нет соответствующих условий. «Предположим на минуту, что ... мы уничтожим эту отрасль. И что произойдет? Капитал пойдет в земледелие? Нет, не пойдет; пока не будут изменены существующие условия; пока не будет более плотным население, пока все части страны не пересекут железные дороги, пока не будет внутреннего мира и пока правосудие не гарантирует в деревне жизнь и собственность»⁶³.

Земледелие придет постепенно, не в результате краха скотоводства, а вследствие его модернизации: создание искусственных пастбищ, диверсификации производства, в частности развитие молочного животноводства. Все это создаст необходимые условия для посева зерновых, что наряду с наделением землей иммигрантов и прекращением междоусобиц обеспечит прогрессивное развитие страны.

С предложением радикальной реформы экономической струк-

⁶¹ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. III – No. 8 – P. 279.

⁶² Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. III – No. 9 – P. 334.

⁶³ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1866 – Vol. III – No. 9 – P. 336.

туры страны выступил Э. Де Альвеар, сын видного деятеля войны за независимость генерала К. Альвеара. По мнению Альвеара, реформа необходима, если «мы хотим выйти из затянувшегося детства и освободиться». Этого нельзя достичь, оставаясь в рамках скотоводческой экономики. Более того, ориентация на экспорт сельскохозяйственных товаров, будь то шерсть, кожи или зерно, обрекает страну на зависимость от внешнего рынка, на котором она не хозяйин. «И если мы будем иметь в виду, что это сырье зависит от внешнего потребления, и если даже при хорошем урожае мы не можем быть уверены в его цене, мы должны признать, что мы никакие не хозяева этих продуктов»⁶⁴. Необходимо развитие не только сельского хозяйства, но и промышленности. Момент для этого благоприятный. В страну пошла иммиграция и капитал. Нужно дать им простор и расширить сферу применения. Иначе, «зачем им приезжать к нам, если у нас нет ни мастерских, ни фабрик, ни промышленности»⁶⁵.

Альвеар констатирует отсутствие у страны подлинной независимости. «Без земледелия, без фабрик, без мастерских, без промышленности, без золота, без серебра, без угля, без флота и настоящей армии, разве можно серьезно думать, что мы действительно независимая нация только потому, что мы победили в битвах при Майпу и Чакабуко? И когда, начиная с обуви и кончая шляпой, мы все получаем из-за границы, в чем состоит эта независимость?»⁶⁶ Отсутствие экономической независимости чревато для страны гибельными последствиями. «Наше положение настолько непрочное, что в случае продолжительной войны или блокады мы будем ходить раздетыми и разутыми и даже хуже: у нас не будет хлеба, чтобы есть, так как мы импортируем даже муку»⁶⁷.

Альвеар – решительный сторонник протекционизма. Только он способен обеспечить защиту страны от внешней угрозы. В качестве примера он приводит Парагвай, «который в худших условиях обеспечивал себя всем необходимым в течение 5 лет напряженной и беспрерывной войны». Свободная торговля хороша и полезна лишь при определенных условиях. «Когда наше земледелие и фабрики будут на уровне Англии, тогда мы, как и они, будем пропа-

⁶⁴ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 – Vol. IV – No. 4 – P. 105.

⁶⁵ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 – Vol. IV – No. 4 – P. 106.

⁶⁶ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 – Vol. IV – No. 4 – P. 106.

⁶⁷ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 – Vol. IV – No. 4 – P. 108.

гандировать свободную торговлю»⁶⁸.

А пока все, что можно производить в стране, необходимо защитить высокими таможенными пошлинами, обеспечив одновременно беспошлинный ввоз сырья. Свободная торговля полезна в стране, между провинциями, что дает стимул развитию национального производства. Защищенная от внешней конкуренции промышленность быстро разовьется и создаст для продуктов земледелия внутренний рынок. Внутренняя торговля сократит транспортные расходы, приблизит производителя к потребителю, что позволит сократить разрыв между ценами на сырье и промышленными товарами. Следствием растущей внутренней торговли будет развитие товарообмена с внешним миром. «Внутренняя торговля, - подчеркивал Альвеар, - является единственным крепким основанием для увеличения внешней».

Внутренний рынок позволит развиваться горнорудной промышленности, продукцию которой невыгодно экспортировать. И, как бы полемизируя с Митре, пишет: «У нас нет железа, угля, золота, серебра не потому что у нас нет их залежей, а потому что мы думаем лишь о дальних рынках для экспорта. При этом аннулируются все выгоды, и эти ценные металлы превращаются в ноль»⁶⁹. Провинции же останутся бедными.

Альвеар убежден, что в рамках существующей хозяйственной модели эти проблемы нельзя решить. «Мы должны уйти с дороги, по которой идем, сконцентрировав наши силы внутри страны, вместо того чтобы терять время на внешней торговле»⁷⁰. Но одной таможенной защиты национальной промышленности недостаточно. Создать крупную фабричную промышленность без участия государства невозможно. Оно должно стать акционером промышленных предприятий. «Правительство защищает строительство железных дорог. То же самое нужно сделать и с другими отраслями, которых у нас нет»⁷¹.

Альвеар называл фальшивым довод сторонников свободной торговли о том, что импорт промышленных товаров предпочтительнее из-за их дешевизны. На самом деле эта дешевизна мнимая, так как импортные товары как правило низкого качества и их приходится часто покупать. Подытоживая свои предложения, Альвеар

⁶⁸ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 – Vol. IV – No. 4 – P. 108.

⁶⁹ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 – Vol. IV – No. 4 – P. 110.

⁷⁰ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 Vol. IV, No. 4 – P. 112.

⁷¹ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 Vol. IV, No. 4 – P. 113.

писал: «Промышленность и механика – вот истинная сила цивилизации XIX в. Я рассчитываю на эффективность протекционистских законов, но еще больше на ум и патриотизм наших граждан»⁷². Практически Альвеар предлагал отказаться от агроэкспортной модели и перейти к индустриализации страны. Его предложения опережали время и не нашли сторонников.

В общественной мысли господствовали идеи экономического либерализма. Н. Антало, отвечая Альвеару, утверждал ошибочность протекционистской политики. Критика Альвеара велась с последовательно либеральных позиций: Аргентина должна активно участвовать в международном разделении труда, используя свои сравнительные преимущества. «Не разнообразие и многочисленность отраслей делает народы богатыми и благополучными, как думает сеньор Альвеар». Каждая страна имеет свое место в мировом хозяйстве, которое определяется её способностью производить конкурентоспособные товары. «Если выращивание скота осуществляется с меньшими издержками и, следовательно, с большей выгодой, не было ли действительным ущербом для богатства страны выращивание фасоли, которая идет из Чили; пшеницы, чьи урожаи не стабильны; льна, который производит Россия; вина, которое имеется в избытке во Франции, Италии и Испании; и промышленных товаров, которые являются результатом труда очень развитых народов»⁷³.

С точки зрения внутренних условий скотоводство остается наиболее прибыльной отраслью. «Если какая-то отрасль обеспечивает прибыль в 15%, то было бы настоящим безумием использовать национальный капитал в другой, которая обещает лишь 10%». Единственно правильным путем развития страны является использование сравнительных преимуществ. «Наука утверждает, что каждая страна имеет свои естественные преимущества»⁷⁴. Поэтому не выгодно развивать промышленность, для которой в стране нет условий. «Но мы говорим, ... имея естественные пастбища не сравнимые ни с чем в мире, не пренебрегали бы мы дарами природы, если бы стали делать спички, пуговицы, ленты. Тот же рассудок говорит нам, что страна без населения и со столь высокой зарплатой не может быть фабричной как старые, цивилизованные и мо-

⁷² Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 Vol. IV, No. 4 – P. 109.

⁷³ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 Vol. IV, No. 4 – P. 118.

⁷⁴ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 Vol. IV, No. 4 – P. 118.

гущественные нации»⁷⁵. Свою критику предложений Альвеара Антало заключает следующими словами: «Мудрость человека состоит в признании естественных законов и извлечении из них наилучшей возможной выгоды»⁷⁶.

Большинство эстансьеро отвергало критику скотоводства как ненужной отрасли, как причину отсталости страны. Наоборот, «корова будет, как она и была до этого, авангардом цивилизации в освоении дикой пампы»⁷⁷. Суть их аргументации сводилась к следующему. В Аргентине, стране без населения, без путей сообщения и вдали от рынков сбыта земледелие является утопией. В этих условиях земли в пампе могут выгодно эксплуатироваться только крупным рогатым скотом.

Только корова может свободно расти и развиваться здесь и только её можно легко перемещать на большие расстояния для продажи. Поскольку только её можно разводить на примитивных пастбищах, раздел земли должен быть подчинен этой цели. Поэтому государство должно делить землю на участки в 1350 га или 0,5 лиги. Причем одно лицо могло приобрести до 3 лиг с рассрочкой платежа на 8-10 лет. При покупке земли за наличные её площадь не должна ограничиваться. Нецелесообразно делить землю на участки меньше 1350 га.

Земледелие допускалось как дополнение к скотоводству. При основании населенных пунктов в его окрестностях могли выделяться участки в 100-200 квадрас для земледелия и мелкого скотоводства⁷⁸. При распределении земли скотоводы руководствовались иными, чем сторонники земледельческой колонизации, принципами. Суть их хорошо выразил один эстансьеро в письме в «Анналы»: «... вопрос не в том, чтобы создать много собственников, а в том, чтобы передать землю в наиболее легкие и выгодные условия эксплуатации»⁷⁹.

Итоги дискуссии подвел ответственный редактор «Анналов» Э. Оливера. Своим размышлениям он придал форму письма к Сармьенто, своему старинному другу. Оливера, положительно оценивая закон о земледельческой колонии в Чивилькое, вместе с тем не разделял мнение Сармьенто, что дальнейшее аграрное раз-

⁷⁵ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 Vol. IV, No. 4 – P. 119.

⁷⁶ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1870 Vol. IV, No. 4 – P. 120.

⁷⁷ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 6 – P. 186.

⁷⁸ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 8 – P. 338-341.

⁷⁹ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 8 – P. 350

витие страны должно пойти по этому пути. Опыт Чивилкоя показал, что одного раздела земли в собственность колонистам недостаточно для успешного ведения хозяйства, для закрепления их на земле.

Первоначальная легкость в приобретении земли привела к искусственному процветанию, не имевшему прочной базы. Под ней Оливера имел в виду отсутствие у колонистов сельскохозяйственных знаний, личной безопасности, доступного кредита и удобных путей сообщения для реализации произведенной продукции. Все это имело крайне отрицательные последствия. Неправильное ведение хозяйства, постоянная обработка одного и того же участка одной культурой, вместо ротации культур, привело к истощению почвы и падению урожайности. Ростовщический кредит в 36% годовых вынуждал колонистов продавать урожай на корню, неся большие убытки. К этому добавлялось отсутствие личной безопасности, необходимость для сельских жителей нести обязанности, которые вынуждали их покидать дом, семью и хозяйство.

«С колонистами, поставленными в такие условия, - заключал Оливера, - должно было произойти то, что и произошло в Чивилькое». Они были вынуждены начать распродажу земли торговцам – своим кредитором, что вело к восстановлению крупной земельной собственности. «Эстансии растут, в то время как фермы исчезают. Фермеры (чакареро) эмигрируют в поисках лучших условий, которые – замечал Оливера, - они никогда не найдут, если предварительно не исчезнут условия, о которых я вам уже говорил»⁸⁰.

Оливера не разделял позицию Сармьенто в отношении аграрного законодательства. Он решительно против его предложений о частичной экспроприации земли у эстансьеро. Оливера понимал необходимость ограничения земельной собственности, но не насильственным путем. Наоборот, «необходимо уважать существующее положение вещей, не разрушать скотоводство, которым в течение трех столетий жила страна, чтобы создать другую отрасль, необходимость которой мало кто понимает»⁸¹.

В подтверждение своих слов Оливера приводил пример Пруссии, где реформа аграрного строя не сопровождалась насильственными мерами. «В США, - замечал он, - также нет закона об изъятии земли у крупных собственников и передаче её пролетариям». «И в США не делят, что уже отчуждено, а отчуждают лишь неза-

⁸⁰ Anales de la Sociedad rural argentina – 1875. Vol. IX, No. 8 - P. 415.

⁸¹ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 8 –P. 415.

нятую землю, на которой нет ни интересов, ни прав, которые можно было бы ущемить»⁸².

В полном соответствии с либеральными принципами Оливера выступал против превращения правительства в опекуна граждан, заставляя их эксплуатировать собственность в одном направлении, тогда как они хотят использовать её в другом. «Нет лучшего аграрного законодательства чем то, которое предоставляет полную свободу собственнику». «Пусть они эксплуатируют её как считают более соответствующим их интересам, а страна не должна нарушать непреложные законы экономики, насильственно и быстро изменяя экономическую систему без опасных беспорядков для всей страны»⁸³. Необходимо медленно и постепенно готовить страну для перемен, благоприятствуя созданию колоний в удобных для этого местах, улучшая образование и распространяя сельскохозяйственные знания.

Оливера предлагал комбинировать обе системы: мелкую и крупную собственность, создавая первую на всех тех землях, откуда легче всего перевозить продукцию, и где нет интересов и прав, которые можно ущемить; а крупную, то есть эстансии, оставить в местах удалённых от рынков, где существуют условия для выращивания только скота. Оливера решительно не согласен с критиками крупной земельной собственности. «Среди нас вошло в обычай выступать против крупной земельной собственности и против феодальных сеньоров, не обращая внимание на то, что за исключением 4-5 собственников, в провинции этих больших землевладельцев уже не существует»⁸⁴.

Изменения должны заключаться в модернизации скотоводства: огораживание пастбищ, метизация скота, создание ипотечных банков. В земледелии необходимо привить «святое уважение к собственности и личную безопасность. Одним словом, укрепить здесь культуру, прежде чем разрушать и делить остальную собственность, предназначенную сегодня для скотоводства». Оливера предельно откровенен с Сармьенто. «Как Вы видите, я не вижу необходимости насильственно менять экономическую систему страны, изымая собственность из рук одних граждан, чтобы передать её в руки других, не будучи уверенным, что они смогут эксплуатиро-

⁸² Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 8 – P. 417

⁸³ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 8 – P. 41.

⁸⁴ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 8 – P. 418.

вать её лучше»⁸⁵. Взгляды Оливеры не были его личным мнением, а выражали позицию Сельскохозяйственного общества.

В такой идейной атмосфере аргентинский конгресс принял в 1876 г. закон «об иммиграции и колонизации», инициатором которого был президент Н. Авельянеда (1874-1880). После Сармьенто ни один аргентинский президент не уделял столько внимания аграрному вопросу как Авельянеда. Результаты своих исследований он изложил в труде «Изучение законов об общественных землях». Авельянеда критически оценивал прежнее аграрное законодательство, которое преследовало исключительно фискальные цели: пополнить казну. «Это привело к бедности и отсталости»^{86, 91)} Столь узкое видение проблемы необходимо заменить системным подходом. Новые законы должны способствовать притоку населения, постоянному заселению земли и её обработке.

Для привлечения иммиграции и капиталов землю необходимо отчуждать в собственность. Государство должно принять режим частной собственности и отвергнуть аренду, которая «не имеет в виду постоянное поселение на земле и её обработку. Арендатор не имеет ни независимости, ни стабильности, ни будущего, и такое его состояние парализует работу»⁸⁷. Принципом отчуждения земли должна стать её продажа, поскольку дарение не гарантирует её эксплуатацию. Сама продажа земли в частную собственность не может дать положительных результатов если в законе не прописана главная цель: легкое и быстрое приобретение колонистом собственности на землю.

«Мы хотим иммиграции? Высокие цены на землю с ней несовместимы» «Любая высокая цена это препятствие для её продажи». «Продадим землю, но так, чтобы цена позволила избежать её концентрации в алчных, жадных и праздных руках, чтобы она никогда «не превратилась в непреодолимое препятствие для работы». По словам Авельянеды: «Дешевая земля – залог процветания рождающихся наций»⁸⁸. В то же время эта цена должна быть стабильной. «Это непреложное правило всех колонизирующихся стран. А у нас за 5 лет цена выросла в 2 раза»^{89, 95)} Авельянеда полагал необходимым установить американскую систему отчуждения обще-

⁸⁵ Anales de la Sociedad Rural Argentina – 1875 Vol. IX, No. 8 – P. 417 – 419.

⁸⁶ Avellaneda N. Escritos y Discursos T.V. – B-A 1910 – P. 12.

⁸⁷ Avellaneda N. Escritos y Discursos T.V. – P. 124.

⁸⁸ Avellaneda N. Escritos y Discursos T.V. – P. 163.

⁸⁹ Avellaneda N. Escritos y Discursos T.V. – P. 170.

ственной земли и в особенности постоянную, неизменную цену на землю.

Эти принципы частично вошли в принятый закон. Он предусматривал колонизацию национальных территорий как непосредственно государством, так и частными компаниями. Стихийная иммиграция не исключалась, но упор делался на организованной: правительство оплачивало переезд, размещение, содержание и устройство на земле иммигрантов. С этой целью национальные территории делились на секции по 16 лиг, которые в свою очередь подразделялись на участки по 100 га. Первые 100 семей получали эту землю бесплатно, остальные участки продавались по 2 песо за 1 га с рассрочкой выплаты на длительный срок. После выполнения всех необходимых условий колонисты получали право собственности на землю.

В качестве предварительного условия отчуждения земли закон устанавливал её размежевание и раздел на участки с обязательным составлением их планов и сбором всех необходимых сведений о ней. Это должно было стать основой всей системы отчуждения, однако на практике эти требования не соблюдались. Более того, ст. 104 предусматривала бесплатную раздачу частным компаниям огромных участков земли без их предварительного межевания, что открывало дорогу злоупотреблениям, фаворитизму и спекуляции⁹⁰. На практике правительство, не имея средств для полномасштабной колонизации общественных земель, отдало их на откуп частным компаниями, что способствовало лишь дальнейшему росту лати-фундизма в стране.

⁹⁰ Ley núm. 817 – Diario de sesiones de la Cámara de Senadores. 1876. – Buenos Aires, 1930. – P. 1334 – 1345.

Эсекиель Адамовски¹
Ezequiel Adamovsky

Культурные, этнографические и классовые аспекты становления аргентинской государственности

Аннотация: В работе рассматривается политика аргентинской элиты по формированию аргентинских граждан в период интеграции страны в мировую капиталистическую систему. Особое внимание уделяется классовым и этническим аспектам этого процесса, наглядно выраженным в школьной программе «Моральное и гражданское образование». В статье также дается сравнительный анализ с аналогичными процессами, произошедшими в России XIX века.

Ключевые слова: Эсекиель Адамовски, Аргентина, гражданин, толпа, государство-нация.

Abstract: This work analyzes the activities of Argentinian elite on the formation of citizens during the period of integration into the World capitalist System. Special attention focuses on the class and ethnic aspects of this process, particularly expressed in the school educational program of "Moral and Civil education". The work also provides an comparative analysis with similar processes in Russia of the 20th century.

Keywords: Adamovsky, the citizenship of Argentina, the crowd, the nation-State.

Формирование государства предполагает не только создание правительственного аппарата с определенными характеристиками, но и соответствующих субъектов этого государства. Безличные

¹ Исследователь Национального совета по научно-техническим исследованиям (КОНИСЕТ, Аргентина), профессор кафедры истории России факультета философии и литературы университета Буэнос-Айреса; доктор исторических наук по проблемам истории славянской и восточной Европы Лондонского университета. Автор ряда работ: Euro-Orientalism: The Liberal Ideology and The Image of Russia in France, 1740–1880 – Oxford, Peter Lang, 2006–358 p.; Historia de la clase media argentina. – Buenos Aires: Ed. Planeta, 2009.–538 p.; Historia de las clases populares en la Argentina, 1880–2003. – Buenos Aires: Ed. Sudamericana, 2012.–496 p.) и статей по интеллектуальной истории России и Аргентины.

формы осуществления политической власти, которые мы называем «государством», предполагает формирование субъектов этой власти, которые должны понимать и действовать в соответствии с принятыми правилами игры. То есть проще говоря, каждый субъект-гражданин, должен признавать верховенство и суверенитет государства как высшего органа власти, признавать и уважать принятую конституцию, идентифицировать себя как составную часть создаваемого сообщества. Каждое государство должно сформировать свой «народ» из множественности жителей данной территории, контролировать и формировать его таким образом, чтобы он действовал и жил в соответствии с установленными базовыми гражданскими нормами и признавал легитимность этой государственности. Этот процесс превращения толпы в народ, в граждан является историческим процессом и предполагает огромный труд по воспитанию, образованию и даже применение в определенных случаях политического насилия.

Государство возникает как механизм осуществления политического господства в период расширения торговых отношений в качестве основного принципа организации социальной жизни. В этом смысле распространение государства как «модели» является частью глобальной экспансии мировой капиталистической системы. По этой причине характеристики каждого государства, включая процесс превращения жителей в граждан, имеют много общего. Но в то же время существуют и различия, связанные как с историческим моментом, в котором та или иная страна была включена в мировую систему, так и с конкретными поведенческими инициативами людей, населяющих эти территории. Предлагаемая работа посвящена анализу деятельности аргентинской элиты по превращению разнородных жителей страны в граждан государства в период интеграции в мировую капиталистическую систему. Особое внимание уделяется классовым и этническим аспектам проблемы, особенно явно обозначенных в программе школьного образования «Моральное и гражданское образование».

Народ и аргентинское государство.

После окончания войны за независимость (1810 - 1826) в Объединенных провинциях бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Плата произошли серьезные изменения. Вся экономика находилась в жалком состоянии ввиду прекращения поступлений драгоценных металлов из Верхнего Перу. Коллапс старого колониального ре-

жима и вакуум власти сопровождались разрушительными войнами сначала против испанцев, а затем между региональными креольскими элитами, соперничавшими между собой в борьбе за контроль над государством. Военные лидеры и политики, сражавшиеся за независимость Ла Платы, были вынуждены привлечь на свою сторону широкие слои населения-городские низы, гаучо, индейцев, а также бывших рабов, пообещав им свободу. Позднее многие каудильо, как правило принадлежавшие к «привилегированным» слоям общества, прибегали к помощи сформированных из сельского населения и городских низов отрядов милиции (так называемые монтонерас) в межклановой борьбе между соперничавшими лидерами. Впоследствии гаучо, пеоны, индейцы и крестьяне смогли использовать эту борьбу в своих интересах².

Привлечение народных низов к участию в освободительном процессе сделало невозможным восстановление старого режима. Была нарушена прежняя социальная иерархия. В колониальные времена контроль над обществом осуществляли испанская администрация и привилегированная часть креольского населения. Это вовсе не означало, что все креолы, а уж тем более смешанные категории населения имели доступ к управлению. В середине века, незадолго до падения диктатуры Росаса (1835-1852), поэт и государственный деятель Хосе Мармоль сокрушался по поводу того, что «развращенные и темные слои общества», дерзкие «плебеи» осмелились верить в то, что «общество сломало социальные перегородки, соединяя всех в единую семью»³.

Такова была ситуация в Аргентине в середине XIX века: ещё не были созданы новые политические институты, экономика была дезорганизована, региональные элиты боролись друг с другом, а низшие слои населения все более активно проявляли признаки непослушания. В такой обстановке и было начато строительство национального государства. Но для этого необходимо было осуществить ряд глубоких социальных изменений: сначала создать правовую основу и добиться политического урегулирования, которое

² Goldman N., Salvatore R. (eds.): *Caudillismos rioplatenses*. 2da ed.—Buenos Aires: Ed. Eudeba— 2005; Di Meglio G. *Viva el bajo pueblo! La plebe urbana de Buenos Aires y la política entre la Revolución de Mayo y el rosismo*.— Buenos Aires: Ed. Prometeo —2007.

³ Mármol J. *Manuela Rosas*.— 8va ed.— Buenos Aires: Empresa Administradora y Reimpresora de Obras Americanas, 1917; idem: *Amalia*.— 2da ed.—Buenos Aires: Imprenta Americana, 1855.— Parte I. Cap. IX.

позволило бы преодолеть региональные размежевания между элитами и осуществить контроль над своенравными народными массами. Конституция 1853 г. решила первую из указанных задач, а ряд переговоров, завершившихся созданием Лиги губернаторов, обеспечило и вторую задачу. Вместе с созданием национального государства был консолидирован единый внутренний рынок, ликвидированы внутренние таможенные барьеры, предоставлявшие провинциям право собирать налоги на товары и груз, проходивший через их территории.

Формирование государства было чрезвычайно важно для создания экспортно ориентированной экономики. С этой целью аргентинское государство приступило к искоренению коренного населения и этнических групп, захвату их земель, систематическому уничтожению их культуры, обычаев, верований и образа жизни⁴. Обратной стороной этого процесса стал масштабный процесс приватизации земли, организованный самим государством.

Национальное государство также занялось проблемой поиска и обеспечения новой экономики необходимой рабочей силой. С этой целью был принят ряд декретов, которые предусматривали превращение сельскохозяйственного населения в более мобильную рабочую силу. Однако креольское население показалось элите слишком отсталым для осуществления задуманного проекта. Поэтому были приняты меры по привлечению европейской иммиграции, более адаптированной к тем социальным отношениям и типу общества, которые предполагалось создать. За 26 лет, с 1869 по 1895 гг. общая численность населения страны достигла почти 1,8 млн. человек. Иммиграционный поток был настолько высок, что в 1914 г. почти треть жителей Аргентины (и половина населения столицы Буэнос-Айреса) составляли иностранцы.

Цивилизация и варварство

Как дискуссии, проводившиеся по вопросу о том, как создать нацию, так и непосредственно конкретные решения, осуществлялись только исключительно в интересах господствующей прослойки населения. Это довольно наглядно прослеживается во всех документах того времени: политики, интеллектуалы и военная элита считали, что низшие классы были недисциплинированными и от-

⁴ Bartolomé M. A. Los pobladores del «desierto» // *Amérique Latine Histoire et Mémoire*. – 2004. Vol. 10.

сталыми слоями населения, которыми надо было управлять и которых необходимо было контролировать. С самого начала новые законы и политические институты носили явно «антиреволюционный» характер и были направлены против самостоятельных независимых действий народных масс.

В текстах авторов проекта создания аргентинской нации звучит озабоченность по поводу того, как поставить в определенные рамки волю большинства и обеспечить господство меньшинства над большинством. В конце 1830-х гг. Эстебан Эчеверрия, например, утверждал, что «суверенитет народа» должен находиться в гармонии с «разумом», так как его осуществление находится в руках наиболее «достойных, разумных» представителей сообщества, в то время как «невежественная» его часть должна находиться «под опекой и защитой законов», которые должна издавать эта просвещенная и «рациональная» часть общества⁵. Позднее Сарменто высказался более ясно: для него «народ», чью волю и интересы должны защищать политические законы, никогда не был большинством: «Когда мы говорим «народ», мы имеем в виду самых известных, активных, интеллигентных представителей господствующего класса. Мы являемся порядочными людьми. Мы принадлежим к классу патрициев; поэтому в конгрессе не должно быть ни гаучо, ни негров, ни бедных. Мы – достойные люди, то есть, патриоты»⁶. Таким образом, патриотизм, закон, разум и порядочность были связаны с представителями высшего класса, в то время как низшие слои, не обладавшие никакими добродетелями, не имели право решать вопросы управления зарождающейся нацией-страной.

В начале 1820-х гг. под руководством Бернардино Ривадавии была развернута широкая кампания по «европеизации» аргентинского общества. Аристократические литературные салоны и многие издания активно пропагандировали все то, что приходило из Англии или Франции. Даже Хуан Баутиста Альберди, главный вдохновитель Конституции 1853 года, в издававшемся им в 1837-1838 гг. журнале «La Moda» освещал новые веяния в литературе, искусстве, моде Европы и их влияние на жизнь в Буэнос-Айресе. Лозунг «европеизации» страны имел далеко идущие последствия: аргентинская элита взяла на вооружение не только слова и полити-

⁵ Echeverría E. Dogma socialista.– Buenos Aires: Estrada, 1948.– P. 157,158.

⁶ Shumway N. La invención de la Argentina.– Buenos Aires: Emecé, 1993.– P. 170.

ческие ценности либералов старого континента, но и моду, танцы, архитектуру, правила «хорошего тона» и «хорошего вкуса» на британский и французский манер.

Обратной стороной процесса «европеизации» стало откровенное презрение и забвение собственной «варварской», местной культуры. «В Америке все, что не является европейским - варварство, отмечал Альберди в 1852 году⁷. Сармьенто даже пошел дальше в своем презрении и неверии в «естественные способности своего народа»: все, что было не из Северной Европы, гневно им осуждалось, в том числе даже наследие испанцев. «Непреодолимое отвращение» испытывал он к индейцам, а креолов считал неспособными к промышленной деятельности. Мигель Кане в 1864 году сокрушался по поводу «непобедимого воинствующего духа» гаучо, которые не знают, что такое цивилизация, не прониклись идеей порядка, уважения к собственности. Висенте Фидель Лопес в начале 1870-х утверждал, что «верхние этажи» аргентинского политического здания были «построены по всем канонам и правилам английских и американских моделей», в то время как «нижняя основа», на которую опиралась вся политическая структура, была неорганична, находилась в жутком состоянии неоформленности, неопределенности, расплывчатости⁸.

«Низкое и невежественное» состояние, в котором находились аргентинские низы, Сармьенто объяснял самой природой, врожденной сутью метисного населения. Его убеждение в расовой неполноценности креольского населения четко прослеживается в рекомендациях, которые он дал Митре в 1861 году, советуя тому не беспокоиться по поводу потерь, которые несут гаучо в военных кампаниях. И то же самое пренебрежение к чужой жизни и чужой крови мы наблюдаем у Рока в период проводимой им политики геноцида индейского населения: «слабые расы должны уступить место более сильным и лучшим»⁹.

Расовая неполноценность была главным аргументом, которым

⁷ Alberdi J. B. Bases y puntos de partida para la organización política de la República Argentina.– Buenos Aires: La Cultura Argentina, 1915.– P. 83.

⁸ Pomer L. La construcción del imaginario histórico argentino.– Buenos Aires: Editores de América Latina, 1998. –P. 75, 83, 87, 91; Perez Guilhou D. Las ideas políticas de Echeverría, Alsina, V. F. López y Avellaneda / Historia y evolución de las ideas políticas y filosóficas argentinas. –Córdoba: Academia Nac. de Derecho y Ciencias Sociales de Córdoba, 2000.– P. 157-253.

⁹ Pomer L. La construcción.– P. 75, 90.

интеллектуалы во второй половине XIX и в начале XX в. пытались объяснить, почему Аргентина не была такой развитой, как Северная Америка или Европа¹⁰. Рост расистских и антинародных взглядов был обусловлен прежде всего необходимостью оправдать непопулярные меры, которые приходилось принимать для создания новой нации. Элита оправдывала свои методы как борьбу между «цивилизацией» и «варварством». «Варвару» отказывали в моральном и духовном праве на сопротивление (кто может быть против «цивилизации?»), в то время как элита свои собственные политические и экономические интересы представляла как «бескорыстное» служение интересам всего общества.

В создании и распространении этой «идеологии» либерального проекта нации большую роль сыграли две исторические личности. Оба были президентами, представителями аргентинской интеллигенции и военных. Один из них, Доминго Фаустино Сармьенто (1811-1888) наиболее ясно обозначил дилемму в своей знаменитой книге «Факундо. Цивилизация и варварство» (1845). В ней жители страны были четко разделены на две части: с одной стороны, белое просвещенное население городов (особенно Буэнос-Айреса), открытого для мира, с их европейскими манерами и стремлением добиться процветания и прогресса Аргентины. С другой - гаучо и метисы, отсталые слои населения, демагогические военные лидеры из внутренних провинций, следствие пагубного испанского наследия, изолированные от внешнего мира. Сармьенто провозгласил лозунг: «цивилизация» призвана положить конец «варварству» или с помощью военного насилия, или путем осуществления «патерналистской» политики через введение обязательного просвещения с целью создания «светского» государства (то есть государства элиты).

Другой ключевой фигурой в формировании этой идеологии был Бартоломе Митре (1821-1906). Военный, государственный и политический деятель, основатель газеты «La Nación», Митре является основоположником классической национальной аргентинской историографии. Его работы, особенно «Истории Бельграно и аргентинской независимости (1857-1887)», получившая довольно

¹⁰ Zimmermann E. A. Racial Ideas and Social Reform: Argentina, 1890-1916// *Hispanic American Historical Review*.— 1992.—Vol. 72, N 1.— P. 23-46; Solodkow D. Racismo y Nación: Conflictos y (des)armonías identitarias en el proyecto nacional sarmientino// *Decimonónica*.— 2005.— Vol. 2, N. 1.—P. 95-121.

широкую известность, как и его школьной учебник по истории Аргентины, долгое время играли решающую роль в строительстве национального государства. В этой работе Митре описывает историю борьбы за независимость аргентинского государства и долгий путь к национальной организации, рассматривая этот процесс, как переход от неорганизованного общества к обществу, где господствовали законы «прогресса». После низвержения испанского колониального господства страна была населена различными категориями жителей, лишенных той «социальной сплоченности», которую должна иметь нация. Эти «неорганизованные массы населения» были легкой добычей военных каудильо. Но существовали также «зародыши анархической, рудиментарной демократии», ожидавшей того момента, когда найдутся силы, которые смогут организовать ее в соответствии с законами и порядком. Этой силой должна была стать «высшая раса», то есть белое европейское население. Для Митре миссию по совершенствованию общества призван был осуществить определенный класс – а именно, буржуазия Буэнос-Айреса, заинтересованная в развитии торговых связей с другими странами. Для этого было необходимо создать «здоровые основы просвещенного правления». Буржуазия была «надежным ядром будущей нации», а Буэнос-Айрес стал «душой и центром этой организации»¹¹.

Таким образом, Митре предложил более утонченный вариант создания аргентинской нации, в которой большинству населения отводилась второстепенная роль, или оно попросту исключалось из этого проекта. Искаженный образ Аргентины, предложенный политиками и интеллектуалами того времени, который должен был реализовываться в рамках идеологии «прогресса» и «цивилизации», и в котором не нашлось места для коренного населения метисов и креолов, стал определяющим фактором в процессе национального созидания Аргентины во второй половине XIX века (эта модель действует и до сих пор)¹².

Формирование субъекта для демократического государства.

¹¹ Mitre B. Historia de Belgrano y de la independencia argentina.– 4ta ed., en 3 Vols.–Buenos Aires: Lajouane, 1887. Vol. I –P. 1-59; Pomer L. La construcción.– P. 14-16,19.

¹² Svampa M. El dilema argentino: civilización o barbarie.– Buenos Aires: El Cielo por Asalto, 1994.

После 1870 г. осуществление предложенного аргентинской элитой проекта создания нации-государства привело к таким глубоким и быстрым социальным изменениям, что долгое время аргентинское общество бурлило как магма в кратере вулкана. Сотни тысяч иммигрантов приехали в неизвестную страну, каждый со своим языком, культурой, обычаями, традициями. В то же время массы креольского населения переехали в города, не имея за плечами никакого опыта жизни в мегаполисах, ни ясного понимания, где найти применение своим знаниям. Ни те, ни другие не имели представления о том, кто есть кто в этом хаотическом городском пространстве.

К этому моменту относится и возникновение мощного рабочего движения. Возникшие с конца 70-х годов XIX в. стихийные и изолированные забастовки в конце 80-х гг. вылились в массовые протестные движения, объединившие в одном революционном порыве рабочих разных профессий. В 1901 г. возникло первое профсоюзное объединение; в рабочем движении господствовали идеи анархизма и социализма. Акты солидарности и взаимопомощи между различными профсоюзными организациями рабочих приобретали широкий характер. В забастовочном движении принимали участие не только рабочие, но также и домашняя прислуга, почтальоны, диспетчеры телефонных станций, парикмахеры, портные. Бастовали также служащие торговых компании, мелкие фермеры. В 1907 году арендаторы объявили голодовку против повышения арендной платы. В 1914 г. индейцы Чако выступили против тяжелых условий работы в инхениос. В 1918-1919 гг. объявили забастовку полицейские Розарио. В 1919 году, рекордному по числу забастовок, проявления солидарности между различными социальными группами и отрядами рабочих и служащих достигли своего апогея. В январе этого года в Буэнос-Айрес вспыхнула всеобщая забастовка пролетариата беспрецедентных масштабов, вошедшая в историю страны под названием «Трагической недели». Вскоре к ней присоединились в знак солидарности не только другие отряды столичных рабочих, но также рабочие всей страны. В течение недели власти не могли восстановить контроль над городом. Забастовку удалось подавить, только применив оружие. В столкновениях с полицией погибли несколько сотен рабочих. Тем не менее, забастовочное движение продолжалось еще в течение нескольких месяцев, вовлекая все более широкие слои рабочего класса.

Мощные акты солидарности вызвали серьезную озабоченность у господствующего класса. Чтобы вызвать страх у своих читате-

лей, газета «La Nación» после подавления «Трагической недели» выступила с лживыми заявлениями о том, что властям удалось предотвратить планы забастовщиков по созданию Федеральной республики Советов Аргентины¹³. Атмосферу, царившую в стране в тот период, ярко изобразила газета либерального толка «El Diario». В апреле 1919 г. в ней была опубликована статья, которая с сожалением констатировала, что все население бастует, начиная от рабочих до служащих и студентов. Всё население находилось в состоянии забастовки «вне зависимости от класса и пола»; «все требовали изменений и преобразований». Создавалось впечатление, что все жили в «государстве беспорядков», где каждый брал часть властных полномочий для исполнения своих личных прихотей и желаний», в то время как «справедливое общество», отмечал журнал, «было организовано для предотвращения подобного разобщения, которое ведет только к анархии». Короче говоря, сетовала газета, «подобное поведение свидетельствует о возникших симптомах всеобщего сумасшествия»¹⁴.

Чтобы предотвратить скатывание страны в обстановку хаоса и социальной нестабильности, революционного брожения, правящие круги страны предложили новое определение понятия гражданства. На протяжении десятилетий участие народных масс в избирательном процессе носило спекулятивный характер. Выборы проводились грязными методами и служили зачастую ареной жесточайших столкновений враждующих группировок. Нередко правящая элита мобилизовывала в свою поддержку массы простого населения, которых призывала отдавать свои голоса в поддержку своих кандидатов. Эта поддержка не была бесплатной: кандидаты и претенденты на государственные посты должны были «платить» и делать определенные уступки тем, кто их поддерживал своими голосами. После 1880 г. политическая игра стала еще более закрытой, когда одной и той же группе с помощью различных избирательных манипуляций удавалось оставаться у власти от выборов к выборам. С тех пор итоги голосования всегда были просчитаны и известны заранее.

В рассматриваемый период, как мы уже говорили, народные массы смогли организовать в профсоюзные и иные организации для защиты своих интересов, прибегая к забастовкам, пикетам и уличным манифестациям. И поскольку государство воспринима-

¹³ La Nación, 13.01.1919.– P. 8,9.

¹⁴ El Diario, 11.04.1919.– P. 3; 26.04.1919.– P. 2.

лась ими как чуждая, а порой и враждебная их интересам структура, неудивительно, что идеи анархизма получили довольно широкое распространение. К угрозе «снизу» прибавлялась и другая проблема. Поскольку многие представители имущих классов начиная с 1880-х гг. все более отдалялись от участия в политической жизни, в данную эпоху идея вооруженного восстания в качестве средства достижения политической цели. В 1890 г. возник Гражданский радикальный союз (УСР), лидеры которого принадлежали к группировкам аргентинской элиты, исключенным из правящей когорты. Дважды, в 1893 и 1905 гг., УСР организовывал вооруженные «революции». Хотя все они потерпели поражение, многие представители правящей элиты испытывали страх перед подобной формой решения политических проблем, когда народные массы могли также предъявить и свои классовые требования. При все более растущей социальной напряженности нельзя было «играть с огнем», привлекая низшие слои населения к сотрудничеству и участию в «революциях сверху». Необходимо было принять четкие правила игры, «модернизировать» политическую жизнь страны, придав ей «ясные» и «цивилизованные» формы, которые должны были приняты не только всеми представителями имущего класса, но так же и народными массами.

Некоторые политики и представители интеллигенции пришли к выводу о необходимости принятия новых избирательных законов, что позволило бы создать условия для возникновения настоящих политических партий, открыто и легально конкурирующих между собой. Они надеялись, что таким образом широкие слои населения могли бы изъяслять свои претензии и требования в рамках законодательных норм, через избирательные урны. Существовала, правда, опасность того, что честные выборы могут создать прецедент для перехода власти от правящей элиты в руки большинства. В своей речи в 1890 году, когда уже начался период политической нестабильности, который мог бы привести к революции, Луисо В. Лопес, вскоре назначенный министром внутренних дел, обратил внимание на угрозы, стоящие перед его классом: «Наши демократии подвергаются риску стать плебейскими и невежественными, и усилия мыслящих людей должны быть направлены на то, чтобы предотвратить разрушительные последствия этого типа демократизации... Демократии - это прежде всего уважение прав всех ветвей власти, это правительство просвещенных классов». Лопес четко объяснил, что он был не только против участия женщин в выборах (только «мужчины» имеют право голо-

са) и простых людей, но и против «новых субъектов», этих «обогатившихся проходимцев», лишенных «элементарной культуры». В качестве эффективной меры Лопес призывал пойти на «борьбу с посредственностью, космополитизмом, чтобы раз и навсегда определить модель родины»¹⁵.

Что означали эти призывы с точки зрения политики того времени? Что бы предотвратить триумф «плебейский» демократии, было необходимо тщательно разработать такие законы, которые позволили сделать вершины власти как можно менее доступными для народа. Конституции 1853 г. закрепила положение, при котором наиболее важные решения принимались не путем прямого волеизъявления народных масс, а находились в руках Сената (члены которого не избирались прямым голосованием) или «защищенного» от выборов Верховного суда. Консерваторы полагали, что режим, который хотел создать Р. Саэнс Пенья, предоставивший всем гражданам мужского пола возможность участвовать в выборах, обеспечит им контроль над ключевыми рычагами власти¹⁶.

Реформа избирательной системы (обязательное всеобщее избирательное право для муж чин, тайное голосование) предложенная президентом Саэнсом Пенья в 1912 г., вместе с первыми трудовыми законодательствами, которые начали вводиться в жизнь, обеспечили большую легитимность политической системе. Революционный анархизм профсоюзов уступил свое место тем, кто отдавал предпочтение завоеванию политического пространства через избирательные урны. Многие из рабочих, которые имели аргентинское гражданство, предпочитали отдавать свои голоса новой Социалистической партии или Гражданскому радикальному союзу. Поскольку большинство иммигрантов не спешили в определении своего гражданства, они не могли принять участия в выборах. Рабочие массы были разъединены межнациональными разногласиями, что в общем-то не было чем-то новым, но этот процесс все более углублялся. Возник разрыв между теми, кто «интегрировался» в предлагаемую систему, и теми, которые, не приняв новые порядки, подвергались репрессиям со стороны государства. Насильственные или радикальные уличные действия были исключены, так как провозглашались методами и способами поведения, недостойными «респектабельного» гражданина.

¹⁵ Garcia J.A.(ed.): Discursos académicos.– Buenos Aires:Facultad de Derecho y Ciencias Sociales (UBA), 1911.Vol. I. – P. 131-141.

¹⁶ Botana N. El orden conservador. – Buenos Aires:Sudamericana, 1994.

Создание образа «ответственного гражданина» сопровождалось интенсивной кампанией по «национализации» народных масс. В момент празднования Столетнего юбилея освобождения (1910), многие политики настаивали на необходимости осуществления государством политики воспитания в массах чувства патриотизма. Более интенсивно начали изучать национальные традиции, историю Аргентины и т.д. Этот процесс «националистической реконструкции», как назвал его чилиец Рикардо Рохас, не означал возвращения назад к кампании «европеизации», которую аргентинская элита начала сама. Просто стала поощряться переоценка некоторых национальных ценностей в стране, включая народные традиции, как способ борьбы с опасностью, которую Лопес называл «космополитизмом». В период празднования Столетнего юбилея анархисты, а затем и коммунисты, призывали трудящихся к объединению, несмотря на языковые и расовые различия. Этот «космополитизм» или «интернационализм» представлял серьезную угрозу для элиты, которая нуждалась в том, чтобы новые граждане были лояльными, испытывали уважение к государству, архитектором которого она была. Призывы к «патриотическому» воспитанию и кампании в защиту национальных ценностей были направлены на предотвращение разрушения народной солидарности, выходящей за рамки так называемых традиций нации. Для противодействия «социализму, который не имеет родины», нет ничего более лучшего, считал Р. Рохас, чем национальное образование. Необходимо было доказать, что подобные «иностранские» идеологии имели мало общего с аргентинской реальностью¹⁷.

Таким образом, образ идеального законопослушного гражданина, который элита в тот период пыталась создать, прямо отождествлялся с понятием «Родины». Однако это представление не только не совпадало с существующей реальностью и пониманием того, что представляли собой тогда народные массы, но в конечном итоге было ориентировано на то, чтобы изменить ее.

Миф о «плавильном котле»: расизм и национальная идентичность

Креолы, невежественные индейцы и метисы, представители старых и новых иммигрантов, разговаривающих на различных

¹⁷ Rojas R. Obras. – En 16 vols.– Buenos Aires:La Facultad, 1922-1925. Vol. I.– P. 243, 259; Vol. IV.– P.167.

языках, рабочие «смутьяны» и другие, которые приехали, чтобы просто «создать Америку» - чтобы всех этих жителей столь неорганизованной страны превратить в достойных граждан, необходимо было прежде всего убедить их, что все они были аргентинцами. Помимо существующих различий, необходимо было считать, что народ Аргентины был одним целым .

Чтобы создать это чувство принадлежности к одной нации, в годы празднования Столетия был создан миф о «плавильном котле», то есть о «слиянии рас». Этот миф предполагал, что все этнические группы, населявшие Аргентину, старые и новые, слились воедино и возникла «аргентинская раса», «аргентинский народ», более или менее моногенный. Казалось бы, эта идея должна была положить конец агрессивному расизму, который проповедовала элита, создавшая эту модель государства. Однако произошло обратное: неприкрытый расизм XIX века вылился в завуалированный расизм благодаря идее «плавильного котла». Интеллектуалы, которые придумали этот миф, стали проповедовать скрытую расовую иерархию. Отмечая, что все расы слились в одну, они в то же время утверждали, что это слияние привело к образованию новой расы, а именно белой – европейской. Может оттого, что численное присутствие таких этнических групп, как метисы, негры, мулаты и индейцы, было незначительно и не оставило никакого следа, или оттого, что они исчезли, поглощенные «иммиграцией», было заявлено, что аргентинец - это белый-европеец¹⁸. Таким образом в первые годы XX века и даже до недавнего времени ведущие «специалисты», исследовавшие проблему формирования аргентинской нации, следовали концепции, согласно которой Аргентина создана европейскими иммигрантами и является преимущественно страной белых. Согласно переписи 1940 г. «население с индейскими корнями» в Аргентине составляло менее 3%¹⁹. Даже переписи населения разрабатывались таким образом, чтобы минимизировать вес других этнических групп²⁰.

¹⁸ Latino A. La inmigración y su influencia en los destinos de la República Argentina // La Nación, Número especial Centenario. –1910.– P. 123-131.

¹⁹ Bunge A. Una nueva Argentina.– Madrid: Hispamérica, 1984.– P. 149.

²⁰ Ramella S. T. Una Argentina racista: Historia de las ideas acerca de su pueblo y su población (1930-1950).– Mendoza: Univ. Nac. de Cuyo, 2004; Santi I. Algunos aspectos de la representación de los inmigrantes en Argentina // *Amérique Latine Histoire et Mémoire*.–2002, N 4; Quijada M. et al. Homogeneidad y nación.– Madrid: CSIC, 2000.

Начиная с конца XIX века аргентинская литература и театр также способствовали распространению этого идеализированного образа интеграции и слияния всех рас²¹. Еще и сегодня довольно часто можно услышать известную поговорку: «перуанцы произошли от инков, мексиканцы - ацтеков, а аргентинцы пришли на кораблях». Но все это лишь иллюзия: недавние генетические исследования показали, что в крови более 50% аргентинского населения течет индейская кровь, а около 10% населения страны являются потомками африканцев. Имеются лишь региональные различия: в наиболее бедных районах присутствие жителей европейского происхождения гораздо меньше, чем в среднем по стране²².

Миф о «плавильном котле» и европейской белой Аргентине по существу является прямым продолжением той идеологии расизма, которую проповедовала элита XIX века. Боевые призывы Сармьенто и Рока к истреблению низших рас теперь заменены теми же завуалированными лозунгами, скрытыми за фасадом пропаганды идеи о существовании «европейской» Аргентины. Все аргентинцы теоретически равны, и никто не мог бы сказать, что креольский морено (метис) - менее аргентинец, чем тот, кто имел более светлую кожу; но предлагаемый мысленный образ «настоящего аргентинца» - это белый.

Здесь важно подчеркнуть, что все эти идеи способствовали формированию образа «идеального» аргентинского гражданина, образа, который не совпадает с образом реально существующих аргентинцев. Гражданин «желаемый» - это тот, который должен вести себя разумно (то есть, не принимать участия в уличных демонстрациях, как это делали многие трудящиеся). Он должен быть обязательно белым и европейского происхождения. А поскольку белые, прибывшие в страну различными иммиграционными потоками, оседали, как правило, в районе Пампы, именно они иденти-

²¹ Villanueva G. La imagen del inmigrante en la literatura argentina entre 1880 y 1910// *Amérique Latine Histoire et Mémoire*. – 2000, N 1.

²² Avena S. et al. Mezcla génica en una muestra poblacional de la ciudad de Buenos Aires// *Medicina*. – 2006, N 66. – P. 113-118; Corach D. et al. Relevant Genetic Contribution of Amerindian to the Extant Population of Argentina// *International Congress Series*. – 2006, N 1288. – P. 397-399; Seldin M. et al. Argentine Population Genetic Structure: Large Variance in Amerindian Contribution // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2007, N 132. – P. 455-462. Согласно данным, приводимым М. Селдином, 78% населения Аргентины являются потомками европейцев, 20% - потомками коренного населения и лишь только 2,5% имеют негритянские корни.

фицировались с идеалом «типичного аргентинца». Метисное население, проживавшее преимущественно во внутренних районах страны, предпочитали вовсе «не замечать»²³. Здесь речь идет о формировании «своеобразной национальной идентичности», утверждавшей, что «быть аргентинцем» означало быть цивилизованным европейцем, при этом обязательно подчеркивалось его расовая принадлежность (белый) и район его проживания (Пампа, преимущественно Буэнос Айрес). Подобное определение «аргентинца», безусловно, создавало определенную иерархию среди жителей страны. Никто не отказывал индейцам, черным или метисам, креольским жителям внутренних районов, неграмотным жителям или рабочим в праве считаться аргентинцами. Но каждому из них ясно давали понять, каким должны быть идеальные «аргентинцы». Те, кто не достигал этого стандарта, не соответствовали идеалу «аргентинца»²⁴.

Идеал нации и образование

Школа стала одним из самых важных центров, откуда распространялся этот идеал нации и соответствующая этому идеалу классовая, культурная и расовая иерархия. Мы уже упоминали, что образовательный проект Сармьенто был задуман как часть объявленной борьбы «цивилизации» против «варварства», поэтому не удивительно, что постулаты, пропагандируемые в школе, носили довольно дискриминационный характер по отношению к индейцам, метисам и «безграмотным»²⁵. В руководстве для школьных ин-

²³ Chamosa O. Indigenous or Criollo: The Myth of White Argentina in Tucuman's Calchaqui Valley// *Hispanic American Historical Review*.— 2008. Vol. 88, N 1.— P. 71-106.

²⁴ О функционировании идеи «плавильного котла» см.: Briones C. Formaciones de alteridad: contextos globales, procesos nacionales y provinciales / *Cartografías argentinas: políticas indigenistas y formaciones provinciales de alteridad*, Buenos Aires: Antropofagia, 2005.— P. 11-44; Segato R. La nación y sus otros. Buenos Aires: Prometeo, 2007. — P. 246, 261-267. О существовании «расовой идеологии» см.: Frigerio A. Negros y Blancos en Buenos Aires: Repensando nuestras categorías raciales/ Maronese L (ed.): *Buenos Aires negra: identidad y cultura*, Buenos Aires, 2006. — P. 77-98.

²⁵ Роль школы в пропаганде образа «идеального аргентинца» рассмотрена в: Szuchman M. D. *Childhood Education and Politics in Nineteenth-Century Argentina: The Case of Buenos Aires*// *Hispanic American Historical Review*. — 1990. Vol. 70, N 1.— P. 109-138; Search of Deference: Education and Civic

спекторов от 1875 года указывалось, что задача школы - давать «нравственное образование», которое, среди прочего, должно было учить детей «послушанию, покорности, уважению к вышестоящим и начальству», быть «скромными», «преодолевать свои низменные страсти», «учиться городским манерам», не завидовать судьбе «богатых»²⁶. Почти все иллюстрации в школьных учебных пособиях изображали мужчин, женщин и детей только белого цвета кожи и подобающе одетых. Так детям преподносился национальный идеал, в котором «настоящие аргентинцы» никогда не ассоциировались с низшими социальными слоями или людьми с темным цветом кожи.

Государственные школы первых десятилетий XX века, стремясь сформировать идеального аргентинца, шли еще дальше. Курсы Гражданской и Политической морали и другие предметы были нацелены на то, чтобы распространить в начальных и средних учебных заведениях базовые понятия гражданской жизни²⁷. Учебники того периода дают ясное представление о том, как в соответствии с критериями либерализма формировался образ «идеального гражданина». Например, один из учебников 1904 г. инструктирует учащихся, что они не должны воспринимать идею патриотизма только на примере отцов-основателей и их военных подвигов, так как это может внушить детям «мысли и привычки, обратно противоположные основам гражданской жизни». Им рекомендовалось искать пример в «личной добродетели», «скромных действиях и поступках простого гражданина», «любви к полезной трудовой деятельности», которая обогащает личность и способствует процветанию Родины. Необходимо стимулировать такие добродетели, как стремление к учебе, труду, интеллектуальному самосовершенствованию. Но эти добродетели не были одинаковыми для всех: «Когда речь идет об интеллектуальном развитии или просвещении, оно должно соотноситься с тем положением, которое занимает в обществе каждый человек, потому что в стране все граждане не могут быть одинаково мудрыми, и не все могут претендовать на высокое

Formation in Nineteenth-Century Buenos Aires // *Secolas Annals.*—1987. N 18. — P. 5-22.

²⁶ García Aguilera V. *Manual del preceptor argentino y del inspector de escuelas.*— Buenos Aires:Coni, 1875.—P. 61, 62,71.

²⁷ С XIX века существовали такой предмет, как «Мораль», позднее он стал называться «Моральное и Гражданское образование, «Гражданская и Политическая мораль» и т. д.

социальное положение в обществе. В каждой нации есть люди, занимающие высокое положение и более скромное, точно также как существуют бедные и богатые. Одни имеют профессии, требующие обширных знаний, кто-то должен заниматься бизнесом, другие, работать в сфере торговли, промышленности, животноводстве, сельском хозяйстве или владеть другими скромными профессиями». Может показаться, что это высказывание означает, что все, и богатые и бедные, вносят свой вклад в процветание и возвеличение государства, однако глава, посвященная исследованию «Прогрессивного духа», все ставит на свои места. В ней автор учебника восхваляет «промышленника», «фермера», «животноводу», то есть «предприимчивого человека», а также «государственного деятеля» и «интеллектуала», потому что их деятельность способствуют национальному прогрессу. Но о простых трудящихся не говорится ни слова. Руководство инструктирует школьников, что политические партии никогда не должны прибегать к «насильственным средствам», а проповедовать «либеральные принципы»²⁸.

Такого рода инструкции, проповедовавшие индивидуальное экономическое процветание, социальное и гендерное неравенство, политический либерализм, поиск счастья в семье и семейной жизни, идентифицировавшие нацию лишь с представителями мужского пола из состоятельных слоев населения, были обычным явлением в учебниках и в последующие годы. «Принцип индивидуализма» и «частная собственность», проповедуемая либерализмом, являлись фундаментальными основами социального порядка, поскольку были ориентированы на дальнейшее развитие и совершенствование «индивидуальных добродетелей», благодаря развитию которых «все общество в целом станет более достойным, процветающим и прогрессивным». В то же время «эгалитарная демократия», проповедуемая коммунистами, признавалась пригодной лишь для примитивных азиатских народов, но не для европейцев, к коим аргентинцы причисляли себя.

Расовый вопрос занимает важное место в данном руководстве. Автор утверждает, что «аргентинская нация была сформирована из слияния самых великих и лучших рас мира», то есть европейских. Представители «коренного индейского населения, а также негры,

²⁸ Antuña E. M. *Moral Cívica: Desarrollo de temas sobre los deberes del ciudadano al alcance de los niños de las escuelas comunes.*— Buenos Aires: Cabaut & Cía, 1904.— P. VI-VII, 33,45,75-77, 88,89.

не оставили никакого следа в нашей культуре», – подчеркивал он. В учебнике откровенно восхваляется иммигрантское население, которое привнесло выкованную веками моральную культуру, передовые экономические и трудовые навыки, любовь к семье и порядку; «необходимо достойно оценить вклад этой прекрасной части населения нашей страны, которая формирует привычки и характер европейских народов»²⁹.

Другое школьное руководство этого же периода еще более наглядно демонстрирует модель идеального аргентинского гражданина. Говоря о достоинствах и дефектах аргентинцев, он устанавливает иерархию «достоинств» в соответствии с их социальным статусом: «Можно утверждать, не боясь ошибиться, что народным слоям, которые живут в тяжелых условиях, в среде, где процветает зло, сложнее воспринимать идеи просвещения и образования, у них нет таких возможностей, как у представителей богатых, имущих слоев населения, способных обеспечить все то, что дает личности возможность утвердить моральный и духовный облик, свое личное достоинство, свою самооценку, то есть все те атрибуты, которые выражаются одним словом - достоинство». Социальная иерархия в прошлом и настоящем была ясна: идеальный аргентинец был и оставался мужчиной из имущих слоев населения, а «приличная» женщина, как правило, должна охранять домашний очаг, подчиняться мужчине и олицетворять в семье полицию нравов»³⁰. Инструкции расового и политического характера также часто появлялись в учебниках начального образования: в одном из них в разделе «Человеческие расы» проповедовалась идея о том, что «европейцы - это самые «умные» представители человечества (на это указывали исследования размеров головного мозга и их тяга к прогрессу), в то время как в рубрике «Труд» критиковались социалистические идеи и проповедовалось уважение к частной

²⁹ O'Dena E. L. *Moral Cívica y Política*.– Buenos Aires: Librería Nacional, 1909. –P.11, 32-39, 60,61, 181-191.

³⁰ Ezquier A.M. *Curso de Moral Cívica y Política*.– Buenos Aires: Librería de Mayo, 1910.–P. 182-222; Sisson E. D. *Moral patriótica*.– Buenos Aires: s./e., 1910; NELSON, E. *Moral y Civismo*.– Buenos Aires: Kapelusz, s./f. (c.1935); Интересны инструкции относительно «функции школы», содержащиеся в брошюре: *A los maestros de las escuelas públicas*. –Bs. As., La Plata: Dirección Gral. de Escuelas de la Pcia,1923.

собственности и работодателям³¹.

Помимо этих инструкций относительно того, каким должен быть аргентинский гражданин, учащиеся также получали понятия о «воспитанности» и хороших манерах. В рубрике «Воспитанность и учтивость», опубликованной в учебнике для начальных школ, неоднократно переиздававшийся вплоть до 20-х гг., давались советы по поводу соблюдения правил личной гигиены и опрятности, о манере одеваться, о поведении на улицах и в гостях за столом. Все они были призваны упорядочить навязываемую социальную иерархию: нельзя хвастаться своим богатством, так как тебя могут счесть за выскочку; в гостях нельзя вести себя слишком любезно со слугами; необходимо всегда различать социальное положение людей, чтобы установить подобающую каждому манеру поведения при общении с ними; если разговариваете с женщинами или уважаемыми людьми, нельзя никогда отвечать просто «да» или «нет», надо говорить «да, сеньор» или «нет, сеньора» и т.д.³².

Заключение.

Таким образом, через различные каналы, среди которых школа была главным и определяющим элементом, элита распространяла новые идеалы «аргентинской нации и аргентинского гражданина», предназначенные для народных масс. Этот идеал сочетал в себе идею нации и аргентинского гражданина с определенными классовыми, культурными и расовыми, а также гендерными характеристиками. Образ аргентинского гражданина воплощали прежде всего белые мужчины из состоятельных слоев населения (или по крайней мере «образованные»). Определить подобный образ Аргентины означало предоставить элите руководящую роль в национальной жизни: именно ее представители были действительно «цивилизованные», «образованные», «достойные», «благородные», поэтому и судьба родины должна была быть вверена в их руки. Народные массы, безграмотные низшие расы, должны были безоговорочно подчиниться их верховенству.

³¹ Razas Humanas (colección La Escuela Moderna, Serie Elemental de Instrucción Primaria).— Buenos Aires: Cabaut, 1913. —P. 29; El Trabajo (misma colección).— 2da ed.— Buenos Aires: Cabaut, 1916.

³² Urbanidad y Cortesía (colección La Escuela Moderna, Serie Elemental de Instrucción Primaria).— 7ma ed.—Buenos Aires: Cabaut, 1917. — P. 3,4, 8, 20, 31, 40.

Жизнеспособность аргентинского государства зависела от его способности возвысить толпу до народа (особенно после того, как участие мужчин в избирательном процессе стало всеобщей практикой). Как и любое другое, аргентинское государство до и после демократических начинаний, применяло две стратегии: патерналистскую, «педагогическую», основанную на просвещении и обучении, и жесткую, репрессивную, с применением открытого насилия в отношении различных групп населения. Обе, тем не менее, интенсивно использовали формы насилия против низших классов: эффекты символического насилия через приобщение к «цивилизации» тоже должны учитываться. В этой работе мы рассмотрели только один аспект: «образовательную» стратегию, которая осуществлялась через обучение нормам гражданской морали в школах. Применение политического насилия со стороны аргентинского государства, направленное против своего же народа, может рассматриваться отчасти, как неэффективность или ограниченность используемого им «педагогического» ресурса.

При сравнительном анализе процессов формирования государства зачастую возникает искушение принять за модель европейский (западный) вариант. Европейская модель государства с такими характеристиками, как стабильность, законность, обезличенное управление, часто вступает в противоречие с тем же процессом формирования государства в периферийных районах мира, имеющих свои формы и тенденции, которые зачастую рассматриваются как отклонение от установленных норм, как неспособность этих отсталых народов приобщиться к избранному стандарту. Этот двойной концептуальный подход позволяет воспринимать разницу между простым жителям территории и «правильным» субъектом государства только в случае «отклонения от европейского стандарта», поскольку сам «европейский стандарт» предполагает отсутствие такого различия. Наличие развитого «гражданского общества» предполагает более развитые государственные нормы. Цель любого социального государства, будь то в Европе или на периферии, осуществить это разделение между «абстрактным народом» и конкретными народными массами в стремлении адаптировать эту толпу к своему идеалу.

Претендуя на универсализм, либеральная идеология провозглашает, что каждое человеческое существо является в принципе частью политического сообщества, которое его представляет, однако существует еще некий подразумеваемый «антропологический минимум». Этот минимум предполагает способность государства

продемонстрировать свои «рациональные» или «гражданские» позиции³³. Государственные структуры вырабатывают определенную модель поведения и исправляют возникшие несоответствия. Использование насилия в большей или меньшей степени зависит от относительной разницы между этим «антропологическим минимумом», необходимым для создания «народа» и реальным составом населения, которое государство пытается организовать в соответствии со своими законами (а также и от степени срочности, с которой необходимо реализовать эту адаптацию).

Сами концепции, в соответствии с которыми мы понимаем термины государство, гражданство, цивилизация, частное - общее и т.д., как это показал постколониальный период, представляли имперский, европоцентристский цивилизационный проект, поскольку он ставил на более низшую ступень неевропейцев, которые, вследствие их «дикости и отсталости», бедности, невежества и т.д., были неспособны превратиться в суверенные субъекты³⁴.

В случае периферийного варианта наличие этнических или расовых аспектов, связанных с проектами строительства гражданского общества, может сыграть обратную роль, направив те же формы самобытности и сопротивления против «цивилизаторских» усилий государства. По мнению Эрвина Гоффмана, иногда субъекты, выступающие с расовыми и этническими призывами, превращают их порой в лозунги и политику, идущую вразрез с образом того народа, которое государство пытается создать, вынуждая его изменить свои лозунги и даже свою собственную структуру. Из всего вышесказанного следует, что при сравнительном анализе формирования государства - с точки зрения строительства гражданского общества - следует избегать предвзятых точек зрения, разделяющих европейские и неевропейские реалии, а сосредоточиться на изучении таких показателей, как:

1) степень различия между местными реалиями и идеалом (чаще всего европоцентристским) гражданина, с помощью которого элиты стремятся обеспечить политический суверенитет;

³³ Mehta U. S. Liberal strategies of exclusion”// *Politics and Society*. – 1990. Vol. 18. – P. 427-454.

³⁴ Ivison D. *Postcolonialism and Political Theory*/ Brydon D.(ed.): *Postcolonialism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*.—London & New York: Routledge, 2000. Vol.V. – P. 2026; Fieldhouse J. *Europe’s Mirror: Civil Society and the Other*, tesis doctoral inédita.— L.: University of British Columbia, 1997.

2) интенсивность давления, которое в определенный исторический момент ведет к превращению толпы в народ (нужно учитывать как мощное давление мировой системы, так и готовность национальной элиты воспользоваться им);

3) характеристика толпы, которая является предметом государственной политики (в частности, ее способность выражать себя как политический субъект и действовать как гражданин).

Исследуя аргентинский вариант, мы показали деятельность национальной элиты, которая в XIX веке стремилась создать государство для того, чтобы воспользоваться возможностями, которые давала экспансия мирового капитализма. Мы отметили непреодолимые различия, существовавшие между «народом», который элита стремилась создать, и реальными жителями страны. Политика истребления коренного населения, иммиграция европейцев, а также обширная программа «нравственного и гражданского образования», которые мы проанализировали, не привели к ожидаемому результату. Идеал гражданина, который предполагалось создать, имел явные расовые признаки, хотя и несколько завуалированные. Хотя в Аргентине не возникли народные движения, которые носили откровенно расовый характер, мы можем все же встретить некоторые элементы этого в движении перонизма и в некоторых других случаях; эта тема присутствовала также, хотя мы не говорим об этом в данной работе, и в интеллектуальном движении, которое в то время подчеркивало значение и роль креольского, метисного и плебейского населения в противовес евроцентристским критериям.

(Перевод с испанского языка – Ивкина Л.А.)

Ивоне Галлу¹
Ivone Gallo

Бенуа Мюр: наука и утопия в Бразилии в XIX веке.

Benoit Mure: science and utopia in Brazil in XIXth Century.

Аннотация: В статье речь идёт о деятельности французского медика-гомеопата, фурьериста Жюля-Бенуа Мюра в Бразилии, куда он прибыл в 1839 г. Мюр был пропагандистом теории и практики ассоциаций, основанных на идеях французского социализма Ш. Фурье. Мюр начинал свою деятельность как член сенсимонистских обществ в Лионе, затем примкнул к фурьеристам, внося свой личный вклад в идеи ассоциаций и мютюэлизма, дополнив их теориями социальной медицины С. Ганемана, освободительной педагогикой Ж.Ж. Жакото, религиозными откровениями Э. Сведенборга. Исследуя идеи Мюра, мы раскрываем научные аспекты фурьеристской утопии, которую тогда рассматривали как науку, способную реорганизовать весь мир.

Ключевые слова: Бенуа Мюр, фурьеристы, социализм, гомеопатия, утопия, Бразилия.

Abstract: In this article the author explores the activities of Benoît Jules Mure in Brazil where he arrived in 1839. Mure was an advocate of the associations, a theory and praxis based on the socialist ideas of the French philosopher Charles Fourier. In the beginning of his career Mure was a member of Saint Simon's societies in Lyon, later he joined the followers of Ch. Fourier and contributed to the ideas of association and mutualism by mixing them with the S. Hahnemann's theory of social medicine, emancipation pedagogics of J. Jacotot and E. Swedenborg's religious revelations. By exploring Mure's ideas, we can reveal the scientific aspects of Fouries's Utopia, which in the 19th century was seen as a science capable of changing the world.

Keyword: Benoit Mure, fourierism, socialism, homeopathies, utopian, Brazil.

У увлечённого историка бывают темы исследования, которые долго не раскрывают свою тайну, они закрыты для внешнего

¹ Профессор Университета Кампинас (Сан-Паулу), Бразилия. Campinas University (Sao-Paulo), Brazil. ivone.gallo@gmail.com

наблюдателя, и поэтому страстное желание расшифровать эти загадки становится непреодолимым. Здесь я изложу историю таких событий, которые привлекают к себе интерес своей необычностью, нереальностью, но всё-таки являются подлинными фактами и оставили свой след в истории.

Деятельность фурьеристов в Бразилии в первой половине XIX века имела короткую историю, она развивалась в период между 1840 и 1850 гг. Однако, остаётся вопрос, почему фурьеристы и сенсимонисты, боровшиеся за свободу, демократию и республику в своих странах, искали решения тех же задач в монархической и рабовладельческой Бразилии, где хотели посеять семена социальных преобразований? В то время Бразилия управлялась молодым монархом Педру II², коронованным лишь в 1841 г. ещё до достижения совершеннолетия. Педру II унаследовал трон после отречения своего отца Педру I в 1831 г., а его старшая сестра Дона Мария Глория унаследовала португальский трон. С отъездом отца в Европу Педру II управлял страной через опекунов. Этот период истории известен как эпоха Регентства, во время которого происходили резкие изменения в правительстве, провинции Рио-Гранди-ду-Сул, Баиа, Пара, Мараньян сотрясались сепаратистскими восстаниями. Достижение совершеннолетия монарха было воспринято элитой как прекрасное решение для элиты, нуждавшейся в консолидации и единстве для противостояния либералам, завоевавших политическое пространство в период регентства.

В 40-е годы XIX в. противоречия между консерваторами и либералами сконцентрировались вокруг темы рабства, остававшегося основой бразильской экономики, экспортного сельского хозяйства. Свободный труд (свободных людей и вольноотпущенников) преобладал в мелких хозяйствах, работавших на внутренний рынок или живших натуральным хозяйством. В городах также были рабы, которые торговали всякой всячиной на улице, деля со своим хозяином прибыль и собирая деньги для выкупа своей свободы. Они нанимались грузчиками в порту и на другие работы, иногда их хозяева отдавали своих рабов для общественных работ, строительства дорог, мостов и пр., где они конкурировали со свободной рабочей силой, что вызывало трения между ними. В городах, напри-

² Педру II был смещён с трона в 1899 г. в результате переворота, совершенного различными группами местной элиты, в том числе и монархистами, провозгласившего республику. Республика в Бразилии отличалась небрежением к гражданским правам.

мер Рио-де-Жанейро или Ресифи, рабский труд был представлен наряду со свободным: рабы часто были заняты в мастерских ремесленников. Несмотря на стремительный рост городов, Бразилия оставалась аграрной страной вплоть до середины XX в.

Извне она представлялась тропическими джунглями, дикой стороной, населённой экзотическими жителями, как во времена её открытия европейцами. Сохранению таких представлений о стране как воплощение рая или ада на земле способствовали популярные в Европе того времени заметки путешественников. Через эту литературу иностранцы знакомились с природой, нравами, людьми Бразилии сквозь призму восприятия иной культурной традиции. Страна предстала перед ними как труднодостижимая, далёкая, экзотическая. У них вызывали шок картины прибытия кораблей с рабами из Африки, когда измученные чудовищными условиями на корабле рабы вереницей плелись на рынок Валонгу, где их как зверей оценивали и продавали. Не меньший ужас вызывали сборища рабов для танцев и своих африканских ритуалов, где они часто договаривались о побегах так, чтобы никто из белых не мог их услышать³.

Представление о Бразилии в Европе распространялись благодаря работам художников и интеллектуалов таких как Дебре, Руджендас, Сент-Илэр. Во Франции, стране, где возник фурьеризм, в первой половине XIX в. заметки путешественников были очень популярны. У социалистов, несмотря на то, что они также разделяли мифы об экзотической стране, сложилась идея интеграции с чужой культурой и освоения богатств природы, словно они были первооткрывателями новых земель. Эти потенциальные иммигранты нового типа смотрели на страну под определённым идеологическим углом зрения, ища в ней вдохновения для своих социальных проектов, способных осуществить революцию во всём мире.

Фурьеристы в своих утопических проектах опирались на группы, развивавшие идеи ассоциации и мютюэлизма. Сам Фурье не считал себя утопистом, а скорее наоборот, практиком и прагматиком, что стало одним из принципов движения, рождённого его идеями. Среди рабочих были популярны труды утопистов от Т. Мора до «Путешествия в Икарию» Кабэ, от «2000 года» Эдварда

³ См. классическое исследование городских восстаний в Сальвадоре, Баийа - Reis J.J. *Rebelião escrava no Brasil: a história do levante dos malês em 1835*. São Paulo: Companhia das Letras, 2003.

Беллами до «Новости ниоткуда» Уильяма Морриса⁴. В США книга Беллами в конце XIX в. даже занимала второе место в списке бестселлеров, существовали «клубы Беллами». Фурьеристская пропаганда во Франции и других странах широко распространяла брошюры о фаланстерах как способе найти гармонию и счастье. «Фаланстерианский альманах» превратился в исключительно пропагандистский журнал. В доступной, народной форме, упрощая сами идеи Фурье, он смешивал их с астрологией, гороскопами, советами по здоровью, привлекая к себе большое число интересующихся и будущих адептов, готовых к экспериментам.

Для социалистов XIX в. Бразилия ассоциировалась с раем на земле. Эта идея была широко распространена среди фурьеристов, что заметно по их публикациям пропагандистских брошюр и статей в прессе. В момент, когда французские фурьеристы решают основать фаланстер в Южной Америке, а именно в Бразилии, этот уголок земли представлялся им идеальным местом, целиной, чистым листом, на котором предстояло написать новую историю мира, в то время как европейский континент был полон пороков и уже неспособен воспринимать великие идеи перемен⁵.

Новый свет казался столь отличным от Европы, там природа сама производила все богатства, земля была в избытке, а главное, никому не принадлежала, у неё не было хозяина. Если Фурье предлагал решить проблему нищеты через осуществление коммунарных проектов, дотошно рассчитав все детали будущего общества, которое предстояло создать, то в Новом свете все эти условия изначально уже существовали.

Убеждённые в неизбежном торжестве своих утопических взглядов, фурьеристы не боялись политической нестабильно-

⁴ Эти работы читали с удовольствием, но отвергали как социальный проект – см. Paris R. *Utopia e Ciência no imaginário Socialista//História*, São Paulo: editora da Unesp, v.21. P. 13-39.

⁵ Анализ истории фаланстера в Бразилии был предметом моей диссертации - Gallo, Ivone. “A aurora do socialismo: fourierismo e o Falanstério do Saí (1839-1850), tese de doutoramento em História Social do Trabalho Campinas (SP) IFCH-Unicamp, 2002. Этот эксперимент был осуществлён фурьеристами-диссидентами Бенуа Мюром и Мишелем Марией Дерионом, оба бывшие сенсимонисты. Они организовали фаланстер в штате Санта-Катарина. Внутренние противоречия привели в раскол в этой группе и созданию двух фаланстером. Оба имели недолгую историю и закончились полным провалом, а большинство участников эксперимента либо вернулись в Европу, либо поселились в различных странах региона.

сти, царящей в Бразилии, так как считали ее общей мировой проблемой, полагая при этом, что страна готова к принятию их новых идей. Им казалось, что страна быстро примет их модель общества, фаланстер. Фурьеристов абсолютно не интересовала политика, так как они считали, что их система может восторжествовать при любой политической власти. Этот тезис позволил им избежать тех преследований, которым подвергались сен-симонисты, хотя внимательное изучение Фурье открывало не просто план социальных реформ, а целую теорию подлинной политической, экономической и социальной революции.

История Бенуа Мюра в Бразилии показывает большое разнообразие методов, теоретических оттенков в движении фурьеристов. Особенности прочтения Фурье во взглядах Мюра делали его соавтором самой теории и практики фурьеризма. Исследованию этих особенностей посвящена данная статья.

Бенуа Мюр – диссидент в фурьеризме

В последние годы в историографии, посвящённой рабочему классу, большое место занимают работы, исследующие не только организации рабочих, но и концентрирующие своё внимание на субъекте, на участниках рабочего движения, на их карьере, жизненном пути, их частном мире⁶. Первым, кто предпринял попытку реконструкции портрета участника рабочего движения, но при этом сокрушался о недостатке источников для этого исследования, был Ж. Мэтрон⁷. Инициатива исследовать биографии приобретает всё больший масштаб с кризисом структуралистской парадигмы, доминировавшей в сфере исторической биографии, кризиса, способствовавшего пониманию первостепенной важности личности

⁶ Batalha, Claudio H. M (org). *Dicionário do movimento operário: Rio de Janeiro do século XIX aos anos 1920, militantes e organizações*, São Paulo: Editora Perseu Abramo, 2009; Schmidt, Benito Bisso. “Uma reflexão sobre o gênero biográfico: a trajetória do militante socialista Antônio Guedes Coutinho na perspectiva de sua vida cotidiana (1868-1945)” Porto Alegre, Dissertação de mestrado em História UFRGS, 1996; того же автора “Construindo Biografias...Historiadores e Jornalistas: Aproximações e Afastamentos” *Estudos Históricos*, Rio de Janeiro, nº19, 1997.

⁷ Maitron, Jean. “La personnalité du militant ouvrier français dans la seconde moitié du XIXe siècle” *Revista Le Mouvement Social*, nº 33/34, Paris: Editions l’Atelier/Association Le Mouvement Social, 1960, pp. 67-86-[HTTP://www.jstor.org/stable3777335](http://www.jstor.org/stable3777335).

для структурного анализа⁸. Без сомнения изучение функционирования институций и биографий видных деятелей рабочего движения, так интеллектуалов, так и трудящихся, сближает нас с атмосферой их жизни и с проблемами, которые их волновали, что нашло отражение в историографии последних десятилетий⁹.

Анализ участия и членства в организациях и движениях представляет особый интерес для моих исследований. Во-первых, потому что взгляд на рабочее движение в стране его зарождения должен охватывать также новые перспективы анализа рабочего класса в свете отношений национализма-интернационализма именно в исследуемый исторический период, не рассматривавшийся ранее в Бразилии, в то время как такие проблемы как этнические, культурные, религиозные, гендерные особенности развития рабочего класса нашли свое достаточно широкое изучение в последние годы, что не находило места в традиционном ортодоксальном подходе¹⁰. До того как мы перейдем к предмету данной статьи, необходимо сделать некоторые предварительные замечания. Они отчасти опираются на работы Ж. Мэтрона. Для него анализ участия, членства в рабочем движении означал разрыв с парадигмой исторических исследований, затрагивавших личности только выдающихся деятелей.

Новый подход Мэтрона состоял в том, что он объяснял героизацию пролетариата и интеллигенцию, связанных с рабочим движением, христианским мифом о самопожертвовании во имя возрождения всего человечества. Для Мэтрона слово *militer* (состоять в чем-то) означало рыцарство, уходящее корнями в IX в. Член движения – это тот, кто ведёт войну во имя великой идеи, готовый отказаться от личных интересов во имя общей цели¹¹. Посему в современном мире, особенно в Латинской Америке образ Че Гевары стал одним из самых востребованных и символических. Для первой половины XIX в. активные деятели рабочего движения соответ-

⁸ Schmidt, op cit, 1997

⁹ Hobsbawm, Eric J. *Mundos do trabalho: novos estudos sobre História Operária*, Rio de Janeiro: Paz e terra, 1987 (Col. Oficinas da história, v. 2); Haupt, Georges. “Por que a história do movimento operário?” in *Revista brasileira de História*, vol 5, nº 10, Rio de Janeiro: ANPUH/Marco Zero, março/agosto de 1985, Thompson, E. P. *A formação da classe operária Inglesa* (Rio de Janeiro: PAZ E TERRA, 1987, 3 v. Coleção Oficinas da história)

¹⁰ речь идет о таких авторах как Jacques Rancière, Gareth Stedman Jones, William H. Sewell, Joan Scott

¹¹ Maitron, op cit p. 68

ствовали некоторому идеализму, а социализм соответствовал романтическому духу эпохи¹².

Бенуа Мюр был активным участником диссидентских движений в фурьеризме. В эти группы входила артистическая богема и рабочие, а также адепты неофициальных конфессий. Кроме того, Мюр входил в кружки сведенборгистов во Франции, он превратился в сторонника неакадемических наук, что не одобрялось в фурьеристских кругах. Социетарная школа фурьеристов, возглавляемая в Париже Виктором Консидераном, иногда обсуждала вопросы, связанные с религией. На одном из своих заседаний, на котором присутствовали Доэрти, Брисбэн, Консидеран, Блан, Пелларин, Лавердан, Дали, Бюро и Кантагрель, выступал Доэрти, предложивший создать дискуссионную группу по вопросам религии и науки с тем, чтобы показать совместимость общественной науки и Евангелия, христианства¹³. Сам Доэрти был из Лондона, сотрудничал с газетами сведенборгистов, а также печатал в фурьеристской газете *La Démocratie pacifique* статьи о религии. Несмотря на эти факты неясно, почему Социетарная школа так сопротивлялась этой тематике, которую предлагали диссидентские фурьеристские группы. Возможно, это происходило оттого, что большинство диссидентов были бывшими сенсимонистами, пришедшими к фурьеризму. Мюр был одним из них. Его обвиняли в шарлатанстве из-за пропаганды гомеопатии, из-за его статей о Ганемане, из-за приверженности идеям Фурье и Сведенборга.

Диссиденты в фурьеристском движении обратили свои взоры

¹² Надо признать большой вклад фурьеристов в увековечивание своих активных деятелей. Надо выделить биографию Фурье пера Charles Pellarin, написанную еще в 40-е годы XIX в., в которой предстаёт и персонаж и сам автор в идеализированном виде. Он же написал подобную работу о таких фурьеристах как Jules Lechevallier, Abel Transon. Следует также выделить работы Mme Vve Dalibert и Sophie Liet, товарищей Бенуа Мюра. В их книгах мы находим краткое жизнеописание Мюра.

¹³ Séance du 24 e 26 juin École Sociétaire, Activités Sociétaires, Archives Nationales de France 681MI49. Doherty, Hugh. "La question religieuse" La Phalange, 15 статей с января 1845 по июль 1847. Сам Консидеран обратился к этой теме в - Considerant, Victor. Le socialisme devant le vieux monde ou le vivant devant les morts suivi de Le socialisme c'est le vrai christianisme. Païens, convertissez-vous! Librairie socialiste phalanstérienne, 1849. Даже некий католический священник писал об этих темах Accords des prophéties de l'ancien et du nouveau testament avec la théorie sociétaire de Charles Fourier. Cluny, 1841.

на Америку, вследствие чего в Бразилию были привнесены идеи социализма. Бразилия воспринималась ими как страна, не подверженная порокам цивилизации, как чистый лист, на котором предстояло написать новую историю человечества.

Убеждение в возможности осуществления изменений привело в 1839 г. молодого врача в Рио-де-Жанейро. Его яркая личность, его шарм быстро завоевали сторонников даже в правительственных кругах, в результате чего его проект создания Промышленной колонии (такое название ему дало правительство, в то время как Мюр называл его фаланстером) был принят властями. Перед тем как дать карт-бланш Мюру для реализации его проекта, правительство обсудило все риски, связанные с приездом в страну сторонников сен-симонизма, что могло стать угрозой для бразильских властей и, в первую очередь, для католической церкви. На эти опасения Мюр отвечал, что он никак не связан с сен-симонистами, что его проект исключительно мирный и предполагает привести Бразилию к прогрессивному развитию, которое позволит избежать недостатков, поразивших Европу. У социалистов было сложное отношение к религии. Мюр, и даже сам Консидеран, рассматривали религиозные принципы как выражение милосердия, гармонического сосуществования людей, что по их представлениям воплощалось в фаланстере, бывшем для них осуществлением на земле того, о чем говорили теологи применительно к небу. А если задуматься глубже, то сам факт создания общины (фаланстера) есть религиозный акт, может быть, не ортодоксально католический, но, учитывая эволюцию Мюра, христианский и сведенборгистский.

Исследователи первого социализма даже у самого Фурье подчёркивают его метафизический подход к социальным процессам, но рассматривают это с материалистической точки зрения. Однако материалистические аргументы не объясняют силу учения и мобилизацию многих людей для распространения в первой половине XIX в. по всему миру идей ассоциаций сен-симонистского и фурьеристского типа.

Предложение Мюра создать фаланстер в Бразилии не ограничивалось метафизическими соображениями, а исходило из прагматических и объективных обстоятельств, которые, собственно, и рассматривал император Педру II. Речь шла о преобразованиях, которые неизбежно должны были привести к прогрессу страны, но в рамках существовавшего порядка, даже не поднимая вопрос о создании республики. К тому же проект предполагал приезд в Бразилию европейских рабочих. Эти предложения не затрагивали инте-

ресов местной элиты, крупных землевладельцев, но обещали при этом механизацию сельского хозяйства, что создавало предпосылки для отказа от рабства, что безусловно было благородной целью во имя утверждения человеческого достоинства. Последний пункт предложения Мюра был отражением влияния сен-симонистских идей, делавших ставку на технологический прогресс в деле освобождения человечества. Политически Мюр стремился создать впечатление у властей, что его проект не представляет для них опасности. На самом деле он критически относился как к монархии, так и к республике. В его письмах, опубликованных в «Jornal do Comércio» в 1840 г., объясняются цели создания колонии. Он благодарил императора за приём следующими словами: «Судьба хранит твой титул и твой герб, Молодой Император. Ты сможешь стать господином самой прекрасной империи, когда-либо известной на земле. Твои новые подданные будут самыми преданными и благодарными, ибо обретут подлинную родину и счастье благодаря тому, что они свободно избрали тебя¹⁴».

Цели Мюра ясны. Технический прогресс и механизация производства должны были дать импульс торговле, пароходы должны были прийти в страну, где не имелось железных дорог, а связь внутри страны была чудовищной. Этот прогресс служил основой принципа ассоциации, строившейся на убеждении, что «человек есть в первую очередь общественный продукт». От семьи, бывшей ячейкой самого низшего уровня сосуществования людей, в человеке берет начало и развивается дух взаимопомощи. Солидарность и взаимопомощь составляли основу рабочего движения ещё задолго до того, как Прудон теоретически обосновал это. Мюр ещё во Франции слушал о *Devoir Mutuel*, о которой, несмотря на запреты, говорили в Лионе в 20-е годы как об основе рабочих союзов и начале самоидентификации внутри рабочего сообщества. Эти идеи в виде лозунгов проявились во время восстаний в этом городе в 1831 и 1834 гг.

Для фурьеристской коммуны в Бразилии Мюр планировал другие формы взаимопомощи, когда главы семей создавали совместные фонды для образования, видя в нем путь к общественному воспитанию человека. Стоит, правда, помнить, что мютюэлизм занимал весьма незначительную социальную нишу, он касался лишь демократического администрирования внутри коммуны, сообщества, распоряжения небольшими финансовыми ресурсами, часто

¹⁴ Voiteux, op cit, p. 54

направленными на образование. В Бразилии эти идеи распространяла фурьеристская газета «*O Socialista da Província do Rio de Janeiro*» (Мюр был среди её авторов), издаваемая в Нитерое.

Другим проектом Мюра был план «Индустриальной семьи», который декларировал свою приверженность идеям Фурье. Правительство поддержало этот проект по просьбе сенатора Николау Перейра ди Кампус Вергейру, который рассматривал его как инструмент просвещения бедняков, молодёжи, с тем чтобы они после окончания обучения возвращали долг сообществу. У нас нет чётких сведений о результатах этого проекта.

Еще один мютюэлистский проект, к которому был причастен Мюр, было «Общество страхования жизни рабов», главной задачей которого было лечение рабов гомеопатией¹⁵. Смертность рабов в Бразилии была очень высокой. В Рио-де-Жанейро в 1849 г. смертность рабов достигла 64,3 % к их общему числу, и это при том что в городе рабы составляли 66,4% населения¹⁶. По мнению Мюра, главным вопросом в Бразилии было спасение жизни рабов и свободных бедняков, чего он надеялся добиться, предоставив им бесплатное лечение (гомеопатическое). Он пользовался доверием среди рабов. Он даже построил свой дом в районе, который считался опасным, так как по ночам туда пробирались беглые рабы, прячущиеся в лесах округи.

Успехи Мюра в медицине и профилактике широко освещались газетой «*O Socialista da Província do Rio de Janeiro*». В период сентября – августа 1845 г. газета сообщала, что из 961 лечящегося гомеопатией пациента Мюра умерло только 12 человек, в то время как среди тех, кого лечили традиционными медицинскими методами было 194 умерших, хотя не ясно, какой процент составляли те и другие по отношению ко всем больным. Другие газеты давали данные в августе 1845 г.: смертность среди лечящихся гомеопатией составляла лишь 12-13%. Газета обвиняла традиционную медицину в высокой смертности больных.

Через вопросы медицины, которые интересовали многих, Мюр постепенно стал говорить об ассоциации, призывая рабовладельцев вкладывать средства в улучшение положения рабов, условий их жизни и питания. Это было особенно важно, учитывая, что англичане препятствовали работоторговле из Африки. Мюр отходил от

¹⁵ *O Socialista da Província do Rio de Janeiro*, 6/8/1845 e 29/8/1845

¹⁶ Os dados foram extraídos de Karash, Mary C. *A vida dos escravos no Rio de Janeiro (1808-1850)*, São Paulo: Companhia das letras, 2000, p. 145..

социалистических принципов, даже признавал важность рабского труда для развития бразильской экономики. Вместе с тем, не напрямую, а косвенно Мюр предлагал обсудить также возможность отмены рабства, учитывая внешнеполитическое давление на Бразилию.

Мюр попытался создать круг единомышленников в Рио-де-Жанейро после провала эксперимента с фаланстером в Саи. В его доме существовал кружок, носивший характер научного сообщества, в котором помимо дискуссий о Ганеманне и Фурье обсуждались темы разрыва с официальной наукой Академии, доминировавшей в стране. Помимо гомеопатии сторонники нетрадиционных наук создали в Рио-де-Жанейро педагогический институт по методике Ж.Ж. Жакото, пропагандировавший самообразование, что уже получило распространение среди рабочих во Франции и Бельгии. В 1847 г. Мюр инициировал издание журнала «*Sciencia*», распространявшего принципы гомеопатии, лечения на основе местных трав. Мюр в отличие от многих своих местных единомышленников-гомеопатов считал, что как самообразование, так и гомеопатия должны способствовать освобождению народных низов, бедняков.

Мюр покинул Бразилию 13 апреля 1848 г. и вернулся во Францию. Он объяснял это своим состоянием здоровья, хотя, возможно, февральская революция в Париже могла стать побудительным мотивом для его возвращения в Европу. Уже после поражения революции, в 1851 г. он со своей ученицей Софи Лие¹⁷ уезжает в Египет, чтобы создать там фурьеристскую колонию, общину «*Armanase* или *Органон* человеческого общения». Мюр скончался в египетской пустыне в 1859 г. Брюссельская телеграфная компания сообщила о его смерти, назвав его «выдающимся умом, пустынным, ставшим пророком».

Наука и социализм

Бенуа Мюр занимает промежуточное положение между кругом рабочих, увлечённых фурьеризмом, и интеллектуалами, к которым он принадлежал сам. Любопытно понять причины неприятия

¹⁷ Liet, Mme Vve.. Manuel Homoeopathique à l'usage des familles suivi de la liste et des propriétés des médicaments brésiliens et autres, de l'école du Dr. Mure ou Algébre Homoeopathique mise à la portée de tout le monde. Gênova: Via Galata Casa Ponte, 1861.

Мюром традиционных наук и медицины и выяснить, связано ли это с его жизненным опытом. Он родился недоношенным и из-за плохого ухода в детстве всю жизнь страдал респираторными заболеваниями. Он много лечился, прошёл через множество болезненных курсов лечения традиционными медицинскими методами, существовавшими в те годы. Разочарованный их результатами, он уехал на Сицилию, где познакомился с методами Ганеманна, которые чудесным образом привели к его выздоровлению. С этого момента он стал ярким приверженцем гомеопатии и противником традиционной медицины.

Мюр не был одинок в таком поведении, тогда многие интеллектуалы были склонны к увлечению псевдонауками, а также к социальному и интеллектуальному экспериментированию. Это их поведение сочеталось с призывом Фурье соединить все достижения философии и наук, чтобы найти выход из социального хаоса, в который погружался мир. Но при этом Фурье утверждал, что традиционные науки, как и религия, направлены на то, что консервировать статус-кво. Следовательно, для достижения гармонии было необходимо преодолеть философию и теологию.

Теория Ганеманна близка идеям Месмера и Сведенборга о человеке и природе. Его принцип *vix medicatrix naturae*, или лечение естественными средствами для пробуждения жизненной энергии, опирался на анимистскую модель Жоржа-Эрнеста Сталя (1660 – 1743), по которой начало жизни концентрировалось в душе, которая и являлась главным элементом в лечении болезней. Отсюда анатомия, физика и химия становились вторичными науками для медицины. Лечение по Ганеманну должно было основываться на духовных, а не материальных основах, как это было в аллопатической (традиционной) медицине. Эти принципы были близки спиритуалистическим взглядам Мюра. Так же ему были близки экспериментальные позиции Ганеманна, его сближение с природой и поиск в ней духовной и материальной поддержки организма.

Часто утверждается, что Э. Сведенборг оказал большое влияние на Фурье и фурьеристов, но это остаётся лишь гипотезой, никем не доказанной. Что касается Мюра, то он был тесно связан с поборниками нового культа, сведенборгистами. Он переписывался с Ле-Буа де Гуай, который основал в Сэнт-Арманде группу сведенборгистов, называвших себя новоиерусалимцами. Философия Сведенборга, являвшаяся проявлением протестантизма в христианстве, во многом перекликается с идеями Фурье. В частности, идеи рационализма, антропоцентризм в понимании Творения, утверждение

прямой связи человека и Бога вполне ложатся в русло проповедей Фурье, который, как и Сведенборг устанавливал систему взаимосвязанных уровней, стадий, которые последовательно вели к гармонии естественного и научного миров, материального и духовного. Сведенборг был одним из тех, кто формировал идеи Мюра, фурьеристов и многих интеллектуалов в XIX в.

Ещё одним источником взглядов Мюра был польский математик и философ-мистик Ю. Гёне-Вронский. Вронский наибольшее значение придавал идее творения и целостности, его философская система предлагала абсолютные понятия. Мюр позаимствовал у Вронского терминологию, использовал её в названиях своих работ. Бальзак не скрывал своего преклонения перед идеями Вронского об абсолютном, о единстве природного и духовного. Для сенсимонистов, а Мюр первоначально принадлежал к этой группе социалистов, Вронский, как и Лейбниц, входил в круг обязательного чтения, противопоставлялся диалектике Гегеля. Вронский считал необходимым синтез духовного добра и существующей реальности, отвергая при этом революцию и борьбу с действительностью. Вронский посвятил панегирик королю Луи-Филипу, что осудил Мюр как проявление преклонения перед материальными силами вопреки его доктрине. Мюр очень высоко ценил Вронского как математика, особенно за его понятие бесконечности, связав его с абсолютным, божественными, развивая в философском плане это понятие, введённое Лейбницем.

Бенуа Мюр считал, что настоящий ученик не копирует, а развивает идеи учителей. Свои идеи он связывал со взглядами учителей, но привносил в них своё видение. Он не видел в этом никакого противоречия с фурьеризмом, так как верил в единую науку, служащую единой цели «предложить человеку средства для морального и физического возрождения». Для Мюра материализм не был способен что-либо объяснить, но он считал необходимым «повысить наше понимание физиологии», добавив к нему идею «чистой духовности». Мюр так сформулировал своё отношение к этим проблемам: «Нам кажется срочно необходимым принятие гомеопатией понятий, уже принятых метафизикой и теологией: если пространство и время являются лишь формами нашего духовного мира, следует тоже самое предположить и для других материальных проявлений мира, которые становятся лишь идеальными формами; ежели человек есть образ Божий, то ему свойственен дар

творения, по крайней мере, в рамках возможностей его тела»¹⁸.

Ганеманн считал, что вещества от животных и растений имеют свой язык, свой дух, которым они сообщают и передают людям свои метафизические и моральные свойства. Мюр писал: «Он изучил параметры мечтаний, природу сна, затронул никем не изведенную тему морального патогенеза. Он описал мир образов, природу самих идей, страстей, изучил то, как всякая субстанция своим собственным образом отражается в душе человека»¹⁹. Всё что Ганеманн, по его мнению, открыл в природе человека, Фурье развил в своих идеях для общества.

Большое влияние на Мюра оказала метафизика Канта (и это при том, что Кант противостоял Сведенборгу, который был безусловным авторитетом для Мюра), которая принимает материю не иначе как в абсолютных терминах, но при этом признает ее существующей лишь в той мере, в какой мы придаём ей жизненную силу. Мюр делает заключение, что «дух оживляет, а вера проявляется в делах»²⁰, является подлинной преобразующей силой.

Согласно Мюру, первоначальное христианство осуществляло подлинное братство, на его основе строило империю, утопию до сего дня неповторимую. Если человек есть образ Божий, следовательно, он также способен к творению и наделен духом. Эти размышления подтолкнули Мюра к разработке им особой системы питания, которая была встречена с удивлением и иронией. Он проанализировал опыт людей, переживших катастрофы или лишённых долгое время питания, и пришёл к выводу: «человек может питаться светом, калориями, которые он получает от бесконечного числа объектов, но главное – от общения, от социальной среды. Мозг же, более чем другой орган нуждается в постоянной тренировке. Мысли людей развиваются в сообществе с подобными»²¹. Для Мюра доказательством его убеждения, что материя является лишь проявлением духа, было явление сомнамбулизма, которое ему казалось особым состоянием, когда человек способен изменять возможно-

¹⁸ Benoit Mure. *Doctrine de l'école de Rio de Janeiro et pathogénésie brésilienne*, Rio de Janeiro: Publication de l'Institut Homeopatique du Brésil, 1849, p. IV.

¹⁹ *Idem* p. 11.

²⁰ *Idem*, p.43.

²¹ E.T. Ackermann. "Tese apresentada na Escola Homeopática sobre a teoria da vida e da nutrição do Dr. Mure", *A Sciencia*, (2), Rio de Janeiro: Typographia Universal Laemmert, agosto de 1847, p. 23.

сти своего тела по потребностям духа.

Мюр разделял идеи «животного магнетизма» Ф.А. Месмера. Если жизненный импульс исходит от человека благодаря его воображению и уму, то необходимо, по идее Мюра, подумать о максимальном использовании человеческих умственных способностей. Этот подход Мюр попытался использовать в интерпретации педагогической системы Жакото, ставшей очень модной во Франции в этом период. Жакото был одним из учителей Э. Кабе, на которого он оказал большое влияние. Некоторые исследователи считают, что коммунизм Кабе, изложенный в его труде «Путешествие в Икарию», был отчасти результатом прочтения «Телемаха» Фенелона, предложенным ему Жакото. Педагогика Жакото, ставшая частью идей Мюра, опиралась на принципы, декларировавшие своей целью интеллектуальное освобождение.

Выбор книги Фенелона был случайным для Жакото, но для его последователей, таких как Мюр, он стал принципиальным благодаря её максиме «всё есть во всём», ибо «всё уже было в Телемахе». Этот принцип Жакото расшифровывал таким образом: не следует ждать создания условий, чтобы бедняки могли дать образование своим детям, не дожидаясь действий со стороны государства. Он был сторонником самообразования, противником официальных методов педагогики, более того, он считал, что государство в принципе не заинтересовано во всеобщем просвещении. Предложенная Жакото система всеобщего просвещения, независимого от институтов, предполагала своей целью умственное освобождение, что оказалась в центре полемики в годы реставрации и реакции. Первые социалисты включили эту тематику в сферу своих изысканий альтернативной общественной организации²². Надо заметить, что проблема просвещения остаётся в центре внимания всех социальных доктрин, ищущих новую общественную организацию вплоть до наших дней.

Для Мюра идеи Жакото были более революционны, чем теории Бабёфа, Кабэ и Прудона. Он пишет, что их социальные проекты лишь вызывают у него улыбку, эти теории остаются «второстепенными», а Жакото как раз может претендовать на титул «ужасного

²² Виктор Консидерн написал целую работу о проблеме просвещения, а Фурье придавал особое значение этой теме. Бенуа Мюр также считал необходимым осуществить некий просветительский проект как предпосылку моральной трансформации человечества.

революционера»²³, ибо ставит под сомнение превосходство «университетского знания». С того дня, как народ поймёт подлинные причины своих несчастий и восстанет против властей (против официальной науки, медицины, суда), он будет согласен поверить в революцию: «Только уже свободный дух человека сможет управлять самим собой, а без этого он только меняет одну игру (обман) на другую»²⁴.

Интерес к теме умственного освобождения человека характерен для всего фурьеристского движения, к которому принадлежал Мюр, так как фурьеристы размышляли над интеллектуальным формированием личности рабочих, которое должно было позволить подготовить их к будущей жизни в новом обществе. Мюр, как и Фурье, думал, что человек может быть одновременно сапожником, интеллектуалом и ещё кем угодно, что без ущерба для той или иной деятельности ему достаточно внешних стимулов. Жизнь Мюра сама по себе являлась отражением этой философии. Он был торговцем, врачом, изобретателем, писателем, предпринимателем, поэтом, но когда он хотел обобщить этот опыт применительно ко всему человечеству, он столкнулся с проблемами и препятствиями прежде всего в области просвещения бедняков.

Для фурьеристов всякая физическая и умственная деятельность является полезной для человека, создает внутреннюю гармонию и равновесие, которые не могут сосуществовать с негармоничным обществом. Для Мюра Фурье был способен показать человечеству путь в новый Эден, который перестал быть мечтой, ибо способ его достижения просчитан. Для них счастье зависит от изобилия и богатства, которые позволят обеспечить всех минимумом, гарантирующим достойное существование. Современное же им общество не могло обеспечить этого, ибо строилось на принципах, противных самой природе человека. Судьба человечества – в ассоциации, в гармоничном сложении индивидуальностей, стихийно объединившихся для труда и общих забот, духовных поисков.

Большинство последователей Фурье скрывали самые спорные части его доктрины, такие как космогония и пр. Мюр хорошо понял смысл учения Фурье, хотя и не во всем следовал его указаниям. Мюр обращался не только к Фурье, а ко многим мыслителям, порой маргинальным по отношению к официальной науке, желая

²³ Benoit Mure, *La Philosophie Absolue*, edição póstuma, revista e atualizada por Sophie Liet, Paris: Librairie Moderne, 1884, p. 72.

²⁴ Idem, p. 108.

показать все возможные альтернативы существующему порядку вещей, чтобы люди могли поверить в свои собственные силы и способность создать иную реальность.

Наконец, остаётся определить концепцию духовности Мюра, которая тесно связана с понятием социализма. Для него есть высшая сила, Бог, управляющий делами людей. Но и человек для него обладает даром творения, в том числе человек способен создавать новые материалы и возрождать ткани живых организмов. Человек, как все существующее, являлся сосудом жизненной силы (когда Мюр пробовал на себе лекарственные растения, то он утверждал, что им руководит дух, который помогает действию лекарств). Социализм Мюра, как и любой первый социализм, не был атеистическим. Он претендовал на социальную гармонию, основанную на заветах первых христиан, которые, по убеждению Мюра, позволяют построить общинную организацию на принципах братства и милосердия²⁵. Для Мюра важно выйти из академического, традиционного знания, выйти за пределы возможного и противопоставить ему подлинное, вытекающее из жизненного опыта, который не должен быть прерогативой элиты, а иметь народный характер.

В Бразилии на Мюра большое впечатление произвели тезисы Жузе Виторину дус Сантус и Соуза, профессора математики в военной школе в Рио-де-Жанейро, где он сам преподавал гомеопатию. Этот профессор давал неординарную трактовку физики Ньютона в объяснении движения планетных тел. Так как Фурье распространял ньютоновские физические законы на общество, то их своеобразная трактовка бразильским профессором вступала в противоречие с социетарной школой, к которой принадлежал Мюр. Сомневаться и отвергать академические принципы было главным преимуществом свободной мысли.

Первые социалисты питали надежды на науку, но не на официальную, которая защищала общественный статус-кво, а на новую, ведущую к освобождению человечества. Перед смертью, когда Мюр понимал, что уже все кончено, он написал слова, которые могут быть названы его завещанием или исповеданием веры: «Я должен отречься от дела, которое раньше мне казалось легко реализуемым, а теперь у меня нет сил. Утешает меня лишь то, что я попытался осуществить свои идеи всеми доступными мне силами. С другой стороны, это великое гуманитарное движение, для кото-

²⁵ Michel Nathan *Le ciel des fourieristes- habitants des étoiles et réincarnation de l'ame*, Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1981

рого я разрабатывал формулы действия, продолжает развиваться в грандиозном масштабе, но медленными, хотя и верными, шагами, и я с удовлетворением вижу, что уже скоро наступит день, когда над миром воссияют новые горизонты. Я не смог осуществить идеал реформ, которые для предлагал для общества и экономики, но все-таки смог реализовать их в научной области. Я удовлетворён, что мои труды послужили людям, это наполняет меня радостью»²⁶.

Разочарование постигло Мюра также в его опыте ассоцианизма, в эксперименте фурьеристской общины, первой за пределами Европы, - в Фаланстере в Саи на юге Бразилии (1840 – 1847). Несмотря на провал этого опыта, последовали новые проекты ассоцианизма и мютюэлизма, связанные с оставленными Мюром в Бразилии обществами гомеопатов и с его учениками. Что же поддерживало столько времени фурьеристские идеи? Религия, метафизика, псевдонауки были частью фурьеризма, составляли его идейные источники. Главным же был идеализм, которого нам так недостаёт в современной жизни.

²⁶ Benoit Mure, *La Philosophie Absolue*, op. cit. p. 188-189.

Е.А. Ларин¹
E.A. Larin

Истоки латиноамериканского модернизма **Origins of Latin American modernism**

Аннотация: В статье анализируются начальный этап формирования модернизма в Латинской Америке. Рассматриваются различные даты появления этого течения. Даны толкования его сути и значения для литературы. Основное внимание уделяется основателям модернизма Х. Марти, Р. Дарио. М. Нахера. Представлены их творческие портреты.

Ключевые слова: модернизм, литература, Латинская Америка, Х. Марти, Р. Дарио. М. Нахера.

Abstract: The author analyzes the initial stage of the formation of modernism in Latin America. Various dates of the emergence of this trend are discussed. The interpretation of its essence and the importance for the literature are postulated. The main attention is paid to the founders of modernism. Their biographical portraits are presented

Keywords: modernism, literature, Latin America, J.Martí, R.Darío. M.Najera.

Дата появления модернизма, хотя это свершилось более столетия назад, до сих пор вопрос дискуссионный. В отечественной научной литературе во второй половине XX в. такой датой назывался 1870 год, мексиканский исследователь Шульман И.А. относил ее (для Латинской Америки) к 1875 г., великий испанский писатель Хуан Рамон Хименес отодвигал это событие на 1880 г., отдельные авторы (Рикардо Гильен) – 1882 г.. Мануэль Педро Гонсалес определил весь период существования этого историко-культурного течения 1882 – 1962 годами.² Родиной модернизма мировая литературная критика называет Францию – поэтов парнасцев и символистов

¹ Евгений Александрович Ларин, заведующий Центром Латиноамериканских исследований ИВИ РАН Evgeni A. Larin, head of the Centre of Latinamerican Studies of the Institute of Global History, elarin@inbox.ru

² Schulman I. A. Génesis del Modernismo. México: El Colegio de México, 1966. P.9, 113.

Весьма вариативным является определение модернизма. Х. Рамон Хименес называл его теологическим, научным, литературным и подчеркивал: «всё входит в модернизм, потому что это всё – выражение настоящего в поисках чего-то нового для будущего»³. Более пространным был испанский исследователь Федерико де Онис: «Модернизм, как Возрождение или романтизм – это не школа, а целая эпоха. Ее единство способствовало появлению крупных поэтов, каждый из которых выделяется своей цельностью, а все вместе они породили новую независимую литературу универсального значения, ставшую сердцевиной и началом последующего взлета латиноамериканской литературы»⁴.

Негативной на различные формы модернизма была реакция В.И.Ленина. В беседе с К.Цеткин он отмечал: «Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».⁵

Своеобразно определение, сделанное советским литературным критиком и журналистом Д.Затонским: «Модернизм – в качестве исторически складывавшегося направления – это пестрый конгломерат часто очень непохожих между собой, противостоящих друг другу или даже открыто враждующих групп. Им неть числа. Они возникают, вспыхивают неоновыми огнями сенсации и потухают. Они капризны, изменчивы и деспотичны». Далее автор отмечает, что после Второй мировой войны их становится меньше, многообразие школ изживает себя, модернизм эволюционирует. Затонский справедливо отмечает неоднородность этого направления: «сугубо модернистские» элементы, возникшие еще в декадансе, переплетаются с элементами «авангардистскими». Модернизм, подчеркивает автор, небезразличен и к реалистическим влияниям. В нем сохранились как отдельные проявления старого реализма, так и его новые варианты.⁶

В модернизме прочно укоренилась и тенденция, нашедшая отражение в формалистической эстетике К. Фидлера: «Искусство отнюдь не призвано проникать в низменную действительность, являющуюся действительностью всех людей, а также не обладает

³ Schulman I.A. Génesis del Modernismo. P.48.

⁴ Schulman I.A. Génesis del Modernismo. P.21.

⁵ В.И.Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С.663.

⁶ Затонский Д.В. Франц Кафка и проблемы модернизма. М.: Высшая школа, 1972. С.8, 9.

возможностью спасать людей от действительности, спускаясь из сказочного царства. Если издавна спорят между собой за право выражать сущность художественной деятельности два принципа: подражания и преобразования действительности, то, думается, разрешение этого спора возможно лишь выдвижением на их место третьего принципа – создания новой действительности».⁷ Третий принцип стал широко использоваться во многих авангардистских направлениях. «Хочу того, чего нет на свете». Это откровение З.Гиппиус из ее стихотворения «Песня» (1893 г.) было генетически близко всем творцам Серебряного века. Позже она писала об этой новаторской вещи: «После долгого перерыва, я опять стала писать стихи, но уже совсем другого рода, с неприятным тогда ритмом и вольным размером. Первое такое стихотворение с известной тогда заключительной строкой – «Хочу того, чего нет на свете» и ее повторением, - долго тогда ни один журнал не хотел печатать, а так как вскоре заговорили о «декадентстве», то и моя манера была признана «декадентской».⁸

Зинаиду Гиппиус ее коллеги по поэтическому цеху в шутку называли «бабушкой русского декадентства». Это течение было характерно и для ряда других стран и прежде всего, для Франции, где оно связывалось в основном с символизмом. Выходивший в этой стране в 1886 – 1890 гг. журнал «Декадент» уделял наибольшее внимание французской поэзии 60 – 80-х годов, творчеству Ш.Бодлера, П.Верлена, Малларме, А.Рембо и другим. В России декадентство «размежевало» поэтов на «старших» – Н.Минский, Д.Мережковский, З.Гиппиус, К.Бальмонт, В.Брюсов, Ф.Сологуб и «младших» символистов -- А.Блок, И.Анненский, А.Белый, В.Иванов и др.

В целом отношение З. Гиппиус к декадентству было резко критическим. Уже в 1900 г. она писала: «Скажем лучше для многих уже ясную правду: никаких декадентов нет...». В следующем году она была еще более категоричной: «Искусство для искусства – это змея, кусающая свой хвост. Это тесный склеп без двери».⁹ В этот период Зинаида Николаевна была уже известным поэтом, высоко ценившим достижения великой русской литературы и культуры

⁷ Модернизм. Анализ и критика основных направлений. М.: Искусство, 1987. С. 15.

⁸ Гиппиус З.Н. Pro et contra. СПб: Издательство русской христианской академии, 2008. С.813.

⁹ Гиппиус З.Н. Pro et contra. С. 816.

XIX века, и, конечно, отнюдь не случаен ее следующий критический пассаж: «Почти вся поэзия и литература, поскольку она декадентская, – вне истории человечества, вне борьбы между «мы» и «я»; ни она, эта литература, не имеет отношения к движению жизни и мысли, ни жизнь к ней».¹⁰

Декаданс был кратковременным явлением в европейской литературе. Он не обрел ни своих четких критериев, ни определенной творческой стратегии, ни существенного наследия. Это была скорее одна из начальных фаз модернизма, своеобразная попытка найти подходы к реформированию основных направлений искусства. Характерно, что и постмодернизм появился во второй половине XX столетия, как течение, стремившееся, прежде всего к пересмотру современного состояния литературы, ее жанровых границ, языка и форм экспрессии, а в конечном итоге превратился в критика и главного трансформатора всей мировой культуры и гуманитарных научных направлений. Декадентство, скорее стало неким прологом к последующему тотальному наступлению модернизма на устоявшиеся десятилетиями каноны развития искусства. В этой связи заслуживает внимание определение модернизма известным испанским филологом и литературным критиком Федерико Карлосом Сайнс де Роблесом: «Модернизм можно определить всего в нескольких словах. Это новая литературная и духовная революция. Он возник как категорическое отрицание. Это была не тенденция, но всеобщее стремление. Оно проникло повсюду: в политику, университетские курсы, в живопись, скульптуру, музыку и архитектуру, в педагогические доктрины... Ревизовать! Разрушать! Таковы были первые принципы – вечные принципы всех революций»¹¹

Лозунг «Ревизовать! Разрушать!» не мог не привести к определенным крайностям в области изобразительных средств, особенно в живописи и литературе. Известный русский журналист и издатель крупнейшей газеты дореволюционной России «Новое время» А.С. Суворин очень точно охарактеризовал это явление в своем Дневнике, записав 14 июня 1907 г.: «Декаденты плодят похабщину. Есть журнал, печатающий исключительно порнографию, историю проституции, маркиза де Сада, Казанову и т.д. Новые белле-

¹⁰ Гиппиус З.Н. Pro et contra. С. 816

¹¹ Sainz de Robles F.C. Ensayo de un Diccionario de Literatura. T.1. Madrid: Aguilar Ediciones, 1949. P.912 – 913.

тристы собаку съели на женском теле».¹² Аналогичные явления имели место и во многих других европейских странах.

Латиноамериканский модернизм обрел свой собственный облик и содержание, хотя и был производным от его европейских образцов, и прежде всего испанского (в отечественной литературе часто с большим основанием используется термин «испаноамериканский модернизм»). Как и романтизм, он тяготел к историко-культурному синтезу на базе наиболее значимых европейских тенденций в развитии культуры и собственных национальных и континентальных достижений и традиций в этой области. Вместе с тем, один из главных лозунгов Ф. Карлоса Сайнса де Роблеса – Разрушать! – был в меньшей степени востребован в Латинской Америке. К тому же в последнее десятилетие XIX – начале XX вв. латиноамериканский модернизм (и прежде всего Р. Дарио) оказывал существенное влияние на литературные процессы в Испании.

В отечественном литературоведении глубокий анализ процессов становления модернизма в Латинской Америке осуществлен в третьем томе «Истории литератур Латинской Америки» (Земсков В.Б. – Введение; Гирин Ю.И. – глава 1. Идеино-эстетические основы испаноамериканского модернизма)

У истоков модернизма в Латинской Америке стояли: Хосе Марти, Мануэль Гутьеррес Нахера, Хосе Энрике Родó и Рубен Дарио, заявившие о себе главным образом в период «классического модернизма» - в 80 – 90 годы XIX в..

Хосе Марти (1853 – 1895)

Лауреат Нобелевской премии по литературе чилийская поэтесса Габриэла Мистраль считала, что в Марти самым удивительным образом была воплощена земная троица: мужчина, женщина и ребенок. И действительно: в его поэзии, публицистике, повседневной жизни можно найти и беспримерную храбрость эпических борцов, и достойные восхищения проявления человеческой нежности, и неповторимую наивность ребенка. Как и любая другая выдающаяся личность, Х.Марти многолик и универсален.

Хотя во всемирной литературе модернизм первоначально появился в поэзии, в творчестве Х.Марти первой модернистской работой была новелла «Роковая дружба», опубликованная в 1885 г. в нью-йоркском журнале «Эль Латиноамерикано» под псевдонимом

¹² Суворин А. Дневник. М.: Новости, 1992. С.414.

Аделаида Раль. Модернизм на данном этапе, выражавшийся в более утонченных концептуальных характеристиках мировоззрения, в обостренном до крайности субъективизме авторов и в поисках новой ритмики и новых литературных форм, по всем этим аспектам нашел выражение и в данном произведении.

У некоторых латиноамериканских интеллектуалов есть сомнения в том, а был ли Х.Марти модернистом. К ним относится, например, известный кубинский политический деятель и писатель Хуан Маринельо, написавший ряд глубоких работ о литературном творчестве Х.Марти. В одном из своих интервью он отмечал: «Я продолжаю считать, что Х.Марти не был ни модернистом, ни основателем модернизма. Модернизм в основном, в его важнейших составляющих, в его хронологии, в его проявлении и оформлении как литературного течения был создан Рубеном Дарио». Свою убежденность Маринельо подкрепляет одним из выводов известного испанского литературного критика Федерико де Ониса: «Марти не был модернистом, потому что он постигал трансцендентальный модерн»¹³.

Действительно, «трансцендентальный модерн» Х. Марти с его культом красоты, культом таланта и здравого смысла, с его революционностью во многих вопросах общественной жизни имел мало общего с теми, кто призывал разрушать всё старое и создавать новые весьма далекие от реальной жизни произведения искусства. Подобный модернистский вариант и впрямь был чужд Марти, его эстетике и философскому восприятию жизни.

Хуан Маринельо, внесший заметный вклад и в изучение модернизма, отмечал следующие десять основных характеристик латиноамериканского модернизма: 1. Стремление к обновлению посредством разработанной и неизвестной ранее формы; 2. Тенденция к отрицанию всего испанского как нормы и принятие в качестве оной европейских, главным образом французских новаций; 3. Появление новаторского духа главным образом в лирике; 4. Литература, как главная сфера проявления индивидуализма, способствует появлению абсентеизма и аполитичности, что становится основой ее существования; 5. Модернисты различны между собой, всем им присуща самая разнообразная иностранная ориентация; 6. В отличие от Макса Энрикеса Уренья, считавшего, что существуют два этапа модернизма, выражавшихся а) в культе формы и б) в

¹³Recopilación de textos sobre Juan Marinello. La Habana: Casa de las Américas. 1979. P. 73.

возвращении к латиноамериканской действительности, Маринельо полагал, что трактовка второго этапа весьма спорна; 7. Модернизм по происхождению латиноамериканский феномен. 8. Очевидно, что его новации чисто формальны. Он существует, как и любое другое явление экспрессивного характера со своей эстетикой и «человеческим содержанием»; 9. Сравнение Марти и Дарио помогает лучше понять орбиту и природу этого движения, т.к. Марти не был ни основателем, ни центральной фигурой модернизма, «*утопив в реальной действительности свою писательскую судьбу*» (выделено Х.Маринельо); 10. В модернизме имеют место влияния парнасизма и французского символизма.¹⁴

Для Хосе Марти этот процесс был весьма дорог, и он с огромным желанием и весьма плодотворно участвовал в создании по существу нового латиноамериканского искусства. Гений Марти оказал огромное внимание на многих латиноамериканских писателей, поэтов, философов, практически на весь интеллектуальный мир Нового Света. Выдающийся мексиканский поэт и писатель Мануэль Гутьеррес Нахера, о котором речь пойдет ниже, писал Х.Марти: «Я считаю себя вашим должником за многие зарницы света, за многие бриллианты, за многие букеты цветов и что самое важное – за многие идеи, которые возвеличивают мой дух и исповедуют меня, уводя от ошибочных идеалов».¹⁵ Под этими словами могли бы подписаться практически все латиноамериканские писатели и поэты.

Мануэль Гутьеррес Нахера (1859 – 1895)

Он прожил небольшую и очень трудную жизнь из-за своего слабого здоровья, физического дефекта (горбун) и крайне невыразительной внешности. Настолько нетипичной выглядела его фигура, что один из друзей юности сравнил Мануэля с «японкой, сваренной в горшке».¹⁶ В отличие от этого недалекого и слишком жестокого юноши судьба к нему была более благосклонна. Некой ее компенсацией стали талант поэта-лирика, яркая проза и глубокая критика. Его кумирами в поэзии были Адольфо Беккер и Альфредо де Мюссе. Его первые публикации, сразу же замеченные широкой читательской аудиторией, – «Хрупкие рассказы» и «Рассказы цве-

¹⁴ Recopilación de textos sobre Juan Marinello. P.207, 208.

¹⁵ Schulman I. A. Génesis del Modernismo. P. 23 – 24.

¹⁶ Sainz de Robles F.C. Ensayo de un Diccionario de Literatura. T. 2. P.730.

та дыма». Вряд ли в этих названиях сказалось влияние упомянутых выше испанского и французского поэтов, скорее в их необычности было замешено само время, начинавшийся период модернизма.

Уже в 17 лет, в 1876 г., была опубликована статья Гутьерреса Нахеры «Искусство и материализм», сразу же наделавшая много шума. Юный автор назвал себя непримиримым врагом «безутешных теорий реализма и тошнотворного, ненавистного позитивизма». Статья поражает высоким уровнем профессионализма и, откровенно говоря, даже не верится, что в этом возрасте Гутьеррес Нахера осмелился поставить и по-своему решить сложные теоретические проблемы.

Исследователь США Бойд Г. Картер, основательно изучавший творчество Гутьерреса Нахеры, ссылаясь на обнаруженную им неопубликованную статью мексиканского писателя «Герцог Иов», отметил в ней целый ряд принципиально важных эстетических проблем: о свободе творческого процесса, красоте как цели и объекте искусства, об использовании прекрасного и об идеализме искусства. Указанные статьи вместе с еще одной публикацией «Свободные страницы Агапито Сильвы», а также «Сентиментальной поэзией», написанные в том же 1876 г., Картер назвал манифестами модернизма в области эстетики. Основными аргументами в пользу этого вывода он назвал следующие выводы Гутьерреса Нахеры: «1. Искусство является не имитацией, а творчеством; 2. Художник должен быть свободен в выборе темы и в ее реализации по своему вкусу; 3. Объектом искусства является красота; 4. Красота не есть идея, но образ идеи; она существует и художественно реализуется на различных, высших символических уровнях; 5. Искусство представляет собой победу идеального над материальным, т.е. Ариэля над Калибаном; 6. Пропаганда не имеет ничего общего с искусством; 7. Используемые предметы материального являются непреклонным противником искусства; 8. Прекрасное необходимо в силу того, что оно прекрасно. Кроме того, в то время, как Европа недооценивает его из-за своего декадентства и рекомендует Новому Свету избавиться от ее сгнившего культурного ига, Мануэль (Гутьеррес Нахера – Е.Л.) проявляет себя как истинный интеллектуальный космополит в вопросах, связанных с взаимопроникновением различных литературных и художественных тенденций, столь различных как с географической точки зрения, так и с точки зрения идеологической и эстетической».¹⁷

¹⁷ Gutiérrez Nájera M. Obras. Crítica literaria. T.1. México: UNAM, 1959.

В «Свободных страницах...» Гутьеррес Нахера предстает перед читателем как тонкий литературный критик, со знанием дела рассуждающий не только о живой ткани поэтической материи, но и о месте и роли поэта в обществе. «Для нас, - пишет он, - поэзия есть и должна быть проявлением наших чувств. Мы считаем, что, поэт должен воспевать свою веру и свои предпочтения в этой сфере, свою борьбу и свои успехи, свою любовь и разочарования. Он должен быть таким же порывистым и тонким как Кинтана и Беранже, если пылает в его сердце любовь к родине; он должен быть чувственным и нежным как Петрарка и Гарсиласо, если его сердце бьется в унисон с духовной страстностью любви; и мрачной и пугающей как у Гете и Байрона, если его душа иссушена льдом разочарований только способна разразиться плачем, диким криком боли в похоронной процессии»¹⁸

Юный мексиканец, решая ряд вопросов, связанных со становлением модернизма, отнюдь не стремился стать одним из его основателей в Латинской Америке. Больше того, он выражал беспокойство, что «реформа, которую предполагается ввести в литературе, страдает недооценкой сентиментальных жанров, и открыто направлена против сути поэзии, что может привести к полному исчезновению поэтического вдохновения»¹⁹ Он не только защищал поэзию, но и активно реформировал ее. Известный отечественный исследователь истории и культуры Мексики В.Н.Кутейщикова, говоря о его поэтическом творчестве, писала: «Гутьеррес Нахера... ввел новые стихотворные формы и размеры, а главное, придал стиху такую музыкальность, пластичность, эмоциональную насыщенность, каких не знала мексиканская романтическая лирика».²⁰ Она также отметила, что наряду с колумбийским поэтом Х.А.Сильвой, им было заимствовано из арсенала романтизма агонистическое мироощущение, широко используемое впоследствии в модернистских произведениях латиноамериканской литературы.

Хотя Гутьеррес Нахера активно включился в поиски новых тенденций развития литературы, но он, тем не менее, по-прежнему выше всего ценил шедевры всемирной литературы: «Прекрасное универсально и вечно. «Илиада» Гомера, вместе с гимнами Вергилия, «Божественной комедией» Данте, «Иерусалимом» Торквато

P.20.

¹⁸ Gutiérres Nájera M. Obras. Crítica literaria, T.1. P.111.

¹⁹ Gutiérres Nájera M. Obras. Crítica literaria, T.1. P.111.

²⁰ История литератур Латинской Америки. Т.3. М.: Наследие, 1994. С.206.

Тассо, «Аталой» Шатобриана, «Рафаэлем» Ламартина и «Фаустом» Гете, а также пронизанными грустью творениями лорда Байрона – все эти произведения навсегда останутся вершинами человеческой мысли, несмотря на интеллектуальные и моральные революции, происходящие в мире...»²¹

Недолгая творческая жизнь Мануэля Гутьерреса Нахеры оставила, тем не менее, глубокий след в истории зарождавшегося латиноамериканского модернизма.

Рубен Дарио (1867 – 1916)

Сегодня немногие помнят о том, что будущий великий поэт родился под именем Феликс Рубен Гарсия Сармьенто. «Все хорошо в этом мире», — любил повторять поэт. Однако тут же заявлял, что «мы не знаем, куда мы идем и откуда пришли». Последнее утверждение, видимо, своеобразный поэтический прием, так как в одном из предисловий он писал, что ненавидит жизнь и время, в котором ему пришлось жить, и что, «если и есть поэзия в нашей Америке, она вся — в древности, в Паленке и Утатлане, в легендарном индейце и в тонком и чувственном великом Монтесуме, обладателе золотого трона... Все остальное твое, демократ Уолт Уитмен»²². Это было написано в 1896 г. Последнее предложение может показаться неким сарказмом в обращении к своему коллеге по поэтическому цеху, однако, оно связано с тем, что в США в то время Уитмена было принято называть «поэтом демократии». Что же касается латиноамериканских интеллектуалов, в том числе и самого Дарио, то они высоко ценили творчество У.Уитмена (1819 – 1892), стоявшего у истоков модернистского течения в США. Его талант и острый, критический взгляд на характер литературы и искусства в своей стране не мог быть незамеченным, ибо он актуален даже сегодня, во втором десятилетии XXI в. В своей работе «Демократические дали» (1871г.). Уитмен писал: «В наши дни при соревновании книг и писателей, особенно романистов, так называемый успех достается тому (или той), кто бьет на низкопробную пошлость, на сенсацию, на аппетит к приключениям, на зубоскальство и прочее, кто описывает применительно к среднему уровню, чувственную внешнюю жизнь. У таких, у наиболее удачливых из них, бесконеч-

²¹ Gutiérrez Nájera M. Obras. Crítica literaria, T.1, P. 113.

²² Henríquez Ureña P. Las Corrientes Literarias en la América Hispánica. La Habana: Instituto cubano del Libro, 1971. P. 174-175.

ное множество читателей, доставляющих им изрядную прибыль, но весь их успех на неделю: их читают и сейчас же забывают».²³

Истоки творческого пути Р. Дарио уходят своими корнями прежде всего в испанскую и латиноамериканскую культуру.. Детально исследовавший этот вопрос современный мексиканский литературовед Хесус Савала приводит большой список писателей и поэтов XVI – XIX вв., существенно повлиявших на становление поэтического мастерства никарагуанского поэта: Луис де Леон, Балтасар де Алькасар, Луперсьо Леонардо де Архенсола, Лопе де Вега, Родриго Каро, Педро Кальдерон де ла Барка, Андрес Фернандес де Андраде, или Франсиско де Рьоха, Андрес Бельо, Хосе Соррилья, Рамон де Кампоамор, Франсиско Куайкайпуру, Густаво Беккер и Олегарьо В. Андраде.²⁴ Столь обширное перечисление служителей музыки во многом связано с отрочеством Дарио, когда он, будучи 13-ти летним мальчиком начал работать библиотекарем и, увлекшись поэзией, считал «классиком» любого поэта, книга которого оказалась у него в руках. Именно в тот период у него возник сохранившийся на всю жизнь трепет перед чистым листом бумаги, который также был характерен для Вальтера Скотта и Фридриха Ницше. Постепенно сформировался собственный взгляд на поэзию, легший в основу философии и эстетики латиноамериканского модернизма.

Рубен Дарио - мастер, хорошо знавший европейскую культуру и европейскую поэзию, но при этом всегда остававшийся глубоко латиноамериканским поэтом. В 80-е годы Дарио единственный раз встретился в Нью-Йорке с Хосе Марти (встреча могла состояться не позже 1888 г.). Отчески дружеское обращение великого кубинца к нему – «Сынок»! – способствовало теплой дружеской беседе, которая произвела на Р.Дарио, находившегося тогда в начале своего творческого пути, неизгладимое впечатление. «Проза его, - писал он впоследствии в автобиографии. – была полна жизни и красок, пластична и музыкальна. Чувствовалось в ней прекрасное знание испанской классической литературы, а также знакомство с литературами других стран, древними и современными; а самое главное – в его прозе видна была душа чудесного большого поэта»²⁵

²³ Чуковский К. Мой Уитмен. М.: Прогресс, 1966. С.226.

²⁴ Estudios sobre Rubén Darío. México: FCE, 1968. P. 295 – 296.

²⁵ Латинская Америка. Литературный альманах. Вып. 2. М.: Художественная литература, 1984. С. 447.

Первые же публикации стихотворений Р.Дарио заставили обратить на него внимание критики, а выход в свет сборника «Лазурь» в 1888 г. произвел подлинную поэтическую революцию и убедил многих ценителей поэзии в появлении нового классика латиноамериканской литературы. Однако в течение длительного времени восторг соседствовал порой с уничтожающей критикой. Его обвиняли в декадентстве. Рубен Дарио - мастер, хорошо знавший европейскую культуру и европейскую поэзию, но при этом всегда остававшийся глубоко латиноамериканским поэтом. Подтверждением этому служат его книги: «Лазурь» (1888), «Языческие псалмы» (1896), «Песни жизни и надежды» (1905), «Путешествие в Никарагуа» (1909), «Поэма Осени и другие поэмы» (1910), «Песнь Аргентине» (1914).

И.В. Гёте в статье «Эпохи духовного развития» показал некий усредненный сценарий их смены: «Сперва всё охвачено глухой пустотой, но дух уже витает над тем, что подвижно и сформировано. И пока большинство людей изумленно, пугливо озираются вокруг, озабоченные лишь тем как удовлетворить самые необходимые потребности, разум более одаренного проникает в великие явления мира, замечает события и, полный предчувствий, говорит обо всем существующем так, словно бы оно только сейчас возникло»²⁶ Дарио в статье «Толкования», посвященной «всем новым поэтам Испании», оказавшись в роли «более одаренного», раскрыл характер новых тенденций в латиноамериканской литературе.

Дарио считал, что прежде всего должна быть творческая независимость, подчеркивая при этом, что «нет ничего более прекрасного», чем эта свобода...» Он полагал, что несомненным даром самого искусства является его способность «властно заставлять нас признать внутреннюю и внешнюю стороны жизни, а своим сверхвидением убедить заглянуть значительно дальше того, что связано с законами всеобщего познания». Поэт считал, что с религией и философией искусство имеет родственные границы, ибо и первая и вторая также обладают искусствоведческой составляющей. Вместе с тем он категорически выступал против попыток сравнивать различные виды искусства с популярными играми массового характера. Возмущенная тирада Дарио – «столько появилось зажигательных теорий и эстетических нравоучений на этот счет...по песо за штуку», - свидетельство полного неприятия попыток выдать за

²⁶ Гете И.В. Об искусстве. М.: Искусство, 1975. С. 430.

«новое искусство» дешевые полу - карнавальные «оперетки».²⁷

Заслуживают внимания и философские рассуждения Дарио, связанные с искусством. На его взгляд, именно «искусство побеждает время и пространство». Показателен монолог о бытии: «Я размышлял о проблемах существования и попытался возвыситься до самого пика идеализации. Я выразил всю экспрессию моей души, хотел проникнуть в души остальных и раствориться в широчайшей универсальной душе. Затем я, как советует Шопенгауэр, отделил свою индивидуальность от остального мира ради того, чтобы оценить объективно, что же моему «я» кажется странным и убедился, что ему ничего не странно. Я воспевал всевозможными способами многоуровневый спектакль Природы и ее бесконечную мистику. Я восхвалял героизм, прекрасные эпохи Истории, поэтов, грезы, надежды. Я придал моему лирическому инструменту свою сиюминутную волю, став мерилом различных и меняющихся ситуаций, в зависимости от направления, предложенного необъяснимой Судьбой»²⁸

Анализируемая статья написана в 1907 г. Удивительно, что Дарио уже тогда отметил в ней талант молодого Х. Ортеги-и-Гассета, в одной из работ писавшего о значении слова. «Слова, - цитирует Дарио испанского философа, - логарифмы вещей, образов, идей и чувств и поэтому могут использоваться только как символы достоинства, но никак не в качестве самого достоинства». Развивая эту мысль, Дарио вносит свой вклад в изучение функции слова, как важнейшей категории литературного процесса. «Слово, - пишет он, - есть не больше чем символ, или комбинация символов, но оно содержит в себе то, что придает ему демиургическую значимость. Те, кто использует его неумело, виновны в беспомощной реализации этого грозного и деликатного средства. Искусство работы со словом не должно превращаться в предмет солнечной долины, или ее невозможность или возможность, ибо только совсем недавно сложилась очевидная истина: искусство – это не свод правил, а гармония капризов»²⁹

Примерно в это же время в России А.А. Потебня (1835 – 1891) провел целый ряд исследований о слове и его свойствах, поэзии и прозе, философии языка и мифа. В своей работе «Мысль и язык» он писал: «Слово только потому есть орган мысли и непременно

²⁷ Darío R. Poesía. La Habana: Casa de las Américas, 2004. P. 350.

²⁸ Гете И. В. Об искусстве. С. 430..

²⁹ Darío R. Poesía. P.351.

условие позднейшего понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения. Но слово с течением времени должно потерять эти свойства, равно как и поэтическое произведение, если ему дана столь продолжительная жизнь, как слову, кончает тем, что перестает быть собою»³⁰ Как видим, Потебня поднял слово на самый высокий пьедестал творческого взлета, до возможности являть собой художественное произведение. А разве он не прав. Возьмем, например, лишь несколько произвольно выбранных слов: жизнь, солнце, любовь, кровь, мать, рассвет, родина, вселенная, поэзия, гармония, отчаянье. Разве каждое из них не является идеально созданным народной мудростью, законченным произведением, равно как и десятки тысяч других слов, украшающих и омрачающих нашу жизнь?! С течением времени некоторые из них теряют свое значение и, выражаясь языком М.Фуко, становятся достоянием «археологии знания».

В этот период проблемы языка широко обсуждались и в Испании. Поколение 1898 г. фактически имело свою собственную филологическую программу: 1. Изгнание барочной орнаментальности. 2. Создание естественного языка, адекватного изображаемой реальности. 3. «Функциональное» обогащение языка за счет этимологии или диалектов. 4. Подчинение языка задаче выражения мысли. 5. Использование языка, доступного всем. Естественно, что ведущие испанские писатели не могли остаться безучастными и в отношении тех процессов, которые происходили в этой сфере в модернизме. Один из великих стилистов и блестящих знатоков языка Рамон Валье-Инклан выделил основные характеристики: 1. стремление к риторике; 2. создание искусственного языка ради решения эстетических задач; 3. «музыкальное» обогащение языка, продиктованное стремлением выразить свою индивидуальность; 4. язык чувственный, пластичный, служащий красоте; 5. язык, доступный лишь избранным.³¹

Бережное отношение к «слову», своеобразный культ языка, утонченность стилистического подхода характерен и для «серебряного века» русской культуры. Приведем лишь взгляд одного из его известных представителей Г. Адамовича в рецензии на второй том «Живых лиц» З. Гиппиус. Анализируя литературный стиль В.

³⁰ Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 182.

³¹ Диас-Плаха Г. От Сервантеса до наших дней. М.: Прогресс, 1981. С. 158-159.

Розанова, представленного поэтессой, он писал: «...есть вещи, которые сложнее и тоньше человеческого языка. Не только внутреннее целомудрие, но и стилистическое чутье подсказывает необходимость некоторой сдержанности и даже условности на языке, ставит предел индивидуальной языковой разнузданности. О всех действительно «великих» книгах можно сказать, что в них есть подводное течение. Есть не только слова, но и молчание. В словах не всё уместилось. Отблеск оставшегося за словами заливает всю книгу. Это та «музыка» - высшее качество человеческой мысли, которой не было в Розанове»³²

Естественно, что работы Потребни и многих других русских авторов были недоступны Дарио. Как личность и как поэт он формировался в лоне западной культуры. В цитируемой выше статье Дарио совершенно неожиданно для многих довольно резко прозвучала его критика нескольких ведущих философских школ Европы: «Я не иконоборец, - отмечал он. - Для созидания всегда необходимо время, потерянное в период разрушения. Отрицательной для нас оказалась философия, созданная в Германии, то же самое можно сказать о философиях Англии и Франции. Они появлялись для того, чтобы отнять, а не дать»³³. Думается, что подобная непримиримость связана с некой агрессивностью «нового искусства», присущей практически всем течениям мировой культуры, сменявшим устоявшиеся традиции. Как правило, смена эпох приводила к неизбежному обострению «пограничных» ситуаций.

Модернизм и первые модернисты прошли через полосу психологически сложных периодов разноречивых оценок, непризнания и даже травли. Например, чилийский литературовед Де ла Бара в рецензии на первый сборник стихотворений Р. Дарио «Лазурь» (1888) договорился даже до того, что «поэтика Дарио – это Трактат о глаголе, посланный человеком обезьяне».³⁴ Поэт оказался выше всех кляуз и обид. Река времени унесла их в прошлое, о котором вспоминают порой только историки.

В январе 1918 г. выдающийся итальянский историк Бенедетто Кроче опубликовал свой Манифест о реформе истории искусства. В разделе «Предположения и пояснения», он вспомнил о том, как в 1901 г. в гости к Л.Толстому приехал французский литературный критик и в традиционной форме стал рассуждать об эволюции ро-

³² Гиппиус З.Н. Pro et contra. С.596.

³³ Darío R. Poesía. P. 351 – 352.

³⁴ Estudios sobre Rubén Darío. P.237.

мана. Прервав его, классик в категоричной форме сказал: «Что Вы хотите доказать, вспоминая о том, что Стендаль сказал Бальзаку, а Бальзак Флоберу. Гении не появляются таким образом. Они независимы»³⁵ Величие Р. Дарио было признано всей мировой культурой. Вызывает восхищения тот факт, что, по меньшей мере, шесть стран считают его своим национальным поэтом (Никарагуа, Сальвадор, Гватемала, Коста-Рика, Чили, Аргентина). В каждой из них он подолгу жил и оказал большое влияние на развитие их литератур.

В литературной критике сложился несколько идеализированный портрет Дарио В этой связи не могу не привести характеристики никарагуанского поэта, сделанные гватемальским поэтом и литературным критиком Рафаэлем Аревало Мартинесом, младшим современником Дарио (на 17 лет моложе), склонным к исследованию психологических пружин творчества. В своей статье «Зови его Рубен, обласканный божественным озарением» Аревало Мартинес представил мировому читателю весьма далекий от традиционного портрет поэта. «Рубен Дарио, - писал критик, - был последним великим поэтом античного стиля, точнее сказать, поэтом, одержимым своим искусством, который в отличие от большинства людей, не жил в нашей реальности, а жил в строфе, однако не стремился к жизни, такой же чистой и ясной, какой она сверкает в его стихах... Рубен шел по жизни как человек, страдающий сомнамбулизмом, ослепленный сном и алкоголем, напевая загадочные слова, которые могли быть или бессвязной вязью, или каким-то посланием. При этом он не пытался выяснить, идут ли за ним след в след те же самые розы и ирисы, о которых он пел в стихах... Он заставлял страдать и сам страдал. Три внебрачных женщины оплакивали свое расставание с ним. Он льстил тиранам своей бедной Америки, брал деньги, откуда бы они не исходили, но при этом никогда не предавал друга...». Глубоко прочувствовавший жизнь и творчество поэта Хуан Рамон Хименес писал: «Рубена Дарио всегда штормило, несло волнами, любовью, хмелем. Он не знал, что делать со своей шляпой, перчатками, смокингом и уж подавно с маской дипломата».³⁶ Еще один образ почти «безупречного» Дарио принадлежит хорошо знавшему его мексиканскому поту Амадо

³⁵ Reyes A. Entre libros. 1912 – 1923. México: El Colegio de México, 1948. P. 98.

³⁶ Хименес Х.Р. Испанцы трех миров. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008. С.434.

Нерво (1970 – 1919): «Он ребенок, ребенок - эгоист или ребенок - нежность, капризный или серьезный, ревнивый в своих ласках, обидчивый как фиалка, способный вследствие этого чувствовать все оттенки слова, жеста, действия. Великий нервный ребенок... Однажды этот талантливый поэт сказал мне: «Что касается моих желаний, то я хотел бы быть топазом, великим топазом и чтобы солнце пронизывало меня со всех сторон, блестело бы на всех моих гранях. Я не хотел бы быть ничем другим кроме топаза».³⁷

Главной проблемой, осложнявшей жизнь Рубена Дарио, на взгляд Аревало Мартинеса, был, по его словам, «закоренелый алкоголизм». Дарио фактически повторил путь Верлена и может быть причислен к категории «проклятых поэтов». Сравнивая никарагуанского классика с другими великими писателями и поэтами, Аревало Мартинес отмечал, что Рубен был также богат и известен, как Гете; имел таких же высоких покровителей, как Гюго; одна из его женщин была столь же влюблена в него и образована как, жена Достоевского, и всё это превращалось в бесчестье, в некие руины, в больничную палату, дом призрения, тюрьму. «Поэт, - продолжал критик, - вследствие именно этого своего предназначения как бы был предопределен к тому, чтобы оказаться в любой пропасти и во всевозможных безобразиях. С одной стороны, он постоянно слышал голос внутреннего демона, нашептывающего ему стихи, а с другой – коварные подстрекательства. Немногие способны бороться с ними. Гёте с Достоевским сумели сделать это. У Рубена Дарио не хватило силы воли».

Обобщив все эти рассуждения и оценки, Альваро Мартинес ставит самый убийственный для Рубена Дарио вопрос: кто же он – Великий дегенерат или Рубен, обласканный божественным озарением? Ответ отражен в самом названии статьи. Естественно что в ней имеют место, образно говоря, как «черная», так и «розовая» легенда, причем, розовая тональность явно превалирует. «Рубен был «эстетом, влюбленным в Красоту» (определение самого Дарио) , а также – денди, беспокоившимся об Элегантности. Поэтому он и стал великим поэтом... Эстетическая озабоченность во имя парижской утонченности без сомнения подавили в нем и унаследованную от индейских корней силу воображения, и страсть. Дарио, за исключением отдельных моментов, в основном был салонным поэтом, но в целом скорее - странствующим певцом».³⁸ По-

³⁷ Las máscaras de la Revista moderna. México: FCE, México, 1968. P. 142.

³⁸ Cansinos Assens R. Verde y dorado de las letras americanas. Madrid: Crisol,

следняя часть этой характеристики, безусловно, более объективно отражает творчество великого поэта.

Свой вклад в развитие модернизма в Латинской Америке в исследуемый период внесли также Хосе Энрике Родо, Хосе Асунсьон Сильва (1865 – 1896) и кубинский поэт Хулиан дель Касаль (1863 – 1893).

Уругвайский писатель Хосе Энрике Родо (1871 —1917) был университетским профессором, директором Национальной библиотеки, членом парламента, и лишь немногим более 20 лет занимался литературным творчеством. В 1895 г. в «Национальном журнале литературы и общественных наук» появились его первые публикации, а через пять лет молодой писатель оказался вдруг на вершине литературной славы. Столь неожиданный взлет был вызван появлением сравнительно небольшой по объему работы под названием «Ариэль», сразу же ставшей, как писали тогда, своеобразным «Евангелием латиноамериканской молодежи».

В этом произведении Родо использовал имена персонажей из шекспировской «Бури», Ариэля и Калибана, под которыми представлены в его произведении соответственно Латинская Америка и США. При этом Ариэль - носитель моральных и эстетических ценностей, а Калибан — олицетворение эгоизма и практицизма. Главная идея всего труда Э.Родо — призыв к борьбе против угрозы «янкизации» Латинской Америки и прогнозирование возможной потери латиноамериканцами своей национальной идентичности. Писатель одним из первых в Латинской Америке выступил против превращения их стран не только в экономические, но и в духовные колонии США. В какой-то степени этот труд также можно отнести к трансцендентальному модерну.

Общим в биографиях Хосе Асунсьона Сильвы и Хулиана дель Касаля помимо увлечения поэзией было и то, что они простились с жизнью на взлете. Первый покончил с собой в тридцать один, второй из-за слабого здоровья не сумел дотянуть двух недель до своего тридцатилетия.

Хуан Рамон Хименес написал блестящий очерк о Хосе Асунсьоне Сильве, небольшой фрагмент которого расскажет читателю значительно больше, чем многостраничное исследование: «Хочется представить Хосе Асунсьона Сильву нагим с «Ноктюр-

ном»³⁹, с его вторым «Ноктюрном», вторым и единственным. Не надо других стихов, ни другого портрета, ни другой биографии, и пусть огнем горят обноски его декадентской жизни, путанные строки, шелковые будуары, бестолковые застолья, слепящие казино, весь этот провинциальный дендизм, пустой и потешный, которым бедный Хосе Асунсьон лакировал свою потаенную душу, чтобы ужасать или уязвлять колумбийских обывателей, в разной мере терпимых и нетерпимых, посреди равнодушной и неповинной в этом равнодушии Боготы». ⁴⁰Видимо, эти бестолковые застолья и провинциальный дендизм, в конечном итоге и заставили Хосе Асунсьона Сильву наложить на себя руки.

Страх перед жизнью из-за постоянного ожидания смерти – основа всех повседневных раздумий Касаля, с раннего детства знавшего о своем фатальном недуге. Он постоянно чувствовал противостояние счастливого своими физическими условиями окружающего мира и его обреченного «я». В конце XVIII – начале XIX вв. Шатобриан основал поэтическое направление – «поэзия мировой скорби». Хосе Асунсьон Сильва и Хулиан дель Касаль, обнажив до предела свой минор, фактически положили начало в латиноамериканском модернизме направления, окрашенного в некую неизбежность личного страха, беспокойства, крушения всех надежд, иллюзорности всего сущего.

Однако в целом латиноамериканский модернизм обретал свой собственный облик, в основе которого лежала многовековое искусство, отличавшееся оригинальностью и созерцательностью древних индейских цивилизаций, естественным от природы весельем африканского музыкально-поэтического фольклора и утонченным восприятием жизни генетически связанных с Европой креольских авторов.

³⁹ Ноктюрн - одно из самых ярких стихотворений Х.А.Сильвы, написанное в 1889 г.

⁴⁰ Хименес Х.Р. Испанцы трех миров. С.436 -437.

А.А. Щелчков¹
A.A. Schelchkov

В поисках альтернативной государственной модели: «военные социалисты» в Боливии в 30-е годы XX века².

**The alternative model of state structure:
military-socialist in Bolivia en 1930th.**

Аннотация: В Боливии после поражения в войне с Парагваем к власти в 1936 г. пришли националистически настроенные военные в союзе с социалистами. Был провозглашён режим «государственного социализма», как альтернатива либеральной демократии, приведшей страну к геополитической и социальной катастрофе. Военные-социалисты одну из главных задач видели трансформацию политической и социальной структуры Боливии, создание новой модели государства. Политической борьбе и дискуссиям о новом государственном устройстве в период правления военных-социалистов посвящена данная статья.

Ключевые слова: «Государственный социализм», фашизм, национализм, функциональная демократия, Херман Буш, Давид Торо, Боливия.

Abstract: After the defeat in Chaco War the nationalist military in alliance with socialists came to power in Bolivia in 1936. They established the regime of the “state socialism” as an alternative to the liberal democracy, a discredited system responsible for the geopolitical and social disaster in Bolivia. The socialist military were trying to change political and social structures and create a new type of state in the country. This article focuses on the political struggle and debates about the new state during the rule of the socialist military.

Keyword: “State Socialism”, fascism, nationalism, functional democracy, German Busch, David Toro, Bolivia.

¹ Андрей Аркадьевич Щелчков, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Andrey A. Schelchkov, researcher of the Institute of Global History. sch2000@mail.ru

² данная статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №12-01-00-271а

В истории Боливии было немало периодов, когда остро вставал вопрос о необходимости кардинального изменения политического устройства страны, когда общественные силы находились в поиске альтернативной государственной системы, которая могла бы стать спасительным средством для страны переживавшей глубокий социально-политический кризис, свидетельствующий о неэффективности и пагубности сохранения старой государственной модели. Так было совсем недавно, в середине 2000-х годов, когда к власти пришла коалиция сил во главе с Эво Моралесом, целью которой было радикальное реформирование государства и общества, поиск альтернативного нелиберальному пути развития. В середине XX века в результате народной революции 1952 г. страна также стояла перед задачей национального обновления и нового основания республики. Эта революция была кульминацией процессов, начавшихся с поражения Боливии в войне с Парагваем (1932 – 1935), знаменовавших органический кризис «либерально-демократического» государства креольского меньшинства, сформировавшегося в течение столетнего существования независимой республики Боливии, системы, исключавшей из общественно-политической жизни страны большинство её населения, плебейские массы городов и индейцев-крестьян. Все недостатки и дисфункциональные черты старой системы в полной мере стали очевидны в ходе катастрофической для Боливии Чакской войны. Кризис этой системы заставил боливийскую элиту задуматься над обновлением государственного устройства.

Данная статья посвящена поискам новой государственной модели военными-социалистами в Боливии сразу после их прихода к власти, когда на волне радикализации общественной жизни, революционных настроений рабочего движения военные обратились к опыту тоталитарных режимов в Европе, советского строя, Мексиканской революции.

Одной из главных особенностей послевоенного кризиса было формирование новых, в основном антиолигархических партий. В период войны в левом студенческом движении произошло политическое размежевание: от марксистов отошли те, кто перешел на позиции национал-реформизма, индоамериканизма, ставшего модной политической доктриной благодаря активной пропагандисткой

работе перуанской АПРА³. Сторонники апризма, бывшие левые студенты и марксисты Х. Суасо Куэнка, Л. Итурральде Чинель, В. Гевара Арсе и Э. Силес Суасо, — в будущем видные государственные деятели и идеологи боливийского национал-реформизма, — в июле 1935 г. основали полуподпольную группу «Бета Гамма», аббревиатура которой означала заглавные буквы испанских слов «Bolivia Grande» — Великая Боливия. «Бета Гамма» пошла на тесный союз с рабочим движением. Целью этой группы объявлялось создание социалистического государства в Боливии, в котором будут достигнуты взаимодействие рабочего класса, крестьянства и средних слоев.⁴

С окончанием военных действий Националистическая партия 20-х годов, уничтоженная в период правления Д. Саламанки в начале 30-х, возобновила свою деятельность. На съезде в октябре 1935 г. партия, желая подчеркнуть антилиберальную направленность, приняла название «Социалистической ячейки».⁵ Другие бывшие члены Националистической партии, ветераны войны в Чако образовывали небольшие политические группы, неизменно именовавшиеся социалистическими. Самыми крупными были Социалистическая партия Энрике Бальдивьесо и «Национальная ассоциация ветеранов социалистов – АНДЕС»⁶. Эти социалистические группы, ряд студенческих и профсоюзных организаций объединились в Социалистическую конфедерацию (КС), принявшую в декабре 1935 г. программу «Социалистического действия». Социалисты выдвигали требования «постепенной национализации рудников, нефти, железных дорог и банков», ставили вопрос о необходимости раздела латифундий и просвещения индейцев⁷. Политической целью социалистов было единение нации во имя исторического прорыва, выхода из порочного круга зависимости и отста-

³ Об идейно-политической борьбе в эти годы в Боливии см: Щелчков А.А. «Идейная революция» в Боливии с 20 – 30-е годы XX в.// Латиноамериканский исторический альманах. – №1. – 2000. – С.158 – 187.

⁴ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. – La Paz: Juventud, 1987. – vol.6. – P. 1808 – 1809.

⁵ El Diario. La Paz. 08.10.1935.

⁶ По-испански означает Анды, а также аббревиатуру «Национальной ассоциации социалистов-ветеранов войны» (Asociación nacional de ex-combatientes socialistas).

⁷ Lorini I. El movimiento socialista “embrionario” en Bolivia, 1920 - 1939: entre nuevas ideas y residuos de la sociedad tradicional. – La Paz: Los amigos del libro, 1994. – P. 204.

лости.

В основу политической платформы социалистов были положены национализм и антилиберализм. Символом чужеземного влияния была горнорудная олигархия, давно потерявшая какие-либо связи со своей страной. Поражение в войне усилило националистические чувства молодых политиков. Политическим выражением правления олигархии был либерализм, ответственный, в глазах социалистов, за крах экономической системы и за все поражения Боливии. Программа социалистов предлагала реформу государственного устройства, в основе которой лежали принципы «прогрессивной функциональной демократии», способной ликвидировать классовую борьбу во имя общенациональных интересов.⁸ На её авторов большое влияние оказали корпоративные идеи итальянского фашизма, а также более близкий им опыт «Социалистической республики» в Чили 1932 г. Под антиолигархическими и антилиберальными знаменами им удалось объединить самые пёстрые политические организации — от марксистов и сторонников индо-американизма перуанской АПРА до право-радикальных деятелей, симпатизировавших фашизму.

В январе 1936 г. «Бета Гамма» объявила о присоединении к КС, и был назначен объединительный съезд, на котором в марте 1936 г. была создана единая Социалистическая партия (ПС). Несмотря на то, что новая партия была малочисленна и организационно слаба, она имела большой вес в реальной политике, так как представляла собой собрание влиятельных в обществе деятелей, журналистов, писателей, профсоюзных и студенческих лидеров. Социалисты стремились объединить все антиолигархические политические и профсоюзные группы.

В январе 1936 г. социалисты и марксистская группа «Блок Авансе» провели в Оруро Первый конгресс всех левых сил. На конгрессе был сформирован Единый революционный фронт (ФУР). В принятой на этом съезде программе нашли развитие основные положения документов Соцпартии. ФУР предлагал ввести всеобщую синдикализацию, осуществить политическую реформу с целью создания профсоюзного государства, провести социализацию промышленности, аграрную реформу, коллективизацию зем-

⁸ Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ). Ф. 495, оп. 122, д. 4. л. 12.

ли и прочие меры революционного характера.⁹

Свою модель демократии социалисты называли «функциональной»: по их мнению, в управлении страной должны были участвовать только «производящие классы», организованные на принципах корпоративизма. Социалисты считали, что в будущем государстве интересы личности должны быть преодолены во имя величия нации. Национальный эгоизм, абсолютизация и даже преклонение перед идеей государства, отрицание принципов демократии и либерализма как исчерпавших себя, политический волюнтаризм — вот основные постулаты социалистов. В будущем все эти идеи составят основу идеологии «революционного национализма», боливийского варианта национал-реформизма.

За годы Чакоской войны в офицерском составе армии произошли существенные изменения. Широкое распространение среди военных получили антидемократические, авторитарные идеи переустройства страны. Исчезла вера в способность гражданских политиков эффективно управлять страной. В июле — августе 1935 г. военные стали возвращаться из Чако в города, прежде всего в Ла-Пас. Военным казалось, что они лучше гражданских политиков понимали национальные интересы страны. Среди офицерства, еще недавно консервативного института, распространились леворадикальные идеи. Любопытен, например, сюжет, рассказанный в своих мемуарах рабочим лидером Вальдо Альваресом. Он был знаком с полковником Варгасом, который с началом военных действий в Чако с университетской скамьи был призван в армию. За годы войны в Чако дослужился до звания полковника, при этом сохранил свои левые убеждения студенческих лет. Встретившись с ним в 1936 г., Альварес с большим удивлением выслушал от него большую лекцию по марксистской политэкономии. Альварес отмечал, что многие офицеры до войны были студентами, часто с левым, марксистским прошлым¹⁰.

Офицерство ориентировалось на ветеранские организации, на своих неформальных лидеров, «героев» войны в Чако. В сентябре 1935 г. был создан Легион ветеранов (ЛЕК), объединивший в своих рядах практически всех демобилизованных солдат и офицеров. Первоначально ЛЕК планировался как объединение по социальной защите военнослужащих и ветеранов, но очень быстро превратился во

⁹ Delgado González T. 100 años de lucha obrera en Bolivia. — La Paz: Isla, 1984. — P. 95 — 97.

¹⁰ Álvarez W. Memorias del primer ministro obrero: Historia del movimiento sindical y político boliviano, 1916-1952. — La Paz: Renovación, 1986. — P. 91.

влиятельную политическую организацию. В руководстве ЛЕК преобладали националистически настроенные люди, близкие к социалистам. ЛЕК превратился в массовую опору социалистов, которые все ещё были хоть и влиятельной, но малочисленной группой. К 1936 г. оформился союз военных-националистов и социалистов.

Военно-социалистический переворот 17 мая 1937 г.

Послевоенный политический кризис достиг своего апогея в мае 1936 г. 15 мая 1936 г. профсоюзы, заручившись поддержкой военных и социалистов, объявили всеобщую забастовку с экономическими и политическими требованиями. 16 мая президент Х.Л.Техада Сорсано издал декрет о введении военного положения в государственных учреждениях, объявил о мобилизации всех служащих. Президент обратился в Генштаб, к подполковнику Херману Бушу¹¹ с просьбой восстановить общественный порядок силой армии. В ответ по приказу Буша в три часа ночи два офицера прибыли к дому Техады Сорсано и объявили ему, что он арестован, потребовав подписать заявление об отставке и передаче власти революционной хунте.

17 мая 1936 г., говоря о целях и задачах нового правительства, Буш заявил, что речь идет о создании принципиально нового общественного и политического строя в стране. Было объявлено об установлении режима «государственного социализма». Буш заявлял: «Мы ориентируем нацию на государственный социализм, умеренный и постепенный. Мы отвергаем восстания и заговоры. Наша цель — установить в Боливии режим социальной справедливости»¹². Народ в Боливии окрестил этот режим «военным социализмом», ибо идея его была ясна: социализм будет предложен не обществом, а самим государством, то есть в данном случае военным правительством.

Заявляя о своей поддержке военных, профсоюзы вывели рабочих на улицы. 18 мая прошла мощная рабочая манифестация, во время которой рабочие захватили здание муниципалитета Ла-Паса, водрузив на нем красное знамя. Мэрия города была объявлена

¹¹ Буш (его немецкую фамилию Busch в Боливии произносят как Бусч) был самым популярным в народе и армии военачальником. Его геройская контратака на парагвайцев у Камири сделала его в глазах народа «спасителем» страны.

¹² Цит. по Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. – P. 1749.

«Народным домом», был принят акт о создании «Функционального совета коммуны Ла-Паса».

Захват муниципалитета профсоюзами должен был свидетельствовать о падении не только правительства Техады Сорсано, но и всего старого республиканского строя. Новый политический режим не предполагал возвращения в будущем к предшествовавшему конституционному строю, поэтому захват муниципалитета столицы рабочими вызвал одобрение военных, рассчитывавших превратить профсоюзы в одну из опор режима «государственного социализма». События в столице дали толчок к захвату левыми власти на местах. В Потоси фактическими хозяевами города стали прокоммунистический Народный фронт и местный Легион ветеранов, который также возглавляли марксисты А.Арратия и А.Вильяльпандо¹³.

Военно-социалистическое правительство возглавил Давид Торо, которому передал власть Буш. 23 мая 1936 г. Торо заявил, что страна нуждается в обновлении и в создании новой модели обществом. По его словам, предстояло провести реформы, которые позволили бы сориентировать экономику на «социалистические стандарты». Поясняя заявление Торо, назначенный на пост министра иностранных дел лидер социалистов Бальдивьесо утверждал, что главная цель переворота – это свержение либерального режима, и ещё не идёт речь «о полном социализме, так как страна ещё нуждается в иностранном капитале».¹⁴ Военные-социалисты предлагали строить такую общественную систему, при которой государство брало бы на себя заботу о благосостоянии трудящихся классов, принимало ответственность за стабильное развитие экономики, гарантировало социальную защиту, здравоохранение и просвещение.

26 мая Хунта опубликовала «Программу минимум» из 52 пунктов. Авторство программы принадлежало Энрике Бальдивьесо, что отразилось в усилении звучания социалистических принципов. Одним из пунктов программы была реформа государственного и общественного устройства страны. Было заявлено о необходимости реформы государства на «социалистических принципах», то есть о создании новой системы власти, которая заменила бы парламентскую демократию. Основой реформы должна была стать

¹³ Письмо ЛЕК – Д.Торо от 16 марта 1937 г. – Archivo Nacional de Bolivia (ANB). PG. 1937. C.13. T.152. (PG7211).

¹⁴ El Diario. 24.05.1936.

обязательная синдикализация и огосударствление профсоюзов.¹⁵ Особенно подчеркивалась новая роль профсоюзов как основы всей политической системы. Суть программы можно свести к формуле: всемерное усиление государства.

Впервые находящиеся у власти политики, говоря о национальных интересах, указали на их противостояние «эгоистическим интересам частных групп самих же боливийцев», была обозначена противоположность интересов нации и олигархии. В своем первом после переворота обращении к нации Х.Буш заявил: «Мы видим огромное неравенство между теми, кто тысячами отдавал свои жизни на пустынных просторах Чако, и теми, кто составляют, по словам одного журналиста, «привилегированную касту», но мы видим также, что сейчас рождается новое мышление новой Боливии»¹⁶. Главный идеологический тезис нового режима состоял в «укреплении государства», его освобождении от олигархии. Именно государство, свободное от эгоистических интересов отдельных групп и классов, представляло собой ту самоценность, ради которой все боливийцы должны были пожертвовать своими частными интересами и правами.

Ставший идеологом режима, лидер социалистов Энрике Бальдивьесо утверждал, что Боливия не готова к полному социализму, и поэтому вводит свою модель «государственного социализма». Стратегическая цель нового режима – это социальная справедливость, диверсификация и индустриализация народного хозяйства страны¹⁷. На первой пресс-конференции в президентском дворце 21 мая 1936 г. Давид Торо заявил: «Идеология армии не отличается от взглядов левых партий. Армия желает создать правительство социальной справедливости, режим, который положит конец старым методам и старой политической системе. Наша задача – это развитие социалистического действия, это государственный социализм, который мы осуществим совместно с левыми партиями»¹⁸. В своей редакционной статье 4 октября 1936 г. ставшая рупором режима газета «La Calle» определяла будущее социалистическое общество в Боливии как «организацию, сочетающую рациональность и коллективистскую мораль», на пути к которому главным

¹⁵ Klein H S. German Busch and the Era of “Military Socialist” in Bolivia // *Hispanic American Historical Review*. – 1965. – vol.47, No.2. – P.37.

¹⁶ Boullón Barreto G. *Bolivia República Socialista*. – La Paz:, 1936. – P.16.

¹⁷ *La Razón*. La Paz. 24.05.1936.

¹⁸ Boullón Barreto G. *Bolivia República Socialista*. – P.28.

организующим орудием будет государство¹⁹.

Для военных-социалистов экономической моделью развития Боливии был некий «прогрессивный капитализм», при котором государству отводилась активная роль в хозяйствовании. В своем докладе хунте Д.Торо, излагая принципы нового экономического строя, утверждал: «Государственный социализм основывается на принципах государства-предпринимателя, государства, которое возьмет на себя осуществление той деятельности, которая в руках частного предпринимателя не выполняла свою социальную функцию»²⁰. В этой формуле государство было единственным возможным орудием гармонизации развития народного хозяйства страны. Государство должно было исправить историческую несправедливость и вернуть народу, узурпированные олигархией богатства и власть. Проправительственная «La Calle» на своих страницах утверждала, что на данном этапе в Боливии следует строить государственный капитализм, который является лишь первым этапом социалистической организации общества²¹.

Примиричь частнособственнические принципы «прогрессивного капитализма» с общественной природой социализма был призван принцип «социальной функции частной собственности». Идеологи режима были убеждены, что необходимо «подчинить производство целям общества, ибо в рамках социалистического государства всякая частная собственность должна выполнять свою социальную функцию».²² «Социальная функция» стала основополагающим принципом экономической политики и даже конституционного устройства. И здесь боливийские военные-социалисты не были первопроходцами. Эта модная к этому времени теория, ограничивающая неприкосновенность частной собственности выполнением ею своей социальной функции, определяемой её полезностью обществу (читай государству), была очень популярна в те годы во многих странах Латинской Америки. Те же идеи шли из Мексики, где активно развивался государственный сектор и много

¹⁹ La Calle. La Paz. 04.10.1936.

²⁰ Gallego Margaleff, F.J. Los orígenes del reformismo militar en América Latina: la gestión de David Toro en Bolivia. – Barcelona: PPU, 1991. – P.138.

²¹ La Calle. La Paz. 01.12.1936.

²² План организации министерства труда от 15 июня 1936 г. – ANB. PG. 1936. С.12. Т.127. (PG7250).

говорили о социализме²³.

Главным объектом критики идеологов режима была демократия. В мае 1936 г. при вступлении в должность министра иностранных дел Бальдивьесо заявлял: «Либеральная демократия – это выражение капитализма на службе меньшинства». Боливия, – считал он, – нуждалась не в зависимом старом либеральном, а в «плодотворном и производительном прогрессивном капитализме». Путь к нему лежит через «эволюционную социальную реформу при преобладании государственной собственности и ограничении экономической и политической власти горнорудной олигархии»²⁴. Политической составляющей реформы должна была стать так называемая функциональная демократия, предполагавшая отказ от классической системы парламентского представительства и замену её корпоративным строем при ограничении основных прав и свобод принципом национальной целесообразности.

Индивидуализму и эгоизму «демолиберализма» противопоставлялось единение передовых элементов нации, «генераторов её жизненной энергии» – рабочего класса и капитала. Их объединение, считали идеологи режима, может осуществить лишь государство, приоритетом в политике которого будет общее благо нации, даже в ущерб интересам этих классов и при ограничении свободы личности. В программном документе Национального департамента пропаганды «Доктрине государственного социализма»: «Государственный социализм – это призыв к эффективной солидарности активных членов общества, это установление царства закона, защищающего труд»²⁵. Там же указывалось, что долг каждого гражданина – посвятить себя государству во имя величия нации.

Большое влияние на идеологию «государственного социализма» оказали итальянский фашизм и германский национал-социализм, провозглашавшие приоритет нации над интересами личности и классов. Многие деятели режима, особенно военные, с

²³ О мексиканском национал-реформизме см. Шишков А.С. Институционно-революционная партия Мексики: история возникновения и перспективы. // Латиноамериканский исторический альманах. – №12 – 2012 – С. 168 – 186.

²⁴ Klein, H S. David Toro and the Establishment of “Military Socialist” in Bolivia // *Hispanic American Historical Review*. – 1972. – vol.14, No.1. – P.36.

²⁵ Secretaria de Relaciones Exteriores (далее - SRE).México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31 – 25 – 3.

большой симпатией относились к национал-социализму Гитлера. Министр обороны Оскар Москосо заявлял, что при реформировании государства следует руководствоваться национал-социалистической доктриной. В октябре 1936 г. он создал Национал-социалистический легион ветеранов Чако.²⁶ Эта организация оказывала серьезное влияние на политическую линию режима.

Не только военные открыто выражали свои симпатии фашизму, но и члены Социалистической партии, политики, группировавшиеся вокруг газеты «La Calle», основанной 23 июня 1936 г. 23 октября 1936 г. подполковник Гильермо Вискаarra опубликовал в «La Calle» редакционную статью «Наш боливийский национал-социалистический путь», в которой прославлял политический строй Германии и Италии. Он утверждал, что национал-социалистическая система – «это единственный режим правления, который дает гарантии прогресса и общественного благосостояния»²⁷. В марте 1937 г. мексиканский посол пригласил для беседы видных деятелей режима Х.Пас Камперо, Ф.Камперо Альвареса, Э.Финота, которые постарались изложить ему принципы «государственного социализма». Они заявляли, что демолиберализм изжил себя, а боливийский режим движется в том же направлении, что и национал-социализм в Германии и фашизм в Италии.²⁸

Частная инициатива противопоставлялась государственному капитализму, мировой рынок со свободным обращением товаров и капиталов – национально регулируемой экономике и даже автаркии с ориентацией лишь на внутренние потребности страны, либеральная демократия со свойственными ей индивидуализмом и частно-эгоистическими интересами – коллективизму, подчинению личности высшим целям государства, нации. По мнению военных-социалистов, либеральная демократия не смогла обеспечить условия для экономического развития и социального прогресса. Они были готовы предложить иную систему власти, где различные политические и социальные группы подчиняли бы свои устремления единой цели, определяемой государством, а гражданское общество полностью растворялось бы в государстве, подчинялось ему.

Многие положения идеологии «государственного социализма»

²⁶ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1936. Informe de 8 de octubre de 1936. 27 – 29 – 13, f.30.

²⁷ La Calle. 23.10.1936.

²⁸ SRE. México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1937. Informe de 30 de mayo de 1937. 31 – 25 – 3.

впоследствии были восприняты национал-реформизмом. Наряду с очевидной преемственностью идейной базы, да и политической практики, у военных-социалистов и национал-реформистов существовали несколько серьезных отличий, позволяющих делать вывод о более радикальном противостоянии «государственного социализма» либеральной демократии и всей капиталистической системе. Самоназвание режима как социалистическое было не только данью моде, но и убеждением его создателей, что он призван заменить дискредитировавший себя демолиберальный строй, да и сам капитализм. В этом антирыночном, антикапиталистическом порыве слились в одно целое как левые, так и правые, профашистского толка, силы. Сильный антикапиталистический элемент «государственного социализма» придавал ему более радикальное и антисистемное звучание.

Политическая реформа

Придя к власти путем переворота, военные отнюдь не стремились к легитимации режима на основе действовавших до этого конституционных принципов. Военные-социалисты поставили задачу создать свою собственную корпоративную политическую систему. Они заявили о своем намерении созвать Учредительное собрание, которое, основываясь на «социалистических» принципах, разработает новую конституцию страны.

Декретом от 14 августа 1936 г. Торо отменил выборы мэров, которых отныне назначало центральное правительство, а муниципальные собрания впредь должны были не избираться населением, а назначаться пропорционально Торговой палатой, Промышленной палатой, Коллегией адвокатов, профсоюзами медиков, инженеров, обществом сельских собственников и Рабочей федерацией²⁹. Эти меры в целом укрепили вертикаль исполнительной власти. Сильное государство являлось для военных главной целью всей политической реформы.

Политическая реформа должна была полностью изменить представительную систему, ликвидировать парламентскую демократию. На место принципа выборности всех властей приходила авторитарная корпоративная система. Не личность, не гражданин объявлялись основой «функциональной демократии», а некие народные классы и профессиональные группы. Исходя из этих

²⁹ El Diario. 25.10.1936.

предпосылок, Давид Торо, не одобряя экстремизма некоторых своих единомышленников и не являясь ярким приверженцем новомодных режимов Муссолини и Гитлера, предложил компромиссный вариант структуры представительной власти. По его идее, как Учредительное собрание, так и будущий парламент должны будут формироваться одновременно на основе обычных выборов, как было ранее, и из делегатов профсоюзов. Здесь следует оговориться, что речь шла исключительно о тех профсоюзах, которые создавались властью на корпоративных началах.

Антилиберализм и логика антирыночной, этатистской политики делали рабочее движение естественным союзником режима, а также предлагали такое реформирование государственно-политического устройства, которое превращало профсоюзы в основу функционирования новой системы власти. Хунта разработала и опубликовала декреты об обязательной синдикализации и всеобщей трудовой повинности. Объясняя причины появления этих декретов, Торо заявил в интервью газете «La Razón» следующее: «Необходимо реорганизовать государство на новом фундаменте... Думаю, что функциональные профсоюзы, хорошо организованные и контролируемые государством, смогут стать вспомогательным фактором обновления нашей социально-политической системы. Парламент должен действовать на основе двойного представительства»³⁰.

Декрет о трудовой повинности был предложен министерством труда и подписан Торо 6 июля 1936 г. По новому декрету Боливия провозглашалась «республикой трудящихся», следовательно, все были обязаны работать. Государство получало право принудительно привлекать «на работы» безработных и так называемые «паразитические классы». Всем безработным предлагалось обращаться в специальные департаменты труда и полицию, где из них создавались бригады, направляемые либо на частные предприятия, либо на общественные работы, например, по строительству дорог, на которые привлекались не только безработные, но и те, кто не мог или не хотел платить подорожный налог. Демобилизованным с фронта в Чако солдатам предписывалось устроиться на работу в течение 20 дней.

Все боливийцы должны были обзавестись трудовыми книжками, которые становились важнейшим документом гражданской де-

³⁰ El Diario. 28.08.1936.

еспособности.³¹ Предприниматели должны были сообщать в министерство труда о своих потребностях в рабочей силе, а органы власти были обязаны поставлять соответствующих рабочих и специалистов. За выполнение декрета отвечало новое полицейское подразделение - специальная трудовая инспекция, проводившая регистрацию безработных, формировавшая и направлявшая к месту выполнения повинности «бригады трудящихся в соответствии с запросами горнорудных, торговых, промышленных и прочих предприятий». Полиции предписывалось сопровождать бригады до места назначения. Газеты сообщали о задержании лиц, не имевших трудовой книжки и являвшихся безработными, которых временно арестовывали и содержали под стражей до определения будущего места работы³². В случае бегства «призываемого на трудовую службу» по заявлению работодателя полиция должна была объявлять розыск и принудительно доставлять беглеца на прежнее место, причем стоимость поиска и проезда вычиталась из его будущей зарплаты³³. Особенное рвение в осуществлении декрета о трудовой повинности проявлял Элиас Бельмонте, известный своим восторженным отношением к трудовой организации Третьего рейха³⁴.

Декрет о всеобщей трудовой повинности преследовал две цели. С одной стороны, он был реакцией на жалобы горнопромышленников, испытывавших серьезные трудности с рабочей силой, в то время как города наполнились безработными демобилизованными солдатами. В течение всего года для увеличения экспорта горнорудные компании требовали выполнения декрета о трудовой повинности, отправки на рудники дополнительных рабочих рук³⁵. С другой стороны, декрету придавалась идеологическая и институциональная нагрузка, состоящая в установлении государственного контроля над трудовыми ресурсами и в создании предпосылок тоталитарного управления экономикой. Социалисты отвергали рыночные механизмы регулирования спроса и предложения трудовых ресурсов, противопоставляя им полный контроль государства

³¹ Проект декрета о трудовой повинности. - ANB. PG. 1936. С.12. Т. 127 (PG7250).

³² La Calle. 03.10.1936.

³³ Проект декрета о трудовой повинности. - ANB. PG. 1936. С.12. Т. 127 (PG7250).

³⁴ El Diario. 11.10.1936.

³⁵ El Diario. 29.03.1937.

над занятостью. Вопрос состоял лишь в выполнимости планов социалистов.

Министерство труда было активным проводником положений декрета в жизнь. В конце сентября 1936 г. министерство разослало местным властям новую инструкцию по выполнению декрета. В ней признавалось, что «существует всеобщая убежденность в том, что декрет никто не собирается выполнять». В результате граждане не беспокоились о получении трудовых книжек. Комиссии, отбирающие и сортирующие безработных, должны «в первую очередь удовлетворять потребности в рабочей силе крупных горно-рудных предприятий, разрабатывающих олово, а уж затем мелких и средних». Подчеркивалось, что комиссии и политические органы должны строго выполнять распоряжения министерства и соблюдать букву закона «независимо от лица или социального положения» подлежащих принудительному призыву на работу, в том числе и иностранцев³⁶. Хотя в своих отчетах президенту Вальдо Альварес рапортовал об успехах в реализации декрета³⁷, это новшество осталось лишь на бумаге. Несмотря на грозные инструкции и призывы к органам исполнительной власти, декрет о трудовой повинности так и остался лишь образцом тоталитарного законодательства за исключением показательных акций. У государства не было ни средств, ни возможности обеспечить работой всех безработных.

Поскольку рабочее движение должно было стать основой политической системы, министерство труда приступило к организации новых, подконтрольных государству, профсоюзных структур. Политическим инструментом управления синдикализированным обществом могли стать созданные по инициативе Хосе Антонио Арсе³⁸ (служившего юридическим советником в министерстве труда) АНПОС - Постоянные национальные ассамблеи профсоюзных организаций. Задача Ассамблеи заключалась в контроле за деятельностью министерства труда со стороны рабочих организаций и в подготовке общенационального конгресса, на котором плани-

³⁶ Дополнительные инструкции к декрету о трудовой повинности от 29 сентября 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁷ Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

³⁸ Видный боливийский социолог и политик, популяризатор марксизма в Боливии, в будущем основатель массовой марксистскойлевой революционной партии (ПИР)

ровалось создание единого профцентра. В АНПОС вошли представители всех профсоюзных объединений. В своем циркуляре от 30 июня 1936 г. всем профсоюзным организациям страны В. Альварес писал: «Постоянная связь министерства и Хунты с рабочими организациями необходима для эффективного учета мнений рабочего класса, а также для доведения до сведения трудящихся и их организаций в центре и на местах действий и решений министерства, осуществляемых в интересах трудящихся»³⁹. Министр труда раз в неделю выступал перед собранием рабочих представителей с отчетом о своей деятельности. Через АНПОС до рабочего класса должны были доводиться все инициативы «социалистического правительства».⁴⁰ Желая подчеркнуть институциональное место АНПОС в политической системе «государственного социализма», В. Альварес просил у Д. Торо предоставить в распоряжение новой структуры помещение Сената⁴¹. Разрешение было получено и, к ужасу правых политиков, в Сенате стали заседать рабочие лидеры. Этот жест правительства должен был продемонстрировать торжество новых принципов государственной власти.

Неофициальный статус АНПОС был вскоре изменен декретом Хунты, превратившем их в новый орган власти. Декрет Торо об АНПОС от 4 июля 1936 г. устанавливал схему образования новых профсоюзов. Организованные по цеховому принципу рабочие профсоюзы и объединения предпринимателей формировали общенациональные и местные ассамблеи. На предприятиях создавались комитеты, которые затем объединялись в общенациональные союзы, встраиваемые в единую отраслевую структуру. Руководство АНПОС назначалось министерством труда. АНПОС должна была заменить собой все остальные профсоюзы, став не столько конфедерацией различных отраслевых союзов, сколько своеобразным синдикалистским предпарламентом, который, в свою очередь, делегировал бы своих полномочных делегатов в общенациональный парламент.

Создавая АНПОС, правительство надеялось поставить под контроль министерства труда деятельность и сам процесс организации рабочих профсоюзов. На заседании 23 июля 1936 г. АНПОС, вы-

³⁹ Циркуляр Министерства труда от 30 июня 1936 г. – ANB.PG.1936. C.12. T.127.(PG7250).

⁴⁰ Alvarez E., W. Memorias del primer ministro obrero. – P.105 – 106.

⁴¹ Письмо В.Альвареса - Д.Торо от 1 июля 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12.T.127. (PG7250).

разив поддержку «социалистическому правительству», потребовали от Хунты скорейшего принятия декрета об обязательной синдикализации, при помощи которого рассчитывали организовать всю профсоюзную вертикаль в общенациональном масштабе⁴².

Всеобщая синдикализация, декретированная 19 августа 1936 г., по идее военных-социалистов, была орудием огосударствления профсоюзного движения. Для профсоюзных лидеров создание синдикализованной, а по сути корпоративной представительной власти, свидетельствовало о конце буржуазного государства и о торжестве социалистических принципов. В отчете от 28 декабря 1938 г. министерство труда, подводя итоги своей деятельности, особо подчеркивало значение этого декрета в проведении политической реформы: «Всеобщая и обязательная синдикализация является основой нового режима и новой формой осуществления гражданства в Боливии, что отныне означает признание неотъемлемого права коллектива трудящихся участвовать в решении судеб страны»⁴³. В преамбуле декрета указывалась цель этой широкомасштабной акции: «Обязательная и всеобщая синдикализация должна быть основой нового гражданского режима и одним из основных факторов функционирования избирательной системы». Декрет предписывал: «Все боливийцы, будь то мужчины или женщины, в той или иной мере участвующие в производстве, распределении и пользовании общественным богатством, обязаны объединиться в профсоюзы, деятельность которых должна регулироваться единым профсоюзным уставом». Каждый гражданин получал профсоюзный билет, который, как предполагалось, заменял иные документы дееспособности, необходимые для участия в избирательном процессе. Статья 3 гласила: «Профсоюзы должны контролироваться и быть под постоянной опекой социалистического правительства, они являются частью государственного организма, основой функциональной системы власти»⁴⁴.

Создавались профсоюзы двух типов: работодателей и наемных работников. Закон предусматривал создание смешанных комиссий профсоюзов хозяев и работников для решения спорных вопросов и

⁴² Письмо В.Альвареса - Д.Торо от 25 июля 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T.127. (PG7250).

⁴³ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. – ANB. PG. 1936. C.12. T. 127 (PG7250).

⁴⁴ Antezana L., Romero H. Historia de los sindicatos campesinos. – La Paz: SNRA, 1973. – Anexos. – P.10.

«достижения взаимопонимания труда и капитала, а также для совместных действий по усовершенствованию производства». Министерство труда предписывало каждому профсоюзу, в какую отраслевую или региональную федерацию он должен войти. Федерации призывались провести общенациональный объединительный конгресс трудящихся в ноябре 1936 г., на котором предполагалось образование Национальной конфедерации. Будущий съезд должен был, согласно декрету, принять предложенный министерством труда профсоюзный устав, который виделся главной нормативной базой трудовых отношений. Эта система была направлена на установление всеобщего государственного контроля над профсоюзами.

Декрет вызвал большие трения внутри правительства; были предложены два проекта декрета и профсоюзного устава. Они исходили из противоположных концепций общественного устройства и места в нем профсоюзов. Авторство первого принадлежало министерству труда, а конкретно марксистам Х.А.Арсе и Р.Анае. Левые настаивали на скорейшем принятии профсоюзного устава в их редакции. От содержания Профсоюзного устава зависел вектор развития отношений профсоюзов и государства. Министр труда В.Альварес и его сподвижники из левого социалистического движения сразу же принялись за его разработку. Об успешном завершении этой работы министерство труда отчиталось правительству уже в декабре 1936 г.⁴⁵ Несколько иное содержание обрела идея обязательной синдикализации в интерпретации министра внутренних дел подполковника Хулио Виера, который видел в этом акте шаг на пути строительства корпоративного государства. Его идеалом был итальянский фашизм. Дискуссия вокруг этого вопроса длилась вплоть до ухода В.Альвареса из правительства в конце 1936 г.

Профсоюзные круги с одобрением восприняли декрет о синдикализации. Левые считали, что при «социалистическом» режиме будут реализованы анархо-синдикалистские представления о месте профсоюзов в революции и в будущем общественном устройстве. Согласно сентябрьскому 1936 г. отчету министерства труда, в среднем в месяц выдавалось около 3 тысяч профсоюзных билетов. В течение первого месяца действия декрета министерство регистрировало примерно 12 профсоюзов в неделю, что свидетельствовало о серьезной организационной работе, предпринятой левым

⁴⁵ Отчет министерства труда за второе полугодие 1936 г. - ANB. PG. 1936. С.12. T.127 (PG7250).

руководством министерства труда.⁴⁶

Провозглашавшиеся военными-социалистами доктринальные цели создания «функциональной демократии» обретали реальные черты именно посредством всеобщей синдикализации. Превращение профсоюзов в органы власти содержало сильную антибуржуазную, антисистемную тенденцию, опасность которой сразу же осознали как умеренная часть военных, так и консервативные круги страны, сделавшие все для того, чтобы эти декреты остались лишь декларацией намерений.

Для осуществления широкомасштабной политической реформы Хунта сформировала 1 октября 1936 г. комиссию по выработке новой конституции под руководством «социалиста» Висенте Мендосы Лопеса. В нее вошли не только сторонники «государственного социализма», но и представители традиционных политических сил, не разделявшие новаторские идеи государственного устройства. В ноябре 1936 г. Д. Торо заявил, что Учредительное собрание будет созвано в соответствии с новыми политическими принципами, то есть половина депутатов от профсоюзов, половина – посредством всеобщих выборов⁴⁷. Появились предложения отложить на несколько лет созыв Учредительное собрание, а разработать временный Статут на ближайшие 4 - 5 лет, ибо новые принципы жизни только формируются в процессе становления социалистического режима.

В январе 1937 г. несмотря на закрытый, негласный характер работы комиссии, достоянием общественности стали разработанные ею общие принципы государственного устройства. Как заявили прессе представители комиссии, ими были изучены все новые современные конституции, в частности Мексики, Чили и Советского Союза. Особо был проанализирован опыт Германского рейха. Многие наблюдатели отмечали, что комиссия, возглавляемая В. Мендосой Лопесом, по настоянию президента берет пример с законов нацистской Германии⁴⁸. Отношения труда и капитала, по мнению членов комиссии, должны были ориентироваться на германский образец, а декреты об обязательной синдикализации и трудовой повинности становились органичной частью новой кон-

⁴⁶ Отчет В.Альвареса от 2 октября 1936 г. - ANB. PG. 1936. C.12. T.127. (PG7250).

⁴⁷ El Diario. 03.11.1936.

⁴⁸ El Diario. 02.02.1937.

ституции⁴⁹. В начале 1937 г. был разработан проект нового «функционального» парламента. Палата депутатов должна была формироваться пополам от профсоюзов и общественных организаций, а сенаторы назначались бы профсоюзами сроком на 9 лет⁵⁰.

Из-за внутренних противоречий в правящем блоке планы конституционной реформы отодвигались на неопределенное будущее. В конце апреля 1937 г. Мендоса Лопес ушел с поста председателя комиссии, объяснив свой поступок тем, что некоторые её члены не разделяют взглядов на будущую социалистическую модель государства, а посему невозможно достичь с ними взаимопонимания⁵¹. Одной из причин конфликта был проект Профсоюзного устава⁵², в котором корпоративные идеи были сведены к минимуму. Мендоса Лопес заявил о неприемлемости такого проекта. Его поддержал лидер социалистов Бальдивьесо, протестовавший против реакционного духа, царившего в комиссии⁵³. Впоследствии результаты работы комиссии так и не были востребованы, а выборы в Учредительное собрание – отложены.

Последовательное проведение в жизнь декретов о всеобщей синдикализации, об АНПОС, о всеобщей трудовой повинности, осуществление реформы парламента и местного самоуправления реально могло бы создать базу нового политического строя, мало похожего на буржуазную демократию. Осуществление политической реформы создало бы предпосылки к углублению и развитию антикапиталистического и антирыночного элемента в «государственном социализме». Если радикализм этих реформ привлекал левых, рабочее движение, то их откровенная антибуржуазная направленность отпугивала союзников режима справа. Военные лавировали и предпочитали половинчатые меры и уступки то одной, то другой группе.

Внутри военно-социалистического блока к середине 1937 г.

⁴⁹ El Diario.28.01.1937.

⁵⁰ El Diario. 30.01.1937.

⁵¹ Конституционная комиссия – Д.Торо от 19 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. С.13. Т.156. (PG6875).

⁵² 23 февраля 1937 г. Д.Торо потребовал от комиссии срочного представления профсоюзного устава, ставшего камнем преткновения в построении корпоративного государства - Конституционная комиссия – Д.Торо от 23 февраля 1937 г. - ANB. PG. 1937.С.13.Т.152. (PG7211).

⁵³ Конституционная комиссия – Д.Торо от 21 апреля 1937 г. - ANB. PG. 1937. С.13 Т.156. (PG6875). В.857.

стали преобладать сторонники фашизма, которые тяготились союзом с левыми и с рабочим движением. К середине 1937 г. правительство Д.Торо все более теряло поддержку в обществе. Цензура, аресты и депортации граждан, решительный отказ вернуться к конституционному правлению во имя продолжения политической реформы и невнятность программы преобразований лишали правительство общественной поддержки. 13 июля 1937 г. Херман Буш сменил Торо на посту президента страны, а режим «государственного социализма» вступил в новую фазу своего развития, более умеренную и компромиссную в отношении традиционных элит. При всех колебаниях и непоследовательности военных первые полгода существования режима «государственного социализма» были самыми радикальным периодом в политической реформе. Революционный напор первых месяцев быстро ослабел, и режим все более склонялся к проведению умеренной реформистской политики.

31 июля 1937 г. Х.Буш временно, до принятия нового основного закона, ввёл в действие конституцию 1880 г. Несмотря на восстановление действия старой либеральной конституции, правительство ясно дало понять, что в ближайшее время будет разработана и принята новая, соответствующая принципам «государственного социализма». Все общественные силы, прежде всего, социалисты и ветеранские организации приглашались к обсуждению принципов нового политического устройства. Параллельно с этим власти предприняли демонстративные шаги, подчеркнувшие невозможность возврата к «дореволюционному» статус-кво. Распоряжениями правительства было утверждено особое положение армии и ветеранских организаций в политической системе.

По декрету от 8 сентября 1937 г. ЛЕК получал право в целях контроля делегировать своих представителей в местные органы власти⁵⁴. В конце октября 1937 г. Легион провёл конференцию, на которой была принята программа, провозгласившая необходимость установления «функциональной системы» организации власти, основанной на корпоративных началах. ЛЕК предлагал положить в основу нового конституционного устройства принцип корпоративного представительства. По мнению лидеров ЛЕК, конгресс должен был формироваться по профессиональному и социальному принципу: 4 депутата – от собственников рудников, 3 – от

⁵⁴ Anuario administrativo de 1937. (далее АА) – Т.3. – La Paz, 1937. – P. 231 – 232.

торговли, 3 - от лиц свободных профессий, 4 – от университетов, 3 – от учителей, 2 – от журналистов, 3 – от армии, 5 – от ЛЕК, 5 – от рабочих организаций, 3 – от землевладельцев, 3 – от женских организаций, и 3 – от индейцев. Всех депутатов выбирали профессиональные объединения, образованные в соответствии с декретом о всеобщей синдикализации. Армия должна была послать одного депутата от командного состава, двух от офицерского. Солдаты не получали права голоса. Ветеранов мог представлять лишь ЛЕК, в то время как в стране действовало более десятка других ветеранских организаций. Рабочее представительство полностью передавалось в руки ССТБ. Наибольшая неясность оставалась по представительству индейцев и женских организаций. По ним так и не определились, а ограничились заявлением, что будет издан специальный регламент после детального изучения вопроса⁵⁵. В это же время в Оруро проходил рабочий съезд Общенациональной конфедерации трудящихся (ССТБ), принявший аналогичные решения. ССТБ предлагала зарезервировать за ней ряд мест в парламенте, куда будут избраны депутаты непосредственно через профсоюзные организации⁵⁶.

22 ноября 1937 г. Х. Буш объявил о намерении провести в марте 1938 г. выборы в Учредительное собрание, которое должно было выработать новую конституцию в соответствии с принципами «государственного социализма» и «функциональной демократии», а также избрать нового президента и вице-президента.⁵⁷ Новым элементом выборов было участие в них наравне с партиями Легиона ветеранов и профсоюзов.

13 марта 1938 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Несмотря на опасения в подтасовке результатов голосования, выборы прошли на удивление честно и демократично, что признавали зарубежные дипломаты⁵⁸. Их даже называли самыми честными выборами за всю историю Боливии.

Учредительное собрание, май – октябрь 1938 г.

⁵⁵ Проект декрета ЛЕК от 21 октября 1937 г. – Archivo de La Paz (ALP). LML. 1938. Caja 11 No.2, Sig.E.3.A.2.

⁵⁶ Докладная записка президентской администрации – МВД от 29 октября 1937 г. - ANB.PG. 1937. C.13. T.158. (PG7240).

⁵⁷ Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. – P. 1772.

⁵⁸ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 5 de abril de 1938. 30 – 3 – 15.

Результаты выборов в Учредительное собрание отразили новое соотношение политических сил в обществе. Победа антилиберальных групп и политиков свидетельствовала о кардинальной смене политических настроений в обществе. В собрании дебютировали новые лица. В большинстве округов победили социалисты⁵⁹. Бойкот, объявленный традиционными партиями, удержал от участия в выборах около 50% избирателей⁶⁰. Выборы свидетельствовали, что по прошествии двух лет существования военно-социалистического режима страна, а точнее, её средний класс (голосование проходило по цензовому избирательному закону), в своём большинстве продолжал политическую эволюцию влево.

Из 80 мест в собрании 24 депутата представляли профсоюзы. К профсоюзному ядру примыкали другие левые марксистские и националистические депутаты, которые объединились в «Рабочий сектор». Социалисты, прошедшие в собрание, группировавшие вокруг А.Сеспедеса, В.Пас Эстенсоро, впоследствии образовали Независимую социалистическую партию, выступавшую в союзе с «Рабочим сектором». Несмотря на свою относительную малочисленность, лево-националистическое крыло, в котором преобладали национал-реформисты разных мастей, играло в собрании ведущую роль. Социалисты и «рабочий сектор» фактически по всем вопросам выступали совместно.

В первый день заседания председателем собрания был избран Ренато Риверин. Он произнёс напыщенную речь, в которой объявил о начале строительства «социалистического парламентаризма». Риверин повторил общие места доктрины «государственного социализма»: сотрудничество классов, солидарность и социальная справедливость. Приход новой эпохи в конституционном развитии Боливии он объяснял «заменой в сознании людей старых индивидуалистических норм на новые, основанные на солидарности и сотрудничестве классов»⁶¹.

27 мая, на второй день заседания, А.Сеспедес представил собранию кандидатуры Х.Буша на пост президента и Э.Бальдивьесо на пост вице-президента. Как и следовало ожидать, почти единогласно (при трёх воздержавшихся) депутаты избрали Х.Буша конституционным президентом Боливии. Э.Бальдивьесо стал вице-

⁵⁹ El Diario.15.03.1938.

⁶⁰ El Diario.17.03.1938.

⁶¹ Redactor de la Convención Nacional de 1938. – Т.1. – La Paz, 1938. – P.81.

президентом. 28 мая в своём выступлении Х.Буш так обрисовал задачи правительства: «Миссия, которую вы поручаете мне в столь трудные и чрезвычайно тяжёлые для страны дни, не может быть выполнена ни одним человеком, ни одной партией или группой. Для её успеха необходимы усилия всей нации, о чем я прошу всех в этот торжественный момент. ... Должны исчезнуть профессиональные и классовые антагонизмы, и это даст возможность консолидировать нацию. Солдаты, рабочие и капиталисты должны стать едиными и беззаветными борцами за нацию»⁶².

Заседание завершилось большой программной речью Э.Бальдивьесо, который от имени «социалистического» правительства обрисовал направления и цели работы Учредительного собрания. Э.Бальдивьесо заявил, что приоритетной задачей депутатов будет решение «социальных вопросов». Он говорил: «Наша реальность – это огромная малонаселённая страна, богатство недр и разнообразие производственных возможностей, отсутствие связи центров потребления и производства, примитивный аграрный строй, в котором сосуществуют непродуктивная латифундия и индейская община с коллективистским строем. В городах мы встречаем ремесленников средневекового типа, едва поднимающуюся промышленность; мелкие горнопромышленники с трудом пробиваются среди крупного иностранного капитала; рахитичный и слабый национальный капитализм, к тому же находящийся под постоянной угрозой поглощения экономическим империализмом». Именно исходя из этой действительности и поставленных целей, - продолжал далее Э.Бальдивьесо, - депутаты должны провести конституционную реформу, «в которой не должно быть места ни чужим моделям, ни иностранным социально-экономическим рецептам».⁶³ Все политические силы, и в первую очередь, националисты, социалисты и рабочие профсоюзные лидеры, приглашались приступить к строительству «Новой Боливии».

Попытки правого крыла военных переключить дискуссию в собрании лишь в направлении обсуждения некоторых модификаций в формулировках конституции 1880 г. успеха не имели. Большинство было решительно настроено на выработку принципиально нового основного закона. Помимо проекта правительства депутаты представили свои, в том числе и такие, в которых провозглашалось установление «социалистической демократии». Были предложения

⁶² Redactor. 1938. T.1. P.83.

⁶³ Redactor. 1938. T.1. P.85 - 86

учредить однопалатный парламент и кардинально пересмотреть многие доктринальные положения права, в том числе касающиеся частной собственности⁶⁴. По мнению депутатов «рабочего сектора», новая конституция должна была быть «чисто социалистической». «Собрание 1938 г., - утверждал рабочий депутат Р. Вильярроэль Клауре, - является революционным, что вытекает из самого социального и политического развития страны и стало уже общим убеждением наших граждан. В новой конституции должна доминировать универсальная социалистическая доктрина, являющаяся глубоко укоренившимся убеждением рабочих во всем мире»⁶⁵.

Проект однопалатного функционального парламента был отвергнут, как и многие другие «экстремистские» предложения. После длительной дискуссии победила позиция умеренного большинства, поддержавшего правительственный проект. Суть её сформулировал депутат от республиканцев-социалистов Монтельяно: «Будет сохранена конституция 1880 г. с изменением тех положений, которые относятся к экономическому строю и вопросам собственности, трудовому законодательству и крестьянско-аграрной проблеме»⁶⁶. Положения проекта основного закона по этим темам опирались на принципы «социального конституционализма». Их суть состояла в ограничении прав частной собственности интересами общественного блага.

«Социальный конституционализм» состоял в провозглашении ответственности государства за социальную защиту человека. Левый депутат Р. Вильярроэль Клауре говорил: «Функциональная демократия... исправляет недостатки парламентской демократии»⁶⁷. В рамках функциональной демократии право собственности и её неприкосновенность гарантировались лишь в том случае, если она полностью выполняла свою «социальную функцию», то есть служила не только интересам отдельных лиц или классов, а всему обществу. Право собственности гарантировалось лишь в той мере, в какой она выполняла свою «социальную функцию».

В. Пас Эстенсоро так объяснял нововведения: «Мы совершенно не стремимся уничтожить частную собственность, не хотим коллективизации, но обуславливаем гарантии права собственности выполнением ею социальной функции, то есть владение богатств

⁶⁴ Redactor. 1938. Т.1. Р.332 – 340.

⁶⁵ Redactor. 1938. Т.1. Р.129.

⁶⁶ Redactor. 1938. Т.2. Р.398.

⁶⁷ Redactor. 1938. Т.2. Р.428.

будет осуществлять деятельность не только для своей пользы, но и на благо коллектива»⁶⁸. Статья 17 новой конституции устанавливала: «Собственность неприкосновенна лишь при выполнении ею социальной функции, экспроприация возможна лишь в случае общественной необходимости в соответствии с законом и при предварительной и справедливой компенсации»⁶⁹.

Учредительное собрание приняло революционные по тем временам формулировки права собственности. Это был краеугольный камень построения всего нового здания боливийского общества: были созданы законодательные и концептуальные предпосылки радикального реформирования экономики и социальных отношений, в основе которого предполагалась решающая роль государства во всех сферах жизни страны. Реформа вела к последовательному усилению государства в обеспечении гарантий социальной защиты, здравоохранения, образований и т.д.

В соответствии с широко распространённым программным лозунгом строительства государства «социальной справедливости», проект конституции провозглашал право на труд, ответственность правительства за минимальную зарплату и жизнеобеспечение населения. Статья 106 устанавливала: «Экономическая жизнь должна отвечать принципам социальной справедливости и обеспечивать всем жителям страны жизнь, достойную человека»⁷⁰. По мысли реформаторов, эти положения конституции должны были заложить основу «социальной экономики», в которой ведущая роль принадлежала бы не частному предпринимательству, а государству. Вальтер Гевара Арсе так сформулировал роль государства в экономическом развитии: «Там, где нет капитала или инициативы, должно вмешиваться государство, полностью отбросив либеральную доктрину, превратившую государство в простого стража частных состояний и частной инициативы»⁷¹.

Новая конституция освещала принцип государственного дирижизма в экономической сфере. Статья 108 указывала: «Государство обладает полным правом посредством закона регулировать промышленность и торговлю, когда того требуют общественная необходимость и национальная безопасность... Это вмешательство может осуществляться в форме контроля, стимулирования или

⁶⁸ Redactor. 1938. T.2. P.525.

⁶⁹ Anuario Administrativo (AA).1938. T.3. La Paz, 1938. P.1448.

⁷⁰ AA.1938. T.3. P.1470.

⁷¹ Redactor. 1938. T.2. P.264.

прямого управления»⁷². Экономический этатизм, положенный в основу принципов конституции, был краеугольным камнем национал-реформистской программы реформ.

Этатизм в проекте основного закона дополнялся экономическим национализмом. Статья 107 закрепляла исключительное право государства распоряжаться недрами, полезными ископаемыми страны⁷³. В.Пас Эстенсоро шёл далее: по его мнению, из данного положения вытекало право государства на осуществление монополии экспорта всех природных ресурсов, что должно было стать финансовой базой накоплений для диверсификации и индустриализации народного хозяйства Боливии.⁷⁴

Социальный вопрос в конституции трактовался в рамках сотрудничества труда и капитала при контролирующей роли государства⁷⁵. Государство принимало на себя ответственность за поддержание минимального уровня заработной платы. Провозглашалось приоритетное развитие кооперативного движения в сельском хозяйстве и промышленности как альтернатива эксплуатации человека человеком. Кооператив, общественные формы собственности и организации производства рассматривались как самый оптимальный способ решения социальных проблем. Эти принципы были заимствованы как из анархо-синдикалистских и марксистских теорий, так и из опыта проведения реформ в Мексике в период президентства Л.Карденаса. Эти реформы могли иметь большой революционный потенциал, если бы опирались на политическую волю военных-социалистов, а не остались бы декларацией принципов.

Государство признавало и обеспечивало право граждан на медицинскую помощь и социальную поддержку. Социальное обеспечение объявлялось одной из важнейших функций государства⁷⁶. Фиксировались широкие социальные гарантии и права трудящихся, в том числе на труд, на пособия по болезни и инвалидности, безработице и т.д. Статьи 125 и 126 признавали права на организацию профсоюза и забастовку.⁷⁷

⁷² АА.1938. Т.3. Р.1471.

⁷³ АА.1938. Т.3. Р.1470.

⁷⁴ Klein, H S. *Parties and Political Change in Bolivia, 1880-1952.* – Cambridge Press, 1971. – P. 285.

⁷⁵ АА.1938. Т.3. Р.1472

⁷⁶ АА.1938. Т.3. Р.1474.

⁷⁷ АА.1938. Т.3. Р.1473

подавляющим большинством голосов 30 октября 1938 г. собрание приняло новую конституцию Боливии. Принципиальные конституционные, основополагающие формулировки, принятые собранием, закладывали фундамент будущих социально-экономических реформ. Идеи «социального конституционализма», включавшие в себя ограничение права частной собственности и предполагавшее конкретную социальную ответственность государства за благосостояние своих граждан, были алгоритмом реформирования всех сторон жизни общества. Новая конституция была манифестом демократических прав и свобод, до сего времени невиданных в Боливии.

В конце октября 1938 г. в правительстве обсуждался вопрос о дальнейших действиях после принятия конституции. В прессе и обществе ходили слухи о подготовке роспуска собрания и установления фашистской диктатуры.⁷⁸ Правительство отвергало все эти слухи и разговоры, но на деле именно в это время Х.Буш склонялся к установлению тоталитарной диктатуры.

Буш активно обсуждал со своим окружением перспективы роспуска Учредительного собрания и установления нового режима власти. Любопытную запись беседы Буша с правым политиком, депутатом Учредительного собрания Х.Сальмоном приводит мексиканский посланник. Информация была получена из конфиденциальных, но верных, по его мнению, источников. Тогда состоялся следующий диалог:

Буш: Я закрою собрание и установлю военный тоталитарный режим, так как вполне ясно, что все демократии пришли к банкротству. Это видно на примерах Бразилии, Италии, Германии, показавших эффективность тоталитарного режима.

Сальмон: С кем, с какой партией вы хотите установить этот режим? Нет людей, которые его поддержат...

Буш: Я закрою Ассамблею и созову новые выборы!

Сальмон: Но кто попадёт в новое Учредительное собрание? Это будут те же люди, что и сегодня⁷⁹.

Многие, даже его рьяные сторонники были против установления тоталитарной диктатуры. Подталкиваемый одними и отговариваемый другими, Буш не решился на установление фашистского режима. Официально правительство объявило о своём решении

⁷⁸ La Razón. La Paz. 25.10.1938.

⁷⁹ SRE.México. Legación en Bolivia. Informes políticos reglamentarios. 1938. Informe de 26 de octubre de 1938. 30 – 3 – 15

распустить собрание сразу же после принятия конституции.

30 октября, после принятия конституции, Х.Буш и Э.Бальдивьесо принесли клятву верности новому основному закону. На церемонии закрытия Учредительного собрания с большой речью выступил вице-президент Бальдивьесо. В ней он изложил основные положения своего видения национальной революции или «государственного социализма». Он отвергал традиционную демократию, находившуюся на службе привилегированных классов и иностранных угнетателей. Э.Бальдивьесо говорил, что политики предыдущих эпох боролись за выборы, демократию, свободу прессы, а «между тем наши деревни оставались неграмотными, огромные территории отрезаны от мира и без путей сообщения, у нас не было своей промышленности, мы живем в полной зависимости от заграницы». Далее он заявлял: «Мы боролись за эти свободы и теряли три пятых своей территории... Нам нужно решать проблемы страны с новым политическим чувством, с новой идеологией».⁸⁰ Такой идеологией должен был стать сплав социализма и национализма.

В финале речи Э.Бальдивьесо выразил свою солидарность с победой Народного фронта в Чили. В завершение он сказал: «Возникает новый мир, повсюду происходит осознание необходимости борьбы во имя завоевания нашими народами большего благосостояния и большей человеческой солидарности»⁸¹. Все эти неожиданные пассажи лишь свидетельствовали о стойкой антиолигархической настроенности лидеров «государственного социализма».

Новый режим в Боливии представлялся им националистической экономической системой, в рамках которой будет прекращено ограбление богатств страны олигархией и империализмом, будет ликвидирована классовая борьба и раскол общества на противостоящие экономические группы. На этой базе должно было возникнуть монолитное политическое здание сильного государства. Лидеры «государственного социализма» по-прежнему во главу угла своих политических воззрений ставили принципиальное неприятие либеральной демократии, сделавшей возможным господство олигархии в их стране.

24 апреля 1939 г. Х. Буш всё-таки объявил об установлении диктатуры и отменил действие только что принятой конституции. Его попытки вдохнуть новую жизнь в режим военных-социалистов

⁸⁰ El Diario. 01.11.1938.

⁸¹ El Diario. 01.11.1938.

через моральное обновление и националистические лозунги не дали результатов. Чувствуя разочарование и политическое одиночество диктатор покончил жизнь самоубийством 23 августа 1939 г. Этим воспользовались проолигархические силы, вернувшиеся к власти при помощи правых военных, не желавших более продолжать эксперименты «социалистического периода»⁸².

«Революция» военных-социалистов в мае 1936 г. означала стремление изменить систему в целом, ибо либеральная демократия старого, аристократического, кастового типа стала дисфункциональной, не позволяла широким народным массам пользоваться достижениями прогресса, образования, общественной жизни, отстраняла от политического участия в управлении страной большую часть ее населения, в том числе и средние слои. При всех колебаниях и непоследовательности военных первые полгода существования режима «государственного социализма» были самым радикальным периодом в политической реформе. Идеи социальной справедливости, превосходство интересов нации над свободами и правами личности глубоко проникали в сознание интеллигенции и нового поколения политических деятелей. Успехи коммунизма в СССР, фашизма в Италии и национал-социализма в Германии на фоне находящегося в глубочайшем экономическом кризисе остального демократического мира, делали крайне привлекательными идеи антилиберального, антидемократического государства. Военные и их союзники декларировали построение принципиально нового социально-политического строя - «государственного социализма». Социализм воспринимался ими и в виде советской плановой экономики, и в образе фашистского тоталитарного государства. Корпоративные проекты Д.Торо, его радикализм в реформировании политической структуры государства впоследствии сменились более умеренной программой преобразований Х.Буша, пришедшего на смену Торо в 1937 г. Реформа военных-социалистов были ярким преддверием Национальной революции 1952 г.

⁸² Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936 – 1939 гг. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 285 – 288.

Н.С. Иванов¹
N.S. Ivanov

Уго Чавес: штрихи идейно-политического портрета.

Hugo Chávez: the formation of ideological and political identity

Аннотация: В статье анализируется формирование политических взглядов Уго Чавеса. Рассматриваются основные этапы его идейного развития. Основное внимание уделяется влиянию С. Боливара, Ф. Кастро, Э. Саморы, Х. Веласко Альварадо, О. Торрихоса, Д. Браво, Л. Микилены, Г. Гарсии Понсе, Н. Сересоле на становление самобытной идеологии «боливарианского движения», «социализма XXI века».

Ключевые слова: Латинская Америка, Венесуэла, Уго Чавес, «социализм XXI века», «боливарианская революция», традиционализм, автократия, армия, национализм, регионализм.

Abstract: The author analyzes the formation of ideological and political identity of Hugo Chavez. Main stages of his ideological development are discussed. Ideological influence of S. Bolívar, F. Castro, E. Zamora, J. Velasco Alvarado, O. Torrijos, D. Bravo, L. Miquilena, G. García Ponce, N. Ceresole on the formation of the original ideology of the «Bolivarian movement» and the «socialism of the XXI century» is in the focus of the

Keywords: Latin America, Venezuela, Hugo Chávez, «socialism of the XXI century», «Bolivarian revolution», traditionalism, autocracy, army, nationalism, regionalism.

Мужчины, не скрывающие своих слез. Женщины, плачущие навзрыд. Миллионы скорбящих людей, вышедших на улицы и площади. Таким весь мир увидел похороны президента Венесуэлы Уго Чавеса. Очевидец событий, знаменитый уругвайский публицист и историк Эдуардо Галеано (книгу которого «Вскрытые вены Латинской Америки» о преступлениях американского империализма Чавес торжественно вручил президенту США Обаме на саммите латиноамериканских стран в 2009 г.) в радиопередаче в

¹ Николай Серафимович Иванов - старший научный сотрудник ИВИ РАН, Nikolai S. Ivanov - researcher of the Institute of Global History. nik3334@yandex.ru

мае нынешнего года, посвященной венесуэльскому вождю, делился незабываемыми впечатлениями от общения с простыми людьми. Ему запомнилась фраза, сказанная одним из жителей Каракаса в ответ на вопрос о том, что означал Чавес для Венесуэлы: «Впервые в нашей истории на народ обратили внимание, впервые нас увидели». И с приходом к власти Чавеса, продолжает Галеано, народ действительно выдвинулся на авансцену истории не только в Венесуэле, но и во многих других странах Латинской Америки²

Впервые за несколько десятилетий сложилось впечатление, что скорбит (за небольшим исключением) весь мир. До этого сходными по внутреннему и международному резонансу вспоминаются лишь похороны Ленина, Сталина (он умер ровно 60 лет назад, 5 марта 1953 г.) и китайского лидера Мао Цзэдуна. Уже по этому искреннему отклику со стороны десятков миллионов людей во всех странах мира можно было заключить о кончине поистине великого политического деятеля.

В то же время на полюсе «политических элит» развитых стран и ангажированных СМИ явно чувствовалось злорадство по поводу смерти Чавеса. Президент США Б. Обама не снизошел даже до формального соболезнования, общепринятого по государственному этикету. В заявлении пресс-службы администрации США по поводу смерти Чавеса было лишь отмечено, что США «помогут Венесуэле и возьмут на себя часть бремени по восстановлению демократии и прав человека в этой стране»³. В нынешнюю эпоху эти слова выглядят довольно угрожающе. Ведь именно под лозунгами «восстановления демократии и прав человека» происходило вторжение в Ирак, Афганистан, Ливию, а сейчас готовится вторжение в Сирию и Иран...

Смерть Чавеса погрузила в состояние скорби всех сторонников левой альтернативы в мире. Их взгляды в поэтизированной форме выразил известный российский писатель и публицист А. Проханов: «Смерть Чавеса — горе миллиардов. Мир рыдает, провожая гроб, в котором покоится великий десантник. Мир не хочет расставаться с Чавесом, а желает видеть его вечно, помещённым в стеклянный саркофаг. Народ на руках вносит Чавеса в историю. Как смехотворны, мелкотравчаты и ничтожны лидеры западного мира

² Eduardo Galeano on Writing, «Historical Amnesia» in Latin America and His Fight Against Cancer, 08.05.2013. <http://www.democracynow.org/blog/2013/5/8/> (дата обращения: 12.08.2013)

³ «Washington Post» 06.03.2013

с их комариной судьбой, которые исчезают навсегда, едва лишь подует ветер перемен. Их имена забывают на следующий день после новых выборов или новых революций. Кто такие Берлускони, Саркози, Блэр? Это лилипуты, жившие в эпоху великого Чавеса»⁴.

Харизма венесуэльского лидера образовалась не из слов (хотя в умении зажигать массы на митингах он мог поспорить даже с легендарным Фиделем Кастро), но прежде всего из его великих дел.

Пишут еще, что он был «диктатором». Это также ложь. Ни один диктатор не приходил к власти и не проходил победно через 14 различных общенациональных выборов и референдумов, абсолютно чистых по всем демократическим меркам. И ни один диктатор в истории человечества не отдавал свою политическую судьбу в руки народа, самолично выступив за проведение референдума по вопросу доверия к нему и объявив, что уйдет с поста, если народ проголосует против него! Подобный референдум для абсолютного большинства современных политиков означал бы ничто иное как политическое самоубийство. Более того, демократия при Чавесе (впервые за всю историю страны) приобрела свое изначальное, истинное значение – граждане голосовали честно, результаты не подтасовывались.

Чавес, как и другие харизматические лидеры, был по своей природе революционером, он выдвинулся на авансцену во времена национального кризиса и выступил катализатором социальных процессов и движений. Главным фактором стали проповедуемые им политические взгляды и идеи, которые оказались близки массам, вызвали их доверие и уважение. Каким же образом сформировалась идеология Боливарианской революции, «чавизма» и «социализма XXI века»?

Армия и гражданское общество: опыт Чавеса

Чавес родился 28 июля 1954 г. в поселке Сабанета (штат Баринас) в небогатой и многодетной (он был вторым из семи детей) семье сельского учителя. Уго был действительно самородок из самых глубин венесуэльского народа, в его жилах текла индейская кровь. Предки отличались бунтарским духом, участвовали в Войне за независимость, в многочисленных гражданских конфликтах, раздиравших венесуэльское общество за прошедшие два века. На всю жизнь в память Уго врезались семейные легенды о прадеде по

⁴ «Завтра» №11, 14.03.2013.

материнской линии Педро Рафаэле Пересе Дельгадо («Майсанта»), каудильо и герильеро времен диктатуры Хосе Висенте Гомеса, (ставшего прототипом героя романа Г.Г. Маркеса «Осень патриарха»). Проведя несколько успешных партизанских операций, Майсанта был захвачен в плен правительственными войсками и умер в тюрьме в 1924 г. Прозвище «Майсанта» произошло от слов «Madre Santa», которые часто произносил каудильо, призывая на помощь небесную покровительницу⁵.

И это сочетание религиозной веры, опоры на вооруженную революционную борьбу и стремления к социальной справедливости с детства захватили воображение Чавеса, и как его основная «идейная триада» сохранились на всю жизнь. Впоследствии Чавес отмечал, что именно пример прадеда стал основным побудительным мотивом для создания первых подпольных ячеек в армии. В память о предке он создал в 2004 г. «команду Майсанта» из своих ближайших сподвижников для разработки революционной стратегии и решения важнейших вопросов, связанных с референдумом 2004 г.⁶

Образование Уго получил благодаря упорству и стремлению к знаниям. Для выходца из низов единственное надежное средство для получения образования и завоевания общественного статуса – это служба в армии. И он прошел успешный путь офицера, став подполковником воздушно-десантных войск. В военной академии в Каракасе, помимо профессиональных знаний и спорта (увлечение бейсболом сохранилось на всю жизнь), он прилежно изучал историю Латинской Америки, особенно увлекшись биографией великого соотечественника Симона Боливара.

Его сподвижники отмечают, что он буквально был одержим идеями Освободителя – на них, по словам, основывал все свои жизненные и политические планы. Так первые уроки антиамериканизма он почерпнул из работ Боливара, в которых одной из главных побудительных мотивов своего грандиозного проекта создания «Соединенных Штатов Южной Америки» являлась идея создания противовеса угрозе, исходившей от северного соседа⁷.

⁵ Tapia J. Maisanta: El último hombre a caballo. Caracas: Centro Editor, 1974; Jones B. Hugo! The Hugo Chávez Story from Mud Hut to Perpetual Revolution. Hanover (New Hampshire): Steerforth, 2007. P. 103.

⁶ Kozloff N. Revolution! South America and the Rise of the New Left. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. P. 72.

⁷ Selected Writings of Bolivar. N.Y.: Colonial Press, 1951. P. 103-122

Мечтой Чавеса стало воплощение в жизнь замыслов великого полководца и государственного деятеля. После прихода к власти его неослабевающие усилия были направлены на интеграцию стран региона, создание ряда международных организаций (главным из которых являлся ALBA - «Боливарианский альянс для народов нашей Америки»), которые должны были стать ступенями в мощном объединительном процессе.

Обожествление Боливара приняло со стороны Чавеса характер своеобразного культа: его именем было названо подпольное движение, возглавляемое Чавесом – «Революционное Боливарианское движение – 200» (МБР-200), комплекс реформ после прихода Чавеса к власти («Боливарианская революция»), сама страна сменила название (Боливарианская Республика Венесуэла), именем Освободителя были названы местные органы власти и самоуправления («Боливарианские миссии»). В дополнение к высшей награде – Ордену Освободителя, учрежденному в конце XIX в., появилась традиция награждения выдающихся деятелей копией знаменитой шпаги Боливара. Не раз во время особенно важных заседаний правительства Чавес просил не занимать одно из кресел, призывая «дух Боливара»⁸.

Близкий к оппозиции венесуэльский историк Э. Пино Итурьета не без раздражения писал, что при создании этого «патологического патриотического монотеизма» Чавес и его сторонники исказили реальный образ Освободителя; что его мнимые «антиимпериализм», «антиамериканизм» и «стремление к социальной справедливости» были за уши притянуты для реализации политических целей чавистов; что, наконец, впервые в истории страны было нарушено табу на использование национальных исторических персонажей в политических целях, и фигура Боливара – всегдашнего символа национального единства – превратилась в символ раскола, идеологического противопоставления «истинных боливарианцев» и оппозиции⁹.

Однако даже самые ярые недоброжелатели были вынуждены признать, что искреннее желание быть верным учеником и продолжателем «великой миссии Освободителя» настолько завоевало

⁸ Gott R. In the Shadow of the Liberator: Hugo Chávez and the Transformation of Venezuela. L.: Verso, 2000; Conway C. The Cult of Bolívar in Latin American Literature. Miami: University Press of Florida, 2003. P. 151-172.

⁹ Pino Iturrieta E. "El Bolívar de Chávez genera odios y divide a la sociedad"// «El Universal», Caracas, 29.07.2012.

симпатии масс, что Чавеса и при жизни, и особенно после смерти многие считали «реинкарнацией Боливара». Историк Центрального Университета Венесуэлы Л. Муньос сделал вывод, что «Чавес это Боливар XXI века», учитывая не только его огромную популярность, но и «эпохальные революционные преобразования, которые невозможно повернуть вспять»¹⁰.

Помимо вышеуказанных исторических деятелей, которым Чавес остался предан с юности до самого конца, его патриотизм и дух защитника родины подпитывался примерами Эсекиеля Саморы (народного героя Венесуэлы - генерала, который в 1859 г. возглавил восстание крестьян; под его знаменами сражался прапрадед Чавеса в его родном штате Баринас), Симона Родригеса (венесуэльского просветителя, наставника С. Боливара) и М. Переса Хименеса (военного диктатора, правившего в 1948-1958 гг.). Последнего Чавес в 2010 г. охарактеризовал как «лучшего президента Венесуэлы» (Перес был свергнут не без участия ЦРУ и госдепартамента США, провел 5 лет в тюрьме, затем эмигрировал в Испанию, и там Чавес, после окончания своего тюремного срока навестил его в 1994 г.¹¹).

Идеи социальной справедливости были в крови юного Чавеса, который провел в бедности юные годы и на себе испытал последствия чудовищного состояния, к которому богатейшую страну привели США, глобалистские структуры и местные компрадоры. Мизерная прослойка олигархов жила в непомерной роскоши, а около 80% населения прозябали в условиях нищеты. Позже он сказал, что бесповоротно стал приверженцем идеи социализма, прочитав роман В. Гюго «Отверженные» (созвучный тому, что он видел вокруг). Как и многие молодые латиноамериканцы, Уго зачитывался работами Ф. Кастро и Э. Че Гевары, которые воспитывали в нем дух борца-революционера.

В 1974 г. в составе делегации от военной академии Чавес посетил Перу, где торжественно праздновалась 150-я годовщина одного из эпохальных событий Войны за независимость – битвы при Айякучо. Молодой офицер получил незабываемое впечатление от речей перуанского президента Х.Веласко Альварадо, который в 1968 г. пришел к власти в стране под лозунгом защиты интересов народных масс.

В своей книге «Перуанская революция», которую Веласко Аль-

¹⁰ «El Tiempo», Caracas, 14.04.2013.

¹¹ «El Universal», Caracas, 23.01.2013.

варардо подарил Чавесу, он писал: «Наша революция призвана покончить с позором нынешней эпохи и открыть дорогу Независимости и Социальной Справедливости с тем, чтобы разрешить главные проблемы Перу, чтобы защитить национальный суверенитет, вывести страну на путь стабильного развития экономики, покончить с эксплуатацией и нищетой, сделать все, чтобы «последние» перуанцы перестали быть последними»¹². Эту книгу молодой офицер всегда носил с собой и тщательно изучал как одно из лучших пособий по организации революционного движения. По словам Чавеса, он «буквально проглотил эту и другие книги и статьи Веласко Альварадо и некоторые из речей запомнил наизусть»¹³

Подружившись в академии с сыном панамского президента Омара Торрихоса, - также генерала, вставшего на путь социальных преобразований, - Чавес съездил в Панаму и там его друг устроил встречу с отцом. На молодого офицера огромное впечатление произвели идеи и политическая программа панамского президента, особенно аграрная реформа, которая была призвана улучшить положение крестьян¹⁴.

Чавес по-новому взглянул на роль военных в общественных преобразованиях. Он пришел к выводу, что именно армия должна сказать решающее слово в условиях, когда гражданское правительство насквозь прогнило от коррупции и служит интересам лишь своих денежных кошельков и мизерной прослойки олигархов. Однако Чавес уже в молодости четко различал таких военных как Торрихос и Веласко Альварадо с одной стороны, и А. Пиночета, который при помощи ЦРУ захватил власть в Чили, с другой. «С Торрихосом, - писал он позже, - я стал торрихистом. С Веласко – веласкистом. Но с Пиночетом – я стал анти-пиночетистом»¹⁵

Чавес и левые революционеры

Первые задания молодого офицера по службе были связаны с «анти-повстанческой» деятельностью – отслеживать и уничтожать

¹² Velasco Alvarado J. La Revolución Peruana. Buenos Aires: Universitaria de Buenos Aires, 1973, P. 23.

¹³ Jones B. Hugo. The Hugo Chávez Story from Mud Hut to Perpetual Revolution. Hanover (New Hampshire): Steerforth, 2007. P. 54.

¹⁴ Marcano C., Barrera Tyszka A. Hugo Chávez: The Definitive Biography of Venezuela's Controversial President. N.Y.: Random House, 2007. P. 36–37.

¹⁵ Jones B. Hugo. P. 54–56.

партизан. Но Чавес быстро почувствовал симпатию к своим противникам. Этому способствовали два события. Однажды ночью военный патруль привел группу крестьян, подозреваемых в связях с партизанами. Солдаты начали избивать их бейсбольными битами, и услышавший крики Чавес подошел к солдатам и приказал прекратить побои, хотя понимал, что рискует попасть под трибунал (об этом случае он впоследствии рассказал знаменитому писателю Г.Г. Маркесу во время их совместного визита на Кубу)¹⁶.

А через несколько дней он увидел обратную картину – армейская часть попала в засаду, устроенную партизанами, и погибло семь солдат. Для Чавеса это насилие было символом абсурда, не укладывающегося в рамки классовой борьбы или идеологии: «С одной стороны, крестьяне одетые в униформу пытаются партизан, а с другой стороны, крестьяне в облики партизан убивают солдат (тех же крестьян)»¹⁷. Он осознал, что истинными врагами были богачи, олигархи, политическая элита, которая присосалась к нефтяным богатствам страны¹⁸.

Не видя возможности влиять на ход событий, молодой офицер почувствовал отвращение к службе и уже решил уйти из армии, но вначале решил посоветоваться со старшим братом Аданом, преподавателем Андского университета (г. Мерида), к мнению которого всегда прислушивался. Именно брат способствовал формированию у Уго революционных взглядов, будучи с 16 лет активным участником «Левого революционного движения» (МИР - MIR) и «Революционной партии Венесуэлы» (ПРВ - PRV). Адан устроил брату личную встречу с коммунистом, руководителем ПРВ Дугласом Браво, и эта встреча оказалась судьбоносной для Чавеса. «После этой встречи, - говорил он позже, - я понял идеологическую важность сотрудничества армии и гражданского общества, почувствовал перспективы и возможности подпольной работы, которая длилась несколько лет»¹⁹.

К моменту этой встречи венесуэльские коммунисты пережили в 60-е – начале 70-х годов ряд драматических событий, и судьбы ряда их лидеров (Дугласа Браво, Теодоро Петкоффа, Гильермо Гар-

¹⁶ Márquez G.G. The Two Faces of Hugo Chávez // NACLA Report on the Americas. V. 33, No. 6. Wash., May/June 2000. P. 20

¹⁷ Marquez G.G. The Two Faces of Hugo Chávez.

¹⁸ Marcano C., Barrera Tyszka A. Hugo Chávez. P. 53.

¹⁹ Chávez H. Chávez, Venezuela and the New Latin America. N.Y.: Ocean Press, 2005. P. 69.

сии Понсе и Луиса Микилены) причудливым образом переплелись с судьбой Чавеса. После свержения в 1958 г. М. Переса Хименеса к власти пришла коалиция двух буржуазных партий «Демократическое действие» (*Acción Democrática* - AD) и христианские демократы («Копей» - *Copei*), которые находились под полным контролем США и подвергались резкой критике со стороны Коммунистической партии Венесуэлы.

В 1962 г. революционно настроенные военные при поддержке коммунистов и МИР, которое выделилось из партии «Демократическое действие», подняли в городах Карупано и Пуэрто-Кабельо восстания против правительства Р. Бетанкура. После их подавления КПВ была запрещена, а многие из ее руководителей брошены в тюрьмы²⁰.

Президент приостановил гражданские свободы в стране и арестовал Петкоффа, Микилену и Гарсию Понсе, несмотря на то, что они пользовались иммунитетом, будучи депутатами Конгресса. Сотни их товарищей были арестованы и подвергались пыткам. Многие партизаны из созданных коммунистами «Вооруженных сил национального освобождения» (ФАЛН – FALN) погибли в засадах и операциях, организованных армейскими частями. Инструкторы из ЦРУ обучали местные «антитеррористические подразделения», которые стали создаваться по образцу армейских рейнджеров в США²¹.

Властям, пользовавшимся массовой военной и экономической поддержкой США, удалось заметно снизить влияние ФАЛН. Немаловажную роль в этом сыграла и КПСС. Во второй половине 60-х годов Кремль во что бы то ни стало стремился к «разрядке» отношений с США. В качестве препятствия для сближения с Западом рассматривались радикальные, революционные партии и группировки в международном коммунистическом движении, которые раздражали будущих «партнеров». Давление на компартию было направлено на их «умиротворение», перевод на умеренный, социал-демократический уровень. После 1966 года руководство КПВ отказалось от вооруженной борьбы, признав ее «бесперспективность в существующих условиях». Итогом раскола стало катастрофическое снижение влияния компартии в массах. На президентских выборах 1973 г. ни одна из трех левых партий не

²⁰ Haggerty R. Venezuela: A Country Study. Wash.: Headquarters Dept. of Army, 1990. P. 26.

²¹ Return of the F.A.L.N.// «Time Magazine», 24.07.1964.

набрала более 5,1% голосов²².

Одним из тех, кто отказался прекратить сопротивление, был Дуглас Браво, с которым судьба и свела молодого офицера Уго Чавеса²³. Чавес воспринял от него основные идеи социализма, коммунизма, а также идею о революционном захвате власти. Сотрудничество продолжалось около десяти лет, и его целью стала организация военно-гражданского переворота. До 1986 г. Чавес помогал создавать подпольные ячейки для ПРВ, однако у него уже была своя собственная группа, которую он назвал «Сомасате» (по начальным буквам офицерских званий «команданте», майор, капитан и лейтенант – *teniente*), а с 1982 г. – «Революционное Боливарианское движение – 200». Его участники занимались распространением революционной идеологии среди офицеров с целью организации переворота²⁴.

Постепенно в стране назревала революционная ситуация. Как отмечал позже Чавес, «Венесуэла была обессиленной страной, отягощенной долгами, а народ ее погружался в бедность и самую отвратительную нищету; в этой ужасной действительности явилось, кроме того, неумолимое зло «шоковой» неолиберальной политики – и тогда случилось то, что должно было случиться: разразился ураган»²⁵. В феврале 1989 г. в столице начались стихийные митинги протеста, которые переросли в столкновения с войсками²⁶.

К началу 1992 г. Чавес и его сторонники подготовили план захвата власти («Операция Самора»), а также наметили стратегию дальнейшего переустройства общества. Чавес изложил ее в двух документах «Проект деятельности переходного правительства» и «Национальный проект Симон Боливар».

Большую роль в формировании его взглядов на этом этапе сыграл известный венесуэльский теоретик-социалист Клебер Рамирес Рохас. Его работы были посвящены созданию «государства коммун» («*Estado Comunero*»), в котором решение большинства политических вопросов совершалось бы через институты прямой демократии на местах, коммуны. Местные коммуны, говорил Рамирес Рохас, будут не только заниматься повседневными вопросами, но и

²² Haggerty R. Venezuela. P. 31.

²³ Jones B. Hugo. P. 70-71.

²⁴ Marcano C., Barrera Tyszka A.B. Hugo Chávez. P. 81-83; Wilson S. Clash of Visions Pushed Venezuela Toward Coup// «*The Washington Post*», 21.04.2002.

²⁵ Las líneas de Chávez. Moscú: Editorial «Globus», 2010. P. 328.

²⁶ Solórzano F., Grillo T. El Caracazo. Maracay (Venezuela): Playco, 2007

станут школами воспитания истинной, «низовой» демократии, гуманизма, морали и справедливости. Только на этом пути возможно построение истинного социализма, защищенного от цезаризма вождей, их культа личности, стремления к личным благам. Основным средством создания равновесия между «низами» и властью он считал вооружение народа. Идея «вооруженного народа» включала не только (и не столько) военную амуницию и стрелковое оружие, но прежде всего вооруженность народа знаниями, революционным сознанием, идеями, организациями и способностью к мобилизации²⁷. Эти идеи впоследствии нашли отражение в создании «Боливарианских миссий» (местных органов власти с широкими полномочиями), а также народной милиции.

4 февраля 1992 г. еще до рассвета 38-летний подполковник Чавес вывел одну из пяти армейских колонн для свержения непопулярного в стране президента Карлоса Андреса Переса. Однако Чавесу не удалось выполнить ключевую задачу – арестовать президента, и вскоре он и его сообщники оказались окруженными правительственными войсками в Военном Музее. Чавес понял, что без захвата президента путч обречен на провал, и пошел на переговоры с властями. Для того, убедить остальных участников заговора, что переворот провалился, и заставить их сдаться, правительство предоставило Чавесу возможность выступить по телевидению.

И это выступление стало началом его политической карьеры. Офицер-десантник попросил товарищей сложить оружие, так как дальнейшее сопротивление бессмысленно, и взял на себя полную ответственность за неудавшийся переворот. Эта речь, в которой он сказал, что революция пока потерпела поражение, но последнее слово еще не сказано, и победа в конечном итоге будет за народом, стала столь же пророческой и известной, как и речь Ф.Кастро в суде после неудачной попытки захвата казарм Монкада²⁸. Впоследствии Чавес отмечал, что «в 1989 г. восставшему народу не хватило его Армии, его солдат и его ружей; три года спустя, 4 февраля 1992 года, Боливарианской Армии, восставшим солдатам не хватило народа на улицах»²⁹.

²⁷ Ramón Rojas A. Kléber Ramírez Rojas y la pedagogía comunera // «Rebelión», Caracas, 23.03.2013

²⁸ Blixen S. Chávez: 48 horas en la vida de Hugo Chávez. Montevideo: Ediciones Trilce, 2005. P. 20; Gott R. In the Shadow of the Liberator. P. 66-72.

²⁹ Las líneas de Chávez. P. 329

После этих событий Чавес внезапно превратился в народного героя. Одной из главных причин было то, что бессменные в течение четверти века партии власти «Демократическое действие» и «Копей» к началу 90-х гг. почти полностью потеряли доверие избирателей. И народ увидел в Чавесе героя, который не побоялся выступить против разложившейся системы, не побоялся рискнуть своей жизнью ради спасения любимой страны. Видя растущую популярность Чавеса, президент Р. Кальдера в марте 1994 г. издал указ о его амнистии.

На пути к победе

Выйдя из тюрьмы, Чавес обрел соратника в лице Луиса Микилены, который разглядел в 40-летнем офицере будущего лидера страны. План ветерана, пришедшего от партизанской борьбы к социал-реформизму, состоял в мирном завоевании власти через действующие демократические процедуры, созыв Конституционной Ассамблеи и принятие новой конституции, которая откроет дорогу мирным социальным преобразованиям³⁰.

Микилена устроил Чавеса после тюрьмы у себя дома (он прожил там почти пять лет) и стал активно помогать ему в политической карьере с прицелом на президентские выборы. Вначале Чавес все еще верил в то, что только армия способна произвести настоящую революцию. Но ветеран убедил его в том, что успеха можно добиться и через избирательные урны. В 1994 г. Микилена помог Чавесу в расширении контактов, организации визитов на Кубу, в Аргентину и Колумбию, что сыграло важнейшую роль в формировании взглядов молодого политика.

В Аргентине Чавес встретился с Норберто Сересоле. Человек причудливой судьбы, (некоторое время он работал в СССР, в Институте Латинской Америки и опубликовал на русском языке несколько книг), Сересоле был ярким приверженцем военной диктатуры. Его всегдашним героем был Х.Д. Перон (с которым он встречался во время ссылки последнего в Мадриде). В 1974 г., после смерти своего кумира, он стал одним из организаторов троцкистской группы «Народные революционные вооруженные силы», из которых впоследствии выросла известная организация «Монтонерос». Сересоле пропагандировал «традиционалистский» взгляд, согласно которому наиболее отвечающим духу латиноамериканцев

³⁰ Gott R. In the Shadow of the Liberator. P. 84.

является автократический режим во главе с каудильо – выразителем воли народа, основанный на религиозных ценностях.

В ходе его бесед с Чавесом тот, по словам Сересоле, разделял его взгляды на армию как главную силу социальных перемен, однако отрицательно относился к идее полного упразднения политических партий после прихода к власти харизматического каудильо. Каудильо же, считал Сересоле, несет перед народом персональную ответственность, и поэтому должен опираться не на партии, а на прямое волеизъявление народа, исходящее от местных органов власти, строящихся по принципу «прямой демократии». Помимо того, Сересоле отмечал, что Чавесу оказался близок его «конспирологический» тезис о том, что главная вина в бедственном положении латиноамериканских народов лежит на США и Израиле, который является «хвостом, виляющим собакой»³¹.

В 1995 г. аргентинец приезжал в Венесуэлу, однако был изгнан из страны секретной полицией по обвинению в том, что был одним из организаторов неудавшегося военного переворота 1992 г. и имел связи с арабскими террористами. В 1999 г. он вновь появился в Каракасе, уже в качестве консультанта Чавеса, и выпустил книгу «Каудильо, Армия, Народ: Венесуэла Команданте Чавеса». Хотя ее критиковали умеренные сторонники Чавеса, сама триада, обозначенная в названии стала неофициальным символом «боливарианской революции»³².

В 1999 г. по требованию Л. Микилены Сересоле выехал в Аргентину, где умер в 2003 г. Хотя умеренные чависты выражали недовольство по поводу контактов Чавеса и «антисемита» Сересоле, венесуэльский президент всегда подчеркнуто уважительно отзывался об аргентинце. Так, в одном из выступлений в мае 2006 г. он сказал: «Я никогда не забуду одного аргентинца, которого демонизируют до сих пор. Он был моим большим другом, интеллектуалом, заслуживающим уважения, выдающимся перонистом, но однако его сатанизировали, и последнее правительство IV республики оказывало на него давление, и его выдворили из страны. Я хочу отдать ему последний долг – мой друг Норберто Сересоле уехал в Аргентину и умер в Буэнос-Айресе»³³.

³¹ Ceresole N. La falsificación de la realidad. Buenos Aires: Ediciones Libertarias, 1998.

³² Ceresole N. Caudillo, Ejército, Pueblo: La Venezuela del Comandante Chávez. Buenos Aires: Instituto de Estudios Hispano-Árabe Al-Andalus, 1999.

³³ Vida y Muerte de Ceresole // «El Universal», Caracas, 5.03.2005.

Возвращаясь к этапным событиям 1994 г., важнейшим из них стала, безусловно, встреча с Фиделем Кастро. На Кубе, куда Микелена и Чавес приехали по приглашению команданте, он лично встречал их на аэродроме, сопровождал во время поездки по стране и даже порой сам готовил на кухне, когда оставался с ними за полночь в увлеченных беседах. С тех пор между двумя революционерами установились прочные дружеские отношения. После прихода Чавеса к власти, он встречался с кубинским лидером десятки раз, по несколько раз в неделю созванивался по телефону. «Для меня Фидель как отец», - говорил Чавес³⁴.

«Венекуба стала единой страной» - так порой с раздражением писала западная пресса о прочном союзе двух государств³⁵. Чавес же гордился сложившимися братскими отношениями: «Корабль под названием Венесуэла, - заявлял он, - плывет в том же направлении, что и кубинский народ – к Морю Счастья»³⁶.

Венесуэла помогла Кубе пережить самые трудные годы, когда подошел к концу запас прочности, созданный за десятилетия плодотворного сотрудничества с Советским Союзом. В 2000-е годы Венесуэла ежегодно поставляла Кубе нефть на сумму до 2,5 млрд. долларов. Но взамен с «острова свободы» приезжали десятки тысяч кубинских медиков, социальных работников, советников по сельскому хозяйству, спортивных тренеров.

Однако для Ф. Кастро союз с Венесуэлой означало гораздо больше, чем ослабление непомерного экономического бремени. Он увидел, наконец, на склоне жизни, что революция опять на марше в Латинской Америке! Все усилия по расширению антиимпериалистического фронта в 60-е – 80-е годы, революционные акции в Боливии, Колумбии, Никарагуа и Венесуэле все-таки принесли плоды (хотя и не посредством насильственного свержения проамериканских режимов, а мирным путем – на выборах). В 2000-е годы на «пылающем континенте» левые силы добились значительных успехов.

Победа на выборах и проект «социализма XXI века»

Опираясь на растущее «боливарианское движение», сторонни-

³⁴ Anderson J.L. Postscript: Hugo Chavez, 1954-2103//The New Yorker, 5.03.2013.

³⁵ Venecuba: a single nation // «The Economist», 13.02.2010.

³⁶ Marcano C., Barrera Tyszka A. Hugo Chávez. P. 214.

ков в армии, левые силы, помощь со стороны бывших партизан-революционеров, Чавес добился прихода к власти мирным путем. «Революция, которая началась с народного мятежа 27 февраля 1989 года и продолжилась военными мятежами 4 февраля и 27 ноября 1992 года, - говорил он позже, - вылилась в широкий и сложный процесс организации и накопления сил, что позволило достичь великолепного и прекрасного синтеза 6 декабря 1998 года. В тот памятный день, 6 декабря, народ принял необратимое решение превратиться в главного героя своей собственной истории и руководителя своей судьбы»³⁷.

После победы по-разному сложились отношения Чавеса с венесуэльскими левыми, которые так или иначе оказывали воздействие на формирование его идейных позиций. Л. Микилена реализовал свою мечту – была созвана Конституционная Ассамблея, и он стал ее президентом. Большинство экспертов считают новую конституцию Венесуэлы, принятую в 1999 г., самой демократичной в истории страны. Так, российский исследователь О.А. Афанасьев пишет: «Настоящая конституция Венесуэлы – самая демократическая из более чем двух десятков конституций, действовавших в период независимого государственного развития этой страны. Кроме того, это одна из самых демократических и самых пространных по содержанию (350 статей) конституций на американском континенте»³⁸.

Многие из бывших левых радикалов заняли важные посты в государственных органах. Микилена стал в 2001 г. министром юстиции и внутренних дел. Г. Гарсия Понсе занял пост одного из ближайших советников президента. Однако Л. Микилена порвал отношения с Чавесом после событий 2002 г. – попытки государственного переворота с целью установления в Венесуэле власти проамериканской хунты. В апреле 2002 г. оппозиция организовала в Каракасе демонстрацию оппозиции. Как в подобных случаях рекомендуют пособия ЦРУ, был подготовлен кровавый сценарий: «неизвестные лица», учинили стрельбу, в которой погибло несколько человек. Пресса сразу же обвинила в убийстве этих людей Чавеса. И в этот драматический момент, когда Чавесу как никогда была нужна поддержка со стороны его сторонников, Микилена обратился с речью к нации: «Я торжественно заявляю, что нынешнее

³⁷ Las líneas de Chávez. P. 539.

³⁸ Афанасьев О.Ю. Конституционно-правовое развитие Венесуэлы. // Вестник МГИМО, №2, 2010. С. 214

правительство вряд ли может полагаться на мою поддержку; режим запятнал себя кровью невинных граждан и сидеть спокойно рядом с этими людьми и не предпринимать в ответ никаких действий было бы трусливо и преступно»³⁹. Это предательство было самым болезненным ударом для Чавеса, и не только по причине долголетней дружбы между этими деятелями.

В ходе путча предатели-офицеры вместе с мэром Каракаса подняли некоторые военные части и захватили телестанции. "Пятая колонна" в лице ряда продажных политиков, военных и представителей СМИ пришла в американское посольство в Каракасе. Этот визит был зафиксирован репортерами из газеты «Washington Post»⁴⁰. В посольстве им прямо заявили, что безоговорочно поддерживают оппозицию. Из документов, рассекреченных в 2004 г. стало ясно, что 6 апреля (за неделю до путча) президент США Буш был посвящен в его детали, включая провокацию во время демонстрации оппозиции⁴¹.

Военной частью заговора командовали главнокомандующий сухопутными войсками Э. Васкес и генерал Поведа – они отдали приказ об аресте Чавеса. На пост временно исполняющего функции президента страны был выдвинут Педро Кармона, президент Ассоциации промышленников и предпринимателей. Однако заговор сорвался, так как на улицы венесуэльских городов вышли миллионы людей, возмущенных циничными и беззастенчивыми действиями путчистов. Кроме того на стороне Чавеса оказались генерал Бадуэль и большинство армейских офицеров среднего звена.

Г. Гарсия Понсе, в отличие от Микилены, оказался верным Чавесу. «Президент»-самозванец был вынужден уйти в отставку. И в итоге через 48 часов Чавес вновь оказался на своем посту в президентском дворце⁴².

Появившись перед ликующей толпой приверженцев, Чавес заявил, перефразировав Новый Завет "Воздадим Богу Богово, кесарю

³⁹ Miquilena: No quiero mi nombre vinculado a un gobierno manchado de sangre. // «El Nacional», Caracas, 12.04.2002.

⁴⁰ «Washington Post», 13.04.2002.

⁴¹ CIA Documents Show Bush Knew of 2002 Coup in Venezuela. Democracy Now! Interview with P. Kornbluh, 29.11.2004 // www.democracynow.org/2004/11/29/cia_documents_show_bush_knew_of

⁴² García Ponce G. El Golpe del 11 de Abril. Comando Político de la Revolución. Caracas: Editorial Bolívar, 2002. P. 45-48.

кесарево, а народу - народо" ⁴³. Он подчеркнул, что проамериканская оппозиция потерпела поражение только благодаря единой поддержке президента народными массами, и он никогда не отойдет от своего прежнего политического курса ⁴⁴.

История распорядилась так, что по одну сторону баррикад оказался бывший соратник Чавеса Микилена, который пришел к убеждению, что «Чавес оказался в одной постели с умирающей старушкой под названием «левое движение» ⁴⁵. По другую сторону – Г. Гарсия Понсе, который до самой смерти (он умер в 84-летнем возрасте в сентябре 2010 г.) оставался преданным другом и соратником Чавеса.

Петкофф же, будучи приверженцем умеренного «демократического социализма», с самого начала был ярким оппонентом Чавеса. В качестве главного редактора ежедневной газеты «Tal Cual» в своих работах он противопоставлял «хороших левых» (Лулу да Силву, Табаре Васкеса и Рикардо Лагоса), придерживающихся социал-реформистских взглядов или идеологии «капитализма с человеческим лицом» - «экстремистам»: Чавесу и Фиделю Кастро, сторонникам революционного социализма ⁴⁶.

Дуглас Браво также оказался вне лагеря Чавеса. Но, как ни странно, он критиковал президента слева! Старый партизан обрушился в своих статьях на президента за слишком медленные темпы «боливарианской революции», обвиняя его в «неолиберализме и буржуазном прагматизме, который лишь припудривается революционной риторикой» ⁴⁷

Несмотря на давление со стороны его приверженцев по «боливарианской революции», готовых применить все меры, вплоть до жесточайшей цензуры по отношению к «ренегатам и оппортунистам», президент не реагировал на эти уколы, во многом из-за уважения к прошлым заслугам коммунистов и партизан.

⁴³ Pellegrini F. Person of the Week: Hugo Chavez // «Time», 18.04.2002.

⁴⁴ Wilpert G. Coup Against Chavez in Venezuela: The Best International Reports of What Really Happened in April 2002. N.Y.: Fundación Por Un Mundo Multipo, 2003; Gott R. Hugo Chavez and the Bolivarian Revolution. N.Y.: Verso, 2011. P. 217-269; Kozloff N. Hugo Chavez: Oil, Politics and the Challenge to the U.S. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 91-105.

⁴⁵ Marcano C., Barrera Tyszka A. Hugo Chávez. P. 22.

⁴⁶ Petkoff T., Martínez I., Pino Iturrieta E. La Venezuela de Chávez: Una segunda opinión. Caracas: Grijalbo, 2000.

⁴⁷ Douglas Bravo: Hugo Chávez es neoliberal. / «Noticiero Digital», 5.02.2011 // www.noticierodigital.com/2011/02/.

Была национализирована нефтедобывающая промышленность, и по свидетельству объективных экспертов она стала работать гораздо эффективнее, чем в частных руках. Правительство прекратило обвальную приватизацию, которую стране навязал МВФ. Более того, стали создаваться государственные предприятия, которые скупали у частников заводы и фабрики, приобретенные ранее в рамках приватизации, и давали им новую жизнь. Были реализованы грандиозные планы строительства жилья для бедняков, что позволило им выбраться из чудовищных трущоб, в которых обитали многие поколения их предков. На местах создавались боливарианские миссии, которые комплексно решали социальные проблемы. Они принесли беднейшим слоям бесплатное образование, медицину.

Беспрецедентный размах приняла кампания по ликвидации безграмотности. В сфере высшего образования были отменены вступительные экзамены, отдающие предпочтение выходцам из богатых семей. Для бедных студентов государство выделяло немалые стипендии. Дополнительные суммы, полученные от продажи нефти, расходовались на развитие жизненно важных секторов экономики. Аграрная программа Чавеса была направлена на то, чтобы к 2018 г. добиться продовольственной независимости страны.

Его политические противники обвиняли режим в коррупционности, авторитаризме и экономической некомпетентности. «Режим был авторитарен», – утверждает оппозиция. Действительно, в нем были ярко выраженные элементы авторитаризма. Но если взять некую «шкалу авторитарности», то Чавес занял бы в ней самое «демократическое» место. Не было цензуры, не было арестов по политическим мотивам; все кардинальные вопросы решались голосованием, причем большинство беспристрастных обозревателей считают их самыми демократичными. Нельзя также забывать, что он столкнулся с мощным противодействием, с попыткой государственного переворота, спланированного и поддержанного Вашингтоном, который едва не завершился для Чавеса трагически. Он смог победить лишь благодаря широкой народной поддержке и мощным позициям внутри армии.

Идеи «социализма XXI века» несомненно приобрели популярность не только в Венесуэле, но и в Латинской Америке – да и во всем мире. Необходимо отметить, что именно Чавес сыграл большую роль в повторном введении в оборот и популяризации термина «социализм», который был затоптан либералами и неолибералами после поражения СССР, социалистического лагеря. Уточне-

ние исторических рамок – «социализм XXI века» - говорит о том, что Чавес пытался дистанцироваться от социалистической теории и практики XX века, оторваться от догматизма, навязывания массам «воли партии», дать больший простор национальным особенностям, традиционализму, «прямой демократии».

Эти поиски особенно важны в настоящий момент, когда все человечество пытается выйти из многостороннего цивилизационного кризиса. С этой точки зрения теоретик мир-системного анализа И. Валлерстайн так описывает вклад Чавеса: «Его величие состоит прежде всего в том, что он громче всех бил в набат и призывал людей к решению острейших проблем структурного кризиса капитализма на развилке двух возможных выходов из того хаоса, в который угодила миросистема. Нам жизненно необходимо развернуть широкую дискуссию по вопросу будущего человечества. Если мы не сможем разработать четкие ориентиры, то не сможем одержать победу над теми, кто приведет мир к некапиталистической системе, которая воспроизведет худшие черты капитализма: иерархичность, эксплуатацию и поляризацию общества»⁴⁸.

⁴⁸ Wallerstein I. Después de un líder carismático, ¿qué sigue? // «La Jornada», Mexico, 30.03.2013

**Материалы коллоквиума
«История Боливии в мировой историографии»¹
28 ноября 2012 г.**

А.А. Щелчков²

A.A. Schelchkov

**Основные этапы развития боливийской исторической
науки в XX веке.**

The Bolivian Historiography in XXth Century

Аннотация: В статье анализируются основные этапы развития историографии Боливии в XX веке, от позитивизма к постструктурализму и постмодернизму. Особенностью боливийской историографии, её отличительной чертой является оригинальное направление общественной мысли – индеанизм, получивший большое распространение в середине века и трансформировавшийся в новые постструктуралистские формы в 90-е годы XX века. Анализируется боливийская интерпретация «теории зависимости» и влияние различных направлений марксизма.

Ключевые слова: Историография, Боливия, постструктурализм, индеанизм, национализм.

Abstract: In article are analysed the main stages of development of the Bolivian historiography in the XXth century, from positivism to post-structuralism and a postmodernism. The distinctive feature of the Bolivian historiography is the original glide of social thought – an indeanism gained influence in the middle of the century and transformed to post-structuralist forms in the 90th years of the XXth century.

Keywords: historiography, Bolivia, poststructuralism, indeanism, nationalism

На рубеже веков, XIX и XX вв., в Боливии отмечается бурный рост увлечения исторической тематикой, как в литературе, так и профессиональной среде, хотя о сугубо научном профессионализме стоит говорить лишь применительно ко второй половине XX

¹ Данный коллоквиум проведен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №12-01-00-271а

² Андрей Аркадьевич Щелчков, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Andrey A. Schelchkov, principal researcher of the Institute of Global History. sch2000@mail.ru

века. Большинство пишущих историков в те годы не были таковыми по образованию, чаще всего исторические работы вырастали из увлечения, частного интереса, что порой не умаляло их значимости и глубины мысли³. Основы научного подхода заложил, возможно, единственный профессиональный историк конца XIX в. Габриэль Рене Морено, приверженец заложил основы либерально-позитивистского метода, в рамках которого работали его преемники, такие историки как либерал Луис Пас и консерватор Даниэль Санчес Бустаманте,

Либерально-позитивистская идеология стала доминирующей идеологией с конца XIX в. вплоть до 30-х годов XX в. Однако, именно в это время, практически одновременно с укреплением либерализма как преобладающей политической силы и доминирующей идеологии, начинается кризис этого идейного течения. В Боливии либерализм победил относительно поздно по сравнению с её соседями, странами региона, и поэтому сразу же ощутил воздействие испанского поколения 98 года, модернизма в литературе, общественной мысли и историографии, то есть течения разрушавшего основы позитивизма. В начале XX века в боливийской интеллектуальной жизни появилась новая яркая, привлекавшая к себе всеобщий интерес, фигура писателя Альсидеса Аргедаса (1879 - 1946), декларировавшего себя приверженцем либеральной ортодоксии, но немало сделавшего для её разрушения. Аргедас стал знаменит своей прозой и эссе, но как историку ему принадлежит слава создателя многотомной «Истории Боливии».

Индеец как главное действующее лицо национальной действительности был в центре внимания Аргедаса, одного из немногих признанных за пределами Боливии писателей и историков. Аргедас дебютировал на литературном поприще рассказами «Вата-Вата» и «Писагуа», в которых сразу проявился его интерес к самобытной культуре индейских народов и к исторической тематике. Он был первым боливийским писателем, который в своих произведениях затронул тему индейца. Его повести и рассказы отличались ярким колоритом и свежестью. Однако «образованная» публика в Боливии не обратила внимание на молодого писателя. Аргедас уехал в Европу и жил в Париже 20 лет. В Европе к нему

³ О боливийской исторической науки конца XIX века см. Щелчков А.А. Боливийская общественная и историческая мысль // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI – XIX веков. – М.: Наука, 2010. – С. 340 – 377.

пришла писательская слава.

В 1909 г. вышла наделавшая много шума его книга «Больной народ». Она имела общеконтинентальный резонанс и была благожелательно воспринята интеллигенцией за пределами Боливии. Известный уругвайский мыслитель Хосе Энрике Родо писал автору после прочтения этой книги: «То зло, которое так открыто и честно Вы описываете, свойственно не только Боливии, оно присуще в большей или меньшей степени всей Испаноамерике... Вы называете свою книгу «Больной народ», а я бы назвал ее «Народ-ребенок».⁴

В этом социо-культурологическом эссе Аргедас рассматривал три основные темы: психология расы, политическая практика и историческая судьба Боливии. Аргедас подчеркивал, что Боливия - это прежде всего индейская страна. Он описывал чудовищную нищету и отсталость боливийской деревни, бесчеловечно эксплуатируемой высшими классами и государством. Однако жалость, сострадание и протест против жестокости общества в отношении индейца сочетались с признанием лишь негативной роли индейских народов в истории страны. В его описании индеец предстает пассивным, жалким существом, в котором нет ни желаний, ни страстей.⁵ Впрочем, метис был для него во сто крат хуже индейца. Метис, чоло, - активный участник политической жизни, которую Аргедас ненавидит и презирает. Для него чоло - это воплощение лени, варварства, алкоголизма и прочих пороков. Чоло объединяет худшие черты обеих рас. Левый социолог и писатель Карлос Мединасели так характеризовал взгляды Аргедаса: «Как «Больной народ», так и его другие книги по истории сверх меры переполнены расовыми и кастовыми предрассудками».⁶

В своем многотомном труде «История Боливии» Аргедас обрушился на чоло, эгоизм и низкие страсти толпы, плебса. В истории Боливии он видит лишь торжество варварства и деградацию образованных классов. Предательство, мелочный эгоизм правителей, опиравшихся на низкую в своих потребностях и страстях толпу, чоладу, завели страну в политический и социальный тупик. «История Боливии» Аргедаса - это многотомная хроника преступлений и низостей чоло, толпы, главной опоры власти тиранов и военных диктаторов. «И его «Больной народ», и его исторические книги, -

⁴ Arguedas A. Pueblo enfermo. – La Paz: Juventud, 1992. – P. V.

⁵ Arguedas A. Pueblo enfermo. – P.39 - 43.

⁶ Ensayos y critica: revoluciones bolivianas, guerras internacionales y escritores. – La Paz: Editorial Juventud, 1961. – P.71.

писал исследователь его творчества Р. Саламанка, - бичуют, ранят, обижают. Аргедас хотел изыскать лекарства, которые бы вылечили болезни, которые он обнаружил у своей страны, и в этом он потерпел самое большое поражение... Его книги разделили страну. До сего дня его книги борются, сражаются и ссорят боливийцев: они нас разделили на тех, кто с Аргедасом, и кто против него»⁷.

Страстные, протестующие против эксплуатации и варварства страницы «Больного народа» были наполнены пессимизмом и неверием в собственную страну. Все, что Аргедас встречал в Боливии, приводило его в уныние. Он не видел никакой исторической перспективы для своей страны, если она не избавится от «индейского атавизма». Аргедас полностью следовал доминирующему тогда негативному мнению относительно жизнеспособности индейских народов. Вместе с тем он впервые показал стране, что ее отсталость и «варварство» были вызваны не внешними условиями, а были следствием внутренних дефектов, падения морали и отсутствия благородных устремлений в обществе.

Видный боливийский литературовед, историк, а также крупный политический деятель эпохи «государственного социализма», один из лидеров Социалистической партии, министр иностранных дел в правительстве Хермана Буша, Энрике Финот справедливо писал об исторических трудах Аргедаса: «Его история пессимистична, он считал необходимым показать это героическими метафорами, чтобы упрекнуть "больной народ" за его ошибки и недостатки. Поскольку в целом он не анализирует причин стольких несчастий..., его выводы историка, хотя и отличаются обычным прагматизмом, не предлагают никакого способа решения проблем».⁸

Поступательный ход всемирной истории Аргедас противопоставлялся боливийской действительности. В своего рода "библейской" проповеди катастрофы он не видел выхода для Боливии. Он ставил свою страну за рамки общечеловеческого прогресса и цивилизации. С поэтической нежностью и печалью он описывал свою родину: «Пампа зимою похожа на море, но это мертвое море, без волн, без волнения, отталкивающее, враждебное... Здесь чувствуется покинутость, одиночество, здесь нет места мечте и свободе. Поэтому здесь нет поэтов».⁹ Аргедас стремился показать,

⁷ Salamanca L.R. Vigencia del Arguedismo en Bolivia // Kollasuyo. – No.64, – 1947. – La Paz, 1947. – P. 44.

⁸ Finot E. Nueva historia de Bolivia. – Buenos Aires: Ed. Patiño, 1946. – P.393.

⁹ Arguedas A. Op.cit., P. 16 - 17.

что того прогресса, о котором говорят позитивисты, в Боливии нет, скорее есть патологическая обреченность расы и страны.

Веря в непобедимость и неизбежность прогресса, Аргедас глубоко переживал отсталость своей страны. Он был убежден, что для перемен в жизни Боливии, для всеохватывающей реформы достаточно его моральных назиданий. Как писал его биограф Густаво Адольфо Отеро: «Аргедас прежде всего был писателем-моралистом, а не философом или мыслителем».¹⁰ Аргедас отошёл от позитивистских принципов. Он выступает морализатором и крайним пессимистом. Аргедас так выразил своё понимание истории: «История – это мораль в действии»¹¹. Не будучи пессимистом по своим взглядам и оставаясь континентом и либералом, Аргедас нанес самый ощутимый удар по идее прогресса, по позитивистскому историческому оптимизму. Вполне заслуженно его считают основателем боливийского индеанизма¹². При этом следует отметить, что все позднейшие представители индеанизма как с права, так и слева считали Аргедаса своим самым главным идейным врагом.

Одновременно с Аргедасом принципы индеанизма формулирует Франц Тамайо, который не оставил исторических произведений, но его работы и идеи создали основу боливийского индеанизма и национал-реформизма, хотя сам Тамайо был убеждённым противником политического национализма в Боливии. В первой половине века большой толчок развитию индеанистских идей дали исторические и антропологические работы Артуро Поснанки о Тиуанаку.

Период конца 20-х - 30-х годов был временем тектонических сдвигов в настроениях общества, идейно-политического кризиса и началом нового, очень продуктивного в сфере общественных наук этапа развития. Это было время бурных идеологических баталий. На общественной сцене появились такие яркие мыслители как Х. Мендоса (один из первых идейных революционеров), Ф. Авила, У. Пальса, К. Мединасели, Р. Пруденсио, Т. Мароф. В исторической науке событием был выход книги «Национализм и колониализм» идеолога и одного из основателей партии МНР, теории «революционного национализма» Карлоса Монтенегро, ставшая отчасти

¹⁰ Marof T. Ensayos y critica. – P.52.

¹¹ Abecia Baldivieso V. Historiografía boliviana. – La Paz: Editorial Juventud, 1973. – P. 379.

¹² См. Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии, 1936 – 1939. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 65 – 96.

«священным писанием» боливийского национал-реформизма. Основной идеологический тезис этой работы состоял в противопоставлении нации и анти-нации в лице креольской олигархии. Монтенегро полностью отметал постулаты позитивизма, но предлагал упрощенную с научной точки зрения интерпретацию национальной истории, хотя впервые в историографии обращался к теме народных масс, до сего времени ограничивавшейся элитистским подходом.

После революции 1952 г. доминирующей идеологией становится «революционный национализм», олицетворённый партией МНР. Преобладают исследования истории революции, народных движений, идеологии национализма. Здесь следует упомянуть работы Л. Пеньялосы, Л. Антесана Эргета, Г. Бедрегалья, которые за исключением некоторых работ не представляют особого научного интереса в виду их идеологической и партийной ангажированности.

Под влиянием ревизионизма, прежде всего аргентинского, в Боливии в середине века также появились работы, выдержанные в подобном духе. Из самых интересных следует упомянуть Роберто Пруденсио. Однако ревизионизм не имел такого же значения в боливийской историографии как в соседних странах, Аргентине и Чили. В Боливии большим влиянием пользовались революционные идеи, а ревизионизм как альтернатива либерализму и позитивизму не представлял собой привлекательную идеологическую модель. Надо сказать, что через полвека очищенный от консервативного идеологического влияния ревизионизм, его можно назвать как нео-ревизионизм, в конце XX в. приобрёл большое влияние в противостоянии нео-либерализму и пост-модернизму.

Тогда же в 30-40-е годы появились первые марксистские работы, посвящённые истории Боливии. Марксизм постепенно занял очень важное место в боливийской исторической науке, которое было заметным вплоть до конца XX в. В Боливии в отличие от многих стран Латинской Америки получил распространение неортодоксальный (читай несоветский) марксизм. В 40-50-е годы марксисты делились на последователей первого популяризатора марксизма Х.А. Арсе¹³ (сторонникилевой революционной партии - ПИР) и троцкистов. Среди первых следует назвать таких истори-

¹³ Подробно о марксизме Х.А. Арсе см. Щелчков А.А., Иана И. Боливийская революция (1952 - 1953)//Марксизм-ленинизм и Латинская Америка. – Т. 2. – М.: Наука, 1989. – С. 33 – 35.

ков как А. Уркиди, М. Бонифас, Р. Даса, С. Альмарас Пас. Троцкистское направление было очень плодотворным и не менее разнообразным, чем пиристское. Многие молодые боливийские историки отдали дань увлечения троцкизмом, хотя впоследствии отказались от идеологизации своих исторических исследований (после революции 1952 г. многие вступили в партию МНР и восприняли терминологию «революционного национализма» и отошли от троцкизма). Среди боливийских историков XX века особое место занимает блестящий учёный и политик, один из основателей троцкистского движения Гильермо Лора, автор многотомной «Истории рабочего движения в Боливии». Не меньшей величиной был очень плодотворный историк, также троцкист Алипио Валенсия Вега. Марксисты про-советского направления, как например, Х. Овандо Санс, вписывали социальные процессы в формационную схему смены феодализма капитализмом, рассматривали процессы первоначального накопления, феодальных пережитков в деревне в духе европоцентристских моделей аграрной реформы. По существу, такой подход (как троцкистский, так и про-советских марксистов) был проявлением нео-колониалистского сознания.

История как профессиональное призвание, как научная отрасль появляется в Боливии не ранее 60-х годов XX века. Только с 1966 г. в университетах (в Ла-Пасе, UMSA) появляется такая специальность как история. С этого момента мы можем говорить о появлении профессиональных историков, а в предыдущую эпоху историками были учёные-самоучки, журналисты, писатели, политические деятели, дипломаты (что несколько не уменьшает ценности их выводов и изложения материала, хотя такие «детали» как корректное цитирование, ссылки и прочее многими игнорировались). Их методологической основой продолжал оставаться позитивизм и историцизм, и примыкавший к ним марксизм различных модификаций.

Тогда же происходит становление архивного дела, превращение Национального архива Боливии под руководством выдающегося архивиста и историка Гуннара Мендосы Лосы в крупнейший научный центр. Благодаря усилиям группы Гуннара Мендосы Национальный архив добился признания как одного из лучших в Южной Америке по своей организации и каталогизации материалов, что также способствовало расцвету исторических исследований в последующие годы, в конце XX века. Библиографические и архивные исследования проводил Х. Бернадас (каталонец, национализировавшийся в Боливии), также занимавшийся индейскими и церковными проблемами.

Огромное влияние на становление профессиональной исторической науки оказали американские антропологи и социологи, много работавшие в Боливии в области аграрных отношений. Расцвет этой сферы культурной и социальной антропологии в боливистику США приходится на 60-70-е годы. Результатом их прямого контакта с боливийскими историками было увлечение многих исследователей структурализмом, методами социальной антропологии.

Начало 70-х годов характеризовалось революционными изменениями в исторической науке. Во всем мире, и в Латинской Америке не в последнюю очередь, огромное значение имели события «мировой революции» 1968 г., способствовавшие развороту многих учёных в сторону нео (или пост)-марксизма, структурализма, к поиску синтеза достижений «школы Анналов» и марксизма. В Боливии к этим факторам следует добавить влияние событий Ньян-куасу (геррилья Че Гевары), лево-националистический эксперимент Х.Х. Торреса, и последовавшие за ними годы военной диктатуры. Многие представители интеллигенции стали приверженцами левых идей. Именно в эти годы Рене Савалета Меркадо, Марсело Кирога Санта-Крус разрабатывают новую левую альтернативу в общественной науке, не смыкающуюся во многом с традиционными левыми историками марксистами различных направлений.

В 70-е годы наибольшую популярность, как и других странах континента, приобретает «теория зависимости», которая в Боливии с энтузиазмом была воспринята марксистскими и лево-националистическими исследователями. Среди таких авторов следует назвать Пабло Рамоса Санчеса, Х.М. де ла Куэва. Последователи этого метода успешно работали в последующие годы, оставив значительные труды по экономической истории – А. Антесана С., Л. Пеньялоса Кордеро. В 70-е годы в историографии преобладали исследования военных режимов, олигархических групп и империалистического проникновения.

В 80-е - 90-е годы на континенте (там ранее, ещё в 70-е годы) и в Боливии возникает интерес к истории «исключённых» (*excluyentes*) социальных, расовых групп и слоёв. В Боливии в центре внимания многих исследователей оказались городские низы, шахтёры, и главное – индейское крестьянство. Наибольшего успеха удалось достичь исследователям индейских культур. Многие из них часто были связаны с политическим индеанизмом, катаризмом, с такими общественными институтами как CIPCA (*Centro de Información y promoción del campesinado*). Большую роль в изучении

крестьянства и новых подходов к истории индейских народов сыграла созданная в 1983 г. «Группа устной андской истории» (Taller de Historia Oral Andina, ТНОА). Речь идёт о таких известных учёных как Сильвия Ривера Кусиканки, (основательница ТНОА), Хавьер Альбо, С. Уртадо, Х.М. Гордильо, Роберто Чоке Канки.

В 90-е годы на континенте большое влияние приобретают постмодернистские, постструктуралистские подходы к истории. Безусловно, это тенденции имели иностранное происхождение, импульс к их распространению исходил из мировых центров гуманитарного знания, из Европы и США. Новые тенденции в науке имели широкое распространение в таких странах как Мексика, Бразилия, Чили, где многие боливийские историки нового поколения получали образование или проходили стажировки по стипендиям различных фондов. Как утверждал бразильский специалист по методологии истории Ж. Малерба, латиноамериканская историография в конце XX века отставала примерно на два десятилетия от тематических, теоретических и эпистемологических изменений, произошедших в крупных мировых центрах, откуда заимствовались историографические модели¹⁴. Боливия следовала им с ещё большим запаздыванием, но по тем же направлениям, что и остальные страны региона. Важное место в этом процессе проникновения новой европейской и североамериканской исторической науки заняли такие научные институты как CLACSO, Centro de estudios Regionales andinos B. De las Casas в Куско и Французский Андский институт в Лиме.

Возросший интерес к постмодернизму на рубеже столетий был обусловлен общим духовным и социально-культурным кризисом начала 2000-х г., когда неолиберальная система в Боливии вступила в период упадка и в некоторой степени морального кризиса в обществе. Эту тенденцию в Боливии удалось достаточно быстро преодолеть после начала «революции Эво Моралеса», поставившую в повестку дня новые культурно-исторические перспективы, отвергавшие неолиберальную парадигму. Тем не менее, постструктурализм привёл к появлению новой истории, новых эпистемологических подходов. Стала преобладать микроистория, отдельные изолированные сферы исследований, разрушавшие единое историческое познание на отдельные «истории культуры», распадавшейся на самостоятельные истории: истории женщин, ис-

¹⁴ Малерба Ж. История в Латинской Америке. Очерк историографической критики. – М.: Канон, 2011. – С. 89 – 90.

тории индейцев, истории стариков, истории уголовного мира, истории геев, истории низов, различных субкультур и рас. Этот подход расчленил общество на различные и невзаимосвязанные субкультуры, в том числе и региональные истории, разрушая целостность исторического познания. Это направление получило название «новой истории культуры», которое противопоставлялось до того времени доминировавшей социальной и экономической истории. В рамках этой тенденции главной становится дихотомия общества по линии противопоставления модерности и традиции (*tradición – modernidad*). Предлагалось полностью отказаться от исследования колониализма, империализма, зависимости, эти понятия превращались в историческую топонимику, но не более. Как отмечали идеологи постмодернизма, термины «вроде левый и правый, базис и надстройка, производство и воспроизводство, материализм и идеализм» стали «почти бесполезными и могут воспользоваться разве что для сохранения предрассудков»¹⁵.

Постструктурализм на определённом этапе, особенно в конце 90-х годов, сделал немало для разрушения устоявшихся догм и линейных подходов к истории страны, которые восходили либо к национал-реформистской, либо к марксистской традиции (именно в той форме, которая была свойственна троцкистам и просоветским марксистам). Он был важен как оружие разрушения стереотипов и был очень продуктивен, но привёл к разрушению целостного понимания истории, к неоправданной фрагментации исторических исследований. В Боливии это процесс в полной мере проявился уже после 2000 г.

Многие самые успешные историки этого периода пытались совместить в различных комбинациях постмодернизм и марксизм (Р. Барраган). На преодолении увлечений постструктурализмом и парадигм традиционного (догматического марксизма) появилось новое поколение боливийских историков, во многом возвращавшихся к постулатам «школы Анналов» и английского неомарксизма, «новых левых» (особенно популярными были работы англичан Э. Хобсбаума, П. Андерсена, Э. Томпсона, английских латиноамериканистов и специалиста по истории Боливии Дж. Дюнкерлея, Тристана Платта). Среди тем, занявших важное место в историографии, было изучение элит. Среди новых историков выделяются работы Роберто Лаура, Беатрис Россельс, Клары Бель-

¹⁵ Андерсон П. Истоки постмодернизма. – М.: Территория будущего, 2011. – С. 15.

тран, Химены Соруко.

Наряду с «новой культурной историей» в эти годы появляется так называемая «новая политическая история», которая почти исключительно посвятила себя изучению «представительства», «*imaginario colectivo*», «исторической памяти». Темы демократии, политического гражданства, представительства, гражданских праздников, ритуалов и подобное вытесняют все прочие темы политической истории. Большое влияние на боливийских историков оказали европейские коллеги, такие как Марта Ируроски, М.Д. Демелас, Ф. Мартинес, которые работали в тесном сотрудничестве с боливийскими учёными (например, Е. Бридыхина и ее работа «*Fiestas cívicas*). Ну и не следует забывать о влиянии соседних стран, например Аргентины, работ Хосе Карлоса Кьярамонте о формировании нации. В этом новом направлении, которое доминирует в 2000 – 2010 гг., сочетаются влияния структурализма, постструктурализма, социологии и антропологии.

На современном этапе происходит бурное развитие боливийской исторической науки, растёт число исследователей, стало нормой работа в архивах, разрабатывается местная и региональная тематика, издаются многочисленные научные журналы *Estudios bolivianos*, *Tinkazos*, *Historia y Cultura*, *Anuario del ABNB* и другие. Среди нового поколения историков следует назвать таких успешных учёных как Россана Барраган, М.Л. Соус (Soux), Г. Острия Родригес, Беатрис Россельс, К. Бельтран, Р. Кальдерон Хемио и многие другие. Регулярно проводятся научные конгрессы Ассоциации боливийских исследований, на которые собираются десятки учёных не только из Боливии, но и из других стран мира.

Марта Ируроски¹
Marta Irurozqui

**Народ и представительство в историографическом дискурсе
и политике в Боливии, 1825 – 1922 гг.**

**The people and the representation in Bolivian historiography
and politics, 1825-1922.**

Аннотация: Развитие боливийской исторической науки с момента её возникновения в середине XIX в. было связано с поиском пути создания современной нации. Если первые историки в анализе прошлого, выделяли индивидуальный путь достижения человеком статуса гражданина, а для всего народа предполагали развитие от плебса до суверенного народа, считая просвещение единственным способом формирования гражданственности, то писатели и историки начала XX века единственным способом строительства нации считали ликвидацию её полиэтничности, уничтожение «деградированных рас» индейцев и метисов, что должно было стать частью процесса европеизации страны, как единственного условия вхождения в цивилизованный мир и индустриальное общество.

Ключевые слова: расовое и этническое многообразие, историография, Боливия, позитивизм, М. Х. Кортес, Н. Агирре, А. Аргедас

Abstract: The evolution of the Bolivian historiography since its birth in the middle of the 19th century was intimately connected to the social thought in its search for the creation of the modern nation and conscious citizens. The first historians emphasized in the past the examples of the individual elevation to the citizen's standard, the cases when plebs could achieve the status of the sovereign people and believed that the education was the right way to the citizen's virtue. However, in the beginning of the 20th century the Bolivian writers and historians considered that it was necessary to destroy the polyethnicity and "decadent" indigenous and mestizo races in order to create the Nation; it was seen as a part of the Europeanization of Bolivia, as the only way to the civilized world and industrial society

Keywords: racial and ethnic diversity, historiography, Bolivia, positivism, M.J. Cortes, N. Aguirre, A. Arguedas.

¹ Институт истории Высшего совет по науке Испании – IH-CSIC marta.irurozqui@cchs.csic.es

После победы Эво Моралеса и его партии МАС (Движение к социализму) на президентских выборах в 2005 г. в различных средствах массовой информации Боливии появились двойственные определения индейского населения и его роли в национальной политике. Говорилось, что «доколумбовые культуры по сути были глубоко демократичны, не знали подчинения и эксплуатации», что именно угнетаемые столетиями индейские народы «являются воплощением отсутствия уважения к современной гражданской культуре, правам человека и критической позиции других». Звучали слова, что индейские общества наконец «возьмут политическую власть после пятисот лет своего маргинального существования», «установят собственную модель без разрушающего влияния севера», создадут предпосылки благосостояния, добившись доступа на рынки, благ просвещения, лучшего уровня жизни. В то время даже стали говорить об особом «андском капитализме»². Эти комментарии демонстрируют «этнический» политический подход, при котором действующие общественные силы рассуждают в расовых терминах³, когда используется категория «индейцы», используемая сегодня применительно к Эво Моралесу) или «чоло» - термин, бывший популярным в предыдущие годы. Однако все эти понятия подразумевали исключение определённых групп из системы политического представительства или легитимации власти. Как в историографии отразилась эта поляризованность дискурса, в котором этническая характеристика идентифицирует политического лидера как индейца, чоло или белого?

Как ни странно, журналистские наблюдения совпадают с размышлениями учёных, которые говорили об этом начиная со второй половины XIX в. С одной стороны, они считали, что проект создания боливийского государства (нации) потерпел крах из-за

² H.C.F. Mansilla, “El ámbito precolombino y la cultura autoritaria”. // La Prensa, La Paz, 30 de octubre de 2005; “La aristocracia tradicional y la moderna elite política”. // La Prensa, La Paz, 27 de noviembre de 2005; “Las áreas donde se origina el sentimiento de crisis”. // La Prensa, La Paz, 1 de enero de 2006; Xavier Iturralde, “Primitivismo político o modernidad”. // Bolpress, 11 de enero de 2006; “Entrevista A Álvaro García Linera: El evismo está marcando una línea continental”. // La Prensa, Editores Asociados S.A.. La Paz, 3 de enero de 2006. “La vía Evo Morales”. // El País. Madrid, 5 de enero de 2006.

³ García Á., Gutiérrez R., Prada R., Quispe F., Tapia L. Tiempos de rebelión. – La Paz, Muela del Diablo Editores, 2001

желания креолов и метисов построить нацию, отрицая права большинства населения страны (женщин и индейцев), в результате возник «национализм без нации»⁴. С другой стороны, индейцев рассматривали как расу, которая была неспособна адаптироваться к современной цивилизации, продолжала придерживаться традиционной ментальности, осталась чуждой западным ценностям, нежелающей принять условия функционирования политической системы. Несмотря на различия этих двух подходов, оба исходят из посылки, что индейцы представляют некую «иную» сущность, неспособную к саморазвитию и адаптации к переменам⁵.

В историографии уже имеется множество исследований, отрицающих тезис о полном исключении индейцев из политики⁶. По-

⁴ Это понятие ввела французская исследовательница Мари Даниэль Демелас - Demelas M.D. *Nationalisme sans nation. La Bolivia aux siecle XIXe-XXe siecles.* – Paris, Editions du CNRS, 1980.

⁵ Критика этого подхода см - Méndez C. *The Power of Naming, or the Construction of Ethnic and National Identities in Peru: Myth, History and the Iquichanos.* // *Past and Present*, – no. 171. – Oxford, 2001.

⁶ Alda S. *La participación indígena en la construcción de la república de Guatemala, s. XIX.* – Madrid: UAM, 2000; Avendaño X. *Procesos electorales y clase política en la Federación de Centroamérica (1810-1840).* Tesis de doctorado – El Colegio de México, 1995; *Los ejes de la disputa: movimientos sociales y actores colectivos/ Escobar A., Falcón R. (coords.),* – Madrid, Iberoamericana, 2002; Dym J. *La soberanía de los pueblos: ciudad e independencia en Centroamérica, 1808-1823.*// *Revolución, independencia y las Nuevas Naciones / Jaime E. Rodríguez O. (coord.),* – Madrid: Fundación Mapfre-Tavera, 2005, – P. 309-338; Rodríguez J.E. *Las primeras elecciones constitucionales en el reino de Quito, 1809-1814 y 1821-1822.*// *Procesos. Revista Ecuatoriana de Historia* – No.14. – Quito, 1999. – P. 3-52; Morelli F. *Un neosincretismo político. Representación política y sociedad indígena durante el primer liberalismo hispanoamericano: el caso de la Audiencia de Quito (1813-1830)* // *Muchas Hispanoamérica. Antropología, historia y enfoques culturales en los estudios latinoamericanos.*/ Thomas Krüggeler y Ulrich Mücke (eds.), – Madrid y Frankfurt: Iberoamericana y Vervuert, 2001 – P. 151-165; Peralta V. *En defensa de la autoridad. Política y cultura bajo el gobierno del virrey Abascal, 1806-1816.* – Madrid: CSIC, 2003; Mallon F. *Peasant and Nation. The Making of Postcolonial Mexico and Perú.* – Berkeley: University of California Press, 1995; Walker C. *Montoneros, bandoleros, malhechores: criminalidad y política en las primeras décadas republicanas*// *Bandoleros, abigeos y montoneros.*/ Carlos Aguirre y Charles Walker (eds.) – Lima: Instituto de Apoyo Agrario, 1990; Thurner M. *From Two Republics to One Divided. Contradictions of Postcolonial Na-*

этому здесь мы не станем подробно останавливаться на его доказательствах, а сконцентрируем свое внимание на теме исторической субъектности индейцев. Нам необходимо прийти преодолеть расовые стереотипы и перейти к анализу этой концепции во времени, а также определить место индейского компонента населения наряду с белыми и метисами в общем контексте строительства нации.

Историография XIX в. исходила из необходимости легитимации нового национального государства, из потребности создания коллективной идентичности, которая станет основой общественного устройства и осознания своего места в нем отдельных социальных групп. Эта историография способствовала формированию коллективного самосознания, стереотипов и мифологии, в том числе и индейской. Она должна была удовлетворить интерес социальных групп и элит в создании своей новой генеалогии нации, нового национального чувства⁷. Первые историки Латинской Америки фактически были участниками строительства независимых республик⁸, а со временем некоторые из них стали отцами-основателями местных историографических школ. Все они рассматривали свою собственную историю как продолжение европейской, а усвоение европейского опыта становилось основной целью нации. Но достижения европейской цивилизации никак не приходили, и объяснять это приходилось либо провалом европеизации, либо её запаздыванием.

tionmaking in Andean Perú. – Durham y Londres: Duke University Press, 1997; Méndez C. The Plebeian Republic: The Huanta Rebellion and the Making of the Peruvian State: Ayacucho, 1820-1850. – Durham: Duke University Press, 2005; Quijada M., Bernard C., Schneider A. Homogeneidad y nación. Con un estudio de caso: Argentina, siglos XIX-XX. – Madrid: CSIC, 2000; Guarisco C. Etnicidad y ciudadanía en México y Perú (1770-1850). – Toluca: Colegio Mexicanense, 2004; Irurozqui M. El bautismo de la violencia. Indígenas patriotas en la revolución de 1870 en Bolivia. // Identidad, ciudadanía y participación popular desde la colonia al siglo XX. / Josefa Salmón y Guillermo Delgado (eds.) – La Paz: Ed. Plural, 2003 – P. 115-152.

⁷ О просвещении, статистике, истории как инструменте построения нации см. Zermeño G. La Historia, una ciencia de Estado. Notas sobre la función social del historiador en México del siglo XIX. // Los Intelectuales latinoamericanos entre la modernidad y la tradición, siglos XIX y XX. / Hugo Cancino (coord.), – Cuadernos de Historia Latinoamericana – 11. – Frankfurt, Ahila-Iberoamericana-Vervuet, 2005 – P. 19-33.

⁸ Barnadas J. Gabriel René Moreno (1836-1908): drama y gloria de un boliviano. – La Paz, Ed. Altiplano, 1988 – P. 144

Если первый этап национальной истории строился на противостоянии колониальному угнетению, то ее последующие этапы следовало объяснять по-другому. В поисках ответа на этот вопрос историки обратились к моральному состоянию населения, объясняя неуспех в достижении всеобщего благосостояния природой самого народа. Соответственно, критике подвергались те черты народного характера, что тормозили развитие страны, а именно, архаичные и унаследованные со времён колонии пережитки, то есть острие этой критики было направлено против Испании. К тому же низшие классы общества отставали в обретении национального самосознания и оставались в подчинённом положении, что привело к их устранению от процесса формирования национальной идентичности⁹. Дискурс боливийской историографии XIX века был исключительно элитистским.

Однако самой сложной проблемой в этом дискурсе было определение места индейцев и метисов в истории белых. Хотя подходы первых боливийских историков отличались узким толкованием проблемы, со временем они постепенно стали стремиться к большей объективности¹⁰. Эта политика исключения была обусловлена логикой власти XIX и начала XX в., и с тех пор ушла в прошлое, тем не менее, подобные выводы и логика до сих пор повторяются из раза в раз как академическими, так и медийными кругами. Здесь мы анализируем эту историографию, ограничившись периодом после завоевания в 1825 г. независимости Боливии до выхода в 1922 г. «Всеобщей истории Боливии» Альсидеса Аргедаса, автора, который несёт ответственность за идею объяснения всех бед Боливии расовыми проблемами¹¹.

⁹ Bradford Burns E. *La pobreza del progreso*. – México, S. XXI editores, 1990 – P. 48-65; Unzueta F. *La imaginación histórica y el romance nacional en Hispanoamérica*. – Lima-Berkeley, Latinoamericana Editores, 1996 – P. 22

¹⁰ Barragán R. *¿Categoría fiscal o categoría social? La campesinización del indio*. // Cuadernos de Historia Latinoamericana: Estado-nación, comunidad indígena, industria. Tres debates al final del milenio. / Hans Joachim König, Tristan Platt y Colin Lewis (coords.), – AHILA – 8. – Ridderkerk, 2000 – P. 143-167; Lavaud J-P., Lestage F. *Contar a los indígenas: Bolivia, México, Estados Unidos*. // Tinkazos – 13. – La Paz, 2002, – P. 11-50

¹¹ Об Альсидесе Аргедасе см. Barragán R. *Tramas, dramas, epopeyas y mitos en las historias bolivianas del siglo XIX* // *Historias... de mitos de ayer y hoy*. Revista de la Coordinadora de Historia – no. 4. – La Paz, 2000 – P. 51-94; Arnade C. *La historiografía colonial y moderna de Bolivia* // *Historia y Cultura* – 12. – La Paz, 1987 – P. 141-194; Ocampo E. *Reflexiones sobre la historiografía*

Как писал современный историк Фернандо Унсуэта, «изучение истории связано с дискурсивным строительством нации, а роман предназначен представить историю, нравы, идеи, чувства молодых обществ континента, которые лишь формируют своё национальное самосознание»¹², а история ещё не отделяется от литературы. Эти историки играли активную роль в формировании политических институтов в своих странах, они были не только объектами истории, но и субъектами интерпретации, претендовали на создание ориентиров для своих стран¹³.

Таковыми историками были Мануэль Санчес де Веласко (1784 – 1864), Мануэль Хосе Кортес (1811 – 1865), Рамон Сотомайор Вальдес¹⁴ (1830 – 1903), Габриэль Рене Морено¹⁵ (1836 – 1908) и Альсидес Аргендас¹⁶, которые в свою очередь опирались на труды

boliviana. – Cochabamba, UMSS, 1953, – P. 34-65; Abecia Valdivieso V. Historiografía boliviana. – La Paz: Ed. Letras, 1965; Albarracín Millán J. Orígenes del pensamiento social contemporáneo de Bolivia. – T. I. – La Paz: Empresa Editora Universo, 1976; Albarracín Millán J. El gran debate. Positivismo e irracionalismo en el estudio de la sociedad boliviana. – T. II. – La Paz: Empresa editora Universo, 1978; Albarracín Millán J. La sociedad opresora. Corrientes eclécticas de transición del positivismo al marxismo. – T. III. – La Paz: Empresa editora Universo, 1979; Sandoval I. La historia de la historiografía nacional. // Presencia Literaria – 9 de enero. – La Paz, 1983; Francovich G. La filosofía de la historia. – La Paz: Ed. Juventud, 1987.

¹² Unzueta, La imaginación, – P. 143; Finot E. Historia de la literatura boliviana. – La Paz: Ed. Gisbert, 1964; Diez de Medina F. Literatura boliviana. – La Paz: Los Amigos del Libro, 1981; Bastos I. Imaginario liberal e indigenismo estatal. //Memorias Jornadas Andinas de Literatura Latinoamericana. – La Paz: Plural Editores, 1995

¹³ Unzueta, La imaginación, – P. 63.

¹⁴ Он был чилийцем, жил в Боливии в качестве дипломата, о нем см. Щелчков А.А. Историческая наука и общественная мысль Чили в XIX в. // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI – XIX веков. – М.: Наука, 2010. – С. 300 – 301.

¹⁵ Condarco Morales R. Grandeza y soledad de Moreno. Esbozo bio-biográfico. – La Paz: Talleres Gráficos Bolivianos, 1971

¹⁶ Albarracín Millán J. Alcides Arguedas: la conciencia de una época. – La Paz: Universo, 1979; Epistolario de Arguedas. La generación de la amargura. / José Luis Roca (ed.), – La Paz: Fundación Manuel Vicente Ballivián, 1979; Lorente Medina A. Alcides Arguedas y la literatura nacional boliviana. // Epos – 2 – P. 177-185; Medinaceli C. La inactualidad de Alcides Arguedas. – La Paz: Los Amigos del Libro, 1972; Baptista Gumucio M. Alcides Arguedas: Juicios boli-

Луиса Мариано Гусмана (1820 – 1886), Мануэля Марию Уркульо (1785 – 1856), Мигеля Марии Агирре (1798 – 1873), Хосе Марии Сантиваньеса и Хуана Рамона Муньоса Кабреры (1819 – 1869). Вслед за ними идут такие писатели как Ригоберто Паредес (1870 – 1950), Хуан Франсиско Бедрегаль (1883 – 1955), Хосе Сальмон Бальивиан (1881 – 1963), Мануэль Висенте Бальивиан (1848 – 1921), Баутиста Сааведра (1869 – 1939), Октавио Саламанка (1873 – 1953), Карлос Ромеро (1888 – 1962). Многие авторы повествовали о своём личном опыте, мало кто обращался к документам и архивам, большинство разделяло позитивистский подход к историческому исследованию, будучи убеждены, что история обладает моральными и педагогическими свойствами¹⁷.

К историческому изложению обращались писатели Висенте Бальивиан (1810 – 1891), Бартоломе Митре (1821 – 1906), Натаниэль Агирре (1843 – 1888), Альсидес Аргедас, Деметрио Канелас (1881 – 1964), Энрике Финот (1890 – 1952), Армандо Чирчевес (1881 – 1926), Густаво Наварро – Тристан Мароф (1898 – 1979). По словам Н. Агирре, роман и повесть являются не только вспомогательным жанром истории, но и стимулом для исследователя, а главное, содержат основные компоненты формирования национального чувства¹⁸. История и литература являются инструментами национального самосознания, при этом литература превращалась в носителя исторической правды, ибо познание прошлого составляет основу национального осознания идеала будущего.¹⁹

Колония

Все вышеупомянутые авторы исходили из представления, что колониальный период является базовым для понимания последующего развития национальной истории. Война за независимость представлялась им формой интерпретации прошлого и одновременно разрывом с ним. Поместив войну за независимость в центр интерпретации национальной истории, они рассматривали доко-

vianos sobre el autor de Pueblo Enfermo. – La Paz: Amigos del Libro, 1979.

¹⁷ Burns, La pobreza, – P. 51, 56; Paz Soldán, Alcides, – P. 56

¹⁸ Aguirre, Juan..., – P. 8.

¹⁹ Irurozqui M. Insolidarios y sangrientos. El indio en Juan de La Rosa y la Guerra Federal de 1899.// El Caribe y América Latina: el 98 en la coyuntura imperial. /Teresa Cortes, Consuelo Naranjo y Alfredo Uribe (eds.), – Morelia, Universidad Michoacana de San Nicolás de Hidalgo, 1998 – P. 335-356.

лумбовый период и колониальное время как подготовку республиканской истории.

Говоря о колониальном наследии, Мануэль Санчес де Веласко называет события 25 мая 1826 г. днём боливийской славы, «объединившим усилия свободного народа, который последующие 15 лет боролся с оковами угнетения». Благодаря обретению независимости боливийцы смогли развить своё достоинство, подняться до уровня цивилизации²⁰. М.Х. Кортес заявлял, что «у рабства нет истории», и лишь с обретением независимости у испаноамериканских народов начинается собственная история. Причина войны за независимость виделась им не в наполеоновском нашествии в Испанию, а в «неравенстве испанцев и американцев, вывозе ренты из Америки, в препятствиях для торговли и всяком ином насилии». Но для нормального развития нужны были новые институты власти, а страна унаследовала лишь те, что существовали в течении трехсот лет испанского господства²¹. Сотомайор Вальдес признавал, что испаноамериканская революция привела в движение полмира, вовлекая его в сферу «эмиграции, промышленности, демократического управления».²² А Г. Рене Морено хотя и утверждал, что «индейцы, метисы, креолы, все без различия любили Мать родину, Испанию, и были вполне довольны её правлением», но соглашался при этом с критиками испанского наследия, «которое оставило латиноамериканцам дух слепого подчинения, отсутствие личной инициативы, полное подчинение властям»²³.

Связь «обычаев рабства и унижения» с колониальным прошлым прослеживается в романе «Соледад» Б. Митре. События там происходят в Боливии в 1826 г. Главное действующее лицо Соледад, потерявшая все своё семейное имущество во время войны из-за принадлежности отца к патриотам, будучи принуждена

²⁰ Sánchez M. Memorias para la Historia de Bolivia desde el año de 1808 por el coronel Manuel Sánchez en la ciudad de Sucre. Año de 1848. – Sucre, Charcas, 1938 – P. II-III, 167.

²¹ José Cortés M. Ensayo sobre la historia de Bolivia. – La Paz: Empresa Editora Ltda., 1981 (1861) – P. 29, 45-48, 121.

²² Sotomayor Valdés R. Estudio Histórico de Bolivia bajo la administración del general José María de Achá con una introducción que contiene el compendio de la guerra de la Independencia y de los gobiernos de dicha república hasta 1861. – Santiago, Imp. Andrés Bello, 1874, – P. 6-7, 9

²³ Rene Moreno G. Últimos días coloniales en el Alto Perú. – La Paz, Juventud, 1997 (1896), – P. 57, 79, 216, 143; René Moreno G. Anales de la prensa boliviana. Matanzas de Yañez. – Ed. Potosí, 1954 (1886), – P. 309, 346-347.

матерью выйти замуж за Рикардо, старого испанца-роялиста, спасается при помощи своего бывшего возлюбленного Энрике, капитана-патриота из окружения генерала Лансы. Здесь символически представлены революционные и здоровые силы нации, спасающие влюбленных от несправедливости старого режима. Революционеры видят в независимости путь возрождения нации и личности, отвергая старые патерналистские обычаи. Этот роман был написан в 1845 г., и его автор заключал, что все произошедшее тогда было возможно лишь потому, что «Боливия ещё не была как сегодня нацией с республиканской представительной системой»²⁴. Роман представляет перемены как нечто абсолютно позитивное, изображая исторический прогресс в романтической интерпретации²⁵.

По словам Кортеса, во время войны за освобождение сыновья воевали со своими отцами, это не была борьба одной касты против другой, но «испанская раса Нового света не желала подчиниться испанской расе Старого света». Он не отрицал, что рядом с ними воевали индейцы, составлявшие большинство населения Верхнего Перу, но именно дети испанцев возглавляли и вдохновляли борьбу, а следовательно, завоевали право руководить новой нацией²⁶. При этом Кортес признавал, что расовый эгоизм креолов лишил прав индейцев, которые остались вне новых идей, новых отношений и общественных чувств. Но Кортес верил, что новые институты и законы приведут к возрождению индейской расы, а следовательно, и к торжеству новой страны²⁷. В отличие от Кортеса Сотомайор Вальдес, приводя в качестве аргумента историю сопротивления индейцев испанскому господству, сомневался в том, что новые законы и институты сами по себе смогут привести к возрождению этой расы, к её освобождению от рабства, считая, что нужны особые меры, чтобы вовлечь её в новую систему. Это мнение было отражением общественных дискуссий 60-х годов XIX века²⁸.

²⁴ Mitre B. Soledad. – La Paz: Juventud, 1993 (1847) – P. 32, 39, 97

²⁵ Подробнее о романе см Unzueta, La imaginación, – P. 167-170., Унсуэта рассматривает роман как коллективную память истории. См также Jeremy Adelman. Colonialism and national histories: José Manuel Restrepo and Bartolomé Mitre // Interpreting Spanish colonialism. / Christopher Schmidt-Nowara; John M. Nieto-Philips (eds). – Albuquerque: University of New Mexico Press, 2005, – P. 163-186

²⁶ Cortés, Ensayo, – P. 121.

²⁷ Ibidem, – P. 316-320.

²⁸ Sotomayor, Estudio. – P. 300 - 307

Г. Рене Морено был убеждён в невозможности достичь национальной однородности после войны за независимость из-за недоверия рас друг к другу, а просвещённым слоям не удалось добиться лучшего образования для народа²⁹. У индейцев и метисов был шанс принять участие в национальном строительстве, но они были «неспособны понять республиканские принципы и следовать им», что затруднило формирование подлинной нации, и вместо нее на сцену вышли военные-преторианцы и беспринципное плебейство³⁰. Этот этнический подход к истории был развит Альсидесом Аргедасом, которые считал, что только белые способны к восприятию ценностей западной цивилизации. Он полагал, что белые были вынуждены пойти на союз с метисами во время войны за независимость, чтобы стать сильными, но метисы оказали большое влияние на историю Боливии/ Это в конечном счете привело к господству чоло, которые несут главную ответственность за отсталость страны. Метисы унаследовали от индейцев варварство и дикость, став главным препятствием для создания новой нации³¹.

Роман Н. Агирре «Хуан де ла Роса» излагал идеи Кортеса и Сотомайора Вальдеса относительно креольского вклада в победу в войне за независимость, и соответ, противоречил Морено и Аргедасу, так как утверждал, что именно метисы являются главным интегрирующим элементом нации³². История была необходимым элементом определения национальной идентичности. Н. Агирре указывал, благодаря кому независимость стала возможной, и кто те граждане, способные создать новое государство. Это стало актуальным в плане возрождения государственности после поражения Боливии в Тихоокеанской войне.

Хотя Агирре считал независимость продуктом коллективных усилий, он понимал, что не все участники борьбы несли одинаковую ответственность. Её главными действующими лицами были креолы³³ и образованные метисы. Они же и должны были стать основой возрождающейся Боливии. В этой связи Агирре проводил прямую линию между борьбой за независимость и восстаниями

²⁹ Moreno, *Últimos días*, – 3. 276-277.

³⁰ Moreno, *Anales*, – 3. 110

³¹ Arguedas A. *Historia general de Bolivia*. – La Paz: Ed. Gisbert, 1975 – P. 74-81.

³² Aguirre N. *Juan de la Rosa*. – La Paz: Juventud, 1989. Первоначально была опубликована в газете “El Heraldo” в 1885 г.

³³ Aguirre, Juan, – P. 28-30, 142, 18-19, 23.

горожан-метисов против Испании, при этом полностью игнорируя Великое восстание индейцев 1780 г. В романе нет индейцев, как нет их в проекте нации, который отстаивает Агирре. В одном из своих очерков, посвящённых Боливару в 1883 г., он упоминает восстания Хосе Габриэля Кондорканки и Томаса Катари, но не как предшественников движения за независимость, ибо индейцы не хотели «забыть свои обиды и ненависть к белым»³⁴. В романе Агирре обвиняет индейцев, что они хотели не независимости страны, а независимости для своей расы, подталкивая всех к «войне рас»³⁵. Следовательно, индеец оказался враждебен самой идее независимости страны, а значит, был противником братства грядущего свободного общества.

Большинство историков соглашались, что хотя независимость была заслугой креолов, их действия привели к освобождению всех угнетённых групп, в том числе индейцев и негров. А. Фавр в своём замечательном труде о взглядах Боливара в отношении индейцев отмечает, что Боливар в «Письме с Ямайки» и в речи в Ангостуре объявляет креолов наследниками испанской традиции в Америке. Их права были связаны с Испанией и с конкистой. Эти права могли быть оспорены индейцами, но это было нереально, так как все старые правители и их потомки либо умерли, либо были порабощены, следовательно, правопреемственность была утрачена. Индейцы получили свободу от испанцев из рук креолов³⁶.

На протяжении XIX в. понятие «народ» претерпело изменения в своей интерпретации. Народ стал подразделяться на «подлинный народ» и плебс. Под первым понимались белые, граждане, осознававшие свои политические обязанности. Вторые были социальными низами, метисами, чоло. Их называли канальями, толпой, неграмотными, легко продававшимися и легко обманывавшимися демагогами. И именно из-за них страна жила в условиях неуправляемости, которая вела к деградации государства³⁷. Если креолы считались главным компонентом национального строительства, то индейцы становились

³⁴ Aguirre N. *El Libertador*, – La Paz: Ediciones Camarlinghi, 1973, – P. 23

³⁵ Aguirre, Juan, – P. 38.

³⁶ Favre H. *Bolívar y los indios* // *Histórica* – vol. X – no. 1 – 1996 – P. 1-18.

³⁷ Фавр указывает, что даже Боливар осуждал метизацию и интеграцию на основе смешения рас, так как считал некоторые расы полными пороков и вредными для смешения. - Favre, *Bolívar*, – P. 14

препятствием на пути прогресса страны и даже угрозой для самого её существования.

Индейцы подразделялись на две категории: с одной стороны, это несчастный индеец, наследник идеализированного индейца прошлого, который не претендует на власть, а только хочет мира для своих соплеменников³⁸. С другой стороны, это индейцы-преступники, варвары, жестокие дикари без моральных принципов. Они заинтересованы лишь в сохранении своих корпоративных привилегий. Защита самостоятельности общины, её неделимости противоречила представлениям о прогрессе и экономическом развитии, то есть вела к сохранению праздности и других пороков. Кроме того, существовало мнение, что индейцы никогда не смогут найти своего места в национальном организме. Три века угнетения белыми делали индейцами их врагами, которые не желали сотрудничества с ними, и это делало неизбежным их противостояние³⁹.

На протяжении войны за независимость индейцы не только часто поддерживали роялистов, в том числе и конституционные процессы в испанском лагере, который выступал за самоуправление общин через муниципализацию, но и к удивлению патриотов индейцы были абсолютно равнодушны к самой идее независимости и обещаниям освободителей. Декреты Боливара о равенстве индейцев перед законом лишали их защиты государства, создавали новый тип контроля над ними и делегитимизировали поведение индейцев в течение войны. В первые годы независимости все эти декреты Боливара были отменены, индейцам отказали в равенстве. Со второй половины XIX в. уже никто не надеялся на интеграцию индейцев, им вернули их прежнюю этническую характеристику и вновь отказывали в возможности стать участниками строительства нации⁴⁰.

³⁸ Эти тезисы есть у D'Orbigny A. *Viajes por Bolivia*. – Т. I. – La Paz: Ministerio de Educación, 1958 – P. 48. О нём - Arze Aguirre R.D. *El naturalista francés Alcides D'Orbigny en la visión de los bolivianos*. – La Paz: IFEA-Plural, 2002; Pentland, Informe, – P. 150-151.

³⁹ Фавр отмечает, что реваншизм индейца соответствует чувству вины белого. Преодолеть эту проблему можно лишь с уничтожением индейцев - физическим или символическим. - Favre, "Bolívar", – P. 15-16.

⁴⁰ Irurozqui M. *El negocio de la política. Indios y mestizos en el discurso de las elites bolivianas, 1900-1920.*// *Del discurso colonial al proindigenismo. Ensayos de historia latinoamericana.* /Jorge Pinto (comp.), – Temuco: Universidad de La Frontera, 1996 – P. 117-140; Irurozqui M. *Las paradojas de la tributación. Ciudadanía*

Зло войны

Что же принесла Боливии независимость? Прежде всего? Это страх перед хаосом, бедностью и кровью⁴¹, что ярко отразилось в романе Висенте Балльивиана «Клаудио и Елена» (1834). В нем описаны все разочарования и катастрофы, которые постигли Боливию после завоевания независимости. Да и что могло ждать страну, если ее граждане (герои романа) погрязли в пороках, алчности, презирали общественные интересы и блага. Эта основная идея романа проходит через труды всех историков того времени.

Для Санчеса де Веласко основная проблема республики состояла в непонимании республиканских основ политической системы. Нация упивалась суверенитетом народа, забыв о принципах власти, порядка и закона, что вылилось в хаос, неуправляемость и деспотизм⁴². Кортес же считал, что «испаноамериканские общества не были готовы принять представительную систему власти». Свергнув власть короля, все граждане тут же посчитали себя готовыми стать правительством, а равенство стало главным принципом общественного устройства. В результате подлинный народ был побежден толпой, которая возвела во власть демагогов и тиранов. По мнению Кортеса, этому могли противостоять только воспитание общественных деятелей и просвещение народа. И только там могли «восторжествовать гармония порядка и свободы»⁴³.

Близок к этой точке зрения был и Сотомайор Вальдес. Для того, чтобы сделать Боливию управляемой на принципах свободы, равенства и народного суверенитета, принесённых независимостью, была нужна «долгая и тяжёлая работа очищения» всей системы, чтобы воплотить эти принципы в реальность. Но до того надо было преодолеть три препятствия. Первое – прекратить всеобщую войну, которая уничтожила все отношения подчинения и власти. Второе – необходимо обновление народа: законов и конституций недостаточно для

y política estatal indígenas en Bolivia, 1825-1900. // Revista de Indias, – no. 217. – 1999 – P. 705-740. Irurozqui M. Sobre el tributo y otros atributos ciudadanos. Sufragio censitario, fiscalidad y comunidades indias en Bolivia, 1825-1839.// Bicentenario. Revista de Historia y de Ciencias Sociales – № 6. – Santiago de Chile, 2006 – P. 35-66.

⁴¹ Mitre, Soledad, – P. 40-41.

⁴² Sánchez, Memorias, – P. 170, 210

⁴³ Cortés, Ensayo, – P. 224, 243-246, 250-252, 299.

создания нового государства, нужны также новые граждане, которых в Боливии нет. Но жёсткая власть способна воспитать таких граждан. Третье – это анархия и деспотизм, вырастающие из демагогии и регионализма. Для Сотомайора неуправляемость была вызвана некорректным пониманием демократии, которая привела к несостыковке законов и обычаев, к указам, которые никто не исполнял, к смене тирании анархией и наоборот. Все это происходило из-за темноты и невежества народа. Каудильизм и регионализм были главными трудностями на пути прогресса в Боливии⁴⁴.

Морено считал борьбу группировок каудильо, которых называл «антисоциальными бандами», основой всех боливийских бед. Из-за этого плебс брал в свои руки осуществление правосудия, как это случилось в отношении Яньеса в 1861 г., казнённого толпой за убийство арестованных бельсистеров⁴⁵. Плебс и военщина были неспособны понять республиканские обязанности и права, и это тормозило развитие страны⁴⁶. Советы, которые давал Морено, исходили из анализа ситуации клубом элиты Потоси. Он считал необходимым умеренное и просвещённое правление меньшинства, необходимое до тех пор, пока плебс и невежественное большинство не достигнет просвещённого состояния⁴⁷.

Хосе Мария Сантиваньес также указывал на военных и иностранное вмешательство как главных виновников всех национальных проблем. Он считал, что институты и законы должны соответствовать природе и уровню развития народов и их правителей. На протяжении всей истории у власти в Боливии находились консервативные правительства, которые предполагали постепенные реформы, но были и ультра-либеральные правители, поэтому в стране были опробованы разные типы конституции: конституции 1831, 1834 и 1843 года давали больше полномочий исполнительной власти, а конституции 1839, 1851 и 1868 года предусматривали ограничение власти и давали приоритет свободам перед порядком. Всеобщей ошибкой оказались ожидания, что смена институтов сама по себе приведет к изменению обычаев. В результате никто не исполнял законов. На деле нужно было создавать не идеальные институты, а способные управлять страной⁴⁸.

⁴⁴ Sotomayor, *Memorias*, – P. 10, 55, 107-108, 128, 197, 281, 323

⁴⁵ Странники президента Мануэля Исидоро Бельсу (1848 – 1855)

⁴⁶ Moreno, *Anales*, – P. 11-12, 17, 33, 76, 108, 110, 216, 338, 340, 344-345.

⁴⁷ *Ibidem*, P. 348.

⁴⁸ Santibáñez J.M. *Vida del general José Ballivián*. – N.Y., 1891, – P. 124-125,

У всех этих авторов без исключения история страны была лишь хроникой смены президентов, революций и переворотов. Периоды благополучия (в зависимости от симпатий историка) сменялись периодами катастрофы, когда вновь требовалось воссоздавать страну из руин. Через рассказ о героях и о низостях толпы историки искали общие цели, уповая на любовь к родине и этическую чистоту нации. Они все совпадали во мнении, что независимость не принесла стране процветания и не привела к расцвету цивилизации. Причины этого всем виделись одинаковыми: войны с соседними странами, которые провоцировали гражданские войны и в результате привели к господству военщины и каудильизма. С другой стороны, формальные институты модерности создавали иллюзии у населения относительно политической и социальной ситуации в стране. Средством выздоровления считалось просвещение народа. По Санчесу де Веласко, «просвещённый класс граждан» должен управлять страной, поддерживать одного политического лидера, пожертвовав своими амбициями и желаниями. Для достижения уважения правителей и управляемых Кортес считал, что управление государством должно ограничиваться только просвещённым меньшинством, отмечая все низкие страсти «каналей», плебса.

Сотомайор критиковал как «тиранию демократии, так и тиранию толпы», олицетворением которой для него был Бельсу. Он верил лишь в просвещение как единственный путь достижения материального процветания и интеллектуального прогресса. И для Морено общественные и политические пороки можно было побороть лишь просвещением народа, и тогда равенство разума станет «сутью коллективного тела» общества⁴⁹. Для всех четырёх вышеупомянутых авторов боливийское общество в своём большинстве было манипулируем из-за своего невежества, а любое народное действие было вызвано не своими собственными мотивами, но спровоцировано политиками, журналистами или военными. Для всех них история страны была лишь бесконечной чередой несчастий и катастроф.

Как писала современная исследовательница Россана Барраган, идея поражения преобладает в боливийской историографии XIX в., она нашла своё максимальное выражение в работах Альсидеса Ар-

136, 240.

⁴⁹ Sánchez, *Memorias*, – P. 327-28; Cortés, *Ensayo*, – P. 249-251; Sotomayor, *Estudio*, – P. 89, 93-94, 106, 143; Moreno, *Anales*, – P. 163.

гедаса, а затем подверглась суровой критике различными историками XX в., от Карлоса Монтенегро до Хосе Фельмана Веларде, которые предложили новое прочтение прошлого⁵⁰.

Этнизация истории

В вышеупомянутых работах историков индейское население не рассматривалось как самостоятельное действующее лицо истории, о нем едва упоминалось. Более того, эти историки считали, что само существование индейской расы мешало строительству однородной нации. Санчес и Кортес писали об этой проблеме очень общими словами, считая её пережитком колониального периода, который сам по себе исчезнет со временем. Сотомайор связывал эту проблему с малонаселённостью страны, в которой большинство составляет «раса аймара и кечуа с полуварварскими обычаями». По его мнению, эти народы сохраняли свои примитивные древние обычаи и сами отстранялись от развития цивилизации. Это прошлое тяготело над Боливией, которая жила в своей двойственности – «христианство и язычество, коммунизм и собственность, господа и рабы, гордость и унижение». Всё это надо было привести в однородное состояние единой расы, одного языка, одних обычаев через европеизацию (физическую и психологическую)⁵¹. Это мнение разделял и Морено. Но если Сотомайор верил в будущее Боливии, то Морено в нём сомневался. В качестве аргумента он приводил провал усилий Клуба Потоси распространить идеи равенства всех рас и их способности управлять государством, так как считал, что три расы – индейцы, метисы и белые – являются антагонистическими и никогда не придут к взаимопониманию⁵².

Индейцы не рассматривались им как исторический субъект, более того, считались угрозой цивилизации. Внутри боливийского общества в то время никто не сомневался в необходимости европеизации, спор шёл только вокруг того, как её проводить. Морено видел невозможность цивилизовать индейцев в их биологической деградации. Он считал именно индейцев и метисов, имевших часть индейской крови, причиной отсталости страны. Если другие авторы полагали, что просвещение могло решить многие проблемы, то по мнению Морено, оно было бесполезным для индейцев, а решение состояло в

⁵⁰ Barragán, *Tramas*, – P. 52, 69, 78-88.

⁵¹ Sotomayor, *Estudio*, – P. 45-49

⁵² Moreno, *Anales*, – P. 352, 355, 357.

ликвидации этой расы и замены её белыми. Подобный социал-дарвинизм предлагал Боливии «полное очищение и унификацию кавказской расы (белых) как нации» через усиленную миграцию⁵³.

Аргедас дал своё видение «исторической правды». Причину дегенерации он видел в смешении рас. Аргедас лишь озвучил широко распространённые в Боливии расовые предрассудки⁵⁴. В 1922 г. Аргедас опубликовал «Всеобщую историю Боливии». Из-за отсутствия средств на издание 8 томов книги ему пришлось опубликовать краткий очерк в трёх томах⁵⁵, который ему помог издать «магнат олова» С.Патиньо. Содержание книги современники определили как «бесконечно грустная история народа бедного и без культуры». Аргедас находился под влиянием биологических идей Ламарка и верил, что раса навсегда наследует моральные качества своих предков. Поэтому он полагал, что сочетание расы и окружающей среды создало условия для неудачи создания боливийской нации. Для Аргедаса моральный долг историка состоял в разоблачении пороков родины. Возрождение же страны он видел возможным лишь после моральной революции. В отличие от своих предшественников он рассматривал все события, приход к власти того или иного правителя исключительно с расовой точки зрения на действующих лиц. Главный виновник бед страны для него – метисы, чоло. Белая аристократия, способная и обладающая моральными достоинствами, была отстранена от управления страны каудильо-метисами, в результате чего из политики исчезли такие ценности как моральные принципы и экономическое процветание. Активная метизация после войны за независимость в Боливии привела к деградации нации. В результате в стране стали преобладать «ленивые и примитивные креолы», далёкие от республиканских доблестей и гражданского долга, крайне усложнилось развитие культуры, которая могла бы привести к созданию «думающей аристократии, без которой невозможен никакой прогресс»⁵⁶.

⁵³ René Moreno G. Nicomedes Antelo. Notas biográficas y bibliográficas. – Santiago de Chile, Imp. Cervantes, 1901, – P.117-179.

⁵⁴ Paz Soldán, Alcides, – P. 20, 49; Arze J.R. Arguedismo y antiarguedismo. // Signo. Cuadernos bolivianos de cultura – No. 39-40. – La Paz: Ed. Signo, 1993 – P. 225-234; Irurozqui M. ¿Qué hacer con el indio? Análisis de las obras de Franz Tamayo y Alcides Arguedas // Revista de Indias, – No. 195-196. – Monográfico del Dpto. de Hª de América. – Madrid: CSIC, 1993 – P. 559-587.

⁵⁵ Arguedas A. Los caudillos letrados. – La Paz: Juventud, 1981; Arguedas A. Los caudillos bárbaros, – La Paz: Ed. Gisbert, 1975 (1923); Arguedas A. La plebe en acción. – La Paz: Ed. Juventud, 1991 (1924).

⁵⁶ Arguedas, Historia, – P. 15-16, 59, 165, 250, 329, 348, 454, 465-491.

Если во «Всеобщей истории Боливии» Аргедаса индеец был символом невежества и непроизводительности, то в своей предыдущей работа «Бронзовая раса» (1919) автор называл индейцев склонными к насилию, мстительными, ненавидящими белых, что стало причиной «расовой войны» в Боливии. Для Аргедаса «расовая война» была реальностью, которую пережила страна во время Федеральной войны в 1899 г. Самым известным фактом расовой ненависти была «резня в Моосе», где индейцы вырезали белых солдат.

Во время суда по делу Моосы (1901 – 1904), на котором Баутиста Сааведра и Наталио Фернандес Антесана⁵⁷ были адвокатами обвиняемых, индейцы аймара представлялись как людская масса, объединённая корпоративными принципами, с атрофированными человеческими чувствами, у которой не было и не могло быть патриотических чувств. Следовательно, у индейцев не могло быть законных требований и прав. Являясь варварами, неспособными воспринять цивилизацию, индейцы нуждались в дисциплинирующей опеке. За ними признавалось право быть боливийцами, но они не могли играть активную роль в создании боливийской нации⁵⁸. Месть индейцев у Аргедаса превращалась в акт расового освобождения против метисов, их хозяев, чья жестокость и безответственность делали невозможным соблюдение закона⁵⁹. Расовая война как единственный способ реали-

⁵⁷ Saavedra B. Defensa del abogado Bautista Saavedra pronunciada en la Audiencia del 12 de octubre de 1901. – La Paz: Tip. Artística Velarde, 1902 – P. 11-12, 13-14, 17; Saavedra B. La criminalidad aymara en el proceso de Mohoza. El ayllu. – La Paz: 1903, – P. 171-172, 180, 192-203, 208-209; Fernández Antezana N. La hecatombe de Mohoza. La supuesta complicación del cura Jacinto Escobar y la comprobación de su inocencia mediante la defensa hecha por el doctor ---. La Paz: Tip. De la Unión, 1905; Polo L.H., Fernández Antezana N. Recurso de apelación ante los Sres. Ptes. Y VV. De la Corte Superior. – La Paz: Tip. La Unión, 1905.

⁵⁸ Irurozqui M. Los hombres chacales en armas. Militarización y criminalización indígenas en la Revolución Federal de 1899. // La mirada esquiva. Reflexiones históricas sobre la interacción del Estado y la ciudadanía en los Andes (Bolivia, Perú y Ecuador), siglo XIX. /Marta Irurozqui (ed.), – Madrid: CSIC, 2005 – P. 285-320; Irurozqui M. Conversos a la patria boliviana. Identidad y participación política indígenas en las revoluciones de 1870 y 1899. // Relaciones Sociales e indentidades en América. IX Encuentro-debate América Latina ayer y hoy. /Pilar García Jordán, Gabriela Dalla Corte y otros (coords.), – Barcelona, Universidad de Barcelona, 2004 – P. 385-400.

⁵⁹ Arguedas A. Raza de bronce. – Madrid: Colección Archivos, 1988 – P. 321-326, 332, 344

зации справедливости в отношении индейцев сделала невозможным расовое сосуществование, как вследствие нежелания индейцев цивилизоваться, так и из-за их расовой неполноценности.

В анализе аргедасовского «Больного народа» Хосефа Сальмон указывала, что понятие расовой неполноценности Аргедаса лишь укрепляла разрушавшуюся социальную структуру. Если креолам не удастся цивилизовать индейцев или адаптировать их к своей модели общества, то креолы не смогут гарантировать своё культурное выживание и будут подавлены индейцами. Им ничего не оставалось как проводить политику европеизации, бывшую залогом пропуска в общество современных и индустриальных народов⁶⁰. Европеизация, сохранение креольских культурных кодов стала формой консервации старой социальной иерархии и строя. В этом смысле расовый подход представлял собой протест против возможных социальных перемен новой эпохи, попытку сохранить существующий общественный порядок⁶¹.

Если Аргедас демонизировал метисов, чоло, то другие историки и писатели, как например, Ригоберто Паредес, Хуан Франсиско Педрегаль, Хосе Сальмон Балвивиан, Энрике Финот, Армандо Чирчевес, Деметрио Канелас, Баутиста Сааведра, Октавио Саламанка или Карлос Ромеро, подхватили и развили этот тезис. Они повторяли все старые тезисы XIX в., добавив к ним расовый принцип, ставший определяющим фактором при анализе национальной идентичности. У этих авторов в отличие от Натаниеля Агирре, у которого образованный метис является гражданином будущего, метисы, чоло представлены разложившимися личностями, карьеристами и лицемерами, жестокими эксплуататорами индейцев, беспринципными политиками.

Ригоберто Паредес считал, что невзгоды войны за независимость, каудильзм, насилие и разграбление страны разрушили обычаи провинциалов, испортили их характер, превратив в бездельников, лицемеров. Мелкие города покинули все самые здоровые силы, они перебрались в большие столицы, оставив в провинции худшие элементы, «вредных метисов», которые разрушили сельское хозяйство. Тогда же исчезло чувство национальной солидарности и принадлежности к Республике Боливия⁶². Пока это происходило в деревне, в городах

⁶⁰ Salmón J. El espejo indígena. El discurso indigenista en Bolivia 1900-1956. – La Paz, Plural-UMSA, 1997 – P. 65-68.

⁶¹ Salmón, El espejo, – P. 64-72.

⁶² Paredes R. Provincia Inquisivi. Estudios geográficos, estadísticos y sociales. – La Paz: Tip. J.M. Gamarra, 1906 – P. 80, 83; Paredes R. La Altiplanicie. Anota-

увеличивалось население чоло и индейцев, неграмотных людей, становившихся лёгкой жертвой демагогов. Как писал Хуан Франсиско Педрегаль, эти демагоги искали свою клиентелу, и для чоло демагогия, «демократия, равенство, социализм, выборы были ещё хуже, чем чича и алкоголь». Из этого выростала ущербная политическая система партий. Для Паредеса система была поражена двумя пороками. Во-первых, это неспособность народа быть избирателем из-за преобладания метисного населения, плебейства. Второе, система привела к превращению белых политиков демагогов в духовных метисов, «в более бесполезных чоло, чем все чоло»⁶³.

Для Октавио Саламанки боливийская отсталость имела своей причиной отсутствие этнического единства населения страны, которое могло бы стать гарантией силы нации. И дело было не в существовании множества языков и культур, а в неспособности индейцев к самоуправлению из-за своей пассивности и традиций подчинения, восходящих к инкам и испанской колонии. Для О. Саламанки национальное единство должно было быть достигнуто не через метизацию, не через сплав всех народов, а через гегемонию белых. Карлос Роме-ро утверждал, что при аморфности масс и эгоизме олигархии демократия не является оптимальной системой для Боливии, «страны бедной, неразвитой и без культуры».

Для Б.Сааведры география и раса являлись причинами отсталости, так как Боливия была «искусственным образованием из народов и провинций, не связанных между собой». Для создания подлинной политической нации должно пройти много времени, в течении которого будут достигнуты успехи в деле просвещения народа. Пока этого не произойдёт, не следует ожидать ни достойных правителей, ни подлинного народа. А без национальной воли невозможно функционирование парламентского режима. Сааведра утверждал, что выборы и демократия, основанные на «страстях, непоследовательности и импульсивности масс», вели к провалу. Демократия для него была не «формой решения проблем жизни людей», а «просветительской дисциплиной для народов, которые хотят своей автономии, а не простого арифметического подсчёта голосов». Демократия для него должна была быть проявлением воли просвещённого и морального мень-

ciones etnográficas, geográficas y sociales de la Comunidad Aymara. – La Paz: Ed. Isla, 1955 – P. 97, 106-109, 115, 119, 130, 134, 182, 199-200, 205.

⁶³ Paredes M.R. Política Parlamentaria en Bolivia. Estudio de psicología colectiva. – La Paz: Ediciones Cerid, 1992 – P. 37-40; Pedregal J.F. La máscara de estuco – La Paz: Arno Hnos., 1924 – P. 162, 174.

шинства, способного ориентировать массы и подчинять частные интересы общим целям. Выборы – это лишь механизм избрания лучших среди этого меньшинства. Сааведра заключал, что разговоры о неспособности народа осуществлять свой суверенитет на самом деле должны быть размышлениями о неспособности и аморальности лидеров нации⁶⁴. И так, для интеллектуалов той эпохи судьба демократия в Боливии зависела от однородного населения, очищенного от наследия прошлого и этнических, исторических и политических характеристик»⁶⁵.

Заключение

Формирование национального исторического дискурса было тесно связано с процессом создания нации, оно также имело просветительскую морализаторскую функцию привнесения в народ чувства патриотизма. Историографический ответ на вопросы по проблемам формирования нации и народа предполагал создание исторических сценариев, по которым общество шло к триумфу или поражению. Писатели противопоставляли «суверенный народ» и «неспокойный плебс», в основе чего лежали патриотические аргументы: общественная мораль, просвещение, налогообложение, труд и участие в защите страны, а потом уже и этнические – расовая деградация. Они приходили к выводу, что цивилизация будет возможна в Боливии только после европеизации её населения.

Если такие авторы как Санчес, Кортес, Сотомайор и Агирре считали возможной европеизацию и морализацию посредством установления соответствующих законов и институтов., то Морено, Аргедас и другие современные им авторы уже не рассчитывали на это из-за расовой несовместимости основных групп населения. Для первых, писавших в период 1848 – 1885 гг., превращение плебса в сознательных

⁶⁴ Salamanca D. Programa del Partido Republicano Genuino. – Oruro, 3 de enero de 1915 – P. 72-73; Salamanca O. Nuestra vida republicana. Esbozos de Sociología boliviana. – Cochabamba: Tip. Ponce de León, 1915 – P. 111; Saavedra B. La democracia en nuestra historia. – La Paz, 1921 – P. 20-37, 83-86, 213-263; Romero C. Las taras de nuestra democracia. – La Paz: Arno Hnos., 1919 – P. 187-223; Villafán M. La importancia de la instrucción. Filosofía popular. Pequeño extracto dedicado a las clases obreras. – La Paz: Imp. Eléctrica, 1921 – P. 15-19 Bustamante D. Programa político. Problemas en Bolivia en 1918 – La Paz: Imp. Velarde, 1918 – P.18.

⁶⁵ Irurozqui M. A bala, piedra y palo. La construcción política de la ciudadanía en Bolivia, 1825-1952. – Sevilla, diputación de Sevilla, 2000 – P. 101-141.

граждан, в суверенный народ не было связано с этническими характеристиками или с социально-имущественным положением, а подчинялось критериям пользы для национальной жизни, то есть: всякий полезный обществу индивид мог обладать гражданскими доблестями, что становилось делом чести для каждого отдельного индивида, восходившего по гражданской лестнице. Для второй группы авторов, писавших в начале XX века, гражданские доблести напрямую зависели от этнического происхождения, от расовой предрасположенности и степени деградации. В обоих случаях историки и писатели искали свое решение, выход из тех бед и несчастий, в которых оказалась страна.

Они рассматривали главный вызов истории: превратить «безответственный плебс» в «суверенный народ». Свою задачу они видели в правильном диагнозе национальных проблем, таким образом, они считали возможным не только писать о прошлом, но и рассуждать и давать рецепты будущего. Себя же они рассматривали как воплощение моральной силы нации, способными указать правильный путь развития страны. Это был способ самолегитимации интеллектуалов как неких общественных учителей всех наций⁶⁶.

⁶⁶ Irurozqui M. La armonía de las desigualdades. Elites y conflictos de poder en Bolivia, 1880-1920. – Cuzco: CBC-CSIC, 1994 – P. 163-174; Salmón, El espejo, – P. 67-71.

Т.А. Воротникова¹
Т.А. Vorotnikova

**Боливия: историографическая палитра.
Bolivia: a historiographical essay**

Аннотация: В статье представлен историографический обзор современных политических и социокультурных процессов в Боливии. Особое внимание уделено периоду трансформации политической системы с 2005 г. по настоящее время.

Ключевые слова: историография, Боливия, индеанизм, латиноамериканистика.

Abstract: This essay presents historiographical overview of the contemporary political and sociocultural processes in Bolivia. Special consideration is given to the period of transformation of the political system from 2005 till nowadays.

Keywords: historiography, Bolivia, indeanism, latinamerican studies.

Историография современных процессов в Боливии включает широкий круг вопросов социального, политического и цивилизационного характера. В отечественной латиноамериканистике актуальная проблема консолидации боливийской нации рассматривается в контексте процессов цивилизационного синтеза и культурообразования в Латинской Америке. Большое значение в разработке данной тематики имеют работы Б.И. Коваля, В.А. Кузьмищева, А.К. Стеценко, Я.Г. Шемякина². Ю.А. Зубрицкий внес неоценимый вклад в изучение культурной матрицы древних народов, сохранившейся до сих пор в ментальных и ценностных установках индейцев-общинников³. Т.В. Гончаровой был предпринят детальный анализ индеанизма в андских странах – философского и социально-политического течения, основанного на постулате равенства

¹ Кандидат политологических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

² Культура Боливии / Отв. ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1986. – 218 с.; Культура Латинской Америки / Под ред. В.А. Кузьмищева. – М., 1990. – 175 с.; Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. – М., 2001. – 391 с.

³ Зубрицкий Ю.А. Проблемы национальной консолидации кечуа // Нации Латинской Америки. – М., 1964. – С. 326-354.

всех народов и признании прав индейского населения на культурное и политическое самоопределение⁴.

Вопросы аккультурации индейских народов и модернизации латиноамериканского общества поднимались боливийскими и мексиканскими идеологами индеанизма Г. Агирре Бельтран, Г. Бонфиль Баталья, М. Гамио, Ф. Рейнага, Р. Ставенхаген⁵. В своих исследованиях они связывали социальные проблемы с нерешенностью «индейского вопроса» и подчиненным положением автохтонных народов. Объединяющей идеей, занимающей центральное место в определении сущности андской самобытности, является вера индейцев в реставрацию древней цивилизации и государственности Инков, которую перуанский историк А. Флорес Галиндо обозначает термином *андская утопия*. Вслед за ним, американский антрополог Н. Постеро рассматривает ее в трех плоскостях – мифологической, социальной и политической. Изучая механизмы современного процесса культурообразования в Боливии, она работает в рамках социокультурного анализа⁶.

Изменения в законодательстве в отношении коренных народов под воздействием идей мультикультурализма и активизация индейского движения рассмотрены в ряде статей западных ученых Р. Альбро, Дж. Бенерия-Суркин (США), А. Зумерс (Нидерланды), Т. Коровкин (Канада)⁷. Наиболее детально этот вопрос был разработан американским политологом Б. Кодем, изучавшим влияние неолиберальных реформ на социально-политическое сознание индейцев⁸.

⁴ Гончарова Т.В. Индеанизм: идеология и политика. – М., 1979. – 199 с.

⁵ Aguirre Beltran G. Teoría y Practica de la Educacion Indígena. – México, 1973. – 284 p.; Reinaga F. Tierra y Libertad. La Revolucion Nacional y el Indio. – La Paz, 1953 – 89 p.; Stavenhagen R. Agrarian Problems and Peasant Movements in Latin America. – New York, 1970. – 583 p.

⁶ Postero N. Andean Utopias in Evo Morales's Bolivia // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. – 2007. – Vol.2. № 1. – P. 1-28

⁷ Albro R. The Culture of Democracy and Bolivia's Indigenous Movements // Critique of Anthropology. – 2006. – Vol. 26. № 4. – P. 387-410; Korovkin T. Indigenous Movements in the Central Andes. Community, Class, and Ethnic Politics // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. – 2006. Vol. 1. № 2. – P. 143-163; Zoomers A. Pro-Indigenous Reforms in Bolivia: Is there an Andean Way to Escape Poverty? // Development and Change. – 2006. – Vol. 37. № 5. – P. 1023-1046.

⁸ Kohl B., Farthing L. Impasse in Bolivia: Neoliberal Hegemony and Popular Resistance. – London, 2006. – 236 p.; Kohl B. Challengers to Neoliberal He-

Среди работ по экономическому анализу современной ситуации в Боливии, можно выделить публикации голландских и американских аналитиков Б. Вейнтрауба, М. Мансильи, Е. Черутти, изучавших проблемы реструктуризации экономики и риски неустойчивого развития⁹. Вопросы социально-экономического развития Боливии освящены в ряде коллективных монографий, подготовленных в ИЛА РАН¹⁰.

Следует выделить публикации М.Л. Чумаковой, исследующей проблему социально-политической нестабильности и формирование новой партийной системы на фоне кризиса управляемости и демонтажа прежних институтов власти¹¹. Различные аспекты внутренней и внешней политики Боливии нашли отражение в работах А.Н. Боровкова, Б.Ф. Мартынова, Ю.А. Фадеева¹². Исторической и социальной проблематике посвящены исследования А.А. Щелчкова, Л.Ю. Кораблевой¹³. Необходимо также упомянуть книгу Кар-

gemony in Bolivia // *Antipode*. – Vol. 38 № 2. – 2006. – P. 304-326; Kohl B. Democratizing Decentralization in Bolivia. Law of popular participation // *Journal of Planning Education and Research*. – № 23. – 2003. – P. 153-164; Kohl B. Restructuring Citizenship in Bolivia: El Plan de Todos // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2003. – Vol. 27 № 2. – P. 337-351

⁹ Cerutti E. Mansilla M. Bolivia: The Hydrocarbons Boom and the Risk of Dutch Disease. Working paper № 08/154. IMF. – New York, 2008. – 22 p.; Salman T. Bolivia and the Paradoxes of Democratic Consolidation // *Latin American Perspectives*. – 2007. – Vol. 34. № 6. – P. 11-130

¹⁰ Боливия: некоторые аспекты экономического развития / Отв. ред. В.В. Вольский. М., 1971. 164 с.

¹¹ Боливия в зоне риска. Аналитические тетради ИЛА РАН / под ред. М.Л. Чумаковой. №16, 2005. 76 с.; Чумакова М. Л. Боливия: поворот к альтернативной модели? // *Латинская Америка*. – №3, – 2006. – С. 4-21

¹² Боливия – время левоиндихенистского эксперимента / Отв. ред. В.М. Давыдов. – М., 2009. –80 с.; Боливия: тенденции экономического и социально-политического развития / З.В. Ивановский, Э.В. Левыкин, Л. В. Пегушева. – М., 1989. – 224 с.; Фадеев Ю.А. Революция и контрреволюция в Боливии. – М., 1969

¹³ История Латинской Америки: Вторая половина XX века / отв. ред. Е.А. Ларин. – М., 2004. – 607 с.; Щелчков А.А. Режим государственного социализма в Боливии. 1936-1939 гг. – М., 2001. – 306 с.; Щелчков А.А. Аграрно-крестьянский вопрос в Боливии в конце XX века / *Латиноамериканский исторический альманах* – 2002. – №3 – С. 55-77; Щелчков А.А. «Революция равенства» в Санта-Крус (1876-1877): Первая попытка образования Федерации в Боливии // *Латинская Америка*, –2008, – № 7. – С.42-56.; Ко-

лоса Д. Месы Хисберта «Президентское правление в Боливии: между силой и законом», которая была переведена на русский язык и вышла в свет в России в 2006 году. В ней боливийский политик, занимавший президентский пост до 2005 г. подробно описывает и анализирует деятельность своих предшественников.

В последнее время увеличилось число изданий, посвященных политической трансформации первого десятилетия XXI века. Победа Э. Моралеса на президентских выборах 2005 г. потребовала переосмысления роли индейского движения. Смена лидеров и перестановка политических игроков вызвала интерес как с теоретической, так и практической точки зрения. Истории восхождения Э. Моралеса к вершине власти посвящена книга аргентинского публициста Мартина Сивака¹⁴. Голландский политолог Д. Л. Ван Котт связывает особенности трансформации партийной системы с активизацией индейского населения и появлением на политической арене сил, способных артикулировать интересы коренных народов¹⁵. Изучению структурных основ «Движения к социализму» посвящены работы зарубежных политологов, в том числе боливийских. По мнению Р. Арчондо и Х. Родригеса оно не является партией в институциональном значении, а представляет собой инструмент влияния социальных движений на принятие решений¹⁶. Тон Сальман исследовал проблематику смены политических элит на современном этапе в развернутой статье, посвященной трансформации мировоззренческих и идеологических ориентиров различных слоев общества и государства¹⁷.

Значительная работа проделана одним из крупнейших амери-

раблева Л.Ю. Чакская война (1932 – 1935). Дипломатическая история боливийско-парагвайского конфликта. – М.: ИВИ РАН, 2013 – 218 с.

¹⁴ Martín Sivak. *Jefazo: retrato íntimo de Evo Morales*, Buenos Aires, 2008, 336 p

¹⁵ Van Cott L.D. *From Movements to Parties in Latin America. The Evolution of Ethnic Politics*. 2005. New York and Cambridge, 276 p.; Van Cott L.D. *From Exclusion to Inclusion: Bolivia's 2002 Elections* // *Journal of Latin American Studies*. 2003. № 35. pp.751-775

¹⁶ Archondo R. *¿Qué le espera a Bolivia con Evo Morales?* // *Nueva Sociedad*. № 202. pp. 4-12; Rodríguez Mir J. *Complejidad, Diversidad y Heterogenidad Social. Bolivia y sus implicaciones multiculturales desde una perspectiva antropológica* // *Revista de Antropología Experimental*. 2008. № 8. pp. 341-349

¹⁷ Salman T. *Searching for Status: New Elites in the New Bolivia* // *European Review of Latin American Caribbean Studies*, April 2009, 86, pp. 97-105

канских социологов Х. Санабрия¹⁸. Он анализировал различные стороны андской действительности, делая акцент на изучении этносоциального неравенства, классового расслоения, аграрного вопроса и влияния наркопроизводства на политику государства. Проблемы коррупции на всех уровнях власти и риски превращения страны в «кокаиновую демократию» затрагиваются в работах американских специалистов Г. Аматаджело, Н. Лупу, В. Моралеса¹⁹.

В зарубежной литературе большое внимание уделено анализу кризисных явлений. Социальные войны начала XXI века стали объектом исследований канадских и американских ученых В. Ассейса, Дж. Вебера, Т. Перро, С. Спронка²⁰. Новые угрозы боливийской политической системе, возникшие в период правления Э. Моралеса, среди которых проблема этнопопулизма, социальной напряженности, возросшей роли и влияния социальных движений, нашли отражение в работах боливийских и американских авторов, среди которых М. Вейсброт, Э. Гамарра, Р. Мадрид, Р. Майорга, Ф. Молина, Л. Сандоваль²¹.

¹⁸ Sanabria H. The coca boom and rural social change in Bolivia. Michigan, 1993. 227 p.; Sanabria H. Consolidating States, Restructuring Economies, and Confronting Workers and Peasants: The Antinomies of Bolivian Neoliberalism // *Comparative Studies in Society and History*. 1999. № 41. pp. 535-565; Sanabria H. Resistance and the Arts of Domination. Miners and the Bolivian State // *Latin American Perspectives*. Vol. 27. № 1. 2000. pp. 56-81; Sanabria H. Exploring Kinship in Anthropology and History: Surname and Social Transformations in Bolivia // *Latin American Research Review*. Vol.36. № 2. 2001. pp. 137-155

¹⁹ Amatangelo G. Moving Beyond the “War on Drugs”. Drugs, Democracy, and the Andean Crisis. Presentation at the Drug Policy Conference, Rice University, April 10-11, 2002; Lupu N. Towards a New Articulation of Alternative Development: Lessons from Coca Supply Reduction in Bolivia // *Development Policy Review*. 2004. Vol. 22. № 4. pp. 405-421

²⁰ Asseis W. La “Media Luna” sobre Bolivia: Nacion, Region, Etnia y Clase Social // *America Latina Hoy*. 2006. 43. pp. 87-105; Perreault T. Natural Gas, Indigenous Mobilization and the Bolivian State. Identities, Conflict and Cohesion. Programme Paper. № 12. Geneva, 2008. 27 p.; Spronk S., Webber J. Struggles against Accumulation by dispossession in Bolivia: The Political Economy of Natural Resource Contention // *Latin American Perspectives*. 2007. Vol. 34. № 2. pp. 31-47.

²¹ Gamarra E. Bolivia on the Brink. Washington, 2007. 51 p.; Madrid R. The Rise of Ethnopolitism in Latin America // *World Policy*. Vol. 60. № 3. 2008. p. 475-509; Bolivia: Social Movements, Populism and Democracy. Washing-

Несомненно, представленные выше работы не могут охватить весь спектр изданий и публикаций о Боливии, однако они отражают широкую палитру научных тем, поднимаемых отечественными и зарубежными латиноамериканистами.

ton, 2008. 12 p.; Molina F. Bolivia: la geografía de un conflicto // Nuevo Sociedad. 2008. № 218. P. 4-13; Weisbrot M, Sandoval L. The distribution of Bolivia's Most Important Natural Resources and the Autonomy Conflict // Center for Economic and Policy Research (CEPR). Issue Brief. Washington, 2008. 17 p.

В. П. Казаков¹
V. P. Kazakov

Идеологи промышленной модернизации Боливии Х. А. Арамайо, М. В. Баливиан, П. Крамер, М. Баптиста.

The ideologists of industrial modernization of Bolivia, J. A. Aramayo, M. V. Ballivián, P. Kramer, M. Baptista.

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды боливийских идеологов Арамайо, Баливиана, Крамера и Баптисты, их планы промышленного развития Боливии.

Ключевые слова: Боливия, Арамайо, Баливиан, Крамер, Баптиста, индустриализация, горная промышленность, географическое общество.

Abstract: This article examines the thinking of Bolivian ideologists Aramayo, Ballivian. Kramer, Baptista, their plans of industrial development of Bolivia.

Keywords: Bolivia, Aramayo, Ballivian, Kramer, Baptista, industrialization, mining, geographical society.

Пионером промышленного развития Боливии стал Хосе Авелино Арамайо (1809 - 1882). В историю своей страны он вошел не только как удачливый предприниматель, но и мыслитель, который стал идеологом индустриальной модернизации Боливии во второй половине XIX в. Арамайо мыслил широко. С развитием горнорудной промышленности он связывал экономическое возрождение страны.

Можно сказать, что он появился вовремя и в нужном месте. Начавшееся возрождение горнорудной промышленности породило потребность в специалистах, а также в новых технологиях. Промышленники не могли не сознавать значения науки, которая имела для них практическое значение.

В тоже время научные изыскания, проведенные еще ранее французским естествоиспытателем Альсидесом Д'Орбиньи, позволяли говорить об огромных богатствах, таившихся в недрах Боливии. Д'Орбиньи рисовал Боливию раем, которой суждено было ве-

¹ Владимир Петрович Казаков, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН

ликое будущее. Почему же страна со столь огромными богатствами является столь бедной? Как и других мыслителей, этот вопрос не мог не волновать и Арамайю. Если Д'Орбини рисовал Боливию раем изобилия, то Арамайю боролся с препятствиями на этом пути достижения этого рая. В своих сочинениях он показал возможность превращения Боливии в успешно развивающуюся страну, наподобие Аргентины и Чили, которые, по мнению Арамайю, являлись примерами успешной модернизации.

Для преодоления отсталости Боливии Арамайю выдвинул требование индустриальной революции. Её необходимость он мотивировал неспособностью старого общества успешно эксплуатировать естественные богатства боливийских недр.

Арамайю специально исследует причины охватившей страну анархии и видит их в милитаризации общества, происшедшей в период правления А. Санта-Круса. Арамайю выделяет следующие этапы в развитии Боливии после завоевания независимости: 1. Организация нации, 1825-1835. 2. Гражданские войны, 1835-1880. 3. Начавшееся с 1880-х гг. возрождение страны.

Арамайю убежден в неизбежности прогресса. Деспотизм и экономическая отсталость рассматриваются им как историческая аномалия, как проходящее, временное, но неизбежное явление. Для их преодоления необходимо индустриальное развитие. Индустриальное общество это прежде всего организация, рациональность, прогресс. Его предпосылками являются порядок, социальный мир и свобода.

Арамайю видит причины отсталости в отсутствии просвещения. Необходимо организовать систему технического обучения, которая позволила бы воспитать новых людей, способных руководить развитием страны. В этом же ряду стоит его критика сложившейся в Боливии паразитической бюрократической системы, которая убивает саму возможность инноваций.

Однако Арамайю не ограничивается лишь критикой существующих порядков. Он выдвигает позитивную программу: создание национальной промышленности, строительство железных дорог и предприятий общественного пользования, тесная интеграция в мировой рынок.

Прогресс страны он безоговорочно связывает с промышленным развитием. Причины пауперизма и политической нестабильности он видит в отсутствии промышленности. Это же является и условием роста бюрократии.

Что же необходимо, чтобы выполнить эту программу? По

Арамайю, нужно выйти из старого общества и войти в новое, перейти из одной системы в другую, оставить аграрное общество и войти в промышленное. Под требованиями свободы промышленности, торговли, труда и установления общественного порядка, стабильности и мира он говорит о необходимости мирной революции основных институтов государства, которая и сделает возможным переход в новое общество.

В своих рассуждениях Арамайю исходит из возможности организовать общество на основе разума и науки. Для него наука не умозрительное построение, а конкретная деятельность.. Согласно Арамайю, учёный должен быть человеком действия. Он не может отвергать реальность, даже занимаясь абстракциями. Он верит в чудесные возможности науки и ученых, надеется, что её результаты принесут процветание обществу.

Взгляды Арамайю сближают его с позитивистами. Однако Арамайю не позитивист. Он называет социал-дарвинизм «софизмом расы» и выступает за единство человеческого рода. Для него расы ничто иное как дифференциация людей, вызванная изменениями в окружающей среде, которые не позволяют говорить ни о превосходстве ни о неполноценности тех или иных народов. Он прямо заявляет, что не верит в так называемое превосходство рас.

Арамайю также не считает, что национальные или религиозные факторы определяют прогресс или отсталость того или иного общества. По его мнению, причины общественного прогресса или отсталости носят более глубокий характер и лежат в самом обществе.

Каким же образом индивидуальная деятельность людей может превратиться в общественную силу? При каких условиях деятельность людей может оказать влияние на общество? Арамайю отвечает: «посредством чудесного действия науки», того, что человек может стать существом научным.

Для Арамайю научная деятельность является наиболее желательной в общественной жизни, поскольку ни при какой иной человек не может встать на современный уровень технологии. Труд сам по себе есть мыслительная и физическая деятельность, он требует знаний и способностей. Чтобы стать средством созидания, он должен быть прежде всего научно организованным. Промышленное общество есть прежде всего общество научное, и его члены занимают в нём достойное их высокое положение.

Таким образом, венцом научной деятельности по Арамайю является создание и развитие индустриального общества. Оно, вызы-

вая к жизни сложную технику и технологию, порождает также человеческую солидарность, общественную демократию и мораль. Для Арамайо существует прямая связь между научным прогрессом и этикой. Человек, способный анализировать и различать, выберет наилучший путь. Наука, по убеждению Арамайо, может дать только здоровую мораль.

Дальнейшее развитие идеи промышленной модернизации Боливии получили у нового поколения интеллигенции, группировавшейся вокруг Географического общества Ла-Паса. Помимо собственно географических исследований, общество вело большую просветительскую работу. Его президент Мануэль Висенте Балъивиан (1848-1921) видел в науке и промышленном развитии залог общественного процветания и способствовал организации археологических экспедиций, географических, исторических, лингвистических и антропологических исследований. Считая важным поддержать развитие литературы и искусства, он собирал в обществе литераторов и артистов. Итогом деятельности Географического общества стала публикация 200 работ по различным проблемам национального развития.

Как и его современники, Балъивиан оказался перед альтернативой: сохранить постколониальную систему или начать переход к созданию промышленного общества, что отвечало потребностям нового XX столетия.

В его представлении социальная структура боливийского общества выглядела следующим образом:

1. Высший класс составляли горнорудные промышленники, помещики, связанные с управляющими компаниями.
2. Средний класс, к которому он относил государственных служащих, торговцев, мелких промышленников, специалистов, студентов.
3. Низы составляли индейские массы, занятые сельским хозяйством и общественными работами.
4. Современный рабочий класс, состоящий из рабочих оловянных рудников.

Такую социальную стратификацию он считал отсталой, нуждающейся в изменениях. Он видел решение проблемы в улучшении средств производства. Конкретно речь шла об индустриализации на основе развития горнорудной промышленности и экспорте её продукции на мировой рынок, а также в эксплуатации других богатств страны, прежде всего каучука. Страна должна была вплотную заняться промышленной деятельностью, модернизиро-

вать экономику и восстановить внешнюю торговлю; - вот, по его мнению, три главные цели, которые стоят перед боливийским обществом и государством на рубеже XIX-XX вв. Бальивиан выступал за широкие капиталовложения в сырьевые отрасли и внедрение современных технологий, способных революционизировать производство. Нужны были капиталы и если их не было, необходимо было их получать из-за границы. Если не хватало технологий, требовалось их импортировать. Любая мера в этом отношении была хорошей по сравнению с постколониальной отсталостью. Работая в Географическом обществе и на различных правительственных постах, он преследовал цель создать промышленное ядро на Альтиплано, что позволило бы постепенно распространить прогресс и культуру на всю страну.

Бальивиан подходил к изучению общества в соответствии с идеями Г. Спенсера. Для него идеальной моделью была Англия, страна, которой он восхищался. Убежденный в европейском культурном превосходстве, он верил в европеизацию Боливии и видел в этом решение всех проблем.

Однако в индейском вопросе он отходил от идей Спенсера, полагая, что путём развития образования можно включить индейцев в современное общество. Одновременно он не отказывался от идей европейской иммиграции как средства ассимиляции индейских народов путём усвоения ими обычаев иммигрантов.

Для иммигрантов предусматривалось наделение их землей и с ними связывалось внедрение в сельское хозяйство современных средств производства. Что касается зоны Альтиплано, то здесь проекты Бальивиана преследовали более скромные цели. Речь шла о технической модернизации асьенд: импорт семян, сельскохозяйственных машин, устройство артезианских колодцев, проведение сельскохозяйственных выставок. Ставилась цель превратить помещиков Альтиплано в современных производителей сельскохозяйственной продукции.

Бальивиан был сторонником укрепления государства как гарантии территориальной целостности страны и ликвидации угрозы её дезинтеграции путем создания современной транспортной системы. Он выступал горячим защитником прав Боливии на побережье и территорию Акре, в подтверждение его представлял в правительство результаты соответствующих географических и юридических исследований. Деятельность возглавляемого им Географического общества способствовала также изучению культуры индейских народов, что приоткрыло завесу над прошлым страны.

Видным представителем Географического общества Ла-Паса был историк и литератор Педро Крамер (1869-1899). Несмотря на свою раннюю смерть, Крамер успел написать тринадцать книг по вопросам истории, географии, литературы, политики, социологии. Он собирался написать историю Боливии в восьми томах, но успел закончить лишь первую часть. В отличие от предшествующих историков он рассматривал историю Боливии как часть континентальной и всемирной истории. Он также значительно расширил хронологические рамки исследований, включив в них доколумбовую историю, изучение индейских культур.

Для Крамера, как и для Арамайо и Бальивиана, образцом являлось европейское общество. Его олицетворением был большой город, жизнь в котором организована на принципах науки и техники. Ему противостояла деревня, традиционные формы организации горной промышленности, существовавшая земельная собственность. Колониальное наследство, оставленное испанцами, носило негативный характер. Испанцы занимались лишь уничтожением индейцев и грабежом их богатств, обращали их в рабство, эксплуатировали в шахтах, энкомьендах и обрахе. Они изолировали Америку от мира, установив торговую монополию, внесли дух фанатизма и бюрократии.

Как в этих условиях устранить бедность, неграмотность, болезни, отсутствие трудолюбия и духа предпринимательства? Крамер признает, что это нелёгкая задача, быстро её выполнить нельзя. Она требует установления новой системы хозяйствования, нового образа жизни. Но время, чтобы начать изменения, пришло. Крамер предлагает следующую программу: строительство железных дорог и прокладка дорог для укрепления территориальной целостности страны, развитие местной и национальной торговли, создание развитой горнорудной промышленности.

Индустриализация для Крамера, как и для Бальивиана, является воплощением цивилизации и центральным пунктом его социально-политических идей. По его мнению, расовая неполноценность не мешает её осуществлению. Он убеждён, что индеец, хотя и эксплуатируемый и преследуемый, продолжает быть базовым элементом нации. Он восприимчив к инновациям, улучшив его положение, можно интегрировать индейца в современное общество.

В деятельности Географического общества аграрный вопрос рассматривался как мало что дающий для решения поставленных задач. Создание современного сельского хозяйства мыслилось на основе иммиграции и колонизации, а также технической модерни-

зации производства.

Иммиграция из Европы несла не только цивилизацию, но и позволяла сохранить территориальную целостность страны, заселить приграничные районы. В связи с этим Крамер писал, что страна переживает «географический момент», под которым он имел в виду, что отсутствие четких границ оставляет вне контроля обширные районы страны, о богатствах которых ничего не известно. Все это его беспокоило, и он считал, что пришло время для колонизации этой пустыни.

Никто из членов Географического общества не ратовал столько за развитие горнорудной промышленности как Крамер. Он считал, что она обременена налогами и несправедливыми законами и выступал против налогообложения экспорта минералов. По его мнению, необходимо было всем пожертвовать для её блага; поскольку она составляет основу культуры, прогресса и демократии Боливии.

Крамер последовательный либерал. Расцвет государства возможен лишь как результат расцвета частной промышленности. Для страны капитал более полезен в руках промышленников, чем казны. Эти идеи лежали в основе его теории прогресса, индустриализации и национального суверенитета Боливии.

Идеологом индустриального развития был Мариано Баптиста, социальный христианский мыслитель. В своих работах он выступал за применение научных методов в развитии горнорудной промышленности. В идейно-политических вопросах он защищал религию, отвергал теорию эволюции и позитивизм.

Баптиста считал, что в аграрном обществе, постоянно находившемся в состоянии анархии, горнорудная промышленность не может развиваться. Ей требуются научные изыскания, капиталы, современная техника и пути сообщения. Он убеждал боливийцев не противиться техническому прогрессу, утверждая, что на земном шаре нет никого, кто мог бы крикнуть: остановись локомотив.

В опубликованной в 1869 г. работе «Шахты - главный источник нашего прогресса», Баптиста утверждал, что Боливия должна специализироваться на добыче минерального сырья, и социально-экономический прогресс зависит от успехов развития горнорудной промышленности. Страна нуждается в капиталах и технологиях. Необходимо покончить с изоляцией Боливии и заинтересовать в её минеральных богатствах иностранный капитал, положить конец гражданским войнам и установить демократическую систему правления. Лозунгом дня должен стать: прогресс в рамках порядке и свободы.

Согласно Баптите, наука является основой промышленности, а промышленность основой демократии. Она организует общественный порядок и делает возможной свободу. Промышленная жизнь глубоко изменяет само общество и политику. Присутствие в обществе ответственных предпринимателей, объединенных в компании и ассоциации, уже самим фактом своего существования не дают места беспорядкам и произволу. Боливийскому государству XIX в., где царят анархия и деспотизм, Баптиста противопоставлял стабильное правительство, развитое общество, передовую промышленность и современный город.

Эти идеи вступали в очевидное противоречие с его религиозными сочинениями, где он боролся с теми сторонами науки, которые не касались непосредственно горной промышленности. Он никогда не признавал теорию Дарвина и вытекающий из неё атеизм, отвергал материализм и позитивизм. В самом позитивизме он считал жестокой и несправедливой теорию социал-дарвинизма, так как она противоречила христианскому равенству перед Богом.

Перед лицом науки, необходимой горному делу, Баптиста принимает общественный прогресс. Однако в его понимании прогресс преследует не социальную, а трансцендентальную цель: поднять человека до божественного уровня.

Ни у одного мыслителя того времени, кроме Баптисты, не было в творчестве такого столкновения полярных идей, противоречий между божественными правами человека и материальными потребностями общества.

И.В. Селиванова¹
I.P. Selivanova

Размышляя о прочитанном: Серхио Серульников о боливийском XVIII в.

Sergio Serulnikov about the Bolivian XVIIIth Century.

Аннотация: В выступлении Селивановой И.В. речь идет о монографии современного историка по колониальной истории Латинской Америки Серхио Серульникова «Conflictos sociales e insurrección en el mundo colonial andino. El norte de Potosí en el siglo XVIII». Исследование С.Серульникова посвящено освещению особенностей организации колониального административного управления индейскими общинами в репартимьенто Чайянта в конце колониального периода. В центре внимания историка вопросы организации колониальной власти, взаимоотношений индейских общин с колониальной администрацией, развитие политического мышления и идеологии индейского населения, складывания социальной структуры колониального общества, возникновения антиколониальных индейских восстаний в провинции Чайянта.

Ключевые слова: индейская община, айлью, репартимьенто, касики, кабильдо, трибуто, инкская идея, Серхио Серульников.

Abstract. The review is devoted to the investigation of Sergio Serulnikov «Conflictos sociales e insurrección en el mundo colonial andino. El norte de Potosí en el siglo XVIII» where the author studies the the organization of the colonial power, relationships between native american communities and the colonial administration, the development of political thought and ideology of the Indian population, characteristics of the social structure of colonial society, the Indian anti-colonial revolts in the province Chayanta.

Keywords: indian community, repartimento, caciques, cabildo, tributo, indian idea, Sergio Serulnikov.

Колониальный период в Испанской Америке представляет собой время формирования механизмов административного управления колониями, складывания своеобразной социально-

¹ Ирина Валентиновна Селиванова, научный сотрудник ИВИ РАН, Irina V. Selivanova, researcher of the Institute of Global History cgnk@rambler.ru

этнической структуры, включающей в себя многочисленные группы метисного (смешанного) населения, появления строгих правил, регламентирующих экономическую жизнь колониальных владений и взаимоотношений колоний с метрополией. Все эти вопросы вызывают постоянный интерес у историков и оказываются в центре исторических исследований.

Одним из ведущих специалистов по колониальной истории Испанской Америки является аргентинский историк (русского происхождения) Серхио Серульников, профессор ряда латиноамериканских и североамериканских университетов, автор многочисленных исследований по проблемам колониального периода. В центре внимания его работ - вопросы организации колониальной власти, взаимоотношений индейских общин с колониальной администрацией, развитие политического мышления и идеологии индейского населения, складывания социальной структуры колониального общества, возникновения антиколониальных индейских восстаний в провинции Чайянта (северное Потоси)².

Одной из наиболее фундаментальных работ историка является монография «Социальные конфликты и восстание в колониальном андском мире. Север Потоси в XVIII веке» («Conflictos sociales e insurrección en el mundo colonial andino. El norte de Potosí en el siglo XVIII»). 2006.) Монография состоит из шести глав, введения и заключения. Первые три главы освещают организацию индейских общин в репартимьенто Чайянта, в трех последних анализируются причины возникновения индейского восстания в этой провинции под руководством Томаса Катари 1777-1780 гг., описываются основные события восстания и его последствия.

Внимание историка сосредоточено на исследовании провинции Чайянта, которая на протяжении всего колониального периода была в основном заселена индейскими общинами аймара. Эта провинция представляет особый интерес для исторических исследований в силу того, что индейская община (айлью) продолжала оставаться здесь основной ячейкой андского общества, сохраняла до-

² Serulnikov S. Reivindicaciones indígenas y la legalidad colonial: la rebelion de Chayanta (1777-1781). – Buenos Aires, 1989; Serulnikov S. Tomás Catari y la producción de justicia, 1988; Serulnikov S. Revolución en Los Andes. – Buenos Aires, 2010; Serulnikov S. Su verdad y su justicia. Tomas Katari y la insurreccion aymara de Chayanta, 1777-1780, 1994, Serulnikov S. Subverting Colonial Authority: Challenges to Spanish Rule in Eighteenth-Century Southern Andes, 2003.

статочно стабильную внутреннюю структуру и была при этом прочно включена в испанскую колониальную систему, адаптирована к ней. Серульников раскрывает структуру индейской общины, показывая, что даже к концу колониального периода ей удалось сохранить многие черты присущие доколониальной андской айлью, такие как кровное родство, деление общины на верхнюю – Анасайя и нижнюю – Уринсайя, управление общиной через представителей особого привилегированного сословия касиков (курак), которые теперь получали власть из рук испанцев³. Автор отмечает, что сохраняла устойчивость система сбора с общинников подушного налога-трибута и распределения рабочей силы для миты и выполнения других общественных обязательных работ.

В монографии исследуется провинция Чайянта, расположившаяся поблизости от двух городских центров в Андах: Потоси, одного из главных мировых поставщиков серебра в XVI-XVIII веках, и Ла-Плата, где располагался высший трибунал в Верхнем Перу, аудиенсии Чаркас. Серульников отмечает, что в результате реформ вице-короля Перу Франсиско де Толедо, когда были окончательно заложены основы колониального режима в Перу, индейские народы были объединены в группы с целью упрощения сбора налогов и административного управления. Эти объединения получили название репартимьенто. Историк отмечает, что в XVIII веке репартимьенто Чайянта объединяло шесть групп Лайми, Чульпа, Пурака, Чайянта, Сикойа и Карача, которые образовали автономные общины. Чайянта представляла собой административную и налоговую единицу, которая была органично включена в колониальное общество. Как отмечает исследователь, в провинция Чайянта существовала строгая вертикальная юрисдикция. Центральное поселение, в котором располагалась испанская администрация, служило столицей репартимьенто. Другие члены общины были распределены по различным удаленным поселениям. И хотя государство признавало репартимьенто как минимальную налоговую и административную единицу, в реальной жизни индейские общины сохраняли автономию и использовали свои традиционные способы сбора трибута (подушной подати) с членов общины и распределения рабочей силы для миты и других работ. Серульников отмечал, что поселки, которые должны были быть центрами колониальной администрации, где проживали касики и судьи, так и не смогли стать местами

³ Serulnikov S. Conflictos sociales e insurrección en el mundo colonial andino. El norte de Potosí en el siglo XVIII». – Buenos Aires, 2006, – P. 19.

проживания индейцев-общинников, а были населены в основном метисами, испанцами, которые занимались торговлей или чиновниками, отвечающими за сбор налогов. Индейские семьи продолжали проживать небольшими общинами на земле, которую они обрабатывали. В каждой индейском поселке создавался кабильдо (совет), который был связан с муниципальным испанским управлением. Кабильдо со временем превратился в один из самых влиятельных органов управления индейским населением. Как показывает автор, в непосредственной компетенции кабильдо были вопросы управления, разрешения судебных споров, организации и проведения ежегодных религиозных праздников. Для управления в удаленных районах горных провинций широко использовались коррехидоры, полномочия которых серьезно расширились, после реформ Франсиско де Толедо. В компетенцию коррехидоров входило направление рабочей силой на рудники. Автор отмечает, что испанская система муниципального и церковного управления вносила новые элементы в традиционное общинное устройство. С формальной точки зрения алькальды, альгуасилы, майордомы являлись избираемыми должностями, чем отличались от индейских вождей-курак, которые обладали наследственной властью. Священники и жители пуэблос (поселков) (не-индейцы) оказывали влияние на членов индейских кабильдо, которые в свою очередь выполняли властные полномочия и контрольные функции в общинах⁴. Главные поселения являлись центрами организации ритуальных церемоний и религиозных праздников.

В конце XVIII века провинция Чайянта превратилась в главного поставщика зерна в Потоси. Документы показывают, что общины Москари, Покоата, Мача и другие поселения специализировались на продаже урожая с участков, которые члены общины обрабатывали сообща. Доходы от продаж с этих участков направлялись в общинную кассу, из которой они оплачивали ежегодные сборы: трибуто и другие налоги.

Хронологические рамки исторического исследования Серульникова охватывают период с 1740 до 1780 гг., хотя многие изложенные им проблемы, например, организация индейских общин, структура колониального общества, социально-этнический состав населения Анд, выходят за рамки этого периода. В центре его внимания - трансформация индейской общины, представляющей собой важный элемент колониального общества, противоречия, воз-

⁴ Ibid. P. 29.

никающие накануне массовых индейских восстаний. Автор анализирует мотивы восставших, ход восстания и его последствия.

Историк отмечает, что к сороковым годам XVIII века провинция Чайянта оказалась в состоянии волнений индейского населения, которые в конце концов закончились восстанием, являвшегося частью Великого перуанского восстания Тупак Амару. Автор отмечает, что к середине XVIII в. провинция Чайянта переживала экономический подъем, горное производство и сельское хозяйство показывали серьезный рост, который сопровождался увеличением населения. Однако результаты экономического подъема не улучшали положения местного населения. Напротив, распространение принудительной торговли, репартиментов товаров, среди индейского населения и увеличение налогов, обложение трибуто не только полноправных общинников, но и так называемых «форастерос», пришлых индейцев, входивших в общину, но имевших небольшие участки земель или находившиеся в зависимом положении от полноправных общинников, орихинариос. Злоупотребления властью коррехидорами и касиками порождали новые противоречия, вызвавшие массовое восстание индейского населения. Исследователя больше интересуют не общие причины социального недовольства, вызвавшие восстания, а формирующееся коллективное сознание индейцев, их политическая культура, обусловившие возникновение массового индейского движения.

Серульников сочетает описательные и аналитические методы исследования. Он останавливается на подробном описании подготовки восстания, первой жертвой которого стал касик общины Москари Флоренсио Лупа (во время восстания был обезглавлен), раскрывает политическую траекторию организации власти касиков, управление ими индейскими общинами и выполнение как бы посреднической функции во взаимоотношениях с испанской государственностью. Автор уделяет внимание исследованию правовых вопросов организации взаимодействия общины и колониальной администрации.

Историк в работе делает упор на исследовании не политических, социальных, экономических институтов, а на изучении взаимоотношений различных групп населения. Он исследует такие процессы как: формирование политического мышления, развитие «инкской идеи», которая стала идеологической основой массовых индейских восстаний второй половины XVIII в. Серульников раскрывает процесс возрождения традиционной инкской культуры в середине XVIII в. Так, в это время получили распространение мас-

совые церемониальные костюмированные шествия, хотя и организованные как католические праздники. Во время этих церемоний индейские общинники широко использовали традиционную одежду (плащи – унку, головные повязки – маскапайчи) времен инков, получило распространение художественное изображение инков на общественных и частных зданиях.

Индейское восстание под руководством Тупак Катари (после его гибели в 1781 году восстание возглавили его братья Дамасо и Николас Катари) получило в монографии комплексное исследование. Автор отмечает, что в отличие от восстания под руководством Тупак Амару в Перу, восстание в Верхнем Перу, в Потоси мало изучено⁵. Серульников указывает на особенности восстания Тупак Катари: более медленный характер его распространения и вовлечения в армию восставших новых индейских общин и поселений. Историк отмечает, что основными мотивами недовольства индейских общинников становились злоупотребления местных касиков, рост трибуто, присвоение части собранных с общин налогов коррехидорами и кураками, несправедливое распределение индейцев (разлучение семей) на миту и другие принудительные работы. В работе описываются эпизоды борьбы индейцев общины Чульпа провинции Чайянта за смещение касика Дионисио Чоке и требования индейцев группы Карача смещения со своего поста касика этой общины Педро Явира в 1747 году⁶. Эпизодические конфликты между индейскими общинами и местной администрацией вспыхивали в 1748 году: в нескольких деревнях провинции Чайянта индейцы требовали смены касиков и алькальдов, похожие события происходили с регулярной периодичностью вплоть до восстания в 1777 г.

Хотя в это время еще не было открытых конфликтов между индейскими общинами и колониальной администрацией, но все сильнее и чаще возникали протесты против насильственного репартиментов товаров, взыскания налогов. У властей возникали сложности при назначении новых касиков, отмечалось ослабление власти касиков над членами общин. Выступления против касика Москари, объединявшей четыре общины Кольяна, Сульката, Чикито и Чульпата, Флоренсио Лупы начались задолго до восстания. Лупа являлся одним из самых влиятельных местных касиков, ко-

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 46-47.

торый владел обширными земельными угодьями, а также мельницей. Индейские общинники обвиняли касика в присвоении части трибуто, несправедливом налогообложении и распределении рабочей силы. Историк показывает, что в начале индейцы во главе с Тупак Катари пытались жаловаться колониальной администрации и требовать снятия местных касиков и коррехидоров. При передаче своих петиций Катари вместе со своими соратниками был арестован в Рио-де-Ла-Плате (с 1776 года Верхнее Перу входило в управление вице-королевства Рио-де-Ла-Плата), после чего, сбежав из тюрьмы, индейцы перешли к организации открытого противостояния.

Следует отметить, что исследование Серульникова стало важным вкладом в изучение колониального общества Испанской Америки накануне Войны за независимость. В монографии содержится много нового фактического материала. Рассуждения историка по вопросам освещения взаимоотношений индейских общин и испанской администрации, структуры индейской айлью, социально-этнической структуры колониального общества, формирования политического сознания индейцев и функционирования механизма управления колониями, в частности индейскими общинами Потоси, вызовут бесспорный интерес у специалистов.

Л.А. Ивкина¹
L.A Ivkina

**Марта Ируроски Викториано и современная историография
Боливии.**

Marta Irurozqui Victoriano and the Modern Historiography of Bolivia

Аннотация: Статья знакомит читателя с научным творчеством современного испанского ученого Марты Ируроски Викториано. В работе рассматриваются основные исследования историка, анализируются ее попытки переосмыслить устоявшиеся концепции исторического развития Боливии XIX-XX веков.

Ключевые слова: Марта Ируроски Викториано, история Боливии, индейцы, общинная собственность, демократия, каудильизм, политическое насилие.

Abstract: The article acquaints reader with the scientific creativity of contemporary Spanish historian Martha Irurozqui Victoriano. The author examines Irurozqui's main research publications and analyzes her attempts to rethink the well-established concepts of the historical development of Bolivia in the XIX-XX centuries.

Keywords: Marta Irurozqui Victoriano, the history of Bolivia, Indians, community property, democracy, caudillism, political violence.

Марта Ируроски Викториано является одним из ведущих испанских специалистов, специализирующихся на исследовании истории Боливии XIX-XX веков². В центре ее научных интересов – политиче-

¹ Людмила Андреевна Ивкина, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Liudmila A. Ivkina, researcher of the Institute of Global History. lais07@mail.ru

² Marta Irurozqui Victoriano (1965 г/р., Наварра). В 1992 году защитила докторскую диссертацию в Университете Complutense (Мадрид) по теме «Власть и элита в Боливии, 1880-1920» (Poder y elites en Bolivia, 1880-1920. Bases de dominio y mecanismos de reproducción). В 2003 г. ей было присвоено звание научного исследователя (Investigadora Científica Titular). В настоящее время работает в группе американских исследований Института истории Центра общественных наук Высшего совета научных исследований (CSIC). Также имеет диплом преподавателя истории Андских стран Латиноамериканского факультета социальных исследований (FLASCO – Эквадор, 1993).

ские и социальные процессы, происходившие в Боливии с момента достижения независимости в 1825 году до революции 1952 г. Марта Ируроски – автор ряда монографий, глав в коллективных трудах и многочисленных статей³. Российский читатель также может познакомиться с ее творчеством благодаря статье, опубликованной на русском языке⁴.

Важным положительным моментом научной деятельности М. Ируроски является использование широкого круга документальных источников. Ею введены в научный оборот материалы Национального архива Боливии – ANB (Sucre), архива Ла-Паса (ADLP), архива Университета Сан-Андреса (Archivo de la Universidad Mayor de San Andres (AUMSA), Исторического архива Национального конгресса

³ Irurozqui Victoriano M. La armonía de las desigualdades: Elites y conflictos de poder en Bolivia, 1880-1920. – Cusco: Coed. CSIC–CBC, 1994. – 237 p.; A bala, piedra y palo: La construcción de la ciudadanía política en Bolivia, 1826-1952. Sevilla. Diputación de Sevilla. – 2000. – 451 p.; La ciudadanía en debate en América Latina. Discusiones historiográficas y una propuesta teórica sobre el valor público de la infracción electoral. Lima. – IEP, 2004. – 115 p.; Irurozqui Victoriano M., Peralta V. Por la Concordia, la Fusión y el Unitarismo: Estado y caudillismo en Bolivia, 1825-1880. – Madrid, CSIC. – 2000. – 277 p.; Irurozqui Victoriano M. Los hombres chacales en armas. Militarización y criminalización indígenas en la Revolución Federal de 1899. – P. 285–320 / Irurozqui Victoriano M (ed.). La Mirada Esquiva: Reflexiones Históricas sobre la Interacción del Estado y la ciudadanía en los Andes. (Bolivia, Ecuador, Perú). Siglo XIX. – Madrid. CSIC. – 2005. – 385 p.; Irurozqui Victoriano M. El retorno del ciudadano en Bolivia a través de la experiencia municipal decimonónica. – P. 43–70 / Democratización y descentralización en Bolivia. – Madrid. – Los Libros de Catarata, 2007. – 223 p.; Irurozqui Victoriano M. La alquimia democrática. Ciudadanos y procedimientos representativos en Bolivia (1825-1879) / Histórica. – 2008. Vol. XXXI, N2. – P. 35–71; Irurozqui Victoriano M. Procesión revolucionaria en Semana Santa. Ciudadanía armada y represión penal en Bolivia, 1872-1875. – P. 89–148 / La razón de la fuerza y el fomento del derecho: conflictos jurisdiccionales, ciudadanía y mediación estatal: Tlaxcala, Bolivia, Norpatagonia, siglo XIX. – Madrid – CSIC, 2011. – 224 p.; Irurozqui Victoriano M. La justicia del pueblo. Ciudadanía armada y movimiento social. – P. 235–276 / Irurozqui Victoriano M., Galante M. (eds.). Sangre de Ley. Justicia y violencia en la institucionalización del Estado en América. – Madrid. – Ed. Polifemo – GEA, 2011. – 368 p.; Dossie Entre Lima y Buenos Aires. Acción colectiva y proceso de democratización en Argentina, Bolivia y Perú, siglo XIX // Anuario de Estudios Americanos. – 2012. Vol. 69, N2. – P. 415–422.

⁴ Ируроски Викторiano М. Хунты в Аудиенсии Чаркас (1808 - 1810) / Латиноамериканский исторический альманах. – 2009 – N 9 – P. 23 – 42.

Боливии (АНСНВ), архива министерства иностранных дел Испании (АМАЕ), Национального хранилища Боливии, (Repositorio Nacional – RNB (Ла Пас).

Автор активно использует материалы, хранящиеся в библиотеках Боливии, Мадрида, Лимы, Кито, периодические издания и прессу исследуемой эпохи. Публикации Марты Ируроски можно найти в таких ведущих журналах, как “Revista de Indias” и “Revista Complutense de Historia de América” (Испания), “Histórica” (Перу), “Historia y Cultura” (Ла-Пас, Боливия), “Anuario del Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia” (Сукре, Боливия), “Historia de América Andina” и “Revista de Ciencias Sociales” (Кито, Эквадор), “Journal of Latin American Studies” и “The Americas” (США), “Revista de Historia de Chile y América” (Чили). Таким образом, по использованию архивного, источниковедческого и документального материала труды Ируроски соответствуют высоким международным стандартам.

Ознакомление с работами Марты Ируроски позволило выделить несколько основных проблем и тематик, определяющих круг ее научных интересов.

1) **Складывание боливийской элиты** и борьба ее различных региональных фракций за власть, возникновение политических партий после окончания Тихоокеанской войны 1879-1883 гг. и их программы.

2) Одна из самых интересных и сложных тематик: **индейское население и общинная собственность в Боливии в XIX и XX веках**, их место в политической истории страны, политика государства в отношении общинной собственности, участие индейского населения в политических и революционных конфликтах, революционное движение 1870 года против диктатуры М. Мельгарехо, Гражданская война 1899 г. и резня в Моосе.

3) **Ревизия** устоявшихся в боливийской историографии взглядов на **каудильзм**.

4) **Политическое насилие** и его роль в процессе модернизации Боливии.

5) **Теоретические рассуждения автора** о таких понятиях, как «гражданство» и демократия в XIX веке.

Вышеперечисленная тематика исследуется в разных работах автора (в статьях, коллективных трудах, монографиях).

В 1994 году вышла первая монография М. Ируроски «Гармония неравенства. Элиты и борьба за власть в Боливии, 1880-1920»⁵. Основ-

⁵ Irurozqui Victoriano M. La armonía de las desigualdades: Elites y conflictos de poder en Bolivia, 1880-1920.

ное внимание в работе уделено возникновению современных политических партий Боливии после окончания Тихоокеанской войны (1879-1883) и их борьбе за политическую гегемонию. Работа состоит из четырех глав. Наибольший интерес представляют материалы, содержащиеся в первой и третьей главах. В первой рассматриваются вопросы, связанные с созданием партий и роли в них представителей боливийской элиты, их политические программы, период нахождения у власти Консервативной партии (1880-1899). В третьей исследуются причины Гражданской войны 1899 г. Автор справедливо квалифицирует Гражданскую войну как конфликт между региональными элитами (олигархией) Ла-Паса и Сукре, между Консервативной и Либеральной партиями. В борьбе за власть Либеральная партия, выдвинув лозунг федерализации и возвращения общинной собственности индейцам, смогла для достижения политических целей привлечь на свою сторону широкие массы индейского населения, с помощью которых им удалось в итоге прийти к власти. Однако последующее нежелание выполнить данные индейцам обещания спровоцировали так называемую трагедию в Моосе (Masacre de Mochoza), в результате которой индейскими отрядами был уничтожен батальон либералов, союзников по их совместной борьбе против консерваторов. Эта жестокая резня, сопровождавшийся актами каннибальства, вызвала возмущение по всей стране, обострила расовую проблему и остро поставила вопрос о том, что делать с индейским населением. Интерес представляет четвертая глава для тех, кто занимается социально-экономическими и политическими проблемами, возникшими в стране после окончания Гражданской войны 1899 г. В главе рассматриваются точки зрения о роли и месте индейцев в боливийском обществе таких писателей и политических деятелей Боливии того периода, как Альсидес Аргедас, Франц Тамайо и других, предложивших свое видение данной проблемы и варианты выхода, одним из которых стала задача приобщения народов кечуа и аймара к благам современной политической культуры через их просвещение.

Вторая монография М. Ируроски «С пулей, камнем, палкой. Становление политического гражданства в Боливии. 1826 - 1952» вышла в 2000-м году⁶. В работе, состоящей из четырех глав, основное внимание уделяется проблеме участия масс в избирательном процессе с момента создания независимого государства (1825) до революции 1952 года. Первая глава посвящена теоретическому обоснованию значимо-

⁶ Irurozqui Victoriano M. A bala, piedra y palo: La construcción de la ciudadanía política en Bolivia. 1826-1952.

сти выборов и их роли в институционализации Боливии, во второй и третьей исследуются выборы и деятельность избирательных комиссий на различных этапах истории Боливии (1826 - 1952), а в четвертой рассматривается участие народных масс в избирательном процессе. В монографии использован обширный статистический материал, данные о выборах, тексты конституций, изменения избирательных законов. Автор также использует исторические новеллы того периода, в частности, Натаниэля Агирре «Хуан де ла Роса» (Juan de la Rosa, 1888) и Густава Наварро (Тристан Мароф) «Гражданские» (Los cívicos, 1918).

Эта работа, на наш взгляд, была результатом огромного интереса современной испанской историографии к проблеме влияния Кадисской конституции 1812 года (в преддверии ее двухсотлетия) на процесс становления независимых государств в Латинской Америке. В труде исследуются конституции, принимавшиеся в течение всего рассматриваемого периода, законопроекты, относящиеся к избирательному праву. Автор отмечает, что до 1839 года выборы в Боливии осуществлялись в соответствии со статьями Кадисской конституции 1812 года, в частности тех, которые регламентировали процедуру выборов (они были непрямыми, трехуровневыми (раздел III, главы 3-5, статьи 35-103)⁷.

Работа представляет научный интерес для тех, кто занимается политико-правовыми вопросами конституционного созидания, рассматривает вопросы, которые в нашей исторической литературе не нашли должного освещения по достаточно уважительной причине - отсутствия документальных материалов такого рода. Автор, располагая текстами всех конституций, а их было промульгировано немало за рассматриваемый период, показала, как менялись статьи избирательного права, как интерпретировалось понятие гражданина, какую роль на различных этапах играли муниципалитеты, избирательные комиссии и центральные органы власти. Это был довольно сложный, противоречивый процесс становления нового общества и государства в Боливии. Автор проследил политику государства в отношении индейского населения, реформы избирательного права, сами избирательные процедуры, показал, как используемые технологии и нарушения избирательного процесса вовлекали в политическую жизнь различные слои городского и сельского населения, не получившие, согласно избирательному закону, статус гражданина. В работе исследованы про-

⁷ См.: Алексеева Т.А. Законодательство испанской революции 1808-1814 гг. – СПб.– Из-во СПбГУ, 1996.– С. 116-143.

цедуры проведения выборов в эпоху каудильизма (1825-1880), в период доминирования политических партий: Консервативной (1880-1899), Либеральной (1900- 1920) и Республиканской (1920-1932).

Своеобразны выводы автора.

1) Освобождение Верхнего Перу от испанской короны, отметила автор, позволило создать здесь республику, основанную на представительных органах. Выборы стали, по мнению автора, главным правовым механизмом в процессе становления государства. Во всех работах, затрагивающих вопросы гражданства, автор подчеркивает роль выборов, как основного источника новых политических правовых норм, а сами избирательные процедуры как важный фактор в процессе модернизации страны.

2) Ируроски считает, что боливийская элита была ведущей политической силой в деле приобщения низших слоев общества к новой политической культуре, единственной силой, способной реализовать на практике представительную систему, предложенную Кадисскими кортесами, и модернизировать страну. Господствующие традиционные структуры (к ним она относит индейскую общину и общинную собственность) являлись главными препятствиями на пути становления этой системы⁸.

3) Вовлечение индейцев общинников и городских низов, которые согласно нормам избирательного права Боливии, не получили статуса гражданина, в избирательный процесс стали важным фактором привлечения народных масс к новой политической культуре. Нарушение избирательного процесса с помощью системы клиентелизма, подкупа, обмана, противозаконных актов, политического насилия и принуждения во время голосования, автор считает движущими силами политических преобразований. Не важны были средства, которыми пользовалось государство, утверждает автор, а важно было само участие. Как это не парадоксально, утверждает автор, но нарушения и нелегальные методы, используемые во время выборов, не являлись препятствием для утверждения демократии, а наоборот, способствовали формированию граждан. Нарушение избирательных прав и насилие стали политической практикой, которой пользовались все конкурирующие партии и силы⁹.

Труд Ируроски в значительной степени заполнил тот пробел, ко-

⁸ Irurozqui Victoriano M. A bala, piedra y palo... P.31.

⁹ Irurozqui Victoriano M. A bala, piedra y palo.– P.95; La alquimia democrática. Ciudadanos y procedimientos representativos en Bolivia (1825–1879)// Histórica.– 2008. Vol. XXXI, N2.– P.54,55.

торый существовал в боливийской историографии в изучении сложных социальных и политических процессов, происходивших в стране после завоевания независимости. Спорны выводы автора о том, что существовавшие нелегальные методы вовлечения масс (обман, подкуп, нарушение избирательного процесса, расовые предрассудки, политическое насилие) в избирательный процесс были главными факторами в созидания новой политической культуры. Думается также, что вряд ли можно деятельность политической верхушки в этот период охарактеризовать как демократическую. Скорее всего, это была «демократия элиты». Все-таки в исторической реальности Боливии в рассматриваемый период (1825 - 1880) представительные органы власти чаще всего носили декларативный характер, выступали в качестве фасада, за которым функционировали диктаторские (каудильистские) режимы. Большое значение имели «вертикальные» социальные связи, когда вокруг военного лидера, отдельной сильной личности объединялись народные низы (клиентела).

Важное место в исследованиях автора занимает анализ взглядов боливийской элиты на аграрную реформу и трактовку ими будущего индейского населения и общинной собственности. Автор отметила, что политика правящих кругов Боливии в первой половине XIX века, направленная на защиту общинной собственности, вступала в противоречие с духом преобразований, а также с правовыми нормами, зафиксированными в конституциях, согласно которым гражданином не мог стать безграмотный житель страны, не имеющий собственности и находящийся в домашнем услужении, а к этой категории и принадлежали почти все индейцы-общинники¹⁰.

Политические и экономические дебаты и дискуссии, возникшие в боливийском обществе по проблемам аграрных преобразований в 30 – 50-е годы XIX в. и продолжившиеся в последующие периоды, сводились к двум альтернативам: превращению индейцев-общинников в индивидуальных собственников или зависимых крестьян-колонов. И в том, и в другом случае предполагалось уничтожение общинной собственности. Подобная политическая практика позволила бы нивелировать существующее политическое и юридическое неравенство между индейцами-общинниками и другими социальными и этническими слоями населения¹¹.

¹⁰ Irurozqui Victoriano M. Los paradojas de la tributación. Ciudadanía y política estatal indígena en Bolivia, 1825-1900// Revista de Indias.–1999. Vol.59, N217. – P. 719.

¹¹ Irurozqui Victoriano M. Las paradojas de la tributacion.– P.721,722.

Автор считает, что устоявшаяся в историографии точка зрения на то, что аграрная реформа была направлена на уничтожение общинной собственности с целью расширения крупного феодального землевладения, является неверной, некорректной. Политика государства, по ее мнению, не была направлена против индейцев – общинников, а выражала стремление государства превратить индейцев в полноправных граждан страны путем ликвидации расового неравенства и культурного различия между разными этническими составляющими боливийского общества¹².

На наш взгляд, неоднократные попытки со стороны государства законодательным путем решить проблему общинной собственности и таким образом сделать индейцев полноправными гражданами (путем превращения их в собственников принадлежавших им участков или безземельных колонов, или через огосударствление общинных угодий (на основе декрета об эмфитеусисе) и превращения индейцев-общинников в простых временных держателей земельных участков) свидетельствовали о непоследовательной и противоречивой политике правящих кругов Боливии. Отсутствие политической культуры, современного аграрного законодательства и земельного кадастра не позволили в рассматриваемый период добиться каких-то существенных преобразований в этом направлении. Противоречивость и непоследовательность поведения и мотиваций властных структур объяснялась экономическими причинами: это, прежде всего, важность индейского подушного налога, который являлся в первой половине XIX в. основным источником поступлений в государственную казну.

Ситуация стала меняться со второй половины XIX века, когда растущие военные и бюрократические расходы и сокращение поступлений от налогообложения индейцев-общинников остро поставили вопрос о способах пополнения хронического бюджетного дефицита. Со второй половины XIX в. началось активное наступление на общинную собственность (в годы президентства М. Мальгарехо, 1864 - 1871, и особенно интенсивно осуществлявшееся после Тихоокеанской войны (1879 - 1883). После Федеральной войны 1899 г. индейцы стали отождествляться с враждебными, агрессивными силами общества, противостоящими метисам и креолам. В начале XX века боливийская элита, пытавшаяся создать крепкую государственную власть, стремилась путем просвещения и обучения индейских масс превратить их в настоящих граждан боливийского общества.

Политика государства, направленная на ликвидацию общинной

¹² Irurozqui Victoriano M. Las paradojas de la tributación.– P. 707.

собственности с целью превращения индейцев в полноправных граждан страны, не увенчалась успехом. Как подтвердила реальная жизнь, общинная собственность смогла устоять под натиском капиталистических, товарно-денежных отношений, сохранить свою идентичность и автономность, найти внутренние силы для собственного воспроизводства, встроиться и интегрироваться в новые производственные связи, обеспечивая продуктами сельскохозяйственного производства города и регионы страны. Как отметил российский исследователь Щелчков А.А. «сохранение индейских общин–айлью в течение всего XIX и XX веков свидетельствует о том, что вовлечение в рыночную экономику не ведет к исчезновению или глубокой трансформации этого института социальной организации крестьянских народов кечуа и аймара. В этом смысле XIX век для общины мало чем отличался от сегодняшнего дня. Община была активным действующим лицом местного рынка и даже определяла его параметры, объем и темпы роста»¹³.

Ируроски использует богатейший и интересный материал при исследовании политики правящих кругов в отношении индейской общины, однако стремление рассматривать этот важный вопрос в политико-правовом аспекте не позволило автору комплексно осветить эту проблему.

Автор в своих работах предприняла попытку ревизии устоявшихся в боливийской историографии взглядов на каудильистские режимы. К этой теме она обращается в ряде своих работ, но более детально рассматривает ее в коллективном труде (совместно с В. Перальтой) «За согласие, единство и унитаризм. Государство и каудильизм, 1825 - 1880»¹⁴. По мнению автора, оценка, данная эпохе каудильизма (1826-1880) известным боливийским историком Альсидесом Аргедасом, как периода господства анархии, хаоса, перманентных переворотов и гражданских войн, как варварским, деспотическим режимам, опиравшимся на традиционные политические структуры колониальной эпохи, по мнению авторов, ошибочна¹⁵.

Главные тезисы автора сводятся к следующему: каудильо не выступали против государства и власти, а наоборот, способствовали его

¹³ Щелчков А.А. Социально-экономическая структура Боливии после завоевания независимости: стагнация или развитие // Латиноамериканский исторический альманах. – 2004. – №5. – С. 60.

¹⁴ Irurozqui Victoriano M., Peralta Ruíz V. Por la Concordia, la Fusión y el Unitarismo: Estado y caudillismo en Bolivia, 1825–1880.–Madrid, CSIC.–2000.–277 p.

¹⁵ Irurozqui Victoriano M. A bala, piedra y palo. – P.30–31.

укреплению; каудильо смогли сохранить единство страны путем контроля за региональными лидерами, установив режим клиентелизма; они являлись сторонниками государственной модернизации и использовали для этого непопулярные административные реформы, чтобы усовершенствовать эффективность управления¹⁶.

Появившиеся в 90-е годы XX в. работы (В. Перальта, М. Ируроски, А. Митре, Дж. Линч и др.), показали, что и в этот период (1828 - 1880) экономика динамично развивалась, как на уровне индейских общин, так и на уровне внутренних региональных рынков, происходила интенсификация денежного обращения, торговых связей с перуанским югом и аргентинским севером. Политика государства по защите общинной собственности обеспечила поступление в государственную казну средств, получаемых за счет традиционных налоговых обложений индейской общины, что позволило военным, каудильистским режимам функционировать достаточно долгое время в условиях изоляции и отсутствия выхода к морю. Каудильистские режимы не были такими непрочными и неустойчивыми, как их пытаются представить. Они выполняли, опираясь на военно-бюрократический аппарат, унаследованный от колониального прошлого, определенную историческую функцию в деле обеспечения независимого существования и медленного формирования новых республиканских форм власти¹⁷.

Проблема политического насилия и его роль в процессе преобразования и модернизации боливийского общества стала в настоящее время ведущей темой научных изысканий автора. К этой проблеме она обращается в разных работах. В них М. Ируроски приходит к следующим заключениям:

а) Политическое насилие присутствует в каждом обществе, оно является способом социального действия и выступает в качестве инструмента демократического созидания, как фактор социальной мобилизации масс и создания новых общественных структур. Политическое насилие должно рассматриваться, как многофакторный процесс, которому присущи как положительные, так и негативные черты, как

¹⁶ Irurozqui Victoriano M. La armonía de las desigualdades.— P.18–19.

¹⁷ Irurozqui Victoriano M. Armonía de las desigualdades.—P.20; Ревизия традиционных взглядов относительно каудильизма дана в работах Дж. Линча Он считает, что каудильистские режимы смогли укрепить атрибуты нового государства (территориальную целостность, ввести и поддерживать новые гражданские институты): Lynch J. Caudillos en Hispanoamerica, 1800 - 1850.— Madrid: Ed.MARFRE, 1993.— 569 p.

своеобразный механизм, тип социального поведения, политический инструмент в процесс социальных преобразований и создания новых общественных структур.

б) Политическое насилие рассматривается как своеобразный ресурс, к которому прибегают все общества, и который, используя враждебные конфликтующие стороны, может ускорить, замедлить или приостановить процесс социальных преобразований. Политическое насилие не должно связываться с понятием хаоса и беспорядка.

в) Автор отметила, что в последние десятилетия подверглись критике утверждения о том, что страны Латинской Америки в XIX в. представляли собой архаические, авторитарные и корпоративные сообщества. В ряде работ предпринята попытка доказать, что в Латинской Америке уже тогда существовали довольно развитые политизированные гражданские общества с представительными институтами власти и ясным пониманием роли государства и личности.

В свете вышесказанного автор утверждает, что гражданские войны, революции, военные и государственные перевороты, региональные конфликты, происходившие в Боливии и Латинской Америке в XIX в., должны рассматриваться не как реакционные и дестабилизирующие факторы политической жизни, не как проявление непрочности и нестабильности государства, а как генерирующие элементы на пути модернизации латиноамериканских государств¹⁸.

Тема политического насилия в настоящее время является одной из широко обсуждаемых проблем в обществоведении. Следует отметить, что к ней обращались на протяжении всей истории человеческого общества. Об этом свидетельствуют первые исследования этого вопроса, появившиеся в работах античных авторов (Платон, Сократ, Аристотель), а затем в трудах мыслителей средневековья (Св. Августин, Фома Аквинский, П. Абеляр). К теме политического насилия обращались

¹⁸ Irurozqui Victoriano M. Dossie: Violencia Política en América Latina, siglo XIX. // Revista de Indias. – 2009. Vol. LXIX, N 246 – P. 9-16; Muerte en el Loreto. Ciudadanía armada y violencia política en Bolivia (1861-1862) // Revista de Indias. – 2009. Vol. LXIX, N 246 – P. 129-157; La justicia del pueblo. Ciudadanía armada y movimiento social / Sangre de Ley. Justicia y violencia política en la institucionalización del Estado en América Latina. Siglo XIX. – Madrid, Ed. Polifemo, 2011. – 368 p.; La Institucionalización del Estado en América Latina. Justicia y violencia política en la primera mitad del siglo XIX // Revista Complutense de Historia de América. – 2011. Vol. 37. – P. 15-25. – P. 19.; Soberanía y castigo en Charcas. La represión militar y judicial de las juntas de la Plata y La Paz, 1808-1810. // Revista Complutense de Historia de América. – 2011. Vol. 37. – P. 49-72.

в позднее средневековье (Н. Макиавелли, 1469 - 1527) и в новое время (Т. Гоббс, 1588 - 1679), Ж.- Ж. Руссо, 1712 - 1778). Революционные теоретики XIX – XX веков (М. Бакунин, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, Л. Гумплович, Ж. Сорель, Г. Маркузе) рассматривали политическое насилие как главный фактор завоевания государственной власти. В работах М. Вебера (1864 - 1920), Г. Спенсера (1820 - 1903) и других политическое насилие трактуется как необходимый инструмент удержания и смены власти.

В истории идеологий XIX – XX вв. тема политического насилия также не нова. Понятие политического (государственного, социального насилия) присутствовало в трудах представителей классического консерватизма конца XVIII – начала XIX века Жозефа Мари де Местра (1753 - 1852), Луи Габриеля де Бональда (1754 - 1840) и других, признававших целесообразность и возможность использования насилия в целях сохранения существующего социального общественного организма. Тема политического насилия звучала в трудах Фридриха Ницше (1844 - 1900), Освальда Шпенглера (1880 - 1936), обосновавших его с точки зрения биологии и физиологии. В настоящее время, в условиях глобализации, политическое насилие взято на вооружение идеологами и неолиберализма, и неоконсерватизма.

Работы М. Ируроски внесли существенный вклад в разработку недостаточно исследованных и важных проблем исторического развития Боливии. Тем не менее, ее взгляды и выводы неоднозначно трактуются специалистами, они не ставят точку, а создают почву для новых дискуссий. В целом, автор стремится преодолеть те недостатки боливийской историографии, которая получила развитие с 70–х годов прошлого века и страдает определенным экономическим детерминизмом. Но преодолевая эти стереотипы, сама автор впадает в другую крайность – увлекается политическим детерминизмом, когда определяющим фактором исторического процесса являются политические факторы, которые в ее работах довлеют над всеми остальными. Признавая право любого ученого высказывать свою точку зрения и выдвигать свое видение исторического процесса, хотелось бы пожелать Марте Ируроски больших творческих успехов в исследовании сложных проблем истории Боливии.

А.С. Шишков¹
A.S. Shishkov

**Революция 1952 г., рабочий класс и особенности истории
Боливии в творчестве Рене Савалеты Меркадо**

The Revolution of 1952, working class and peculiarities of Bolivian history in René Zavaleta Mercado's works.

Аннотация. Автор анализирует идейное наследие Р. Савалеты Меркадо, по праву считающегося крупнейшим боливийским мыслителем XX века левого направления. Творчество Савалеты Меркадо, центральное место в котором занимает Боливийская революция 1952 г., является попыткой синтеза революционного национализма и марксизма.

Ключевые слова. Р. Савалета Меркадо, Боливия, революция 1952 г., рабочий класс, марксизм, революционный национализм.

Abstract. The author analyzes the legacy of R. Zavaleta Mercado who is considered the most important Bolivian left-wing thinker of the 20th century. The work of Zavaleta Mercado, in which the Bolivian Revolution of 1952 is of particular importance, was an attempt to combine Marxism with Revolutionary Nationalism.

Keywords. R. Zavaleta Mercado, Bolivia, The Revolution of 1952, working class, Marxism, Revolutionary Nationalism.

Мое выступление посвящено жизни и творчеству крупного боливийского интеллектуала Рене Савалеты Меркадо, работы которого оказали большое влияние на несколько поколений боливийских и латиноамериканских социологов, историков и политиков левого направления.

Савалета Меркадо родился в 1937 г. в г. Оруро в семье, принадлежавшей к средним слоям боливийского общества (его отец был врачом, а мать учительницей). В раннем возрасте он заинтересовался политикой, и это увлечение во многом определило его дальнейшую судьбу. Сразу после начала Национальной революции 1952 г. Савалета Меркадо вступил в Националистическое революционное движение (МНР), в рядах которого он состоял вплоть до

¹ Андрей Сергеевич Шишков, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВИ РАН.

1971 г. В возрасте 16 лет Савалета переехал в Ла-Пас, где начал трудовую деятельность, которую он совмещал с учебой и занятиями политикой. В 1955 г. он отправился в Буэнос-Айрес, а оттуда переехал в Монтевидео, приняв предложение поработать журналистом в газете “Ла Маньяна”. Там же он начал обучение на юридическом факультете университета. В 1958 г. Савалета вернулся в Боливию и занял пост заместителя главного редактора газеты “Ла Насьон”. На очередных парламентских выборах Савалету избрали депутатом от Оруро; в парламенте он возглавил комиссию по международным делам. 1964 г. стал вершиной политической карьеры Савалеты – в этом году В. Пас Эстенсоро назначил его министром горнодобывающей промышленности. Однако этот пост он занимал недолго: приход к власти генерала Р. Баррьентоса в ноябре 1964 г. коренным образом изменил политическую обстановку в Боливии. Так называемая “Революция Реставрации”, то есть захват власти военной хунтой, вынудила Савалету покинуть страну. Он обосновался в Уругвае, где опубликовал свое первое крупное произведение – “Bolivia: el desarrollo de la conciencia nacional”². В феврале 1967 г. Савалета вернулся в Боливию и вскоре закончил обучение на юридическом факультете университета. Через два года он отправился в Англию, где работал преподавателем в Оксфорде.

Вернувшись на родину в апреле 1971 г. Савалета вновь активно включился в политическую деятельность. В это время у власти в Боливии находилось левое правительство Х.Х. Торреса; 1 мая 1971 г. возникла Народная Ассамблея, по сути являвшаяся альтернативным органом власти. Однако после изгнания из Ассамблеи членов МНР эта партия порвала с Торресом, заключила союз с военными и свергла правительство. Именно эти события привели к уходу Савалеты из МНР и стали отправной точкой для глубоких изменений в его мировоззрении и эволюции в направлении леворадикальных теорий. После переворота, возглавленного Уго Бансером, Савалета уехал в Чили, где он преподавал в одном из университетов вплоть до свержения правительства Альенде. Покинув Чили, Савалета обосновался в Мексике и провел там долгие годы, работая преподавателем и исследователем в УНАМе. Именно в эти годы увидели свет его книги “El poder dual en América Latina”³, “Las masas en

² Zavaleta Mercado R. Bolivia: el desarrollo de la conciencia nacional. Montevideo, 1967.

³ Zavaleta Mercado R. El poder dual en América Latina. México, 1974.

noviembre”⁴, готовилась его наиболее известная работа “Lo nacional-popular en Bolivia”⁵, вышедшая уже после смерти Савалеты, в 1986 г. Судьба распорядилась так, что Савалета смог вернуться на родину лишь в 1984 г., однако спустя несколько месяцев он тяжело заболел и вскоре умер.

Если говорить об идейном наследии Савалеты, то большинство исследователей выделяют в его творчестве три этапа. Первый этап, начавшийся в середине 1950-х гг., можно обозначить как национально-революционный; в это время Савалета был тесно связан с МНР и находился под влиянием революционного национализма, хотя уже в этот период он склонялся к левым интерпретациям боливийской реальности. Второй этап в творчестве Савалеты обычно именуют ортодоксально-марксистским; он начался после вышеупомянутых событий 1971 г., когда Савалета пришел к выводу, что истинная сущность революционного национализма является консервативной. Именно в этот период он написал книгу “El poder dual en América Latina”. И наконец, третий этап, который исследователи определяют как “критический марксизм” Савалеты Меркадо, приходится на 1980-е гг. В эти годы он написал свои наиболее глубокие произведения, среди которых выделяются “Las masas en noviembre” и “Lo nacional-popular en Bolivia”.

Пожалуй, главной темой творчества Савалеты Меркадо была Национальная революция 1952 г. и события, последовавшие за ней. Прежде всего, важно подчеркнуть, что для Савалеты революция 1952 г. это ключевое событие в истории Боливии, определившее развитие страны на долгие годы. Он понимал революцию как кризис и придавал огромное значение изучению кризисов, поскольку считал, что именно в таких ситуациях наиболее четко проявляются общественные структуры. Кризис для него это период, когда общество наиболее полно раскрывается, что дает возможность исследователю понять скрытые механизмы, управляющие этим обществом. Многочисленные кризисы, возникавшие на протяжении всей боливийской истории, объясняются, по мнению Савалеты, тем, что в Боливии наблюдается глубокий разрыв между государством, являющимся сферой деятельности господствующих классов, и гражданским обществом. В определенной степени революция 1952 г. была попыткой преодолеть этот разрыв, связать гражданское общество и государство, однако в конечном итоге ре-

⁴ Zavaleta Mercado R. Las masas en noviembre. La Paz, 1983.

⁵ Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia. México, 1986.

волюция не привела к слому традиционных методов господства, а революционный национализм, внешне похожий на народную идеологию, на деле стал новой идеологией правящей касты.

Националистическое революционное движение (МНР), как позднее писал Савалета, было партией буржуазно-демократической революции, однако специфика боливийской революции заключалась в том, что вместе с МНР к власти пришла еще одна сила – рабочий класс, который и сделал возможным триумф МНР. Боливийский рабочий центр (КОБ) обладал огромной властью, по сути дела Пас Эстенсоро был в политическом плену у КОБ. Анализируя эти события, Савалета проводит параллели между Боливийской революцией 1952 г. и Революцией 1917 г. в России. Однако в Боливии такая расстановка сил не привела к перерастанию революции в социалистическую, поскольку у рабочего класса не было собственной партии с пролетарской идеологией. В Боливии идеологическая гегемония принадлежала революционному национализму, а Хуан Лечин, лидер КОБ, стал всего лишь посредником между властью и массами.

Тем не менее, Савалета признает, что государство, возникшее в результате революции 1952 г., отличается от государства, существовавшего ранее. До революции в Боливии, по мнению Савалеты, государство являлось олигархическим, оно игнорировало рабочие и крестьянские массы. Идеология этого государства во многом основывалась на положениях, содержащихся в очерке Альсидеса Аргедаса “Pueblo enfermo”, главным из которых было утверждение о неспособности народных масс Боливии управлять страной, из чего вытекала неизбежность власти авторитарной элиты⁶. После 1952 г. возникла качественно иная идеология, революционный национализм, в которой роль народных масс была коренным образом пересмотрена. Рабочие и крестьяне превратились в активных участников политической жизни. Кроме того, после 1952 г. государство стало, если использовать терминологию Савалеты, как никогда ранее универсальным, то есть оно начало интегрировать новые территории (восток страны) и новые социальные классы (крестьянство). Это, по мнению Савалеты, было шагом вперед; именно с 1952 г. в стране начался процесс постепенной социальной демократизации, хотя в конечном итоге он и не привел к установлению демократии.

⁶ Подробно о взглядах А. Аргедаса см. Щелчков А.А. Режим государственного социализма в Боливии, 1936-1939. – М., 2001. – С. 68-71.

Савалета отмечает, что и после революции государство осталось буржуазным, что привело к противостоянию этого государства с рабочим классом, с горняками, начиная с 1964 г. По мнению Савалеты, этот конфликт являлся очередным витком борьбы “политического государства” и гражданского общества в Боливии; в данном случае авангардом гражданского общества стал Боливийский рабочий центр (КОБ). Савалета подчеркивает, что огромная политическая мощь КОБ доказывает отсутствие связи между уровнем экономического развития той или иной страны и политическим влиянием рабочего класса в обществе. Парадокс заключается в том, что отсталость Боливии не стала препятствием для развития рабочего класса, но она создала препятствия для формирования местной буржуазии в западном понимании этого слова⁷.

Рабочий класс, безусловно, занимает особое место в размышлениях Савалеты Меркадо. Во-первых, именно рабочий класс, по мнению Савалеты, сделал революцию 1952 г. революцией, а не банальным государственным переворотом. Во-вторых, рабочий класс со временем превратился в главную силу противостоящую новому государству. Савалета отметил важную особенность боливийского рабочего класса, в частности горняков из КОБ: они формулировали свои собственные инициативы вне зависимости от каких-либо партий, которые в теории должны были руководить рабочим движением. По мнению Савалеты, в 1960-70-е гг. рабочий класс в Боливии стал воплощением гражданского общества, а армия, в свою очередь, являлась воплощением государства, его синтезом, основой репрессивного аппарата, к которому государство прибегало в моменты кризиса. Таким образом, история Боливии, основой которой является борьба государства и гражданского общества, на определенном этапе превратилась в дуэль между армией и рабочим классом.

Савалета считал, что к концу 1970-х гг. Боливия вступила в глубокий циклический кризис, главной причиной которого было то, что государство, возникшее в результате революции 1952 г., постепенно теряло гегемонию. Признаками этого были переход власти к военным, разрыв пакта между крестьянами и армией, политический кризис 1979 г. Кроме того пролетариат осознал, что

⁷ Савалета отмечал, что господствующая каста в Боливии не может превратиться в современную буржуазию, поскольку основные элементы ее культуры связаны с докапиталистическими отношениями и у нее нет необходимых для этого материальных возможностей.

классовая изоляция является тупиком и начал переговоры, направленные на заключение демократического пакта с другими классами. Все это предвещало всеобщий национальный кризис и начало нового этапа в развитии страны.

Савалета Меркадо, будучи левым мыслителем, безусловно, хотел, чтобы на этом новом этапе к власти пришли представители народных масс, прежде всего рабочего класса, к которому он питал особые симпатии. Однако он опасался, что в очередной раз в Боливии повторится феномен, который он определял как “сеньориальный парадокс”. Парадокс заключался в том, что правящая каста (“сеньоры”), возникшая в Боливии в эпоху Конкисты, обладала способностью на каждом новом витке исторического развития страны, сохранять себя в качестве господствующего класса, несмотря на огромные социальные изменения, смены способов производства, вопреки мобилизации народных масс. Савалета писал, что “Боливия всегда была страной сеньоров, и очень долго ни левые, ни правые не могли даже думать о том, что это может измениться”. Даже революция 1952 г., по мнению Савалеты, в конце концов, закончилась победой неоолигархических элементов. Тем не менее, он до конца дней верил именно в массы, а не в элиты; широко известна его фраза о том, что если бы не народные массы, то было лучше, чтобы Боливии не было вовсе.

Если попытаться охарактеризовать идейное наследие Савалеты, то оно, по мнению ряда исследователей, является попыткой синтеза революционного национализма и марксизма. Безусловно, Савалета Меркадо осознавал всю сложность боливийской социальной реальности, которая зачастую не вписывалась в рамки традиционного марксизма, родившегося на западноевропейской почве. Часто при описании боливийского общества он использовал термин “пестрая формация”, поскольку в Боливии сосуществовали различные экономические, социальные и культурные реальности, часто очень слабо связанные между собой. Более того, в одной из статей он написал, что для Боливии процесс формирования государства и нации отнюдь не закончен.

В заключение хотелось бы отметить, что работы Савалеты Меркадо оказали значительное влияние на новое поколение боливийских политиков и интеллектуалов. Многие из его идей были восприняты и творчески разрабатывались теоретиками нынешнего боливийского правительства, в частности вице-президентом А. Гарсией Линерой, в работах которого присутствуют многочисленные ссылки на произведения Савалеты. Без преувеличения можно

говорить о том, что Савалета Меркадо является самым влиятельным боливийским мыслителем XX века левого направления.